

ЗАПИСКИ
О
ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАТЕЛЬ Н. КУЛИШЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

I. Сказки и сказочники	стр. 1
II. Разсказъ современника-Поляка о походахъ противъ гай- дамакъ	105
III. Наймичка, поэма	143
IV. Записка члена Малороссійской коллегіи, Г. Н. Теплова	169
V. Орися, идяллія, П. А. Кулиша	197
VI. Малороссійскія пѣсни, положенныя на ноты для пѣнія и для фортепіано А. Н. Маркевичемъ. Тетрадь первая	209
VII. О древности и самобытности Южно-Русскаго языка, статья Іоанна Мотилевскаго	257
VIII. Похороны, списанныя со словъ поселяннина, въ Харьков- ской губерніи, Лисовикомъ	281
✓ IX. О причинахъ вражды между Поляками и Украинцами въ XVII вѣкѣ. (Двѣ статьи, М. А. Грабовскаго и П. А. Кулиша, по случаю недавно открытаго универсала гетмана Острияницы)	291

С О Д Е Р Ж А Н І Е .

1.

ИЗСЛѢДОВАНІА.

При записываньи произведеній народной словестности, необходимо принимать въ соображеніе обстоятельства самого разсказщика, или пѣвца, и всю его обстановку. Стр. 4 — 5.

Какъ сильно дѣйствуетъ на простолюдина родная пѣсня. Стр. 8 — 9.

Различіе между Сѣверно- и Южно-Русскими сказками. Стр. 12—13.

Сказка и пѣсня служатъ для народа истолкованіемъ его настоящаго положенія. Онъ рассказываетъ, въ своемъ кругу, тѣ сказки и поетъ тѣ пѣсни, которыя выражаютъ современный его взглядъ на вещи. Стр. 82 — 103.

Гайдамачество явилось, какъ противодѣйствіе нестерпимому злу въ Польскомъ гражданскомъ обществѣ. Стр. 107 — 108, 139 — 141.

Любовь къ родинѣ есть лучшее основаніе любви къ отечеству. Любовь къ родной словестности утверждаетъ въ обществѣ нравственныя понятія и вводитъ ихъ въ дѣло жизни. Стр. 145 — 146.

Гетманщина не стремилась къ общему благу Малороссійскаго народа, и по тому самому не могла быть долговѣчна. Стр. 171 — 174.

При отсутствіи правильнаго судопроизводства въ старинной Малороссіи, старшины козацкіе захватывали во владѣніе земли, безъ всякаго права, подъ видомъ *старого займа*. Стр. 176.

Множество козаковъ обращено въ *подданныхъ* (крестьянъ) козацкими старшинами и другими чиновными и денежными людьми. Стр. 178.

Выборъ всеми голосами полковниковъ и сотниковъ существовалъ только на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ чиновная партія въ Малороссіи опредѣляла во все должности — кто ей былъ нуженъ. Стр. 187.

Судопроизводство по Литовскому, Магдебургскому и Саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, во вредъ не-свѣдущаго въ законахъ населенія Малороссіи. Стр. 188.

Члены богатыхъ фамилій, получивъ званіе бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ, дѣлались подсудимыми только генеральной

канцеляріи и гетману, а это давало имъ возможность безнаказанно угнетать мелкопомѣстную свою братію и престолюдиновъ. Стр. 191.

Названіе *Русскій* принадлежитъ Южно-Русскому, или Малороссійскому народу и языку искони. Малороссійскій народъ и Малороссійскій языкъ суть Русскій народъ и Русскій языкъ по-преимуществу. Стр. 263.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ. Этимъ языкомъ говорили при дворѣ великихъ князей Литовскихъ и въ знатнѣйшихъ Южно-Русскихъ домахъ. Стр. 264.

Южно-Русскій языкъ всегда отличался отъ Церковно-Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Стр. 267.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Малой и Червонной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи. Стр. 269.

Южно-Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго. Стр. 273.

Польскій языкъ нынѣшнюю свою чистоту, богатство и самимъ даже слогомъ своимъ обязанъ, большею частью, Южно Русскому языку. Стр. 274.

Поводомъ къ войнѣ козаковъ съ Поляками подъ предводительствомъ Остряницы, какъ и въ другихъ козацкихъ войнахъ, были злодѣяства со стороны частныхъ лицъ. Стр. 309.

Озлобленіе Украинскаго народа противъ Поляковъ не вытекало изъ владѣльческаго права. Стр. 311.

Систематическаго угнетенія страны со стороны Польскаго правительства не было. Стр. 311.

Польскому правительству и Польскимъ дворянамъ Малороссія обязана была своимъ вещественнымъ благосостояніемъ. Стр. 132.

VIII

Самымъ тяжкимъ бременемъ для Малороссіи были постомъ Польскихъ войскъ. Стр. 313.

Городовые козаки до времени Хмѣльницкаго противодѣйствовали Запорожскимъ. Стр. 314.

Запорожцы озлоблялись на Поляковъ за запрещеніе дѣлать морскіе набѣги на Крымъ и Турцію, что было со стороны Поляковъ политическою необходимостью. Стр. 315.

Вмѣшательство Поляковъ во внутреннее управленіе козачества было вынуждаемо козацкими возстаніями. Стр. 315.

Изгнаніе Поляковъ изъ Украйны было вмѣстѣ и изгнаніемъ коренныхъ Южно-Русскихъ дворянъ, которые имѣли неопровержимое право на владѣніе землею. Стр. 317.

У Поляковъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ ихъ политическихъ представителей, не было посягательства на Малороссійскую національность. Стр. 318.

Высшее развитіе Украинской народной словесности совершилось во времена Польскаго владычества. Стр. 319.

Унія, въ своей идеѣ, была устройствомъ іерархіи, а не переѣною вѣры. Стр. 319.

Всѣ эти, по видимому, счастливыя условія для обоихъ народовъ привели Рѣчь Посполитую къ несчастному концу потому, что въ ней господствовало право сильнаго, что собственно націю Польскую, по мнѣнію правительства, составляло дворянство, что это дворянство проникнуто было духомъ касты и не обращало вниманія на положеніе чернорабочаго класса въ государствѣ. Стр. 321.

Малороссіяне, по своей природѣ и по мѣстнымъ условіямъ, не могли иначе себя сознать, какъ людьми, безъ всякихъ гражданскихъ пред-

разсудковъ. Пренебреженіе со стороны Поляковъ, аристократовъ по племенному началу, чувствовали они слишкомъ глубоко. Стр. 324.

Война между ними была, въ корнѣ своемъ, изъ-за оскорбленнаго чувства человеческого достоинства. Другія оскорбленія со стороны Поляковъ только раздули готовое пламя. Стр. 325.

До какой степени Южно-Русскій народъ созрѣлъ уже и тогда для высшей формы гражданской жизни, видно изъ того внутренняго устройства Малороссіи, въ какомъ она явилась при Хмѣльницкомъ. Стр. 326.

Неумышленные и несознаваемые Польскимъ дворянствомъ угнетенія народа Малороссійскаго со стороны его человеческого достоинства принесли ту пользу, что Русскій человекъ, въ освобожденіи отъ нихъ Малороссіи, сдѣлалъ первый шагъ къ истинному самосознанію и самодѣятельности. Стр. 328.

2.

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

Сказка о красавицѣ и о злой бабѣ. (Царевичъ плѣняется красавицей. Царь не соглашается на женитьбу сына, но, увидѣвъ рушникъ, вышитый ею, согласился. Провожавшая молодыхъ баба подмѣнила красавицу своею дочкой. Дидъ принялъ къ себѣ покинутую красавицу, съ выколотыми глазами. Она научила его, какъ добыть у злой бабы глаза и вышила рушникъ. Увидѣвъ этотъ рушникъ, царевичъ отыскалъ по немъ свою красавицу жену.) Стр. 10.

Сказка объ ужѣ и царевичѣ. (Царевна соглашается быть женою ужа за то, что онъ позволилъ ей почерпнуть воды для отца. Кума свела ее со свѣта и обрѣзала у ней руки, съ золотыми кольцами. Но кольца не снимались. Кума ночью парила руки въ кипяткѣ, чтобы снять кольца, а царевна пришла къ ней за своими руками.) Стр. 14.

Сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ. (Ивасѣ ѣздилъ на рыбную ловлю. Вѣдьма приманила его къ себѣ и унесла въ свою хату. Тамъ она велѣла своей дочкѣ зажарить его, а сама отправилась звать гостей на пиръ. Ивасѣ умудрился зажарить дочку вѣдьмы, а самъ влѣзъ на высокій яворъ. Вѣдьмы начали грызть яворъ; но перелетныя гуси взяли на крылья Ивася и принесли къ родителямъ.) Стр. 17.

Сказка объ убитой сестрѣ и о калиновой дудкѣ. (Одна сестра изъ зависти убила другую. На могилѣ выросла калина. Чумаки сдѣлали изъ калины дудку. Забѣхавши случайно къ отцу убитой, начали играть. Дудка обличила убійцу.) Стр. 20.

Сказка о гоненьяхъ мачихи. (Мачиха обременяетъ неродную дочку пряжею. Корова помогаетъ гонимой. Корову за это велѣла мачиха зарѣзать. Въ ея внутренностяхъ нашли два яблока. Отъ тѣхъ яблоковъ выросла яблонь, съ золотыми и серебряными яблоками, а подъ нею открылась криница. Гонимая дочь подала изъ этой криницы пану воды и нарвала для него яблоковъ. Панъ за это на ней женился. У нихъ родился сынъ. Но мачиха подмѣнила пани своею дочкою, а пани превратила въ дикую козу. Коза приходила кормить сына и въ это время обращалась въ женщину. Панъ узналъ тайну отъ слуги, сжегъ ея козью шкуру, и она навсегда осталась женщиною.) Стр. 23.

Кирило Кожемяка, легенда. (Змѣй бралъ съ Кіева дань людьми. Дочка князя, очутясь у змѣя, вывѣдала отъ него, что въ Кіевѣ есть силачъ Кирило Кожемяка, который побѣдитъ змѣя. Князь трижды посылаетъ пословъ къ Кирилу съ просьбою сразиться съ змѣемъ. Кирило наконецъ соглашается, выходитъ на бой и убиваетъ змѣя.) Стр. 27.

Свиридова могила, легенда. (Пахарь Свиридъ въ день Христова Воскресенія провалился сквозь землю. На томъ мѣстѣ выросла могила (т. е. курганъ), которую и прозвали Свиридовою.) Стр. 30.

Мышь о первомъ вѣкѣ творенія. (Мышь и воробей дѣлались просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ, но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это получилъ яйцо, въ которомъ

заклячалось цѣлое царство. Послѣ этого наступилъ другой вѣкъ творенія — человѣческой.) Стр. 31.

Соколы и пчела, повѣрье. (Соколы и пчела мѣрялись зрѣніемъ и чуткостью и потомъ подѣлились землею, кому гдѣ жить.) Стр. 32.

Разказы о превращеніяхъ. (А. Близнецы превращаются въ кукушку. — Б. Переселеніе души въ разныхъ тварей. — В. Превращеніе въ вовкулаку. — Г. Превращеніе въ «пригѣжковатого» волка — Д. Превращеніе въ кукушку и дятла. — Е. Превращеніе въ сирень. — Ж. Человѣческой языкъ у птицъ.) Стр. 33.

Разказы о вѣдмахъ. (А. Вѣдма помогаетъ синовьямъ-охотникамъ. — Б. Способы узнавать вѣдьмъ. — В. О томъ, какъ «прирожденныя» вѣдьмы «заправляютъ» своихъ дѣтей. — Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка. — Д. О томъ, какъ знахарь управляетъ бурей. — Е. О томъ, какъ «видьмачъ» управляетъ пчелами.) Стр. 36.

Разказы о мертвецахъ. (А. О томъ, какъ мертвецъ привосялъ ужинать ткачихѣ. — Б. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца-сына. — В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать. — Г. О томъ, какъ снаряжаютъ умершихъ на тотъ свѣтъ.) Стр. 42.

Разказы о чертяхъ. (А. О томъ, какъ черти выманили у одного человѣка сало. — Б. О томъ, какъ черти съиграли роль мельниковъ. — В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомнулъ чорта.) Стр. 44.

Сказка о Соловьѣ-разбойникѣ и о слѣпомъ царевичѣ. (Царь посадилъ сына, за буйство, въ темницу. Царица бѣжитъ съ сыномъ. Царевичъ убиваетъ Соловья-разбойника. Царица оживляетъ его. Въ одномъ царствѣ, на мѣсто умершаго царя, избираютъ странствующаго съ матерью царевича. Соловей-разбойникъ летаетъ къ царицѣ и вооружаетъ ее противъ сына. Сынъ исполняетъ разныя опасныя порученія; между прочимъ освобождаетъ отъ змѣевъ царевну и женится на ней. Когда возвратился онъ къ матери, она предала его Соловью-разбойнику; тотъ из-

XII

рубилъ его въ куски, сложилъ тѣло въ мѣшокъ и привязалъ коню къ сѣдлу. Баба-Яга оживляетъ царевича; но онъ остался слѣпъ. Купцы, за пѣсни, взяли его съ собою и привезли въ городъ, въ которомъ жила его жена. Она узнала своего слѣпого мужа, и начали они жить вмѣстѣ счастливо.) Стр. 48.

Сказка объ Иванѣ Голикѣ и его братѣ. (Иванъ Голикъ, за буйный нравъ, брошенъ былъ княземъ, своимъ отцомъ, въ море. Китъ-рыба проглотила его, но онъ нашель средство видти изъ великанской рыбы. Братъ его, слѣлавшись послѣ смерти отца княземъ, ѣдетъ жениться; онъ дѣлается его слугою. Встрѣча съ войсками мышей, потомъ комаровъ; Иванъ Голикъ оказываетъ имъ услуги; потомъ выкупаютъ у рыбака двѣ щуки и пускаютъ въ море. Пріѣзжаютъ къ змѣю, у котораго двѣнадцать дочерей-красавицъ. Змѣй заказываетъ молодому князю разныя трудныя работы; но Голикъ, при помощи одолженныхъ имъ мышей, комаровъ и рыбъ, выручаетъ его изъ бѣды. Змѣй отдаетъ дочку за князя. Молодые ѣдутъ домой. Княгиня озлилась на Голика и отрубила ему ноги чародѣйскимъ рушникомъ. Голикъ, безъ ногъ, очутился въ лѣсу. Тамъ встрѣчаетъ его безрукій человекъ. Они вступаютъ въ дружбу и находятъ средство возстановить себя въ прежній видъ. Тогда Голикъ возвращается къ своему брату и находитъ его въ крайнемъ униженіи: онъ пасеть свиней. Голикъ усмиряетъ его жену, и они живутъ счастливо). Стр. 59.

3.

ПѢСНИ.

Нема въ світі правди	Стр. 101
Ой вийду я на шпилечокъ	237
Ой помагай Бігъ, да ти, несуженні друже	238
Чи се тая да дівчинонька живѣ	239
Ой пійду я, пійду не берегомъ, дугомъ	—
Ой місяцю, місяченьку, не світі нікому	240
И сѣ село, и то село	241
А вже весна, а вже красна.	242

XIII

Ой сівъ Христось та вечєрати.	242
Чи я въ дѹзі не калїна була?	243
Ходить сорока коло потѹка.	244
Ой Морозе да Морозенку.	245
Ледáча невістка, ледáча.	—
Ой изійди, зійди ти, зіронько та вечірняя.	246
Въ чїстїмъ полі криниченька.	247
Скажи, скажи, сєрце, правду.	248
А въ липинї да въ осїчинї.	249
Да вже трєтїй вєчїрь, якъ я дївчїну бáчивъ.	—
Ой погубїла гóрлиця дїтєй.	250
Да не бѹде лѹчче, да не бѹде крáще.	251
Ой вийду я за ворѹта	—
Не дивѹйтеся, дóбрі лѹде.	252
По садѹчку похожáю.	253
Ой не гарáздъ, Запорѹзці, не гарáздъ зробїли	254
Да тумáнъ полемъ, да тумáнъ полемъ.	255
Ой вшли нáши славні Зупорѹзці.	256

I.

ГРАЗЕН И ГРАЗОЧУДЕН.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ.

Уже нѣсколько лѣтъ знакомъ я въ Малороссіи съ молодымъ Русскимъ художникомъ Л. М. Жемчужниковымъ. Онъ проводитъ у насъ на югѣ сплошь лѣто и зиму, изучая нашу природу и нашу жизнь во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Не довольствуясь тѣмъ, что видитъ глазъ, онъ изучаетъ нравственный образъ Малороссійскаго народа въ произведеніяхъ его духа. Онъ убѣжденъ, что Малороссіянина не поймешь, не зная языка его и не ознакомясь на мѣстѣ съ его настоящимъ и прошедшимъ. Это убѣжденіе, покамѣсть мало примѣняемое къ дѣлу и между нами, людьми пишущими, тѣмъ замѣчательнѣе въ г. Жемчужниковѣ, что онъ родился въ глубинѣ Сѣверной Россіи, воспитывался въ С. Петербургѣ (въ пажескомъ корпусѣ) и до пріѣзда въ Малороссію не слыхалъ Малороссійской рѣчи. Не знаю, въ какой мѣрѣ будутъ полезны для его искусства пріобрѣтенныя имъ между нами свѣдѣнія; но этнографія Южно-Русская имѣетъ въ немъ несравненнаго дѣятеля. Не говоря уже о множествѣ этюдовъ съ природы, выражающихъ бытъ народа со всѣми его принадлежностями, у г. Жемчужникова набралось около пятисотъ напѣвовъ пѣсень, положенныхъ на ноты имъ самимъ, или, по его просьбѣ, другими, съ голоса Малороссійскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ; а недавно онъ привезъ мнѣ изъ Пыратинскаго уѣзда большой свертокъ сказокъ, записанныхъ имъ слово въ слово изъ устъ народа: подвигъ, истинно трудный, особенно для г. Жемчужникова, иноземца въ Малороссіи, который притомъ занять

постоянно техникою живописи и набираниемъ въ свои альбомы живописныхъ впечатлѣній для будущихъ своихъ работъ. Но онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ и составляетъ свои потные и рукописные сборники заурядъ съ коллекціями эскизовъ съ натуры, во время своихъ странствованій по обширнымъ равнинамъ Южной Руси и пребыванія въ мѣстахъ, гдѣ его знаютъ и любятъ... Какая противоположность съ большинствомъ нашихъ пановъ, которые живутъ посреди народа, пренебрегая его словесностью и не придавая никакой важности тому, что составляетъ цвѣтъ его жизни!

Прочитывая мнѣ свою толстую тетрадь, онъ дополнял ее изустными разсказами о разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ непривычную для художника работу перомъ, и эти разсказы много придавали жизни самимъ сказкамъ. Они показывали мнѣ, какъ сказки живутъ вмѣстѣ съ народомъ, падаютъ съ нимъ, или цвѣтутъ вѣчною прелестью съ несокрушимыми ничѣмъ нравственными его качествами. Тутъ же виденъ былъ и самъ собиратель: какъ онъ смотрѣлъ на личности, посредствомъ которыхъ передъ нимъ открывалась сокровищница духовной жизни народа; какъ его простая, чисто художническая любовь къ человѣку была угадываема тонкимъ чутьемъ сельскихъ *divčatъ*, парубковъ, стариковъ и старухъ, которые, при всей своей одичалости, скоро становились съ нимъ въ пріятельскія, свободныя отношенія и забывали различіе кастъ, которое всего больше препятствуетъ въ Малороссіи путешественнику видѣть народъ въ его искренней развязности. Разсказы г. Жемчужникова интересовали меня не меньше, какъ и записанныя имъ для меня сказки. Я думаю, что и въ глазахъ моихъ читателей они будутъ имѣть свое значеніе, и потому стану повторять слова его, сколько позволитъ мнѣ моя память, — точно какъ-бы это я самъ странствовалъ между народомъ и имѣлъ съ нимъ дѣло. Въ разсказѣ моемъ могутъ быть пропуски, или неточности въ послѣдовательности фактовъ, но не будетъ ошибокъ противъ натуры, потому что она была у меня передъ глазами въ то самое время, что и у моего художника-этнографа.

Я думаю (говорилъ г. Жемчужниковъ), что сказки, которыя я записалъ, могутъ быть вполне для васъ понятны только въ связи съ моими тогдашними впечатлѣніями. Какъ это выразить яснѣе? Еслибы напримѣръ я нашелъ на дорогѣ рукопись, которую вамъ передаю, я бы и въ половину не видѣлъ въ пей того интереса, какой она имѣетъ въ моихъ глазахъ теперь, когда въ моемъ воображеніи рисуется вся обстановка записанныхъ мною разсказовъ. Мало того: вы должны знать кое-что и изъ того, что предшествовало моему труду, и въ какомъ я былъ настроеніи духа, бесѣдуя съ сказочниками и сказочницами.

Я провелъ за своей обычной работой нѣсколько прекрасныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ селѣ Л**** Пырятинскаго уѣзда. Я полюбилъ свою мастерскую во флигелѣ полуобитаемаго господскаго дома, полюбилъ людей, которые меня окружали, и все, что представлялось глазамъ моимъ, до послѣдняго куста на дворѣ, передъ моими окнами. Каждая личность, каждый предметъ въ этомъ единеніи сдѣлались мнѣ такъ извѣстны, какъ будто я здѣсь и родился. Я сжился съ селомъ Л**** въ теченіе лѣта, и вдругъ принужденъ былъ оставить его осенью, въ самое то время, когда особенно пріятно оставаться въ обогрѣтомъ уголкѣ, посреди привычныхъ занятій и, размышляя, какъ скучно тащиться въ слякоть отъ станціи до станціи, — работать подъ завыванье осенняго вѣтра, или читать что-нибудь хорошее съ добрыми пріятелями. Всѣ эти удовольствія скромной художнической жизни въ глубинѣ провинціи я долженъ былъ промѣнять на утомительную ѣзду по столбовой дорогѣ и скакать на перекладной въ Харьковскую губернію, для хлопотъ, вовсе не-артистическихъ.

Пробылъ я въ отсутствіи мѣсяца два и воротился въ Л**** уже зимою. Възѣхалъ я на дворъ господскаго дома въ морозное утро 18-го ноября. *Дівчата* выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу, кто въ чемъ былъ, съ радостными криками. Весь домъ какъ-бы проснулся отъ своего сна. Собаки, завидѣвъ меня, подняли веселый лай и едва отъ радости не откусили мнѣ носа. Вотъ я опять подъ мирнымъ кровомъ гордо глядящихъ палатъ въ селѣ Л****.

Наши отцы и дѣды были очень вѣтренны. Мнѣ часто случилось бывать въ большихъ домахъ по деревнямъ, и всегда я говорилъ самъ себѣ: »Стоило ль столько кидать денегъ и тратить столько труда на выкладку этихъ страшныхъ хоромъ?« Такъ и въ селѣ Л****. Строитель дома былъ человѣкъ богатый; но дѣтямъ его досталось состояніе раздробленное, и нынѣшнему хозяину Л**** едва достаетъ средствъ на поддержаніе отцовскаго дворца въ приличномъ видѣ. Большая часть комнатъ не отапливается; снаружи карнизы опадаютъ; крыша гниетъ; штукатурка осыпается; дождевыхъ трубъ давно ужъ нѣтъ; въ домѣ сыро; вездѣ пропасть мышей; а въ подвалахъ живутъ побродяги—собаки и выводятъ щенковъ. Чтò будутъ дѣлать съ нимъ наслѣдники, когда и нынѣшній достатокъ помѣщика уменьшится? Вся усадьба обнесена каменной оградой съ деревянной решеткой. Решетки уже нѣтъ: ее разрушило время и разнесли добрые люди. Ограда осыпалась и покрылась мхомъ. Все на дворѣ пришло въ ветхость и заросло желтой и бѣлой акаціей.

Возвратясь сюда изъ своей поѣздки, я не засталъ хозяевъ: они уѣхали въ Кіевъ на зиму. Въ домѣ оставались только двѣ близкія родственницы, которыя живутъ здѣсь безвыѣздно. Всѣ мои художественскіе снаряды увезли такъ-же въ Кіевъ, и потому я не имѣлъ теперь съ собой ни красокъ, ни кистей, ни карандашей, а между тѣмъ долженъ былъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прожить съ недѣлю, или болѣе въ селѣ Л****. Чтò мнѣ было дѣлать? Отказавшись отъ живописи, я началъ жить праздною жизнью, какою живутъ, съ немногими исключеніями, всѣ помѣщичьи семейства въ Малороссіи. Утромъ мы пили чай, или кофе. Собаки и кошка дрались, или играли вокругъ насъ, а иногда, сытыя и мирныя между собой, располагались грѣться у огня. Одна только ручная курица вѣчно надоѣдала намъ, вскакивая на столъ, таская у насъ хлѣбъ и проливая чай. А послѣ завтрака я уходилъ въ дѣвичью, наполненную швеями по канвѣ, по кисеѣ, по бархату и по чему угодно, швеями всѣхъ возрастовъ, отъ десяти до двадцати пяти лѣтъ, — и мнѣ пѣли пѣсню за пѣснею.

Я страстно люблю пѣсни, особенно Малороссійскія. Для меня что—нибудь одно слушать—или самыя высокія музыкальныя произведенія, или просто народную пѣсню. Народная пѣсня въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и притомъ необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ. Какъ часто случилось мнѣ слышать, въ музыкальныхъ композиціяхъ людей съ именемъ, какой—нибудь одинъ легкій и недурной мотивъ и въ—слѣдъ за нимъ ровно ничего новаго. Этотъ мотивъ вертять во всѣ стороны; то освѣтятъ его такъ, то такъ, займутъ всѣхъ слушателей, а въ—сущности это бездѣлица и только повтореніе и размазыванье того же впечатлѣнія. Народная поэтическая рѣчь всегда скупа, сжата, всегда выскажетъ только необходимое, и ни слова болѣе. Здѣсь нѣтъ поддѣлки, нѣтъ обмана для вашихъ чувствъ. Умѣйте только наслаждаться какъ природою.

Пѣнье народное бываетъ двухъ родовъ: иногда пѣсня *напѣвается*, иногда она *поется*. Пѣвецъ сидитъ за работою; онъ задумался; мысли его Богъ вѣсть гдѣ, и онъ едва внятно напѣваетъ легкую для голоса пѣсню. Отъ одной онъ переходитъ къ другой незамѣтно. Онъ напѣваетъ часъ, два, три и не устаетъ, какъ мы не устаемъ мыслить; но прервите его, и онъ потомъ не скажетъ вамъ, о чемъ онъ пѣлъ. Тотъ же самый пѣвецъ, возбужденный извнѣ какими—нибудь обстоятельствами жизни, дружескою бесѣдою, или вліяніемъ оживляющей личности, споетъ вамъ ту же самую пѣсню такъ, что вы ея не узнаете. Его умъ, чувства, все тутъ запоетъ до послѣдней жилки, и часто случается, что онъ прерываетъ свою пѣсню плачемъ.

Я расскажу по этому предмету о весьма замѣчательномъ явленіи въ селѣ Л****. Дивчата помѣщичьяго дома, въ которомъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ—рядомъ, любятъ меня; я съ ними въ дружбѣ и приучилъ ихъ къ себѣ до того, что уже пѣсня поется у нихъ при мнѣ непринужденно, уже при мнѣ говорятъ онѣ между собой деревенскія остроты и шутятъ со мной почти какъ

съ *пáрубкомъ*. Я у́халъ; хозяева дома себѣ у́хали; остались только старушка лѣтъ восьмидесяти да сестра хозяйки, которыя смотрѣли за работой дивчáтъ, именно за шитьемъ въ пальцахъ. Вотъ жизнь въ швейной сдѣлалась скучною. Сидятъ надъ узорами по большей части молча; шутки прекратились; каждая задумывается о себѣ. Сперва сдѣлается грустно одной, потомъ другой; а какъ душа душу чувствуетъ, то скоро грусть обнимаетъ все общество. И вотъ которая-нибудь одна запоетъ:

Моя мáтинко, мой голубонько!

Якъ мнѣ жити, якъ доживáти?...

Къ ней присоединится другая, третья, и пѣсня мало-помалу превращается въ настоящій плачь. Всякая припоминаетъ въ душѣ свою потерю, свое горе, и всѣ поютъ и плачутъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ общее рыданіе не прерываетъ пѣсни. Ихъ унылые голоса несутся безъ словъ по опустѣлому дому и наводятъ на двухъ его жилищъ такую тоску, что бѣдныя не знаютъ куда дѣваться. Когда я пріѣхалъ, дивчáта развеселились; пѣсни приняли другой характеръ; пошли жáрты и хохоть, и уже *Моя мáтинко* напѣвалась мнѣ со смѣхомъ, и ничего изъ нея не выходило: импровизація была потеряна. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ, я старался навести на нихъ грусть, въ чемъ и успѣлъ отъ-части, потому что мнѣ самому было грустно покидать этотъ милый и поэтический уголокъ. Сначала дѣвушки смѣялись; потомъ пѣло только двое, другія слушали въ задумчивости и начали одна за другой плакать. Но вдругъ пѣвицы прервали свою пѣсню и расхохотались: имъ не хотѣлось еще поддаться грусти. Когда я вздумалъ было записать пѣсню, никто не могъ ее продиктовать мнѣ: слова раждались и складывались у пѣвицъ въ порывѣ грусти!

Приведу другой примѣръ сочувствія слушателей къ пѣснѣ. У меня былъ на натурѣ *хлопчикъ* (мальчишка), а кобзарь по обыкновенію сидѣлъ въ моей рабочей комнатѣ и напѣвалъ всякую всячину подъ свою кóбзу. Пришли ко мнѣ двое изъ хозяйскихъ гостей (это было не въ Л****, а въ другомъ селѣ), именно Н. А.

Ригельманъ и И. С. Аксаковъ, и заставили кобзаря спѣть какую-то думу. Мальчикъ слушалъ его внимательно; потомъ лицо его начало дергаться, и онъ при всѣхъ заплакалъ. А вѣдь извѣстно, что Малороссіяне очень неподатливы на слезы, особенно въ присутствіи пановъ, да еще чужихъ.

Кстати вспомню еще, какъ я былъ на ярмаркѣ въ селѣ Срибномъ, Прилудскаго уѣзда. Я рисовалъ толпу, собравшуюся около лирника. Народу было множество, а въ томъ числѣ семейство Г. П. Г**** и другіе паны слушали думу. Лирникъ пѣлъ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, и всѣ мы видѣли, какъ одинъ парубокъ заплакалъ и утиралъ рукавомъ слезы.

Но возвратимся въ Л****. Итакъ я проводилъ свое время въ швейной. Мнѣ поютъ; я записываю; я спрашиваю о томъ, о чемъ, что относится къ пѣснямъ, или лучше сказать къ выражаемой пѣснями жизни народа; отвѣчаю на шутки и въ то же время обдумываю то, что вижу и слышу. Такъ проходитъ время до второго часу. Въ этотъ часъ приходитъ изъ деревни прислуга (въ господскомъ домѣ лакеи не живутъ) и подаетъ намъ обѣдать. Тутъ начинается кормленіе звѣрей: надобно накормить большую лягавую собаку, маленькую левретку, собаченку со щенятами, двухъ кошекъ и курицу. Курица взъерошивается, кричитъ, загоняетъ лягавую собаку подъ диванъ. Та грызетъ подъ диваномъ кость и рычитъ на всю комнату. Кошка подкрадывается къ тарелкѣ, курица хватается съ вилки картофеля, который только что хочешь положить себѣ въ ротъ. Визготня, лай, прыганье, ворчанье, мяуканье, все это для непривычнаго человѣка показалось бы Богъ знаетъ чѣмъ. Но намъ нравится такая суматоха; мы спокойно ведемъ свою простую бесѣду, смѣемся и миримъ животныхъ. Кончился обѣдъ. Дивчата оставляютъ въ сумерки господскую работу; жартуютъ до свѣчей между собой; иногда поднимаютъ пляску, отъ которой идетъ гулъ по всему дому; потомъ играютъ въ карты и бьютъ проигравшую жгутомъ по ладони. Наконецъ утихаютъ, пьютъ *на себѣ* разныя разности и поютъ пѣсню за пѣсней.

Я провель, слушая ихъ и записывая пѣсни, нѣсколько вече-

ровъ. Наконецъ запасъ пѣсень въ швейной истошился, и мнѣ пришло на мысль принятыя тѣмъ же порядкомъ за сказки. Любопытство мое на этотъ разъ смутило дивчаты: онѣ считали свои сказки недостойными моего вниманія. Я долго убѣждалъ ихъ въ противномъ. Наконецъ, послѣ разныхъ отговорокъ, смѣху и жеманства, Химка, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, начала такъ:

СКАЗКА О КРАСАВИЦѢ И О ЗЛОЙ БАБѢ.

У гаяхъ стояла хатка. Тамъ живъ чоловікъ и жінка, да въ ихъ не було дітей. Отъ вони й пішли на богомілля просити Бога, щобъ давъ їмъ Богъ дитя. Такъ Богъ и давъ їмъ дочку. Отó вона й росте. А царевичъ у той часъ прихавъ на охоту, да й посилає свого парубка: »Пійди, будь ласкавъ, у ту хату попроси води.«

Пришовъ той парубокъ води просити, ажъ та дитина плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця зъ очей. Мати забавила; засмієтця — такъ усякі квітки цвітуть. Той парубокъ вийшовъ да й каже: »Оттамъ, царевичу, я бачивъ дитину! якъ плаче — жемчугъ сиплетця, а якъ смієтця — такъ усякі квітки цвітуть.«

Той царевичъ пішовъ у хату, да зварошне й дразнить тую дитину, щобъ плакала. Плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця. Вінъ и просить матері, щобъ забавила. Якъ же засмієтця, такъ и бачить царевичъ, що всякі квітки цвітуть.

Отó та дівчина росте, а царевичъ усе заїжджає, якъ на охоту приде. Отъ вона й віросла. Царевичъ и каже, що »оддай за мене, діду, дочку.« А вона вже вишиває рушники орлами.

А царь каже: »Де жъ такі тобі, сину, да мужичку братъ!«

Тоді царевичъ якъ узявъ той рушникъ, що вона вишила, да повізъ до батька, такъ царъ ажъ руками сплеснувъ. Чи нічого жъ? »Женись«, каже, »сінку, женись!«

Отъ вінъ и оженився. Да везе додому, а зъ нимъ була баба, а въ баби дочка. Отъ, ідучи царевичъ уставъ щось-то тамъ устрелити, а баба познимала зъ еї все да й повиклювала їй очи, да й

упхнула єї въ яму, а дочку въ єї одѣжу и прибрала; такъ царевичъ и повізъ замѣсь єї, не пізнавъ.

А коло тиі ямки да нѣхворощі багáто рослó; такъ якийсь дідъ прийшовъ нѣхворощі рвать. Дівитця — дівка сидить у ямці, и передъ нѣю оттакá кўпа жѣмчугу, що вона сідячи наплакала; а очей нема.

»Візьми«, каже, »менé, дідусю, и оцé намѣстечко забері.«

Отъ дідъ єї взявъ и намѣстечко забравъ да и прививъ додóму. У дїда дїтєй не булó, а бáба є. Вона, та дівчина, каже: »Забері, дідусю, оцé намѣстечко въ торбінку да понесі у гóродъ продáй; да якъ зострїне тебе бáба якáсь, то ти їй не продавай, а скажі: »Оддай те, що въ тебе є.«

Отъ вінъ понісь и стрївъ ту бáбу.

Бáба каже: »Продáй намїсто!«

»Купі.«

»А щó за єгó?«

»Дай те, що въ тебе є.«

Вона єму и дала однó óко.

Тоді та дівка и почалá вишивáть, изъ однімъ óкомъ, рушнікъ.

Изнóвъ дідъ понісь намїсто.

Бáба знóвъ: »Продáй намїсто, дїду!«

»Купі.«

»Щó за єгó?«

»Дай те, що въ тебе є.«

Вона и дрўге óко оддалá.

Дівка тоді ще и крáще почалá вишивáть.

Дідъ и каже: »Отъ у царя обїдъ.«

А дівка єму: »Иди, дідусю, на обїдъ, да візьми глечичокъ да и мнї попрóсишь юшки.«

Да и почепїла свогó шиття дїду рушнікъ на шїю.

Якъ побачивъ царевичу у дїда на шїї рушнікъ: »Відки ти, дїду?«

»Я тамъ, царевичу, зъ хўтора; да въ менé тамъ и дівчина проживáє, такъ дай, будь лáскавъ, и їй чогó-нѣбудь у сей глечичокъ.«

»А рушнікъ, діду, дѣ ти взявъ?»

»Да се я въ ямці дівку найшовъ, такъ оцѣ вона й вишиває.»

А царевичъ уже пізнавъ по вишиванню. Тоді сказавъ заразъ візь запрягті; поіхавъ да й пізнавъ її: »Се жъ вона, се жъ вона!» А тую бабину дочку вівпроводивъ свиней наповать.

Оцѣ жъ и всѣ. Живуть и хлѣбъ жують, и постоломъ добродъ вѣзять.

Между Сѣверно-Русскими и Южно-Русскими сказками, въ которыя вводятся цари и царевичи, достойно замѣчанія то различіе, что первыя для изображенія царя и царевича ищутъ красокъ въ мужицкаго быта и избѣгаютъ сходства между сказочнымъ богатыремъ и тѣми людьми, которыхъ разскащикъ видитъ вокругъ себя; напротивъ Южно-Русскія сказки смѣло представляютъ царя зажиточнымъ поселяниномъ, а царевича молодцоватымъ козакомъ. Иногда онѣ придаютъ царскому дворцу принадлежности помѣщичьей усадьбы; но такія сказки разсказываются только дворовыми людьми, которые не живутъ собственнымъ хозяйствомъ. Въ сказкѣ четырнадцатилѣтней Химки, которая провела дѣтство на селѣ, въ батьковской хатѣ, царь плѣняется рушникомъ, который вышила живущая въ лѣсу дѣвушка, и изъ-за рушника позволяетъ сыну на ней жениться. У царевича въ услуженіи парубокъ, и царевичъ проситъ его сходить въ хату за водой тѣмъ тономъ, которымъ обращается хорошій поселянинъ къ своему наймыту: между ними небольшое разстояніе, и наймытъ, обзаведясь женой и хаткою, можетъ самъ сдѣлаться что называется хозяиномъ. Обѣдъ у царя — совершенно въ простонародномъ вкусѣ. Такіе обѣды по праздникамъ очень часто давали зажиточные поселяне, и это велось издревле. Въ пѣснѣ о разореніи Кіева Батыемъ говорится:

Поможі намъ, Бѣже, гóродъ Кіевъ бороніти;

Дождемо Пѣршої Пречистої, будемо обѣдъ становіти.

Это не »почестный пиръ« Сѣверно-Русскихъ сказокъ, на которомъ разыгриваетъ свою роль предъ князьями и боярами какой-

нибудь богатырь: это — угощеніе нищихъ, которые обыкновенно приходятъ съ кувшинами и запасаются пищею для другого дня. Дядь съ разшитымъ узорами рушникомъ — самое видное лицо на этомъ обѣдѣ, и царевичъ естественно обращаетъ на него вниманіе.

Кстати замѣтить еще одну особенность Южно-Русской сказки. Если въ нее вводится чудесное, то оно происходитъ скорѣе отъ таинственной силы, помогающей человѣку, или отъ колдовства, нежели отъ свойственнаго героямъ Сѣверно-Русской сказки богатырства. Богатырство имѣетъ здѣсь свой отличительный характеръ: часто оно является не въ героѣ сказки, а въ его слугѣ, который довольствуется своимъ смиреннымъ положеніемъ и дѣлаетъ дивныя дѣла изподтишка; и настоящій героизмъ Малоросійской сказки заключается не въ торжествѣ физической силы, или удалства — непремѣнномъ условіи сказки Великорусской, а въ перенесеніи постигающихъ человѣка бѣдствій и въ выжиданіи счастливыхъ обстоятельствъ. Иногда сказка даже оканчивается горестнымъ положеніемъ главнаго дѣйствующаго лица, и мѣсто торжества заступаетъ тогда въ ней великодушное участіе къ судьбѣ несчастнаго со стороны другихъ дѣйствующихъ лицъ. Герой сказки, претерпѣвъ разныя несчастія и лишась напримѣръ такой драгоценности, какъ зрѣніе, или самой жизни, покоряетъ себѣ не государство, какъ въ сказкѣ Великорусской, а сердца людей, и слушатель успокаивается на его счетъ совершенно. Ясно, что сказочная фантазія основывается здѣсь на высшихъ понятіяхъ народа о человѣкѣ, какъ о существѣ по преимуществу моральномъ, и что отъ этихъ сказокъ одинъ только шагъ до художественнаго изображенія дѣйствительности.

На мой взглядъ, особенно замѣчательны сказки съ стихотворными вставками, которыя напѣваются во время разсказа и повторяются нѣсколько разъ. Эти напѣвы, и по содержанію, и по голосу, отзываются глубокою древностью, и нѣкоторыя слова въ нихъ утратили уже для народа свой смыслъ; но, по пословицѣ: *Изъ пісні слова не викидать*, народъ продолжаетъ повторять ихъ въ своихъ сказкахъ безъ перемѣны, если только не забываетъ вовсе.

Такихъ сказокъ рассказали г. Жемчужникову въ селѣ Л**** три, или четыре. Изъ нихъ слѣдующая представляеть загадочный обломокъ народнаго воспоминанія о какомъ-то трагическомъ событіи отдаленной языческой старины.

СКАЗКА ОБЪ УЖЬ И ЦАРЕВНѢ.

Бувъ собі царь да цариця, и було въ ихъ три дочки. Ось царь заведужавъ да й пославъ свою старшу дочку по воду. Вона й пішла набратъ, ажъ ужъ: »А кукү?« говорить, »Чи пійдешъ за мене заміжъ?«

А царівна: »Ні, не пійдү.«

»Ну, не дамъ же«, говорить, »и воді.«

Ось друга говорить: »Пійдү я! вінъ мині дасть.« И пішла.

Ужъ їй: »А кукү! Чи пійдешъ за мене заміжъ?«

»Ні«, говорить, »не пійдү.«

»Не дамъ же й воді.«

Вона вернулаь и говорить: »Не давъ воді.« Каже: »Якъ пійдешъ за мене заміжъ, то дамъ.«

А мэнша говорить: »Я пійдү, вінъ мині дасть.«

Пішла, — ужъ и до сієй каже: »А кукү! Чи пійдешъ за мене заміжъ?«

»Пійдү«, говорить.

Отъ вінъ и набравъ їй воді изъ самого дна, холодної, свіжої. Вона принесла додому, напоїла батька, — батько й одужавъ.

Коли въ неділю побіздъ їде и говорить:

»Ой одчиний ворітечка,

Кацарівно!

На що люба любовала,

Зъ броду воду вибирала,

Кацарівно!«

Вона злякалась, плаче да їде, одчиняе ворота.

Ось вони зновъ :

»Ой одчиний сінечки,
Кацарівно!
На що люба любовала,
Зъ броду воду вибирала,
Кацарівно!«

Отъ ввійшли у хату, а ўжа на столі на тарільці й поставили.
А вінъ лежить — такий, ажъ золотий! Виходять съ хати й го-
ворять :

»Ой сідай же у ридвонецъ,
Кацарівно!
На що люба любовала,
Зъ броду воду вибирала,
Кацарівно!«

И поїхали зъ нею ажъ у вь ўжівъ будинокъ. Тамъ ось жи-
вуть вони и дитину нажили. И взяли собі куму, тільки недобра во-
на була. Дитина та скоро вмёрла, и мати скоро вмёрла за нею.
А кума пішла вь-ночі, де еї сховали, да рўки їй и пообрізовала.
А прийшовши додому, окропу нагрїла; парить тїї рўки и золоті
персні здиймає.

Ажъ тая царівна — такъ Богъ давъ — и прийшла до еї за
рукáми, и говорить :

»И кўри сплять, и гўси сплять,
Тільки мой кума не спить:
Бїлі рўки вь окроші парить,
Золотї персні здиймає.«

А кума й сховалась підъ пїчъ.

А вона зновъ говорить :

»И кўри сплять, и гўси сплять,
Тільки мой кума не спить :

Білі рѹки въ окрѹпі парить,
Золотіі персні здиймає.»

На другій день прийшли, ажъ кумá підъ пиччу и вмёрла. Такъ еі не запечатавши, такъ и вкинули въ яму.

Послѣ этой, была разсказана г. Жемчужникову извѣстная во всемъ Славянскомъ мірѣ сказка о спящей царевнѣ и семи богатыряхъ. Въ ней нѣтъ никакихъ особенностей, характеризующихъ собственно Южно-Русскую композицію, или обработку. Одно только слово остановило на себѣ мое вниманіе. Царица, обращаясь къ зеркалу, говоритъ: *Свѣáдо, свѣáдо!* Въ Великорусскомъ языкѣ нѣтъ этого слова; въ нашемъ оно то-же не употребляется; я не встрѣчалъ его и въ другихъ Славянскихъ языкахъ, точно такъ же, какъ и словъ *дáха, чáйма*, занесенныхъ къ намъ въ стихахъ народной думы изъ временъ Владиміра Святославича; но оно — въ духѣ Южно-Русской рѣчи; оно понятно не только мнѣ, да и самой разсказщицѣ, которая употребляла его, какъ синонимъ слова *зеркало*. Чтѣ же это? неужели еще наши полудикіе аргонавты, старые Русичи, воюя съ образованною Греціею, называли такъ вещь, которая поразила ихъ своимъ отсвѣтомъ?...

Сказочный міръ нашъ былъ для г. Жемчужникова совершенно новъ. До сихъ поръ онъ гонялся въ Малороссіи всего больше за пѣснями. Его интересовала живѣйшимъ образомъ болтовня сельскихъ дивчатъ въ Л****, которыя не всегда однакожь попадали на хорошо сохранившуюся сказку, не всегда помнили то, чтѣ въ ней есть лучшаго, и къ поэтическимъ фактамъ сказочной исторіи примѣшивали иногда множество безцвѣтныхъ и утомительныхъ небылицъ. Эти мѣста я выбрасываю, какъ мусоръ, засыпающій обломки нѣкогда полныхъ и гармоническихъ произведеній народной фантазіи. Но онъ записывалъ все въ-рядъ съ любовью антикварія, который не пренебрегаетъ ничѣмъ, и въ самомъ прахѣ, накопленномъ на развалинѣ временемъ, ищетъ слѣдовъ прошедшаго. Онъ былъ правъ; ибо, дѣлая выборку на самомъ ходу сказки, легко въ отброшенномъ сору потерять такое драгоцѣнное слово,

какъ *свѣдо*, или какую-нибудь характеристическую мелочь. Изъ цѣлой тетради сказокъ, записанныхъ г. Жемчужниковымъ въ швейной, я помѣщу здѣсь еще только двѣ. Прочія могутъ быть напечатаны въ-послѣдствіи, по болѣе совершеннымъ вариантамъ.

СКАЗКА ОБЪ ИВАСѢ И ВѢДЬМѢ.

Бувъ собі чоловікъ да жінка, да въ їхъ синъ Ивась. Отъ Ивась той: »Тату, тату, зроби ми́ні човникъ; поїду я риби ловить да буду годувати васъ.«

Вінъ и зробивъ ёму́. Отъ Ивась поїде, рибки наловить да й годуе батька зъ матірью. А якъ прийде обідня година, такъ мати донесє ёму́ обідать да прийде до бєрега да й кличе ёго :

»Ивась снѣо́къ,
Золотій човно́къ,
А срібнее весєлєчко,
Пливї до мене,
Моє сєрдєчко!«

Ивась почує: »Ближче, ближче, човнику, до бережкѣ! се моя матінка!«

Отъ припливє да й оддѣсть рибку, а самъ попоїсть да й попливє зновъ.

А вѣдма й позавидувала, що въ тогó чоловіка да жінки така дитина, да й давай їмъ усяке лихо коїть. То оцє було закрутки пороблятьця въ їхъ на ниві, то двіръ переснує щось нїтками, то кінську голову, костякъ, на порозі положить, то мукю обсіпле, абó кровью рїжокъ хати помаже. А вони молятьця Бóгу да поминѣють мєртвихъ, такъ їмъ усє такъ и минаєтьця. Далі: »Постойте жь!« каже, да прийшла до бєрега да й кличе Ивася: (1)

»Ивась снѣо́къ,
Золотій човно́къ,
А срібнее весєлєчко,

---

(1) Тутъ разскащца перемѣнила голосъ и запѣла басомъ.

Пливй до менé,
Моé сёрдечко!«

Чўе Йвась, що такий товстий гóлосъ: »Дáльше, чóвнику,
дáльше одъ бережкá! се не моя мáтінка!«

Отъ видьма й пiшла до ковалá: »Ковáлю, ковалю! испу́й минí
такий тонéнький гóлосóкъ, якъ у Йвасево́й мáтерi.«

Вiнь и скóвавъ. Вона́ тодi прийшла́ до бéрега: (1)

»Йвась синóкъ,
Золотий човнóкъ,
А срiбнее весéлечко,
Пливй до менé,
Моé сёрдечко!«

Вiнь и припливъ; а вона́ ёго́ вхопи́ла да въ залiзний мiшóкъ
да й понесла́ ажъ до себе́. Прийшла́ пiдъ двэри: »Сучко-Олénко,
одчинй!«

Сучка-Олénка одчинила́. Вона́ взяла́, сорóбечку бiлénьку, штан-
ци на Йвася́ надiла, товкáчечку дала́ й о́ришкiвъ. Вiнь б'є́ товкá-
чечкою́ й iсть. Да й гóвóрить змiя́ потiху́ Сучци-Олénци: »На-
жáръ«, кáже, »пiчь, да въ пiчь ёго́ всадí, да й замáжь, да попрí-
бирай тутъ усé чистéнько, а я пiйдú по гóстéй.«

И пiшла́. Сучка-Олénка нажáрила́ пiчь и лопáту наготóвила.
»Сiдай«, кáже, »Йвасику, на лопáту.«

Вiнь и положи́въ нiжку.

Вона́ гóвóрить: »Не такъ.«

Вiнь положи́въ рúчку.

»Не такъ!« кáже.

»А сядь же«, кáже, »самá да навчи́ й менé, якъ сiдáть.«

Тiльки́ що вона́ сiла, а Йвась за лопáту да въ пiчь; такъ во-
на́ тамъ и заскварчала́. Вiнь узiявъ, заслонiвъ зáслонкою́ да й

---

(1) Опять поется натуральнымъ голосомъ.

замазавъ еї въ печі. Поприбиравъ у хаті, самъ вийшовъ, хату заперъ да й злізъ на превисочѣнного явора.

Коли відьма и йде зъ гостьми: »Сучко—Олѣнко, одчині!»

Тихо.

»Сучко—Олѣнко, одчині! Оцѣ, немає Сучки—Олѣнки! пішла, мабуть, на побридки.«

Взяла, сама и одчиняла. Гості посідали за стілъ. Вона вийшла зъ пѣчи да й ідять. Попоїли дѣбре, повиходили на двіръ да й качаютьця: »Покочѹся, повалюся, Івасевого мясця наївшись!»

А Івась изъ явора: »Помотітця, повалітця, Олѣнчиного мясця наївшись!»

А вони: »Дѣ се?» Дивілись, дивілись да й углѣдили: Кинулись до явора да й почали гризти того явора. Такъ ні, — и зѹби поламали. Отъ вони до коваля: »Ковалю, ковалю! покуй намъ такі зѹби, щобъ того явора підгризти!»

Вінъ їмъ и поковавъ. Отъ вони пішли и давай гризти. Коли летять гуси. Івась їх и прѣсить:

»Гуси, гуси, лебедята!
Візьміть менѣ на крилята,
Понесіть менѣ до батенька;
Буде тамъ вамъ їсти й пїти,
Всѣго дѣброго да й не трѣхи.«

А гуси й говорять: »Нехай тебѣ середні візьмуть.«
Ось летять середні. Вінъ прѣсить середніхъ:

»Гуси, гуси, лебедята!
Візьміть менѣ на крилята,
Понесіть менѣ до батенька;
А въ батенька їсти й пїти,
Всѣго дѣброго да й не трѣхи.«

А гуси говорять: »Нехай тебѣ самѣ поганійше задне візьме.«

Отъ воно́ й летить: зоста́лося серде́шне зза́ду. А відьмі́ усє́ гризуть да гризуть. Отъ, отъ упаде́ зато́го! Ива́сь и про́сить є́го:

»Гуся́, гуся́, лебедя́тко!
Візьмі́ мене́ на криля́тко,
Понесі́ мене́ до ба́тенька;
Буде́ намъ тамъ їсти й пи́ти,
Все́го до́брого да й не трю́хи.«

Отъ воно́ й ухопи́ло є́го на кри́ла. Да втомилось серде́шне, то такъ ни́зько несє́! А відьмі́ за вимъ, чи не схоплять є́го. Жену́тця, жену́тця, да такі не наздогна́ли. Отъ воно́ принесло́ да й посади́ло Ива́ся на ко́мені, а само́ ходи́ть по двору́, пасє́тця. А ма́ти повийма́ла са́ме пиро́жки съ пе́чи да й гово́рять: »Се то́бі, чолові́че, пиро́жокъ, а се ми́ні.«

А Ива́сь изъ ко́мена: »А ми́ні?«

Ма́ти ка́же: »Хто́ се тамъ?« Да зно́вь: »Се то́бі, діду, а се ми́ні.«

А вінъ зно́вь: »А ми́ні, ма́мо?«

Чолові́къ изъ жі́нкою повибі́гали, дівля́тця и вгле́дили Ива́ся на ко́мені. Знялі́ є́го зъ ко́мена да въ ха́ту и внесе́ли. Гуся́тко хо́ди́ть по двору́, а ма́ти й побачи́ла: »Онъ гуся́тко хо́ди́ть! Пі́йду́ я є́го візьму́ да зарі́жу.«

А Ива́сь ка́же: »Ні, ма́мо, не рі́жте, а нагоду́йте є́го. Коли́бъ не воно́, то я бъ́ у васъ и не бувъ́.«

Отъ вона́ нагодува́ла є́го й напо́ила и підъ кри́льця наси́пала пшо́на. Такъ воно́ й полети́ло.

Отъ вамъ ка́зочка и бубли́ківъ вязочка!

СКАЗКА ОВЪ УБИТОЙ СЕСТРЪ И О КАЛИНОВОЙ ДУДКЪ.

Бувъ́ собі ді́дь да ба́ба. У ді́да дочка́ и въ ба́би дочка́. Отъ и пішли́ вони́ въ га́й по я́годи. Такъ ді́дова зби́ра да й зби́ра, да й назби́рала по́вну ми́ску; а ба́бина, що візьме́ я́годку, то и зсіє́ть. Отъ и ка́же ді́дова: »Ходи́мъ, се́стро, до́дому, поді́лимось.«

Отъ идуть да йдуть шляхомъ; а бабина говóрить: »Ляжмо, сé-стро, одпочиньмо.«

Полягáли; дiдова, втомiвшись, заснула, а бабина взяла нiжъ да й устромила iй у сёрце, да викопала ямку да й поховала еi. А самá пiшла додóму да й каже: »Дивiтця, скiлько я ягiдъ назбирала.«

А дiдъ и пита: »Де жъ ти мою дочкy дiла?«

»Идe ззáду.«

Колi жъ идуть чумаки да й кажуть: »Стáньмо, брáтця, от-туть одпочиньмо.«

Да й стáли. Глянуть — надъ шляхомъ могила, а на могiлi такá гáрна калина виросла! Вони виризали зъ тиi калини сопилку, да й ставъ одiнь чумаць игрáть; а сопилка говóрить:

»Ой помáлу-мáлу, чумáченьку, грай,

Да не врази мого сёрденька въ край.

Менe сестриця зъ свiту згубила —

Нiжъ у сёрденько да й устромила.«

А дрyгi кажуть: »Щоь вонó, брáтця, знáчить, що калинова сопилка такъ промовляе!«

Отъ прийшли вони въ село да й натрáпили якъ разъ на того дiда: »Пустi насъ, дiду, переночувáть; ми тобі скáжемо пригóду.«

Вiнь iхъ и пустiвъ. Тiлько вони увiйшли у хáту, зáразъ одiнь сiвъ на лáви, а дрyгий ставъ бiля ёго да й каже: »А ну, брáте, вiйми сопилку да зайгрáй!«

Той вiнявъ. Сопилка й говóрить:

»Ой помáлу-мáлу, чумáченьку, грай,

Да не врази мого ти сёрденька въ край.

Менe сестриця зъ свiту згубила —

Нiжъ у сёрденько да й устромила.«

Тодi дiдъ каже: »Щó вонá за сопилка, що вонá такъ гáрно граe, що ажъ минi плакáть хóчетця! А ке, я зайгрáю.

Вiнь ёмy й давъ. А та сопилка говóрить:

»Ой помалу-малу, мій таточку, грай,
Да не вразі мого ти сёрденька въ край.
Менé сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у сёрденько да й устромила.«

А баба, сідя на печі: »А ке лишъ сюді, старій, и я зай-
граю.«

Вінъ їй подавъ; вона стала гратъ, — сопілка й говорить:

»Ой помалу-малу, матусенько, грай,
Да не вразі мого ти сёрденька въ край.
Менé сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у сёрденько да й устромила.«

А бабина дочка сиділа на печі у самому куточку. Излякалась,
що дознаютьця. А дідъ и каже: »А подай їй, щобъ зайграла.«

Отъ вона взяла, ажъ сопілка й їй одказуе:

»Ой помалу-малу, душоубко, грай,
Да не вразі мого ти сёрденька въ край.
Ти жъ менé, сестро, зъ світу згубила —
Ніжъ у сёрденько да й устромила!«

Тоді-то вже всі дознались, що воно е. По дідовій же дочці
обідъ поставили, а бабину привязали до кінського хвоста да й
рознесли по полю.

Я провель нѣсколько дней и вечеровъ, записывая сказки (го-
вориль г. Жемчужниковъ). Когда же наконецъ все было исчер-
пано, мнѣ указали на мою куму Куліну и на ея мужа, какъ на
отличныхъ сказочниковъ. Они жили на селѣ. Иду къ нимъ въ ха-
ту. Нахожу въ хатѣ корову съ теленкомъ. Въ ночь отелилась ко-
рова; теленокъ едва не замерзъ, и потому его взяли въ хату ото-
грѣвать. Грицько, мой кумъ, качаетъ въ люлькѣ моего крестника;
а сама Куліна, красивая и живая молодица, возится съ топливомъ

въ *гру́бь*. Я тотъ-часъ за дѣло: »Ну, кумá, кажи́ мині казку. Ты, — кажутъ дівчáта — зна́ешъ ихъ багáто.«

»Якү жь мині сказа́тъ вамъ казку?« говорить, безъ всякаго ломанья, Кули́на и, оставивъ гру́бу, занялась люлькою, а мужъ тогда озаботился отопленіемъ хаты. »Иноді на дүмці бува́е й багáто, а тепе́рь и не згадаю. Хиба́ вамъ сю сказа́тъ?«

СКАЗКА О ГОНЕНЬЯХЪ МАЧИХИ.

Якъ бувъ собі дідъ да ба́ба, и бу́ло въ ихъ по дочці. У діда й корова есть. Отъ ма́чуха й гово́ритъ на дідову дочкү: »Жени́ корову па́сти.«

И дала́ їй кўжелю пря́сти. Вона́ й погна́ла да й пла́че до́рогою. А корі́вка пита́е: »Чого́ ти, дівонько, пла́чешъ?«

»Якъ же мині не пла́кать? дали́ кўжелю пря́сти.«

»Не жури́сь«, ка́же: »сажай́ мині кўжель у пра́ве ўхо.«

Вона́ вса́дить, а зъ лівого ўха́ й ви́ймае, у́же попрядений. Да оцё, якъ ста́не смерка́тьця, и поже́не еі до́дому.

Отъ ма́чуха ба́чить, що вона́ такү га́рну пря́жу вб́ситъ, да й ка́же на свою́ дочкү: »Гони́, до́ню, ти па́сти корі́вку, и кўжелю бері́.«

Та й поже́не да на́ полі й ка́же: »Соро́ки, воро́ни! летіть до мене́ кўжелю пря́сти!«

То соро́ки й воро́ни поназлігую́тця и поросха́пують кўжель, да й порозно́сять на гні́зда. Увече́ри вона́ й поже́не тую́ корі́вку до́дому. До́дому приже́не, то ма́ти й пита́е еі: »А що́, до́ню? по-пря́ла кўжель?«

»Ні, ма́мо, не попря́ла: соро́ки да воро́ни поросха́пували.«

То ма́чуха на ді́да: »Зари́жь да й зарі́жь, діду, коро́ву: вона́ зъ еі багáтіе.«

Отъ дідова дочка́ погна́ла корі́вку па́сти. Же́не да й пла́че. Такъ корі́вка й пита́е: »Чого́ се ти пла́чешъ, дівонько?«

»Якъ же мині не пла́кать, що тебе́ хо́чуть зарі́зать?«

Отъ и гово́ритъ та́я корі́вка: »Слу́хай же, дівочко: якъ бу́дуть

менé рíзати, такъ ти просíся хляки мить, да якъ б́удешъ мить, то тамъ знайдешъ двое яблучокъ. Ти їхъ посади, такъ повиростають яблуньки.»

Отъ ту корівку й зарізали. Дідова дочка й пр́оситця хляківъ мить. Отъ пішла на річку да й мiе; ажъ тамъ двое яблучокъ: одно золотеньке, а друге срібненьке. А бабина дочка вгледіла да й женетця за нею, — хоче однять. Такъ та въ крапіву їхъ и кинула. Коли жъ и в́иросла яблунька: срібненьке яблучко, золотеньке яблучко; а підъ нею криничка.

Ажъ iде панъ да й говорить: »Хто мині тее яблучко в́ирве, томú я половíну панства оддамъ.»

Отъ бабина прискóчила—хотіла в́ирвати яблучко, такъ яблунька вгору; хотіла водички зъ кринички набратъ, а криничка внизъ. Дідова жъ прийшла, водици набрала, яблучко в́ирвала да й дала панові. Отъ вінъ iй и говорить: »Я тебе в́изьмú за себе замiжъ.« И взявъ еi зъ собою.

Отъ вони собі й дитíну нажили. Послали до б́атька узваръ и пр́осять того б́атька у гóсти до дítей. А м́ачухи й не пр́осять. Такъ вона й говорить: »Якъ такi м́ожна, щобъ я не поiхала до своїхъ дítей?« И поiхала зъ дiдомъ, и взяла свою дочку на вiзъ, и вкрила шкúрою да й приiхала туди. А вона була вiдьма. Отъ и зробила дiдовiй дощi такъ, щобъ вона козю побiгла, а свою дочку й положила на мiсто тi. Отъ тая дитiна все плаче. А въ того пана бувъ парубокъ, да й говорить: »Пане мiй милий, пане мiй любий! дайте минi дитiну, понесу я еi гулять.«

А панъ каже: »Несi.«

Вiнъ и понiсъ дитiну до болота да й клiче:

»Ой рись-коза! твiй синъ плаче,
Твiй синъ плаче, iсти хоче.«

А вона й одказуе:

»Бiжú, лечú, мiй сiночку!
Пiсокъ óчи забивае,

Очерётъ ніжки підкошує,
Бистра вода не пускає.»

Отъ прибігла да зъ себе ко́жу скинула, а сама за дитину; сіла, годує, да гірко, гірко плаче! Погодувала, оддала парубкові дитинку да зновъ и побігла.

На другий день изновъ дитина плаче. Вінъ изновъ проситця:
»Пане мій мїлий, пане мій любий! дайте мині дитину, понесу я єі гулять.»

Понісь да й кліче:

»Ой рись-коза! твій синъ плаче,
Твій синъ плаче, їсти хоче.»

То вона й біжить:

»Біжу, лечу, мій синочку!
Пісокъ очи забиває,
Очерётъ ніжки підкошує,
Бистра вода не пускає.»

Отъ прибігла да зъ себе шубу скинула и нагодувала дитинку.

Парубокъ однісь дитинку; вона до сүтокъ изновъ и спить. Тоді панъ ёго й питає: »Що се значить«, каже, »що ти оцє понесєшь дитину гулять да й не плаче?«

Такъ вінъ давай ёму признаватьця: »Що жъ?« говорить,
»твоя, пане, жона побігла козю.»

Отъ вони й пішли у-двохъ. Парубокъ и кліче єі:

»Ой рись-коза! твій синъ плаче,
Твій синъ плаче, їсти хоче.»

Вона й біжить:

»Біжу, лечу, мій синочку!
Пісокъ очи забиває,

Очерётъ но́ги підко́люе,
Бистра́ вода не пуска́е.«

Прибігла, скинула зъ себе́ шубу, взяла дитинку да такъ плаче!
»Теперъ«, ка́же, »мо́я дитино́нько, у о́станній разъ побачимось;
а́то да́леко вже поже́ну́ть мене́; не почую́, якъ бу́дуть звать.«

А панъ узявъ да й укинувъ е́й шубу въ о́гонь. Якъ затре́щитъ шерсть! а вона́ й почу́ла да въ ку́щъ: нема́е шуби! То́ді панъ плаще́мъ е́й накривъ́, и пішли́ до́дому, да й живу́ть изъ не́ю. А тихъ рознеслі́ кіньми.

Лишь только кончила Куліна сказку, какъ пришла знахарка осмотрѣть едва неколѣвшаго на морозѣ теленка. Тутъ они принялись за него гуртомъ и составили вокругъ коровы интересную для художника сцену. Одна держала ее за морду, другая гладила приговаривая: »Телушечка, телушечка!« самъ хозяинъ поднималъ лежавшаго неподвижно теленка и подносилъ его нѣжную мордочку къ соскамъ; и всѣ обращались такъ дружелюбно съ матерью и ея дѣтищемъ, какъ-будто это были ихъ семьяне. Я видѣлъ, что имъ теперь не до сказокъ, да къ тому еще я почувствовалъ, что въ хатѣ угарно, — по крайней мѣрѣ для меня, и ушелъ съ головою болью, которая потомъ усилилась и мучила меня долго. Не смотря однакъ на то, я получилъ такую жажду къ сказкамъ, что къ вечеру напыталъ себѣ новаго сказочника, человѣка пожилыхъ лѣтъ, и призвалъ его изъ села къ себѣ въ комнату. Сказать правду, я гонялся не за поэтическими достоинствами этого рода произведеній фантазіи народной. Въ рассказанныхъ мнѣ сказкахъ поэтическихъ красотъ было мало, сравнительно съ массою утомительной болтовни. Но въ соединеніи разныхъ понятій и представленій, составляющихъ Малороссійскую сказку, я вижу, чѣмъ бываетъ занятъ въ праздное время умъ Малороссіянина, вижу, чему онъ сочувствуетъ, чего желаетъ, чему дивится, надъ чѣмъ смѣется; а это стоить того, чтобъ записывать все, что мнѣ баяли.

Когда пришелъ ко мнѣ изъ села старикъ сказочникъ, я усадилъ его въ Вольтеровскія кресла противъ камина, попотчивалъ

сорокалѣтней водкой изъ старинной серебряной чарки, и онъ, помѣшивая въ каминѣ своей палкой огонь, началъ мнѣ баять всякую всячину. вмѣсто пролога къ своимъ рассказамъ, онъ проговорилъ нѣчто въ родѣ параболы изъ земледѣльческаго быта.

Ой купитця, купитця,
Ажъ кѳржикъ кѳтитця.
Куди ти, братіку кѳржику, кѳтисся?
А до млинця на весілля.
Що жъ тамъ за весілля?
Млинѣць да ладку посвѣтавъ.
Що жъ тамъ за свѣшка?
Путря да квѣшка.
Що жъ тамъ за боѳре?
А кулики въ маку.
Що жъ тамъ за дружки?
Въ оліі пампушки.

И послѣ этого онъ рассказалъ мнѣ нѣсколько легендъ и повѣрій, принадлежащихъ къ тѣмъ созданіямъ народной фантазіи, посредствомъ которыхъ народъ распространяетъ между собой нравственныя убѣжденія. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ преданія о змѣяхъ, занесены изъ глубокой древности, другія напоминають Греческіе мифы; всѣ же они — или почти всѣ — исполнены необыкновенной граціи вымысла и живописности выраженія, какъ въ этомъ убѣдитесь каждый знатокъ Южно-Русской рѣчи.

1.

КИРИЛО КОЖЕМЯКА.

Колись бувъ у Києві якийся князь, лицаръ, и бувъ коло Києва змій, и кѳжного гѳду посиляли ёму дань: давали абѳ молодѳго пѳрубка, абѳ дѳвчину. Отѳ пришла чѳрга вже и до дочкѳ

самого князя. Нічого робить, коли давали горожане, треба й йому давати. Пославъ князь свою дочку въ дань змієві. А дочка була така хороша, що й сказати не можна. То змій її й полюбивъ. Отъ вона до його прилестилась та й питається разъ у його: »Чи есть«, каже, »на світі такий чоловікъ, щобъ тебе подужавъ?«

»Есть«, каже, »такий у Києві надъ Дніпромъ. Якъ затопить хату, то димъ ажъ підъ небесами стелеця; а якъ вийде на Дніпръ мочить ноги (бо вінъ кожем'яка), то не одну несє, а дванадцять разомъ, и якъ набрякнуть вони водою въ Дніпрі, то я візьму да й учеплюсь за їхъ, чи витягне-то вінъ їхъ? А йому й байдуже: якъ поцупить, то й мене зъ ними тріхи на берегъ не витягне. Оттого чоловіка тільки мині й страшно.«

Княжна и взяла собі тее на думку, и думає: якъ би її вісточку додому подати и на волю до отця достатись? А при її не було ні душі, — тільки одинъ голубокъ. Вона згодавала його за цасливої години, ще якъ у Києві була. Думала-думала, а далі храпъ, и написала до панотця: »Оттакъ и такъ«, каже: »у васъ«, каже, »паноче, есть у Києві чоловікъ, на ймення Кирило, на прізвище Кожем'яка. Благайте ви його черезъ старіхъ людей, чи не захоче вінъ изъ зміємъ побитьця, чи не визволить мене бідну зъ неволі! Благайте його, панотченьку, и словами, и подарунками, щобъ не обидивсь вінъ за яке незвичайне слово. Я за його и за васъ буду до віку Боду молитьця.«

Написала такъ, привязала підъ крильцемъ голубові та й випустила въ вікно. Голубокъ звився підъ небо да й прилетівъ додому, на подвір'є до князя. А діти саме бігали по надвір'ю да й побачили голубка. »Татусю, татусю!« кажуть, »чи бачишъ — голубокъ одъ сестриці прилетівъ?»

Князь перше зрадивъ, а далі подумавъ-подумавъ да й засумовавъ: »Се жъ уже проклятий Продъ згубивъ, видно, мою дитину!«

А далі приманивъ до себе голубка; глядь, ажъ підъ крильцемъ карточка. Вінъ за карточку. Читає, ажъ дочка пише: такъ

и такъ. Отó з́аразъ призва́въ до себе́ всю старші́ну: »Чи є такий чоловік, що прозива́ється Кири́ломъ Кожемя́кою?«

»Есть, князю. Живе́ надъ Дніпро́мъ.«

»Якъ же б́ъ до єго́ присту́питься, щобъ не обидився та послухавъ?«

Отó сякъ-такъ пора́дилися да й посла́ли до єго́ сами́хъ стари́хъ люди́й. Прихо́дять вони́ до єго́ ха́ти, одчинили по ма́лу двєри, зо стра́хомъ, да її зляка́лись. Дівля́тця, ажъ сидіть самъ кожемя́ка до́лі, до іхъ спи́ною, и мве рука́ми двана́дцять ко́жъ; тілько́ видно, якъ колива́е оттако́ю білою боро́дою! Отъ оди́нь зъ тихъ посла́нцївъ — »ка́хї!«

Кожемя́ка жа́хнувся, а двана́дцять ко́жъ тілько́ трісь, трісь! Оберну́всь до іхъ, а вони́ єму́ вь по́ясъ: »Отта́къ и такъ: присла́въ до тебе́ князь изъ про́зьбою...«

А вінъ и не дивитця, и не слуха́е: розсе́рдився, жо́ через іхъ та двана́дцять ко́жъ порва́въ.

Вони́ зновъ дава́й єго́ проси́ть, дава́й єго́ блага́ть. Ста́ли на ко́ліна... Шкода́! Проси́ли-проси́ли да й пішли́, пону́ривши го́лову.

Що́ тутъ робитимешъ? Суму́е князь, суму́е и вся старші́на.

»Чь не посла́ть намъ іще́ молодшихъ?«

Посла́ли молодшихъ — нічо́го не вди́ють и ти́й. Мовчи́ть та сопе́, на́че не єму́ й ка́жуть. Такъ розобра́ло єго́ за ти́й ко́жи.

Да́лі схамену́вся князь и посла́въ до єго́ мали́хъ дітєй. Ти́й якъ пришли́, якъ поча́ли проси́ть, якъ ста́ли навко́лішки та якъ запла́кали, то й самъ Кожемя́ка не ви́терпівъ, запла́кавъ да й ка́же: »Ну, се жъ у́же для ва́сь я роблю́.«

Пішо́въ до князя. »Дава́йте жъ«, ка́же, »ми́ні двана́дцять бо́чокъ смо́лі и двана́дцять ви́зъ конопє́ль.«

Обмота́всь конопля́ми, обсмо́лівся смо́лою до́бре, взявъ бу́лаву́ таку́, що, мо́же, вь ій пу́довъ де́сять, да й пішо́въ до змія.

А змі́й єму́ й ка́же: А що́, Кири́ло? пришо́въ би́тьця, чи ми́рїтьця?«

»Де́ вже ми́рїтьця? би́тьця зъ тобо́ю, зъ іродомъ прокля́тимъ!«

Отъ и поча́ли вони́ би́тьця — ажъ земля́ гуде́. Що́ розбі́жїтця

змії да вхóпить зубáми Кирила, то такъ кусóкъ смоли й вѣрве; що розбіжитця да вхóпить, то такъ жмúтокъ конопель и вѣрве. А вінъ ёго здоровѣнною булавою якъ улúпить, то такъ и вженé въ зéмлю. А змії якъ огонь горить, — такъ ёму жарко; и поки збігає до Дніпра, щобъ напитця, да вскóчить у воду, щобъ прохолодитця трóхи, то Кожемяка вже й обмотáвсь коноплями и смолóю обсмоливсь. Отто вискакує зъ воді проклятий йродь, и що рожженётця противъ Кожемяки, то вінъ ёго булавою тилько лупь! що рожженётця, то вінъ знай ёго булавою тилько лупь та лупь! ажъ луна йде. Бились-бились,—ажъ курить, ажъ йскри скáчуть. Розогрівъ Кирило змія ще лúчче, якъ коваль лемішь у гóрні: ажъ пѣрхає, ажъ захлипаётця проклятий, а підъ нимъ земля тилько стóгне.

А тутъ у дзвони дзвóнять, молéбні правлять, а по гóрахъ нарóдь, стоить якъ неживий, зціпівши рúки; жде, щó то бóде! Коли жъ зміюка бубóух! ажъ земля затряслась. Нарóдь, стóячи на гóрахъ, такъ и сплеснувь рука́ми: »Слава тобі, Гóсподи!«

Отъ Кирило, вбівши змія, визволивъ князівну и оддавъ князю. Князь ужé не знавъ, якъ ёму й дяковать, чимъ ёго й награждáть. Та вже зъ того-то часу и почало звáтьця те урóчище, де вінъ живъ, Кожемяками.

Отъ же Кирило зробивъ трóхи й нерозумно: взявъ ёго, спаливъ да й пустивъ по вѣтру пóпелъ; то зъ того пóпелу завелась вся тáя пóгань — мошки, комарі, мúхи. А якъ-би вінъ узáвъ да закопáвъ той пóпелъ у зéмлю, то нічóго бъ сéго не бóло на свѣті.

2.

СВИРИДОВА МОГИЛА.

Бувъ, кáжуть, колись, чоловікъ Свиридъ. То якъ дождавсь Великодня, то и дúмає собі: »Кáжуть люде *Великъ-день*; а побáчу я, чи справди великий день? чи багáто я вѣору? И отъ на сáмий пѣрвий день Свѣтлого Прáзника запригъ до плúга волівъ да

зъ наймитомъ и пішобъ оратъ. Люде жъ у цѣркві Бѣгу молятця, а вінъ орѣ. Тільки, що почали, може, скібу десяту одкидать, ажъ підъ землею щось загуло страшно, страшно, такъ якъ часомъ далеко гримъ загуркотить, и Свиридъ разомъ такъ и провалився скрізь зѣмлю. А на тімъ місті стала могила. Вона й досі зовѣтця Свиридова Могила. То, кажуть, якъ інколи прийдешь на ту могилу да приложишь ўхо до землі, то все неначе хто волівъ поганяє; такъ и чутно: »Гей! гей!«

3.

МИСЬ О ПЕРВОМЪ ВЪКВЪ «ТВОРЕНІА».

Колись-то ще за першого віка, за старіхъ людѣй, мійша да горобецъ да засіяли прѣсо. Якъ пожали вони прѣсо, то почали длітьця да й не помирились. Ось стали битьця, и стала збиратьця усїа птіця и всїа звірі. Якъ стали битьця, якъ стали битьця, то птіця и подўжала звірівъ. Да хочъ и подўжала, а такі й сама побилася. Тільки одна птіця вінялася, що добіла усїхъ звірівъ. Ужѣ й та птіця вморїлася да й сіла на такому високому дѣреві! (1) Коли жъ иде чоловікъ бовкунѣмъ. Такъ вона того чоловіка й прѣсить: »Дай мнї бика«, каже, »я ёго ззімъ. Я въ тебѣ дўрно не схѣчу, я заплачу.«

Отъ вінъ и оддавъ. Вона того бика и ззіла, да тепѣрь прѣсить того чоловіка: »Донесї мене, будь-ласко', до того дому!«

Отъ вінъ якъ узївъ нестї, якъ узївъ нестї да й донїсѣ у такі пўнци страшнїй! А вона й говорить: »Погуляй же тўтечка, а я тобі плату вінесу.« И вінесла ёму царствечко въ золотому яѣчку: »Ти жъ якъ увїйдешъ у село, то не розчиняй ёго, а хїба на якому полі розчинїшь, абѣ-що.«

А вінъ и розчинївъ посередъ шляху: ажъ тутъ відтиль ярмарокъ такий, що Бѣже храни! А вінъ ужѣ хѣдить помїжъ людъ-

---

(1) Далѣе починається, очевидно, вставка изъ сказки.

мі да плаче. Излякався, що не зберє не якъ. Ажъ на ёго щасте якійсь чоловікъ нагодився, дакъ вінъ и прósить ёго: »Здiлай милость, чи не мóжешъ ти зобрáть да зачинить!« Такъ у-дво́хъ зачвнiли. Отъ вінъ и пішовъ зъ тимъ царствечкомъ додóму: покáявсь ужé.

»Де жъ изновъ сi звiрi понабирались, коли птиця усіхъ стрéбила?« (1)

Се жъ уже на другий вiкъ поверну́ло; то Богъ тогдi и людéй и всячину намно́живъ.

4.

СОКОЛЬ И ПЧЕЛА (2).

Сокiль побратáвсь изъ бжолóу; гóвóрить: »Ходiмъ угóру. Ты далéко чúешъ, а я далéко бáчу: я за сiмъ миль бáчу, а ти за сiмъ миль чúешъ.«

Узялi, изнялi чоловічу волосiнку и понеслi вгóру. И сказáвъ сóкiль: »Летi за мною, бжолó!«

Идé сóкiль угóру, и бжолá иде. »Ну«, гóвóрить, »дивiсь, бжолó, уни́зь, чи велика землi?«

Кáже: »Вже такъ якъ дiжá, що бабi хлiбъ мiсять.«

Потóму изновъ идúть, идуть. Изнову кáже: »А гнянь«, кáже, »бжолó, чи велика землi?«

»Ужé«, кáже, »такъ якъ жiнка ви́бере изъ дiжi тiсто та малéнький засáдчикочъ посáдить.«

»Ну, пускайсь жъ уни́зь, бжолó, и пускай ту волосiну уперéдь..... А чúешъ?« кáже.

---

(1) Вопросъ слушателя.

(2) Это — безобразный обломок какого-то сказанiя, замѣняющаго для народа естественную исторiю животныхъ. Подобныя несладкицы надобно записывать со всею точностью, не обращая вниманiя на ихъ искаженный видъ: въ-послѣдствiи изъ множества подобныхъ обломковъ можно возсоздать полную систему народныхъ знанiй и вѣрованiй по изустнымъ преданiямъ, перешедшимъ черезъ длинный рядъ столѣтiй.

»Чую, ажъ реве.«

»Ну, я«, каже, »не чую. Ну, леті жь«, каже, »да до землі припаді, якъ та волосіна ударитця..... А що, бжоло, чи чұла?«

»Чую: ажъ гупнула, а вгору піднялась на дванадцять сажнівъ.«

»Зоставайся жъ ти, бжоло, у сімъ краї, доставай за сімъ миль собі пропитаніе: а я піду у такі краї, де тебе не буде. То я за сімъ миль буду птицю вибивать и діти годовать, ...«

Бжолá просила у Бóга, щобъ братъ изъ цвіту пропитаніе. Такъ Богъ давъ їй усі цвітї до моря, до востáка: »Ходи по світу, изъ усіхъ рїкъ, изъ усіхъ берегівъ избирай Бóгу хвіру; и людямъ лбай, и собі дбай.«

5.

РАЗКАЗЫ О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ.

А. Близнецы превращаются въ соловья и кукушку.

Одна дівка полюби́лась ўжеві и сама злюби́ла ёго. Вінь и по-візь її въ господа. А въ ёго будїнокъ бувъ самий чїстий скляний, увесь изъ криштáлю. Либонь будїнокъ той стоявъ підъ землею, въ якїйсь могїлі, чи-щó. Ну, звісно, старá матї зпершу убивалась за нею. Якъ-то вже не вбиватьця? А та чи зляглась, чи не зляглась зъ ужáкою, вже ї завагонїла, а якъ пришло врёмтя, то розсіпалась близнятками: хлопецъ и дівчинка; обойко — якъ зъ вóску вїлились у матірь. А вона собі бу́ла така хороша, якъ квітка. Отъ, якъ давъ Богъ дїто́къ, то ї каже вона: »Отъ же, ужé коли вони въ людей породїлись, хай їхъ у людей и перехрїстимо.« Сїла въ золоту карету, поклáла дїто́къ на колїнки да ї поїхала въ село до пона́. Не докотїлась карета до царини, а вже матерї ї сказано. Старá за-

репетовала на все село, ухопила косу да до царини. Бачить дочка видіющу смерть, якъ заголосить до дітокъ, а дали: »Полинайте жъ, дітки, пташками по світу: ти, сінку, соловейкомъ, а ти, доню, зозулею.« Випурхнувъ соловейко въ праве, а зозуля въ ліве віконце зъ карети. А карета, й коні, и все незнаць де ділось. Не стало й паніі; тільки надъ шляхомъ уродилась глуха кропива.

В. Переселеніє души въ разныхъ тварей.

Зъ одноєю жінкою було ось яке приведеніє. Що піде въ поле жать, або братъ коноплі, да поставить у печі страву, дакъ хтось повиймає зъ печи горшки да й повидає все чисто. Думала-думала, що бъ вонó такé значило? ні якъ не збагнула. Прийде — двѣри позамікани, а вхати тільки й зоставалась що малá дитинка, може въ пів-го́да, у колісці. Отъ вона ударилась до знахорки; сякъ такъ упросіла її, ублагала; та й приходить. Подивілась, почміхала... сказано — знахорка: заразъ почув́ла щось непевне. »Иди жъ«, каже, »ти въ поле, а я тутъ заховаюсь да й побачимо, що вонó такé е?«

Пішла жінка въ поле, а знахорка притаїлась у куточку да й дивитця. Коли жъ дитина скікъ изъ коліски! Гляне, ажъ то вже не дитина, а дідъ. Самъ низенький, а борода оттакалезва! Заразъ за вили, цупить изъ печи горшки, ажъ крѣкче, и почавъ уплітати страву. Якъ усé впоравъ, тоді зновъ ставъ дитиною; да вже не влізе въ коліску, а тільки лежить долі да репетує на всю хату. Тоді знахорка за ёго; поставила на деркачъ и почала обрубувать деркачъ підъ ногами. Вонó кричить, а вона рубає: вонó кричить, а вона рубає. Далі бачить, що попавсь у добрі руки, зробивсь изновъ дідомъ да й каже: »Вже я, бабусю, перекидавсь не разъ да й не два: бувъ я спершу рибою, потімъ изробивсь птахомъ, мурашкою, звірукою, а се ще попробувавъ быть чоло-

вікомъ. Такъ нема лучче, якъ жить міжъ мурашками; а міжъ людьми — нема гірше!»

В. Превращеніе въ вовкулаку.

Одинъ наймить підгледівъ разъ, що хазяїнъ перекинувся черезъ пенєкъ, за гумномъ, зробивсь вовкулакою и побігъ у лісь. »Постой же!» думаетъ, »перекинусь и я; що зъ того буде?» Взявъ да й перекинувся. Ставъ и вінъ вовкулакою, и побігъ у лісь. Довго блукавъ вінъ по лісу зъ вовками и івъ усяку падалъ; далі стало ёму скучно безъ людєй; да вже не знає, якъ перекинутьца въ чоловіка. Отъ вінъ прїеде до гумна, побачить хазяїна и хоче сказати ёму по-людські, да й завіе по-вовчи. А собаки такъ и обступять ёго. Вінъ бідолаха и бежить у лісь. Да вже насїлу хазяїнъ догадавъсь, що се не вовкъ, да взявъ и перекинувъ ёго навпакі черезъ пенєкъ. Наймить ёму въ ноги. А хазяїнъ подививсь, да ажъ жалъ ёму стало: худій, якъ скіпка, а видъ увесь подряпаний: то такъ собаки ёго погризли. »Ото жъ, небоже«, каже, »не роби, чо́го не знаєшь.«

Г. Превращеніе въ »пригжжоватаго« волка.

Іхали два чоловіки да й заночовали на полі, у чагарникахъ. Лягли спать, ажъ чують — за вóзомъ наче що здихає. Спершу їмъ було страшно, а потімъ байдуже да й заснули. Проснулись на другий день: коли жъ то вовкъ, худій якъ дошка; тільки ко́жа да ко́сті. Сїли й поїхали. И вовкъ за їми їде; далі положивъ и голову на візь, да такъ жалібно дивитця, що й рўки не піднялись ударить ёго. Кїнули ёму шматокъ м'яса — не їсть; кїнули хліба — ухопивъ и помчавъ у чагарнякї. Отъ приїхали въ село да й стали росказувать про се чўдо. Такъ одинъ дїдъ и ка́же: »То ви не вовка бачили; а то колїсь у насъ незнать куди дївався па́рубокъ да й ходить тепєрь пригжжуватимъ вóз-
з»

комъ. Не займає нічого и живе тільки хлібомъ, що хто-небудь дасть.

Д. Превращеніє въ кукушку и дятла.

Зозуля й дятель були перше людьми, а послі Богъ такъ давъ, що поробились птицями. Прислухайсь инколи до дятлового гнізда — наче чоловікъ. То стогне дятель: у ёго голова болить, що знай стукає въ дѣрево.

Е. Превращеніє въ сирень.

Пісні не народъ складає, а морські люде. Въ суботу грає море; на море впливають морські люде, що половина чоловіка, а половина риби, впливають и співають усякихъ пісень; а чумаки стоять на березі да й учатця.

Ж. Человѣческій языкъ у птицѣ.

Колись було такѣ врѣмья, що усі звіри й птиці говоріли чоловічимъ языкѣмъ. Ключі одъ вірея були тогді у ворони: да вона прогнівила якось Бѣга, дакъ тепѣрь ключі одъ вірея вже въ соі. Соба летить туди напередъ усіхъ птицѣ, одчинить вірей и вертаєтця назадъ.

6.

РАЗСКАЗЫ О ВЪДЬМАХЪ.

А. Вѣдьма помогаєть сыновьямъ-охотникамъ.

Було собі три брати и жили полѣваннемъ да риболовствомъ, и такъ же то імъ щастило, що тільки націлтця — заєць и ё; закине неводъ — риба такъ и лізе. Спершу були й раді, а по-

тімъ узялі їхъ думки да гадки. А про їхъ матюрь говорено, що вона відьма. Отъ вони и кажуть: »Попробуемъ же, чи правда сему.« Збираютьця разъ на охоту, а вона й питає: »Куди ви, синкі, йдете?«

»Пійдемъ, мамо, рйби ловить.«

Да забравши крадькома рушніці, тенета, собакъ, и пішли за зайцями. Роскінули тенета, загавкали собаки, коли жъ и летять у тенета карасі, окуні, щуки, — такъ изъ дубняка й сиплють. Вони тоді, покидавши все, додому: »Мамо голубко, не помагай намъ! нехай тобі все добре.«

Такъ мати вже й перестала імъ наворожувать.

В. Способы узнавать вѣдьмъ.

Якъ доїть відьма корову, то її побачишь тільки скрізь таку борону, щобъ почавъ уранці робить да до заходъ сонця и зробивъ. (1)

Ще можна пізнать відьму потому, що якъ топить її, то не тоне. Разъ у якимсь-то селі, за Дніпромъ, неділь зо три не було дощу. Отъ и почали топить бабъ, про котрихъ говорено, що відьми. Такъ трое не потонуло, хочъ и руки й ноги були позвязувани. Стали їхъ допрощувать, такъ одна й призналась: »Що жъ«, каже, »повове громадо! лазила я догорі ногами на фігуру да на скілько забачила світу, стілько и вкинула голоду.« А друга тожъ призналась, що лазила такъ якъ и ся, да скілько забачила світу, стілько одібрала молока. А трейтя призналась, що сиділа въ болоті на ча плінихъ яйцяхъ, да вже що вона черезъ те заподіяла миру, того не впало мині въ памятку.

Відьма не ходить туди, де есть домовникъ; вінъ її заразъ

---

(1) Для Малороссійскаго *тѣсли* это — дѣло невозможно, и потому напрасно кто-нибудь сталъ бы искать такой бороны въ Малороссіи. А Русская, разумѣется, не годится.

укладє. Ще вона боїтця собáкъ-ярчуків; тимъ-то якъ народятця ярчукі цуценята, такъ вона їх знайде да й позадавлює волосомъ. Хибá накрієшъ осіковою бороню, абó осіковими тріска́ми; то б́дуть живі, бо вона того́ дєрева боїтця.

Ще коли хочешъ познáть в́дьму, то стереж́й купáльного п́пелу. Вони купáльний п́пелъ в́рають у воді, якъ тр́ба імъ летіть на Л́су Ѓру, да якъ побр́зькає себє т́ю водою, то й полет́ть у ќмень.

Од́нъ чоловікъ побáчивъ скр́зь б́рону, що в́дьма д́йтъ корóву да до її зъ дубиною. А вона: »Сядь, Гордію!«

В́нъ и с́въ.

»Сидишъ, Гордію?«

»Сиж́у.«

»Ну, и сид́ жъ.«

Сид́ть той Ѓрдій до п́вночи; сид́ть и за п́вночъ. Уж́е и св́тъ, а в́нъ сид́ть; уж́е й оп́вдні, а в́нъ сид́ть. И́бти сид́въ на одном́у м́сті п́ки не пришлá в́дьма да не звел́ла ёму встать.

В. О томъ, какъ »прирожденныя« в́дьмы заправляють своихъ дѣтей.

Од́нъ чоловікъ женив́сь и взявъ собі ж́нку изъ др́гого селá. А в́ ёго в́ хáті живъ ищ́е бáтько, мáти и м́нши браті. Отъ якъ ёго ж́нка завагон́ла, такъ т́ща й кáже ёму: »Привез́ жъ її до мене рожáть, бо я самá собі живу в́ хáті.« В́нъ и зроб́въ такъ. Отъ якъ настáло вже ж́ноче д́ло, в́нъ в́шовъ изъ хáти да т́лько д́витця в́ вікно́. Що жъ би ви д́мали? Т́ща взяла да й пересновáла мот́зочкою нáвхрестъ хáту, изъ куткá в́ кут́къ. А дит́на вже леж́ть у зáпечку да кувáкає. Вона́ якъ св́сне, дит́на якъ в́скочить изъ зáпечка! да по т́й мот́зоці поб́гло сюд́-туд́ да зновъ у зáпечокъ. Чолов́к бáчить, що тутъ чортя́чі яќсь химор́ди, ув́йшовъ у хáту розс́рдившись: »А ну, ж́нко, одяга́йся да по́демъ до́ому!«

Теща вже тутъ и те, и се. Ні, поїдемо да й поїдемо.
Поїхали.

А на дорозі їмъ річка. Вінъ зупинивсь: »Уставай, жінко зъ вѣза!«

Жінка встала.

»Росповідь да положи дитину!«

Вона не слухає. Вінъ її нагайкою. Мусила вона положитъ на зѣмлю росповіду дитину.

Вінъ тоді переїхавъ вѣзомъ зъ жінкою черезъ річку.

»Теперъ свищи!«

Вона якъ свисне! дитина сховилась да черезъ воду! такъ и вродилась коло вѣза.

Чоловікъ тоді и рѹки попустивъ.

»Що жъ се такѣ е?« почавъ роспитувать у жінки.

»А що жъ?« каже; »оце те, що я зъ матірью *прирожденни* відьми; такъ у насъ усѣ такъ заправляють дітѣй. Тільки не бійся: *прирожденна* відьма не така злюща, якъ *учѣна*. Вона тільки одборонятця одъ нечистої сѣли, а сама нікому зла не діє.«

Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человека.

Якъ захоче відьма когѣ прикликать до себѣ, то варить корень изъ зілля *тірличъ* (¹). Отъ якъ почне кипіть той корень, то все наче булькотить: »Грицю! Грицю!« чи якъ тамъ зовуть тогѣ чоловіка. А той зніметця да й полетить якъ птахъ, и все тільки: »Пить! пить!« Якъ трапитця добрий чоловікъ, то розстѣле на землі хустку. Вінъ спуститця, напѣтця да й зновъ летить. Що дужче кипіть, зілля, то швидче вінъ летить. Добре жъ якъ ні за що не зачѣпитця; а інколи вдаритця объ дѣрево, абѣ-що да й капуть.

(¹) *Volantia minor*.

Д. О томъ, какъ знахоръ управляетъ бурею.

Бувъ тутъ колісь у нашому селі одінъ Австріяць, и такій бувъ знахоръ, що було направити, або одведé дощъ або градъ, якъ хоче. Було оцé жнемъ у полі хлѣбъ; отъ и находить хмѣра. Ми давай скорій износити снопи, а ёму й байдуже, жне да жне собі, потягуе люльку да й каже: »Не бійтесь, дощъ не буде! То гляді — и нема дощъ. Разъ — се вже я своїми очима бачивъ — жнемó ми жито; якъ ось небо почорніло; піднявся вітеръ; загуло спѣршу одалекі, а потімъ надъ самою у насъ головою. Грімъ, блискавиця, вихоръ... така піднялась хуртовіна, що Бóже твої воля! Ми за снопи, а вінъ: »Не бійтесь, не буде дощъ!« Де вже тобі не буде? Не слухаємъ ёго. А вінъ закуривъ люльку да й жне собі помалу.

Ажъ ось, де взявся чоловікъ на чорному коні и самъ увесь чорний; летить и прямо до Австріята: »Эй, пусті!« каже.

А Австріяць: »Ні, не пуцъ.«

»Пусті, сділай мѣлость!«

»Не пуцъ: було такъ багáто не набирáть.«

Чорний іздець припáвъ до грѣви и помчáвся, помчáвся по полю.

Тимъ часомъ чорна хмѣра посизіла и побіліла. Старіи наши полякались, що буде градъ. А Австріяць байдуже. Жне собі да курить люльку.

Ажъ ось изновъ де ні візмійсь іздець; мчѣтця по полю ще швидшъ одъ першого. Тільки сей ужé весь у білому и на білому коні.

»Пусті!« кричѣть до Австріята.

»Не пуцъ!«

»Пусті, Бóга раді!«

»Не пуцъ: було не набирáть такъ багáто.«

»Эй, пусті, не відержу!«

Тоді тільки Австріяць розогнѣвся да й каже: »Ну, вже ступай, да тільки отъ у той байрáкъ, що за нивою.«

Тільки що вимовивъ, уже іздця нема, а градъ такъ и сицнувъ якъ изъ кошика. Черезъ малу годинку, байракъ увесь засипало, якъ есть тобі, рівно зъ краями.

Е. О томъ, какъ видмачъ управляеть пчелами.

Бувъ собі пасічникъ, и була въ ёго пасіка пополамъ изъ небожемъ. Тільки небожь дивитця, що на дядьковій половині ўльні завсегдѣ понабівани медомъ, а въ ёго такъ собі. Отъ дядько, помирковавши, що небожь заздритця на ёго пчоли, да й каже: »Слўхай, небоже: може ти думашъ, що я одобрѣвъ собі лўччі ўльні; то коли хочъ, бері на ту весну мою половину, а я візьму твою.«

»Добре!« каже небожь.

Отъ и помінялись. »Ну«, дўмае собі, »теперъ же й я наберу́ меду!« Тільки якъ Спасу тамъ, чи що довідетця до меду, ажъ ёму пчоли наносили ще мѣнше, нїжъ у томў годі. Що за бідá така́я? Якъ ось разъ вінъ прохóдить увечері поузь дядькову пасіку; слўхае, ажъ у одному ўльні щось н́аче розмовляе. Вінъ приложивъ ўхо, ажъ то м́атка говóрить изъ пчолами.

»Де ви«, каже, »попáли сю кобйлу?«

»Да тамъ«, кажуть, »леж́ала за байракомъ, да вже собáки половину зз́или, а намъ зостáвили т́илько задъ.«

»Що жъ, ви увесь уже сюди втягли?«

»Ні, хв́истъ не помістивъ, такъ в́исить изъ-надвору.«

Небо́жа н́аче хто сн́ігомъ по сп́ині потёръ. Гля́не, ажъ изъ очкá такъ и теч́е густá пáтока, такъ н́аче ќинський хв́истъ. Вінъ тоді й догад́авсь, що ёго дядько видмачъ да й годі вже ёму зав́идувать.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ.

А. О томъ, какъ мертвецъ приносилъ ужинать ткачихъ.

Разъ отó ми довго седли зъ вѣчора, да й забувъ, чо́го: чи гарбуза дожидались, покуль испечѣтця, чи, мѵже, лишень, чи не капусту шаткували на сѣмимъ дни. У насъ, бачите, така́я заведѣнця, що коли хто хоче, щобъ удалась капуста, то треба зачинать шатковать на сѣмимъ дни, якъ молодикъ настане. Седимó ми да й седимó, що ажъ спать ужé захотилось, а далі и стали балакать то про се, то про те. Толковали тутъ и про капусту, и про буряки, и хто якъ пряде, и що на тимъ світі бѵде, хто празниківъ не глядїть, и які приведенія кому́ булі. Да якъ стали про се вже розказувать, такъ хто попереду вже спать хотівъ лягать, то вже боявся изъ мїсця зїйти, щобъ перейти тудї, де хто послався. А нікому, здаѣтця, не було страшнїйшъ, якъ мині, бо я такі и зъ-рѵду боюсь сїхъ відѣмъ да манягъ... Духъ Святїй при насъ и при дѵшахъ напихъ! Марта́ наша, поглядївши у вікно, да й ка́же: »Чи не принесѣ й намъ вечеряти мертвецъ, такъ якъ Одарчинїй мäterи?

А ми й стали питать, коли и якъ? Марта́ ажъ розсѣрдилась, що ми не знаѣмъ, да й ка́же: « Чи вамъ по три годки, чи що, що ви и сѣго не чѵли?... Седїть, ка́же, вона́ покійна да й тче плахту. А вона́, бачте, на всїй околотици́ пѣрва була́ ткаля: ужé чи снїятку, чи семирѵгу, чи колѣщату, або й закладану шовкову, такъ такъ, якъ на бомазі випише. Отъ, якъ була́ вона́ така́я ткаля, дакъ одусюди несуть їй тїи плахти́, що й робїть не вверталась. День и нїчь, було, сидїть да все тче, да все тче.

Оттакъ вона́ разъ седїть довго, що вже всї люде́ давнѵ й спать полягали. Коли жъ хтось у двѣри стукъ-стукъ да, питаѣ: »Чи ти, кумá, ищѣ не вечеряла?»

А вона́ ка́же: »Нї«, да чо́гось и стало їй такъ страшно! и дѵмае собі: »Хто жъ би се такий?»

»А далі, устáвши зъ-за верстáти, и ~~давай~~ христítь вікна й двѣри. Ажъ тутъ якъ загудѣ щось на дворі, ніби вихоръ ! а далі и хóдить колó хáти да й рóхає якъ свиня; а далі вже одчиняє й двѣри. Двѣри булі зáмкнути, а вонó такъ и очинило. Увійшло въ сѣни да, причинивши хáтні двѣри, якъ пирхне! а далі погляділо по хáти да й кáже: »Ну, шаслїва жъ ти! А я тобі привеслá вечѣрять.« Да якъ покаже, дакъ зовсімъ її покійний чоловікъ. А Одáрчина мáти якъ глянула, дакъ изъ рáзу такъ и бѹхнула на зѣмлю, да на трѣтій, чи на четвѣртий день и Бóгу дѹхъ оддалá.»

В. О томъ, какъ маъ видѣла мертвеца сына.

Однá жінка довго плакала по своїмѹ сѣну. »Колїбъ минї ёго побáчить хочъ мѣртвамъ!« Отъ люде й порáяли їй пїйтї въ ночі у цѣрку, якъ изїйдутця усї мерцвї, да взятъ, про случáй, и пївня. Пїшла вонá и стáла колó цѣрки. Якъ опівночи дївѣтця — идѣ зъ кладовїща гурбá мерцвївъ; а мїжъ нимї и її сѣнъ. Идѣ и несѣ відрó слїзъ: отó, що мáти наплакала. Якъ побáчила ёго мїжъ мерцвїями, да зъ ляку якъ кїнетця втїкáть до дóму. А вїнъ почѹвъ мáтеринъ дѹхъ да за нею! Отъ вонá давай скидáть зъ себѣ одѣжу. Що скїне, то вїнъ ухóпить и розїрве; що скїне, то вїнъ ухóпить и розїрве. Да вже якъ добїгла до порóга, тоді пївень какарїку! Мертвѣць упáвъ, а вонá черезъ день и вмѣрла. Сїновї тяжко, якъ мáти по ёмѹ тѹжить; а мáтері вѣсело лежать, якъ дїти плачуть по їй.

В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать.

Однá дївка пришлá до ўтрени; тїлько дївѣтця — усѣ незнакóмнї їй люде. Колї жъ пїдошлá до неї її хрищѣна мáти покїйниця, взялá за рѹку да й кáже: »Утїкай, якъ мóга утїкай звїдсі! атó якъ побáчить тебѣ рїдна мáти, то розїрве на шматóчки.« Дївка чимъ-дуже додóму. Прибїгáє вже до хáти, ажъ щось гудѣ

и вие ззаду. ~~Одвѣтця~~—ажь за нею женѣтця рідна мати. Дівка скіннула зь себе свѣтку — мати вхопіла й розорвала; скіннула зь голови хустку — мати розорвала й хустку. Убігла дівка вь хату да й упала безь пам'яті. А мати зупинилась на порозі, завїла страшно, повелá по всій хаті очима та й зникла.

Г. О томъ, какъ снаряжають умершихъ на тотъ свѣтъ.

Якъ умрэ, то вже звісно, завяжуть ёму у сорóчку шагъ, щобъ купивъ собі місто на тїмъ свѣті. А бабі сповитусі кладуть у домовїну палицю, а до пояса привяжуть хусточку зь макомъ. Пáлицею вона б́уде одбиватьця одь своїхъ внúчківъ, бо тїі нападуть на її, на що вона їхъ на свѣтъ випустила! Якъ же вже придѣтця їй круто, тоді кине їмъ жмѣню маку; поки позбирають, а вона и втечѣ.

8.

РАЗСКАЗЫ О ЧЕРТЯХЪ.

А. О томъ, какъ черти выманили у одного чело́вѣка сало.

У одного чоловіка висіло у сїняхъ на колесі сало. Отъ чортяка й провідавъ, — а й чортї, мабуть, знають у ёму смакъ. Провідавъ да до чоловіка: »Спусти да й спусти мині колесо: я тобі насиплю повну пашѣнну яму грóшей.«

»Ну, коли насиплешъ«, ка́же чоловікъ, »то спущу«.

Отъ и спусти́въ. Тоді чортї якъ почали возить ёму грóши, то підвода за підводою такъ и іде, да все сиплють у яму. Насіпали повну яму да й питають: »Куди́ ще сипать?«

»Да сипте«, ка́же, »хоть у засіки, ви́бравши мукú.«

Чортї ви́брали мукú и насіпали ёму грóшей повні засіки. »Тепѣрь прощай!« и поїхали собі.

Якъ поїхали чортї, то чоловікъ уже й не спить да все радуєтця, що разомъ забагатівъ. Коли жь оглѣдитця на другий день уран-

ці, ажъ и сала нема, и въ ямі, и въ засікахъ ~~сидіть~~ угóлля, то-що пополамъ изъ мукóю.

Б. О томъ, какъ черти сьиграли роль мельниковъ.

Одїнь чоловікъ повїзъ у млинъ молóтъ жїто. Іде по́лемъ, коли жъ стоять млини. То, бу́ло, й води тутъ невідно ні якої, а то млини стоять. »Що за чортъ?« д́умає собі. Ажъ ось виска́кують изъ усіхъ млинівъ мірошники... а то не мірошники, а куцаки. Той до себе тягне. »Ідь до менé! ідь до менé!«

»Чортъ изъ ва́ми!« ка́же чоловікъ, да скорішъ и приверну́въ до котóрого бу́ло б́лижче.

»Ну, чоловіче«, ка́жуть ё́му, » ми зъ тебе розміру не візь-мемъ, тїлько возьми за по́ясъ о́ці саковкі да одвези о́це письмо́ у Краси́ловку до М****.«

»Добре«, ка́же чоловікъ, и радъ; бо до Краси́ловки бу́ло не далéко. Дали ё́му й коня́. Не вспівъ сісти, гляне — уже и въ Краси́ловці. Подавъ письмо́ М****. А М**** якъ прочита́въ, то такъ ё́му й насипавъ по́вні саковкі червінці́въ. »Вези́ жъ«, ка́же, »сі гро́ши туди́, звідкі привїзъ письмо́.«

Изно́въ, тїлько що сівъ на коня́, уже й коло́ млинівъ: »Э, да тутъ же, мабу́ть, не своя́ сі́ла замішáлась!«

Приво́зить гро́ши и оддаé мірошникамъ.

»Вїзьми́ їхъ собі, доб́рий чоловіче«, ка́жуть куцаки́.

»Не хóчу«, ка́же той чоловікъ.

»Возьми́, дурню́; б́удешъ насъ споминáть.«

»Не хóчу« да й тїлько.

Забра́въ свою́ мукóу да й поїхавъ. Ажъ ось на дорóзі наганя́ють ё́го зновъ тїі мірошники: »Да возьми́, земля́къ, атó б́удешъ по́слі жалковáть.«

»Не треба́ мині́ ва́шихъ гро́шей, лю́де доб́ри!«

И не взявъ. Отъ якъ при́хавъ до́дому, то й роска́зує жінці́. Жінка такъ и напустя́лась; трóхи не бїла.

«Да якъ же було мині братъ, коли я боявсь, щобъ посли нагнавши и само́го не задушiли?»

«Дурню ти ходишь!» ка́же ёму́ жiнка: «хто жъ би ставъ тебе души́ть, давши тоби грошей?»

Подума́въ-подума́въ той чоловік. Разъ же, що жiнка лае, а дру́ге — и грошей жалъ. «Поiду!» ка́же: «що бу́де, то бу́де!» И поiхавъ.

Приiхавъ на те саме мiсто — хочъ би тоби слiдь якiй, що були́ млинi!

В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомнялуъ чорта.

Одинъ такий нашъ чоловікъ поiхавъ до млина. А млинъ бувъ недалёко. Приiзди́ть, гляне, ажъ сидiть чоловікъ на полі.

«Чо́го ти сидишь на полі?»

«Такъ мині Богъ давъ.»

«А де мiрошникъ?»

«Я са́мий старший надъ мiрошника́ми. Я змелю́ тоби жiто дурно, тiлько возьми́ оцeй ка́мень, що лежить передъ тобою, да однеси́ до пана Янковського. По́ки донесeшь до пана Янковського мука́ тво́я бу́де й гото́ва.»

«Да я ёго изъ мiста не зворухну́!» ка́же той чоловікъ.

А въ ка́менi, здава́лось, та́къ, бу́де пудовъ десято́къ.

«А ну жъ, попробуй.»

Попробова́въ — не бу́де й пуда.

«Добре», ка́же, «понесу́.»

И понiсъ. Подае́ пану. Панъ хри́ститця и не берe. А то не ка́мень, а то́рба грошей.

«Одъ ко́го се?»

«Одъ то́го, що сидiть на полі.»

«Неси́ жъ ти ёму́ наза́дъ да скажи́, що мині не трeба.»

Прихо́дить чоловікъ икъ то́му, що сидiть на полі, да й перека́зуе па́нови слова́.

А той ёму: »Иди жъ ти до Янкóвського ще разъ, да спитай ёго: коли вінъ мене згадувавъ?«

Чоловікъ пішовъ да й питае: »А коли ви, пане, згадували того, що на полі сидить?«

А се було скоро після великоднихъ святъ.

»Що жъ?« каже, »згадавъ я ёго, грішний, на трейтій день празника. Сівши зъ семъёю їсти паски, я за щось розсердивсь да й не вдержавсь, щобъ не назвѣть лукавого.«

Вернувся чоловікъ: »Отгѣкъ и такъ исказавъ пань.«

»Отто-то!« каже тоді куцакъ. »Сімъ людымъ ні який гаспедъ не вгодить! Згадуе мене за паскою: вже жъ, видно, ёму мене треба; а пославъ гроши, такъ и назадъ!... Бері жъ, чоловіче, свою мукъ да їдь собі додому.«

Чоловікъ забравъ и поїхавъ. Ажъ ось наганяе ёго, вѣрхи на коні, пань такий ўбранный, що ажъ сяе; а ззаду кишки висятъ: »Ти въ насъ щось укравъ!

»Бóже мене сохрани!« каже чоловікъ: »я зъ роду ні въ кого не вкравъ и тютюну на люльку,«

»Ні, вкравъ, да й годі. А ну, хлопці, пошукайте!«

Тутъ де взялись и хлопці, да якъ принялись шукать у мішкахъ, то всю мукъ перемішали зъ піскомъ такъ, що чоловікъ покінувъ на дорозі; а самі на коней да й поїхали.

Долго ~~разказывалъ~~ мнѣ старикъ, сидя въ Вольтеровскихъ креслахъ и помѣшивая уголья въ каминѣ; наконецъ его умственный запасъ истощился, и мы разстались, довольные другъ другомъ. Между тѣмъ у меня былъ на примѣтъ другой старикъ, который считался первымъ сказочникомъ во всемъ околоткѣ. Утромъ на другой день я посылаю звать его къ себѣ; но мнѣ объявляютъ, что этотъ *didъ* ужъ очень дряхлъ и только лѣтомъ выходитъ изъ своей хаты, а всю зиму проводитъ на печи. По-этому я отправился къ нему самъ.

Меня повелъ хлопецъ. Шли мы глубокой тропинкой, точно оврагомъ. Съ обѣихъ сторонъ его края заросли лицей, которая

висѣла, въ ивеѣ и снѣгу, какъ бѣлые волосы. Крыши сосѣднихъ хатъ были покрыты свѣжимъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго чернѣли только низенькія, лѣтомъ вовсе не черныя стѣны съ маленькими оконцами. Пушистая, вся побѣлѣвшая земля рѣзко отдѣлялась отъ неба, особенно при горизонтѣ, гдѣ на небѣ темнѣли опустившіеся внизъ пары.

Хата *дѣда*, не слѣзающаго съ печи, стояла поотдаль отъ другихъ хатъ, какъ-будто въ полѣ. Кругомъ ни кола, ни двора. Я насилу добрался за снѣжными сугробами ко входу и не безъ усилій отворилъ низенькую, обросшую мохнатымъ инеемъ дверь. Въ хатѣ не было никого, кромѣ сѣдого *дѣда* на печи, въ сорочкѣ и полотняныхъ, дыравыхъ шароварахъ, да его внучка въ грязной и оборванной кругомъ люлькѣ. Отъ люльки протянута была къ старику веревка, посредствомъ которой онъ колыхалъ своего внучка. На *прѣпечкѣ*, у самаго жару, покрытаго пепломъ, сидитъ худой, пѣгій котенокъ. На лавкахъ мѣстами разсыпана крупа и разный сѣстной соръ, мѣстами валяется никуда негодное тряпье. Бѣдность безъ малѣйшаго покрова бросилась мнѣ въ глаза.

Я поздоровался съ дидомъ, перекинулся съ нимъ двумя, тремя словами и за дѣло. Онъ былъ високаго мнѣнія о своемъ талантѣ.

»Де вамъ хто ні казавъ, да такіхъ не казавъ, якъ я знаю (такъ началъ онъ). Постойте, надумаюсь, которую бъ сказати вамъ. Ну, вже жъ слова изъ пісень да зъ казокъ не викидають. Я буду вамъ казати, да й не мішатъ мині, не перебивати.

СКАЗКА О СОЛОВЬѢ РАЗВОЙНИКѢ И О СЛѢПОМЪ ЦАРЕВИЧѢ.

Десь-недесь, у якійсь-то землі, бувъ собі царь, и мавъ вінъ собі жінку царіцю, и прижили вони собі сина, якъ сокола. И не такъ-то хутко діетця, якъ швидко въ казці кажетця, дійшовъ вінъ собі розуму совершенного. И бувъ у царя первий совітникъ, и вінъ съ царемъ покумавъ. И въ первого совітника то-

жъ синъ совершенного ума. И виїхали вони въ чїсте поле вдвохъ на погулянне, и въ їх увєсь припасъ : шабля при їхъ, и рушниця при їхъ. Почали вони собі пустовать, и трєба їмъ посєрдитьця міжъ сєбе, и той царєнко томۇ першого совїтника сїновї изъ пустоти одтявъ рўку по плечє.

И приходить первий совїтникъ до царя : »Ваше царське величество, минї шкода зроблена.«

»Якѣ тобї шкода?

»Такъ и такъ«, каже : »вашъ синъ моєму сїновї рўку одрубавъ.«

Царъ же бо на свого сїна велико сєрдився и велївъ єго въ темну темницю засадить, и не велївъ єму їсти й пити дати. И сидить вінъ мѳже якїхъ днївъ пять, шість, не пївши, не ївши. И мати єго почула сєє да, щобъ нїхтѳ не знавъ, послала єму їсти зъ служєбкою. И сама зъ своєї тўги пішла по саду проходжуватьця. Ну, идуть вони поузь темницю и гомонять удвохъ изъ служєбкою. Почувъ вінъ єї гласъ да й каже : »Ой моя матїнко! бїдте милосєрдна, украдьте въ бѣтька ключї да й випустїть мене зъ темної темницї.«

Отъ мати вкрала въ-ночі ключї да й пішла випускати. »Ну, що жъ ти, мїй сїну любий, що я тебе випустила? и минї на свїтї не бутъ.«

»Не бїсь, моя мати рїдна, сїдай на коня зо мною; де я бїду, тамъ и ти.« [Вїнъ такий лицаръ вчинївся, що наславъ на конюхївъ сонъ, и вони поснўли смертєльно.]

Якъ поїхали вони на їншую зємлю, на тридєсѣте царство, въ їнше государство. Доїжджѣють вони до зелєного здоровєнного гаю верстовъ за пять. И въ томۇ гаю живъ Соловєй, великий розбѳйникъ, сїльний, могўчий багатїрь. И убивѣе вінъ своїмъ свїстомъ за пять верстовъ. Якъ свїснувъ, то кїнь и впавъ на перєднї нѳги. Отъ сей царєвичъ схопївсь. »Що ти«, каже, »коню мїй, спотїкаєся?«

»Панє мїй милїй, панє мїй любий! якъ минї не спотїкаться?
З. о Ю. Р., II.

ця, що я несучу двох вась сильних, могучих багатирів, ще й третій свиснувь?»

Уїжджає він у ту дуброву да й шукає собі міста такого, щоб спочити. Отъ и бачить, що три дуби у-күпи стоить. Мати каже: «Одпочиньмо у тихъ дубівъ.»

И приїжджають вони до тихъ трохъ дубівъ, ажъ посередині колодязь, а тамъ вода ажъ ворона. Срібне да золотé цямринне. На версі дубівъ Соловїне гніздó.

Царевичъ и каже? «Такъ се ти, Соловїй, великий розбóйникъ, зачавъ зо мною гратьця?» да якъ ударить ёго зъ оружжїни, такъ вінъ такъ и впавъ на цямрину. Тоді за лучóкъ. «Чи не вбью я», каже, «птиці якої?» и пішовъ по пўщі.

Лежить на цямрині той Соловїй розбóйникъ, а мати пожалкувала ёго да її зачала воду брати, зачала поливать ёго, поки вінъ и оживъ.

И рече їй Соловїй: «Ой, душа ти моя любая! якъ ти мене пожалкувала да й одъ смёрті оборонила! Я тебе не забуду, а ти мене не забудь. Дастъ Богъ, ми зїдемося до-күпи.»

Вернувьсь царевичъ, дивитця: «Де жъ», каже, «мати моя, Соловїй розбóйникъ?»

«Щó жъ», каже, «сїну любий? поливала я ёго водою, а вінъ знявься да її полетівъ.»

Спочїли вони зъ матірью, осїдлали коня-винохода и поїхали собі. И зновъ поїхали на їншю землю, на тридесяте царство, въ їнше государство. И тамъ у томú царстві царь умёръ. Уїздятъ вони въ гóродъ, уїздятъ у сўдь, ажъ у сўді сумюють, що «въ насъ царя нема, нікому охраняти нашого царства.»

Вінъ и підлицяетця. «Я», каже, «бўду въ васъ царёмъ и охранїтелемъ вашого царства.»

Отъ вони дали ёму будинокъ, — вінъ собі й живé — не такъ-то хўтко дїетця, якъ у кáзці кажетця — годъ, абó два. И сїдає вінъ собі коня-винохода да й їде по всёмú царству; їде, зъ якого краю, якáя земля на ёго царство встає. Мóже, вінъ тамъ

який день, або другий їздить да вже з такими кралами да царями зазнаётця.

Отъ Соловѣй, великий розбійникъ, навідався до ёго матері и радятця вдвохъ, що якъ би ёго зъ світа згубить. И мати рече: »Соловѣю! вінъ такий въ менѣ сильний и могучий багатирь, що намъ ёго ні якъ не можна зъ світу згубить.«

А Соловѣй, великий розбійникъ, каже: »Можна! Якъ приде вінъ додому, такъ ти занедужай. Стане вінъ тебе питать: »Чого ви, мамо, занедужали!« — »Що жъ, синку? десь-недесъ, »въ иншому царстві е Баба-Яга, що держить вишні-черешні, и колибъ ти мині тихъ вишень доставъ, такъ я бъ попоіла да й »здорова була.«

И приїздить ей синъ додому, и вона у недужихъ зробилась. »Що ви, мамо? чимъ занепаіли?«

»Оттімъ и тїмъ, синку. Десь-недесъ, въ иншому царстві е Баба-Яга, що держить вишні-черешні, и колибъ ти мині тихъ вишень доставъ, такъ я бъ попоіла да й одужала.« [А то, бачте, така Баба-Яга, костяная нога, що на мідному току молотить, москалівъ робить.]

Вінъ сівъ на коня-винохода и поїхавъ. Якъ поїхавъ вінъ на иншую зѣмлю, на тридесяте царство, у инше государство, ажъ стоить городъ, такъ обнесѣнный, якъ жаромъ. Уїжджае вінъ у той городъ, а тамъ будинки стоять такі, що й сказати не можна. И въїжджае вінъ до тиі баби въ двіръ, коли стовбъ, а до стовба кінъ привязаний и жаръ ість. Вінъ устѣвъ зъ свого коня, дивитця, ажъ три кільця: одно мідне, друге срібне, трѣте золотѣ. Вінъ стоить да й думае: »Привяжю я за мідне, скажуть, що який-небудь пустякъ; привяжю до срібного — скажуть: »Да се що-небудь тутѣшне.« Ні, лучче привяжю до золотого; нехай знають, що приїхавъ не свій братъ, Руський царевичъ!«

Приходить вінъ до будинокъ, ажъ вийде три дочкі тиі баби на рундукъ: »А, здоровъ, здоровъ, Руський царевичъ, сильний, могучий багатирь! Що тебе сюди занесло? чи човникъ, чи весло?«

»Ні«, каже, »менé ні щó не занесло; я самъ, добрий молодéць, заіхавъ.«

»Якій ти«, кажуть, »дру́жба, хоро́ший, да убъé тебе на́ша ма́ти!«

Винъ и питае їхъ: »Дé жъ ва́ша ма́ти?«

»У саду́, на мідному току́ москалі рóбить.«

И беруть ёго за білі рúки, ведуть ёго у будіно́къ и цілúють въ уста. Зара́зь посадили ёго за сті́ль, дали ёму́ попоісти, добре нагодува́ли ёго й напоіли да й ка́жуть! »Ну, иди́ жъ тепе́рь, нашъ лю́бий го́стю, у садъ до ма́тери.«

Провели́ ёго до ма́тери, а самі поверта́лись, не дали́сь у вічи ма́тері. Отъ винъ и приходіть: »Здорóва, Ба́бо-Яга́, косяна́я нога́! Щó ти рóбишь?«

»Здорóвъ«, каже, »Рúський царéвичу,, сільний, мо́гúчий багаті́рю! Щó тебе сю́ди занесло, чи чо́вентъ, чи весло?«

»Ні«, каже, »менé ні щó не занесло; я самъ, добрий молодéць, заіхавъ.«

»Щó жъ?« каже, »чи бúдемъ битьця́, чи бúдемъ мирітьця?«

»Ні«, каже, »бабúсю, не то́го я заіхавъ, щóбъ мирітьця!«

Вона́ зара́зь крикнула на своїхъ служе́бокъ: »Піднесі́те залі́зного бо́бу рéшето!«

Піднесли́ їй, вона́ й ви́їла тée рéшето.

»Тепе́рь же, Рúський царéвичу, сільний, мо́гúчий багаті́рю, ко́лі такъ, такъ дава́й битьця!«

Отъ, якъ ухóпить Ба́ба-Яга́ Рúського царéвича да въ мідний тикъ, такъ по колі́на и вті́сла. Винъ ба́бу якъ згрі́бъ, якъ ударить, такъ вона́ такъ підъ рúки и вбі́гла въ тикъ. Ну, вона́ тоді́ дава́й просі́ть Рúського царéвича: »Сине́ мій любéзний, Рúський царéвичу! положи́ зми́лованне такé, не дай ми́ні пропа́сти!«

Отъ винъ узя́въ е́ї, витягъ. »Ну«, каже, »вра́жа ба́бо, я дýмавъ тебе́ тутъ и вб́ить, да живі́ щé на сві́ті.«

Отъ ба́ба берé ёго за білі рúки, цілу́е ёго въ уста и приво́дять

до дочокъ: »Дочки мої любіи! якийсь-то приятель до насъ наіхавъ.«

И гуляли вони собі день якъ золото, другий якъ срібло, третій якъ мідь, хочъ и додому їдь. И нарвала ёму вишень-черешень ягодъ хустку цілу, — отто матері на гостинець. Вінъ подягувавъ бабі и дочкамъ да й їде собі зъ Богомъ.

А Соловѣй, великий розбійникъ живѣ зъ матірью. Вінъ, може, неділь зо дві проїздивъ, а Соловѣй прилітає да й живѣ зъ матірью. И думавъ вінъ ёго тамъ баба вбѣе. Подивитця въ прозорную трубу, ажъ вінъ їде відтиля. »Ой, душа моя люба!« каже, »и ягодъ везе. Теперъ мині не жїть съ тобою!«

И не такъ-то хутко дієтця, якъ швидко въ казці кажетця. Приїжджає вінъ до матері да й кланяєтця вінъ матері гостинцемъ. Отъ вона якъ наїлась тихъ ягодъ, такъ то була хороба, а то щѣ краща стала.

Одпочївъ вінъ тамъ день, або другий, велївъ сїдлатъ коня и поїхавъ зновъ по гринїці. Прилітає Соловѣй, великий розбійникъ, до ёго матері знову да й радяєтця: якъ би то ёго зъ свїту згубїть, щобъ на ёго місті здіятця царемъ? Отъ и каже Соловѣй, великий розбійникъ: »Десь-недєсь є на чїстому полі, на роздóллі кринїця водї, а коло тиї кринїці лежїть дванадцять змїївъ, и тїлько одїнь однїмъ колóдязъ во всїмъ царствї. Такъ забажай ти водї, щобъ доставъ. Якъ не вбьють ёго тиї дванадцять, такъ нїгдѣ въ свїті вже не вбють.«

Отъ вінъ вернўєсь додому, а вона й квóлитця вже, — нездужає, знáєшь.

»Щó ви, мамо? чїмъ заведужали?«

»Оттїмъ и тїмъ, сїну. Десь-недєсь є на чїстому полі, на роздóллі колóдязъ водї, и тїлько одїнь колóдязъ у всїмъ царствї. Колибъ ти мині привїзъ тиї водї, такъ я напилась би да й здорова була.«

»Дóбре«, каже, мамо.«

Осїдлали ёму коня, вінъ и поїхавъ. И якъ поїхавъ вінъ на їншу зёмлю, на тридєсяте царство, у їнше госудáрство; коли жъ

іде навпроти ёго громада така велика люде́й до тїи крини́ці. Отто́ зо всёго́ общества́ збираю́тця лю́де да й везу́ть тимъ змія́мъ двана́дцять чоловікъ иззісти. И попереду́ іде карета́: царь свою́ дочку́ везе́. Одина́дцять душъ такихъ, мужи́цького по́лу, а двана́дцяту ца́рївну везу́ть. Отъ вінъ порівня́вся зъ ними́. Граю́ть музики; де́-яке пла́че, де́-яке ска́че. Тїи, зна́ешъ плачу́ть, котóriи везу́ть істи́ — якъ у насъ у не́крути — а дру́гі скачу́ть. Отъ той царь да ца́рїця ёго побачи́ли; за́разъ оболону́ одчїни́ли и зачали́ здра́стуватьця: »Здра́стуй, здра́стуй, Ру́ський ца́рєвичу! куди́ Богъ несе́? куди́ путь-дори́женьку держи́шъ?»

»А, любезни́! а ва́сь куди́ Богъ несе́?»

»А ми веземо́ двана́дцять душъ на зыде́нь, щобъ води́ набра́ть.«

Отъ ца́рєвичъ: »Посто́йте жъ«, ка́же, »я поїду́ до змівъ, а ви подо́ждіть.«

Царь и звелі́въ зупини́тьця все́му́ обществе́ву—грома́ді середь шля́ху.

Приїзди́ть той ца́рєвичъ, ажъ та́кий ди́кий степъ, роздо́ль! и стои́ть тамъ крини́ця, и їхъ двана́дцять лежи́ть. Вінъ якъ узя́въ зъ ними́ би́тьця, якъ узя́въ би́тьця, — побивъ́ усі́хъ. Отъ одди́хавъ тамъ тро́хи, набравъ́ води́ да й поїхавъ́ собі. Приїжджа́е до тїи́ грома́ди: »Иди́ть«, ка́же, »до води́, набира́йте: тепе́рь нема́ нічо́го; побивъ́ усі́хъ.«

Грома́да подяку́вала ёму́; а ца́рївна бере́ ёго́ за біли́ ру́ки, цілу́е ёго́ въ уста́, сажáе въ карету́. Отъ приїжджаю́ть вони́ до до́му и гуля́ють вони́ неде́лю, чи дру́гу. И вони́ ёго́ совіщаю́ть: »Не ідь́ вже ти, Ру́ський ца́рєвичу, до ма́тери.« А ца́рївна ка́же: »Не ідь́, бу́ду тоби́ жи́нкою, а ти ми́ні чоловікомъ. А якъ ба́тько помре́, такъ бу́демъ ми усі́мъ ца́рствомъ голдува́ть.«

А вінъ та́ки не соглаша́етця, и хо́че та́ки до сво́ї ма́тери доїхати и води́ повезти́. И попроща́лись вони́, и на проща́ние дала́ ёму́ ца́рївна срі́бний пе́рстень.

Отъ Солове́й, вели́кий розбо́йникъ, диви́тця въ прозо́рну трубу́ да й говори́ть: »Иде́!... Ну, тепе́рь ти не моя́, а я не твій!«

И не такъ-то хутко діло робитця, якъ швидко въ газці скажетця. Приїздить вінъ, води привозить: »Нате, матінко!«

Такъ вона то хороба була, ато ще краща стала.

Отъ вінъ зновъ поживъ неділь зо дві, чи зо три, да знову поїхавъ по грانیці. А Соловѣй, великий розбійникъ прилітає: »Теперъ не будемо вже ми жить у-купі, бо ёго ніхто не подужає. Коли хочешъ«, каже, »такъ отъ ще спробуемъ ёго конатами вмотать.«

Отъ вертаєтця царевичъ додому, а вона зновъ занедужала.

»Що оце ви, матінко, такъ часто болієте?«

»Я ще, сину мій любий, такъ часто болю одъ того, що боюсь, якъ ти поїдешъ по чужихъ зємляхъ. Колибъ мині узнать, що ти за сильний, могучий багатиръ.«

»Якъ же ти менє, матінко, визнаєшь?«

»Дай, мій сину любий, я тебє обматаю тими конатами.«

И вінъ їй удовольствие дає. Звеліла вона слугамъ принести конати да їй обмотать ёго. И вмотали ёго одъ шиї до самихъ нігъ конатомъ. А вінъ здвигнувся, такъ на малєсенькі шматочки конать и попадався.

Ну, добре, сину мій любий! Дай же ще дротомъ уматаю.«

И вінъ положивъ на Бóга одного, піддався: »Що хочешъ, матінко, те їй роби.«

Отъ вона заразъ обмотала. Здвигнувся, да їй шкуру опустивъ коло себе до самихъ нігъ.

»Отеперъ«, каже, »мамо, я знаю ваше вбранне!«

Виходить Соловѣй, великий розбійникъ, до ёго зъ мечемъ, и вінъ рече: »Соловѣю, великий розбійнику! сичи менє да рубайи на дрібніи шматкі, да вложи менє въ торбінку, да навяжи єї конєви да їй вижени въ гай.«

Вінъ ёго зсікъ, изрубавъ на шматкі, поскладавъ у тороки да їй вигнавъ. Той кінъ пішовъ собі въ гай да їй ходить на волі. Коли де ні взялась Баба-Яга, костяная нога; заразъ пригнала коня до криниць [у гаю дві криниці въ єї на прикметі було: у одній сцїлюща, а въ другій живуща вода]; узяла торбінку, висипала кость

тју, набрала водї сцілющої, попрєськала, — такъ лежить зовсімъ такъ, якъ чоловікъ, тільки неживий. Набрала вона живущої водї, дала ёму въ ротъ — вінъ и оживъ. И каже: »Оце, бабўсю, якъ-то я довго спавъ!«

Такъ отъ же превражий синъ Соловѣй! усє кїдавъ, усє кїдавъ у тороки, да тільки очѣй не вкїнувъ, очѣй нема, слїпий.

Отъ и привела ёго Баба-Яга до великої річки, якъ отъ у Кремнучуці, абó тамъ дє, де судї проходять, да й посадила ёго на бєрезі. А тутъ очеретъ стоить. Отъ вінъ зломивъ собі очеретїнку да й зробивъ дўдочку, и якъ зайграє у ту дўдочку, такъ луна такъ и йдє по всїй річці.

Коли жъ идє купецъ изъ дорогїмъ товаромъ судномъ, и почє, що вінъ такъ гáрно вигравáє и велїв робóтнику сїсти на дўба да подивїтьця, щó вонó є. Приздїть робóтникъ до ёго: »Здрáстуй!«

»Здрáстуй!«

Хтò ти такий е?«

»Я«, каже, »такий и такий калїка.«

»Прóсить«, говорїть, »нашъ хазїїнъ-купецъ, щобъ ти до насъ на судїну йшовъ.«

»Дóбре, возьмїть.«

Отъ вони ёго взяли; а вінъ — сказано сїльний, могўчий багатїрь — якъ устає, такъ така філя и встає. Отъ вони й радї ёму. А вінъ и питá: »А кудї ви, господá купецъ, приставлãтимете товаръ?«

»До царя Дзензєя приставлãтимемъ товаръ.«

И того сáмого царя Дзензєя дочкá за ёго зарўчена, якъ по воду їздивъ. Тепєрь, мóже, гóдь ужє чи й бїльшъ, якъ вінъ блукáє; такъ вона на ёго надїю не кладє: дўма, що ёго на свїтї немає. И зробїла обїдъ хорóший — понахїди звестї по ёму. Отъ и приїжджáє купецъ икъ томў гóроду. Пристанъ собі взяли. А вінъ и сидїть на ўлицї. Идўть Христїяне на обїдъ до царївни да й гомонять мїжъ собою. Отъ вони собі й байдўже, бо вінъ у поганєнькїй одєжі; вони й не звáють, що вінъ такий сїльний, могўчий ба-

гатірь. Отъ вінъ и просьить тихъ людей: »Возьміть и мене зъ собою; я хочь лóжку страви візьму на обіді.«

Такъ вони ёго взяли, привели и посадили поміжъ людьмі. Хліба доволі, страви доволі, горілки то жъ. Отъ після того посилає, знаєшь, царівна одну служёбку зъ горілкою, а друга по грівні грóшей дає. Отъ дійшли до ёго, дають ему чárку горілки. Вінъ випивъ да й узявъ перстень заручений да въ чárку, да й питає: »Чи ти служёбка?«

»Служёбка.«

»На жъ оцю чárку да неси до царівни, да не дивись. Бачъ, якъ у мене очи повилáзили? такъ и въ тебѣ повилáзять, тільки подивисся.«

Отъ принесла вона царівні чárку; та зирнула да такъ объ полі и вдáрилась. Заразъ веліла ёго служёбкамъ узять и весті у будинокъ. Увели ёго въ будинокъ, а царівна Дружівна брала ёго за біліи рúки, сажала и цілувала въ уста. Батько й мати во-зрáдовались, що вінъ прийшовъ, хоть каліка; бо вінъ сільний, могучий багатірь, охранитель. Ну, теперъ ужé зробіли собі заручини и весілля одгуляли, дармо що вінъ каліка. Живуть и хлібъ жують, постоломъ добрò вóзять и діти мішкòмъ носять. Поіхали въ лісь, вірубали на ківшъ и одтяли на корецъ, отъ и кáзці ко-нець. А якъ-бі вони зробіли ківшъ, то щѣ бъ кáзки було більшъ.

Записавъ сказку (продолжалъ г. Жемчужниковъ), я спросилъ у *дiда*: гдѣ же мати этого ребенка, котораго онъ качаетъ:

»Атъ, хóдить по селу. Дóма сидіть не любить. Якъ застави-ла стрáву въ пiчъ, то хибá въ обiдню годину вернетца.

»Се твоѣ дочкá?«

»Да дочкá жъ.«

»А чоловікъ еї дѣ?«

»Атъ!... чортъ знає де!«

Дiдъ съ неудовольствіємъ кивнулъ головою. Я перемѣнилъ разговоръ.

»Якъ тебѣ, діду, зовуть?»

»По отѣчеству я прозиваюсь Левчѣнко, а на имя Онопрій.»

»Ну, спасібі жъ тобі за кзку; пійдѹ теперъ я обідать.»

»А хибá й ви ще не обідали?»

»Ні.»

»Отъ бачъ! такъ якъ и я. 'Инкили передъ вѣчоромъ попоісі, ждучі ти гульвіси.»

»А пообідавши я зновъ до тебѣ прийдѹ.»

»Да й прихóдьте жъ. Ми дóброго чоловіка не цураємось.»

Когда я послѣ обѣда шель опять къ діду, уже вечерѣло. Небо было свѣтло и окрасилось желтовато-краснымъ цвѣтомъ. Картина была вполне зимняя и великолѣпная. Прихожу и въ сѣняхъ еще слышу оханье и тяжелые вздохи. Дідъ по-прежнему сидѣлъ на печи, по-прежнему колыхалъ внучка, который какъ-будто на то и существовалъ, чтобы спать въ своей оборванной люлькѣ. Посмотрѣлъ я на діда: глаза у него выпучились; онъ тяжело дышалъ и на мое привѣтствіе кивнулъ мнѣ только головою. Однакожь замѣтилъ, что мой тулупъ былъ весь въ снѣгу и спросилъ прерывистымъ голосомъ: Хибá жъ на двóрі хуртовина?»

»Ні, діду«, отвѣчалъ я; »се, якъ я одчинявъ двѣри, такъ замазавъ собі плѣчи въ снѣгъ. А щó се ти, діду, такъ вáжко ди-шешъ? нездѹжаешъ, чи щó?»

»Я, добродію, бувъ колись крѣмень, а теперъ и гѹбки не стою... Слава Бóгу, добродію... отъ проклятихъ кашель!... доживаю трѣте поколѣнне... (и закашлялся). Я й бáбці служивъ, и мáтері пáновій служивъ... кахи! кахи?... а теперъ и імъ довелось... бгу! бгу!... служити. Я усюди бувáвъ, усюди менѣ посі-лано. Я и у Нїженці (¹) бувъ, и у Пóльщі бувъ, и у Кременчуці бувъ...»

Я зналъ, что онъ исправлялъ прежде должность прикащика и — надо прибавить — пользовался господскою довѣренностью

(¹) Въ Нѣжинѣ.

не совсѣмъ честно: но объ этомъ онъ умалчивавъ и, къ чести его сказать, не обвинялъ господъ ни въ чемъ, какъ обыкновенно водится у сверженныхъ за злоупотребленія прикащиковъ. Жаль мнѣ однакожь было смотрѣть на его безпомощную старость, на которую онъ вовсе не рассчитывавъ, округляя свои доходы. Но это дѣло постороннее моему разсказу.

Дідъ снова началъ охатъ и тяжело стонать. Глаза его налились кровью. У него было удушье.

Внучекъ впервые при мнѣ повернулся въ люлькѣ и пробормотавъ сквозь зубы: »Чи мاتی прийшла?... дідусь... дідусь!«

Дідъ началъ колыхать его усердиѣе прежняго и сказавъ только: »Спи жь, спи!«

Ребенокъ снова заснулъ, а дідъ кряхтѣлъ потихоньку на печи. Я ожидалъ минутъ пять, пока онъ заговорить со мною. Но онъ молчалъ.

»Діду!« сказавъ я наконецъ, »чи не прийти мині другимъ разомъ, луччимъ часомъ? Тобі теперъ не въ моготу розказувать.«

»То-то и є, добродію. А тутъ заразъ и темно буде.«

Да по томъ ще не біда.«

»Хибá въ васъ світло є?«

»Є.«

Дідъ молчалъ.

»Такъ ти діду нездужаешъ теперъ розказувать?

»Чому?« отвѣчавъ дідъ съ нѣкоторимъ удивленіемъ. »Чому не розказувать? абі слухали.«

Видно, ему сдѣлалось легче, и онъ позабылъ о томъ, какъ онъ себя чувствовалъ, назадъ минуту. Я зажегъ принесенную съ собою свѣчку, и онъ началъ новую сказку, возвысивши голосъ, такъ какъ-будто я былъ глухъ, или какъ-будто онъ обращался къ многолюдному собранію.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ ГОЛИКѢ И ЕГО БРАТѢ.

Десь-недесь въ тридесѣтому царстві, въ йншому государстві живъ царъ зъ царіцею, чи князь изъ княгїнею и було въ ихъ два

сини. Отъ князь и каже своїмъ синамъ ; що »ходімо зо мною до моря, послухаємъ, якъ морські люде пісні співатимуть.« Отъ вони и пішли. Идуть гаємъ. Князь и захотівъ вивідать у своїхъ синівъ правди : котрій зъ нихъ на одшибі буде, а котрій на ёго царстві хозяйствуватиме. Идуть гаємъ, коли жъ стоить три дуби у-күпі. Князь глянувъ да й питає свого старшого сина : Сину мій любий, що бъ изъ сіхъ трохъ дубівъ було?»

»А що жъ«, каже, »батьюшко? була бъ изъ їхъ добра комо-ра ; а якъ-би попилять, то гарні дошки були бъ.«

»Ну«, каже, »сінку, ти будешъ хорощий хазяїнъ.«

Тоді питає й меншого : »Ну, а ти, сінку, що бъ изъ сіхъ дубівъ зробивъ?»

Вінъ и каже : »Батько мій любий! коли бъ мині була воля да сила, я бъ третєго дуба зрубавъ да переложивъ на тіи два, да скілько є князівъ и панівъ, я бъ їхъ усіхъ вівшавъ.«

Князь почухавъ голову и замовкъ.

Отъ прийшли до моря, стали усі глядіть, якъ риба грає ; а князь узявъ да меншого сина й пхнувъ у море : »Пропадай же«, каже, »лучче самъ, ледящо!»

Тільки що батько сина у море пхнувъ, ёго кить-риба заразъ и вхопила. Вінъ у їй и ходить. Давай та риба хватать вози зъ волами и кіньми. Ходить вінъ у рибі, перешукує, що есть у возахъ, тїмъ и харчуєтця ; да якось и знайшовъ у одному возі люльку, тютюнъ и кресало. Узявъ, у люльку тютюну наклавъ, викресавъ огню и давай курить. Одну люльку викуривъ ; наклавъ другу, викуривъ ; наклавъ и третю, викуривъ. Отъ та риба одъ дїму и виплась, приплила до берега и заснула. А по березі ходили охотники. Ходили охотники, а одїнь побачивъ да й каже. »Отъ же, братця, по гаїхъ скілько ходили, да нічого не знайшли. Чи ви бачите, онъ, яка риба коло берега лежить? Давайте єї стрелять!»

Отъ стреляли єї, стреляли ; потїмъ познаходили тупорі и давай єї рубать. Рубали, рубали, коли жъ чують — кричїть у їй у середині : »Әй, братця! рубайте рибу, да не зарубайте Христїянської крові.«

Вони зь ляку якь кинутця! и повтікали. Оть вінъ у дірку вилізъ, що охотники прорубали, вийшовъ на берегъ да й сидить. Сидить собі голий — бо на ёму що було убрання, погнило ужé: може, вінъ цілий годъ бувъ у рибі — и думае собі: »Якь мині теперъ у світі жить?«

А той старший братъ зробивсь ужé самъ великимъ паномъ. Батько вмёръ, такъ вінъ и zostавсь хазяїномъ на всій дёржаві. Не казавъ би то и поміжъ нашимъ братомъ, якъ умрè хто, збираютьця люде да й судятця: такъ и поміжъ князями. Позбирались судці, сенаторі, присудили ёму женитьця, тому молодому князеві, и іде вінъ шукать собі дръжби, а за імъ великий поїздъ. Іде, коли жъ сидить голий чоловікъ. Отъ и посилае вінъ слугу: »Пійди спитай, що то за чоловікъ?«

Той приходить: »Здорówь!«

»Здрастуй!«

»Що«, каже, »ти такé?«

»Я«, каже, »Иванъ Голикъ. А ви хто такіі?«

»Ми зь такоі й такоі землі, ідемо шукати своєму князеві дръжби.«

»Пійди жъ ти своєму князеві скажи, що іде вінъ святатьця, да безъ менé не посвѣтаетця.«

Той вернувся до князя — такъ и такъ. Князь приказавъ сразу слугамъ одімкнутъ чимайданъ, вийнять ёму сорóчку, понтолони, увесь струментъ. Той у воду вскóчивъ, обполоскавсь, убравсь. Привели ёго до князя; вінъ и речé князеві: »Ужé жъ коли менé взяли зь собою, такъ усі менé й слухайте. Бúдете слухать, то бúдемъ на Русі, а не бúдете — пропадемó всі.«

Князь сказавъ, що »дóбре«, и звелівъ усімъ ёго слухать.

Ідутъ собі, коли сè — мiшаче вiйсько. Князь хотівъ такъ по мiшамъ и йти; а Иванъ Голикъ: »Ні«, каже, »пiдождiть, дайте мiшамъ дорóгу, щобъ не заняли ні одні мiши й шерстиною.«

Тутъ усі на бiкъ извернули. Задня мiша обернулаь да й каже: »Ну, снасибi тобі, Иване Голику, не давъ ти моєму вiйську пропѣсти, не дамъ я й твоєму.«

Ідуть даліше, коли сє — іде комаръ изъ своїмъ військомъ, що не можна ї очіма глянуть. Налітає комарський девизєнний генераль: »Эй Іване Гóлику, дай моєму війську, крові напíтьця! Якъ даси, то ми тобі у великій пригóді станемо; а не даси, такъ не будешъ на Русі.«

Вінъ заразъ сорóчку зъ себе спустивъ и велівъ себе звязать, щобъ не вбитъ ні одного комара. Комарі нассáлись и полетіли.

Ідуть по-надъ бєрегомъ, коли чоловікъ піймавъ дві щúки въ морі. Іванъ Гóликъ и каже князєві: »Купímъ оті дві щúки въ чоловіка да пúстимъ у море назáдь.«

»На що?«

»Не пита́й, на́ що, а купímъ.«

Купіли тіи щúки и назáдь у море пúстили. Вони оберну́лись и кажутъ: »Спасібі тобі, Іване Гóлику, що не давъ намъ пропа́сти. Ми тобі у великій пригóді станемо.«

И не такъ-то хúтко дієця, якъ швидко въ казці кажетця. Ідуть вони тамъ, може, тиждень, чи щó; приїжджають на іншу зéмлю, на тридєсáте цáрство, въ інше госудáрство. А въ тому́ цáрстві царюва́въ змій. Будінки видно великі, а двіръ кругóмъ обєта́влений залізними пáлями, и на ко́жній пáлі усє понастрóмлювані рáзного війська гóлови, а коло самихъ воріть на двана́дцяти пáляхъ нема́ голівъ. Стáли вони дохóдити, стáла князєві тúга до сєрця приступáть, и речє князь: »А на сiхъ пáляхъ, Іване Гóлику, чи не доведєця на́ші гóлови настрóмлювать!« ...

Дідъ началъ вечернюю свою сказку очень храбро, вскрикивая сь какимъ-то свирѣпымъ выраженіемъ на такихъ мѣстахъ, какъ »налітає комарський девизєнний генераль«; но удушєе часто заставляло его прерывать свой рассказъ, и наконецъ онъ выбился изъ силъ. »Ні, вже сєгóдні не докажú!« сказаль онъ наконецъ. »Нехай зáвтра.«

Я собрался идти домой и только теперь разсмотрѣлъ дiдову дочь, которая вошла потихоньку въ хату въ то время, когда дiдъ былъ въ полномъ разгарѣ своего сказочнаго жару и, бросаая во

всѣ стороны страшные взгляды, какъ-будто говорилъ, чтобъ ему не мѣшали. Это была молодая, очень красивая, но весьма убого одѣтая женщина, съ быстрыми черными глазами, которые не смущались, встрѣчаясь съ моими, какъ у другихъ Малороссійскихъ поселянокъ. Она молча грѣлась около печи и теперь заговорила со мною.

»Хибá жь ви не боїтєсь самї йти у-ночі?«

»Нї, не боюсь.«

»Тѣмно; собáки.«

»Байдужє минї!«

И я вышелъ. А на дворѣ была уже ночь. На западѣ едва замѣтенъ былъ вечерній отсвѣтъ солнца. Молодой мѣсяцъ стоялъ высоко на небѣ. Небо было чисто; но землю покрывалъ густой мракъ. Только въ хатахъ сіяли огоньки. Кой-гдѣ уже собрались на вечерниці. Слышны были вдали пѣсни и говоръ, особенно, когда кто отворялъ дверь въ хату.

Утромъ 2-го декабря я опять отправился къ дѣду. Онъ уже не былъ такъ страшенъ, какъ наканунѣ вечеромъ.

»Щò, дїду, дòбре спавъ?«

»Якїй мїй сонъ! Бáчте, якъ є — на колїнахъ; дакъ колї трòхи задрїмаю оттáкъ, то й дòбре.«

Дїдъ почти не слѣзаетъ съ печи и все его развлеченїе состоитъ въ томъ, что онъ укачиваетъ своего внука и ухаживаетъ за нимъ, какъ нянька. Такъ проходитъ у него вся зима. Лѣтомъ его всякой разъ зовутъ въ ту хату, въ которой случится покойникъ. Надъ покойникомъ обыкновенно сидятъ всю ночь и стараются всѣми мѣрами не уснуть. Для этого сходятся въ хату сосѣди, и дїдъ нашъ всю ночь баеетъ имъ сказки. Я распрашивалъ у него объ этихъ ночныхъ бдѣнїяхъ. Они не имѣютъ въ себѣ ничего мрачнаго и унылаго. Покойникъ лежитъ на столѣ, а народъ, набившись въ хату, попиваетъ водочку, закусываетъ и болтаеетъ всякую всячину. Когда истощатся толки о повседневныхъ случаяхъ сельской жизни, о смѣшныхъ, ужасныхъ, или соблазнительныхъ приключенїяхъ, о панахъ, о вѣдьмахъ, о становомъ,

о чортѣ, о Жидахъ и Цыганахъ, — бодрствующее надъ покойникомъ общество обращается къ дѣду; дѣдъ грозно требуетъ, чтобъ ему никто не перебивалъ, и уноситъ воображеніе слушателей въ сказочный міръ, захватывая туда и ихъ обычаи, ихъ хаты и хозяйство, ихъ чумацкій и земледѣльческій бытъ. Иногда дѣдъ заѣдетъ съ своими слушателями и въ Великорусскую сказку, къ Бовѣ-Королевичу, но, благодаря родной обстановкѣ, они и тамъ чувствуютъ себя какъ дома; таютъ Московскіе снѣга отъ ихъ переселенія, и Южно-Русская рѣчь звучитъ во дворцѣ королевны Дружневны, какъ будто посреди чумацкаго табора... Дѣдъ съ удовольствіемъ рассказывалъ мнѣ о посидѣлкахъ надъ покойникомъ; но потомъ призадумался и сказалъ:

»Иноді я лежѹ самъ собі въ хаті да й гадаю: що чи нема у томѹ грѣха, що я оцѣ казкі розказую? Усячину приходитця перебирати у казці, — на те вже вона казка. Такъ мині отъ и теперъ прийшло на дѹмку, що, може, я грѣшѹ передъ Бѹгомъ милосерднимъ, що такі рѣчи кажѹ. Мині треба бѣ уже тилько Бѹгу молитця, а не такѣ розказувать.«

Я началъ убѣждать его, что въ этомъ ничего дурного нѣтъ, а въ самомъ дѣлѣ я чувствовалъ, что дѣдъ былъ правъ!

Онъ однакожъ успокоился моими увѣреніями и заговорилъ веселѣе:

»Разъ я хожѹ коло хлѣба стѹрожемъ у-ночі, ажъ идѹтъ збѹнщики, табѹнщики. Огѹнь на полі запалили: сидятъ: и я до ихъ прийшовъ да й балакаемъ. Посидѣвъ да й идѹ до хлѣба, а вони кажутъ: »Повечѣрай, дѣду, зъ нами.« — »Добре.« Грѣмось собі коло огню. А вони: »Ти, може, казѹкъ знаѣешь? а ми любимъ дѹже казкі. Коли бѣ ти дѣду сказавъ намъ казку, ми бѣ залюбки послѹхали.« — »Знаю«, кажѹ, »трѹхи«, да й почавъ имъ казати, и казавъ усю нічь — ніхтѹ и не спавъ. Такъ вони мині й грѹшей дали...«

Я принялъ къ свѣдѣнію этотъ намекъ и напомнилъ дѣду, что пора продолжать вчерашнюю сказку. Дѣдъ возвысилъ голосъ и началъ:

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

... »А на сіхъ паляхъ, Иване Гóлику, чи не стриміть«, каже, »нашимъ головамъ!«

»Побáчимо!« каже.

Прихали туди, коли жъ змій зустрівъ їхъ, náче й добрий; принявъ за гостей; звелівъ увесь поїздъ нагодувать, а князя узявъ изъ собою и повівъ у будинокъ. Ну, тамъ собі пьють-гуляють, хорóші мислі мають. И въ того змія дванадцять дочокъ, якъ одна. И вивівъ їхъ змій до князя и розказавъ, котóra старша, а котóra підстарша, и до послідней. Такъ самá мѣнша бiльше всiхъ князевi підъ нарову пішла. Гуляли вони до вѣчора. У-вѣчерi давай прощатьця, йти спать. Отъ змій князевi й каже: »Ну, котóra дочка враща?«

Князь и каже: »Мѣнша мині найкраща; мѣншу бiду свátать.«

Змій каже: »Дóбре, тiлько я дочкi не оддамъ, поки не зробишь усѣго того, щó я тобі бiду приказувать. Порóбишь усé, такъ оддамъ за тебе дочкy; а не порóбишь, такъ загубишь свою гóлову, и поїздъ твiй тутъ увесь поляже.«

И приказуе ёму: »У мене есть на гумнi триста скирдъ усiякого хлiба. Щобъ винъ до свiта бувъ увесь перемолóчений и щобъ було такъ: солóма къ солóми, полóва къ полóви, зерно къ зерну.«

Отъ князь идé до свогó поїзду ночувать да й плаче. А Иванъ Гóликъ побáчивъ, щó винъ плаче, да и пита: »Чогó ти, князю, плачешъ!«

»Якъ же мині не плакать? оттé и тé загадавъ мині змiй.«

»Не плачь«, каже, »князю, лягай спать; до свiту всé бiде зрóблене.«

Якъ вийде Иванъ Гóликъ на двiръ, якъ свiсне на мишэй! де тi миши понабирáлись и кажутъ: »Нá щó ти насъ, Иване Гóлику, кличешъ?«

»Якъ мині не кликать васъ? Загадавъ змiй, щóбъ усi скiрти, щó въ ёго на гумнi, до свiту перемолотитъ и щóбъ солóма къ солóми, полóва къ полóви, зерно къ зерну було.«

З. о Ю. Р., II.

Якъ запищать тіі миши, якъ шатнулись на гумно! зобралось їх стілько, що й ступить нігде. Якъ узялі робить — ище й на світ не поблагословилося, а вони вже й кнчили. Пішли, Івана Гблика збудили. Той прийшовъ — скірти якъ стояли, такъ и стоять; полова особо лежить, а зерно то-жъ особо. Іванъ Гбликъ и просить їх, щобъ водивілись, чи нема ище въ якому колоску зерна. Вони якъ шатнулись, такъ ні однієї миши и не побачишь у солومی. Повилазили й кажуть: »Ні, нема нігдє; не бійсь, ніхто не знайде ні зернини. Ну, теперъ же ми тобі, Іване Гблику, одслужили. Прощай!«

Вінъ ставъ и стережє, щобъ ище хто й кабіжу не наробивъ. Коли сє — князь идє шукать єго. Найшовъ; дивѣтця, що такъ изроблено усє, якъ зміи казавъ; дякує Івану Гблику и пішовъ до змія. И приходять у-двохъ изъ зміемъ. И дивѣтця самъ зміи. И покликавъ дочокъ, щобъ пошукали у солومی зерна и чи не одірваний де колосокъ. Отъ дочки шукали-шукали — нема. И рече зміи: »Ну добре, ходімъ; до вєчора будємъ пить и гулять, а въ вєчері упятъ роботу загадаю на завтра.«

Отъ догуляли до вєчора; вінъ и загадує: »Сєгодні въ-ранці мєнша дочка моя у морі купалась...« ..

Но тутъ ребенокъ проснувся и началъ плакать. Видно, ему было холодно. Дідъ приказалъ дочери, которая всє только грѣлась у печи, укрыть его потеплѣ и опять принялся колыхать люльку. Ребенокъ успокоился и уснул. Онъ чувствовалъ, что сонъ — лучшее благо въ его пасмурно начинающейся жизни.

»Да, у васъ сєгодні хлодно!« сказалъ я, ходя по хатѣ.

»А на що жъ ви скинули кожухъ?« отвѣчала дідова дочь.

Котенокъ жался очень печально около теплой золы на припечкѣ.

»Якє въ васъ кошеня худє!« сказалъ я.

»А чоґо єму быть гладкоку, коли у насъ у саміхъ нічого їсти?« сказала молодица.

Дідь молча ворочался на печи и потомъ обратился ко мнѣ:
»Ну, якѣ ви мині дастѣ награждение, добродію?«

»А якѣ жъ! грѣшей дамъ.«

»Отъ за те скажү спасибі!... грѣшей... я бѣду дякувать за се... Мині отъ що трѣба: коли бъ ви дали мині грѣшей на хату, я бъ вамъ дякувавъ да и на тѣмъ би свѣті молѣвся Бѣгу, щобъ не оставивъ васъ.«

»А багато трѣба на хату?« спросилъ я.

»Чотири дошки!« отвѣчалъ дідь, а его дочь прибавила: »Се вони говорять на труну, значить.«

»Хибѣ жъ у васъ немае грѣшей и на труну?«

»Немае, пане!«

Я молчалъ. Дідь то-же молчалъ.

»Ми сѣгодні витопили для васъ добре«, начала опять молодица; »атѣ, бачте, ажъ черезъ два дни варили. Имѣ самый хлѣбъ; немае й соли; нічого й варить; а купиць ні за що.«

Я всё молчу. Дідь потихоньку вздыхаетъ на печи.

»Нічь не спишь«, продолжала молодица, »а тутъ ищѣ й воно малѣ нездѣжае, да такъ, що не дасть и одпочиць. Колибъ хотъ бѣтько...«

»А бѣтько жъ дѣ?«

»У москалі оддали.«

»Якъ заробиць, такъ нехай и одвѣча«, сказалъ вздохнувши дідь. »Я ёму говоривъ: *Не рѣши чужѣго!*... Отъ тепѣрь черезъ ёго да й ми опобиваемось.«

И опять замолчалъ вздохнувши. Теперъ я понялъ всю исторію семейства, въ которомъ отъ бѣдности рождалось безпутство, а отъ безпутства бѣдность. И надобно сказать, что такихъ семействъ слишкомъ, слишкомъ много встрѣчалъ я въ такъ называемой *блаженной* Малороссіи!

Дідь, какъ видно, въ старости покаялся и старался быть нравственнымъ, какъ только его научили въ молодости.

»Сѣгодні святѣ пятница«, сказалъ онъ, »а я вірую въ Бѣга милосѣрдного (тутъ онъ началъ смотрѣть на образа и крестить-

ся), пість держу, по́стую. Сёгодні до самісінького вѣчера нічо-го не імь.»

»Діду!« сказаль я, »скоро порá мнѣ итѣ обідать; такъ колибъ ти вже кончавъ казку!«

»Эгѣ, добродію! не скóнчимо до обідь!«

»А ти жь учора думавъ за вѣчиръ скóнчить!«

»Думавъ, а мѣже й ні. У менѣ такі казкѣ е, що одні за нічь не переслѣхашь.»

»А все такі кажѣ; я бѣду писать.»

»Да й пишѣть же... Що бакъ ми тамъ казали?... Эгѣ, эгѣ? знаю.»

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

... »Сёгодні въ-ранці мѣнша дочка моѣ у морі купалась и впустила перстень у воду; шукала-шукала — не знайшла. Якъ знайдешъ за́втра да принесешъ, по́ки сидать обідать, такъ бѣдешъ живъ, а не знайдешъ, такъ тутъ вамъ и капѣть.»

Князь идѣ до своіхъ да й плаче. Иванъ Го́ликъ побáчивъ ёго да й питає: »А чо́го, князю, плачешъ?«

»Оттакá й такá«, каже, »напасть.»

Иванъ Го́ликъ и говорѣть: »Брѣше змѣй: вінъ самъ у дочкѣ перстень узявъ и сёгодні рано по-надъ моремъ літавъ и перстень укїнувъ. Лягай спать. Я за́втра пїйдѣ до моря, чи не достану.»

Назавтра въ-ранці приходѣть Иванъ Го́ликъ до моря, якъ крикне багатїрськимъ гóлосомъ, молодѣцькимъ по́свистомъ, дакъ такъ усѣ море й забушовало. Тї двѣ щѣки прицили до бѣрега, що вінъ укїнувъ, и кажутъ: »На що ти насъ, Иване Го́лику, кличешъ?«

»Якъ мнѣ васъ не кликать? Змѣй сёгодні рано по-надъ моремъ літавъ и вкїнувъ перстень. Шукáйте всюди. Якъ знайдете, такъ бѣду я живъ: а не знайдете, такъ змѣй изгубѣть-менѣ зъ свѣту.»

Вонї й поплили и дѣ вже не виплавали по́ морю, дѣ вже не шукáли? нема! Поплили до своєї мáтерї и кажутъ, що оттакѣ и

такє гóре. Мати й каже їмъ: »Перстень той у менє. Жаль минї єго, а васъ ище жальнїйше.« Да й викинула зъ сєбе перстень. Вони приплили до Івана Гóлика и кажуть: »Отъ же тобі й наша одслўга. Насїлу знайшли.«

Іванъ Гóликъ тимъ двома шўкамъ подякувавъ и пішовъ. Приходить, ажъ князь вновъ плаче, бо змїй ажъ двїйчи присилавъ за нимъ, а персня нема. Якъ побачивъ Івана Гóлика, дакъ такъ и підскочивъ: »Ащò, перстень є?«

»Есть«, каже. »Отъ же змїй и самъ идє.«

»Нехай тепєрь идє!«

Змїй на порїгъ, а князь и собї, и вдарились лобами. Змїй сердїтий. »А щò, перстень є?«

»Отъ вінъ! тїлько не оддамъ тобі, а оддамъ тому, у когò ти взявъ.«

Змїй осмїхнувъ и каже: »Дóбре! ходїмъ же обїдать, бо вь менє есть гóстї и давнò тебє дождїаємось.«

Пїшли. Князь уходить у будїнокъ, коли змїївъ сидїть одїнадцять. Вінъ давай изъ нимї здорòвкаться. Тодї підїшовъ до дочокъ, винавъ перстень и каже: »Котóрої перстень?«

Мєнша покраснїла и каже: »Мїй.«

»Колї твїй, такъ возьми, бо я все мòре вїбродивъ, єго шукаючи.«

Всї засмїялись, а мєнша подякувала.

И пїшли усї обїдать. За обїдомъ, при гостяхъ, змїй и каже: »Ну, князь, пообїдавши спочїнемъ, а тодї приходь. У менє есть лукъ у сто пудь. Якъ вїстрелишь при всїхъ оцїхъ гостяхъ, такъ оддамъ дочку.«

Пообїдавши пїшли усї оддыхать; а князь скорїй до Івана Гóлика и говорить єму: »Оттецєрь пропали: така й така рїчъ!«

»Дурнїця!« каже Іванъ Гóликъ. »Якъ принесуть той лукъ, такъ ти подивїсь на єго и скажи змїю, що »я сїмъ лўкомъ не хочу срамїтьця и що вь менє всякий слуга изъ єго вїстрелить«;

да звелі мене поклікати. Я вістрелю такъ, що вже більшъ нікому не загадають стрелять.»

Князь, поговоривши зъ нимъ, пішовъ до змія. У будинокъ изъ дочками й гуляє. Коли сє — нескоро змії виходить изъ гостьми, и за нимъ несуть лукъ и стрілу у пятьдесятъ пудъ. Князь, якъ глянувъ, изъ разу злякався. Вінесли той лукъ на двіръ, и всі повиходили. Князь кругомъ лука обійшовъ да й каже: »Я сямъ лукомъ не хочу й срамитьця, а позову кого-небудь изъ своїхъ слугъ, то кожный зъ єго вістрелить.»

Тутъ змії одінь на одного зглянулись и кажутъ: »А ну, ну, нехай попробує.»

Князь и закричавъ: »Пошліть мині Івана Гóлика!»

Той приходить. Князь и каже: »Візьмі оцєй лукъ да вістрели.»

Іванъ Гóликъ лукъ піднявъ, стрілу заложивъ; якъ вістреливъ, такъ шматокъ у двадцять пудъ и одломивсь одъ лука. Князь тоді стоя й каже: »Отъ бачите? якъ-бі оцє я вістреливъ, такъ ви бь мене й острамили.»

Іванъ Гóликъ тоді пішовъ до своїхъ, застромивши шматокъ лука за голянищу; а князь изъ зміївнами у будинокъ. Змії жь зостались на дворі и все раділись, щò бь єму щє загадять зробіть. Порадившись и пішли у будинокъ. Змії увійшовши щось шепнуть меншій дочці на ўхо. Вона пішла, а вінъ за нею. Тамъ довго говоріли; потімъ виходять; змії и каже: »Сєгодні вже нерано; нехай за́втра въ-ранці. У менесть кінъ за дванадцятьма дверіма; то якъ поїздишь на єму, такъ оддамъ дочку.»

Отъ погуляли до вєчора, поросхóдились спать; князь приходить и росказує Гóлику. Той вислухавши й каже князєві: »А ти думаєшь, на що я взявъ той шматокъ лука? я вже знавъ, що сє буде. Якъ же підведуть тобі коня, то ти подивись на єго да й скажи: »Не хочу я на сєму коню їздить, щобъ не острамитьця такъ якъ лукомъ, а нехай поїде мій слуга.« А то не кінъ буде, а єго менша дочка. Ти на єї и не сядешъ, а я єї добре провчу.»

Отъ устали въ-ранці. Приходить князь у будинокъ, поздо-

рѳвкався зо веіми, дівитця — одинадцятѳро дѳчокѳ, а дванадцятѳї нема. Змії устѳвъ и говоріть : »Ну, князю, ходімо на двірѳ, бо скѳро віведуть коня; бѳдемѳ дивітьця, якѳ вестімуть.«

Повихѳдили усі, дівлятця, ажъ ведѳтъ коня двѳе зміївѳ, и то зѳ великою сілою дѳржать, — такѳ іхѳ обѳхѳ на голові й нѳсять. Привелі передѳ рундѳкѳ; князь обійшовѳ кругѳмѳ, подивівсь да й каже : »Щѳ жѳ ви говоріли, що коня приведетѳ? а тепѳрѳ привелі кобиліцю. На сій кобиліці я їздить не хѳчу, щобѳ не острамітьця, такѳ якѳ учѳра лѳкомѳ; а позвѳ свого слугѳ, нехай вінѳ поїде,«

Змії каже : »Дѳбре! нехай поїде.«

Князь позвѳвъ Іванѳ Гѳлика и приказые ѳму : »Сідай на сю кобиліцю да прогуляйсѳ.«

Іванѳ Гѳликѳ якѳ сівѳ; змії кобиліцю й пустили. Якѳ понесла жѳ вона ѳгѳ, то ажъ підѳ хмару; а відти спустілась и вдѳрилась обѳ зѳмлю, такѳ що ажъ земля застогнала. А Іванѳ Гѳликѳ тѳді якѳ віньме зѳ-за халѳви двадцятипудѳвий кусѳкѳ лѳка и давай еї чістити. Вона схопілась и понесла ѳгѳ всюди, а вінѳ еї все бѳе проміжѳ уши. Отѳ носила ѳгѳ, носіла, далі бачить, що нічѳго не зрѳбить, давай просітьця : »Іванѳе Гѳлику, не бий мене; загадуй мині, що хочешѳ; усѳ для тебѳ зроблю.«

»Мині« , каже, »нічѳго робіть не трѳба, а тілько якѳ приїду я до князя, то щобѳ ти колѳ ѳгѳ впала и нѳги простягла.«

Вона дѳмала-дѳмала. »Ну, нічѳго« , каже, »сѳ тобѳю робіть.«

И понесла ѳгѳ по-надѳ дѳревомѳ, колѳ князя спустілась, на зѳмлю впала и нѳги одкидала.

Князь и говоріть : »Бачте, який сѳромѳ! А ви хотіли, щобѳ я на сій кобиліці іхавѳ.«

Змію стѳдно стѳло передѳ імѳ, да робіть булѳ нічѳго. Походили по саду и пішли обідать. Колі й мѳнша дочка іхѳ зостріла, давай здѳрѳвкатьця. Князь дивитця на еї, такѳ тѳ хорѳша була, а тепѳрѳ ищѳ лѳчча стѳла. Посідали обідать, змії и каже : »Ну, князю, ужѳ жѳ після обідѳ віведу я своїхѳ дѳ-

чокъ на двірѣ. Якъ пізнаєшь, де мѣнша, такъ тоді и весілля будемо гулять.»

Після обідѣ змій повівъ своїхъ дочокъ одягати, а князь пішовъ до Івана Гілика на пораду, що ёму робити.

«А отъ що», каже. Заразъ засвіставъ — комаръ и прилетівъ. Вінъ ёму розказавъ усю пригόδу. Комаръ и каже: «Ті намъ ставъ у пригоді, и я тобі стану. Якъ виведе змій їх на двірѣ, то нехай князь дівитця — я буду літати надъ еі головою. Нехай обійде їх кругомъ одинъ разъ — я буду літати, и другий разъ обійде — я літатиму, а третій разъ якъ буде обіходити, то я сяду у еі на носі и вона не втерпить мого кусання, махне правою рукою.»

Се сказавши, комаръ полетівъ у будиновъ. Коли прислає змій за княземъ. Князь приходить, коли тамъ стоять усі дванадцять дочокъ, и на їх усє однакове, якъ лице, якъ коси, якъ плаття. Вінъ на їх дививсь-дививсь — ніякъ не пізнає: зовсімъ не ті панночки стали, що були. Отъ вінъ у первий разъ обійшовъ — не побачивъ комарá; другий разъ почавъ обіходити, коли сє — літа надъ головою. Вінъ ужє й очей не спуска, зъ того комарá. Якъ почавъ третій разъ обіходити, той комаръ на носі у еі сівъ и давай кусати. Вона рукою махъ! а князь за еі: «Оце мой!» и привівъ еі до змія.

Змій — нікуди дитця: «Колі пізнавъ», каже, «свою молоду, такъ сєгодні зачнемо й весілля гулять.»

Почалось весілля. Повінчали їх у-вечері. Тутъ гуляли, изъ пушокъ стреляли и чого не робили? Ужє отъ скоро спать весті. Тоді Іванъ Гіликъ одозвавъ князя да й каже: «Ну, князю, гляди жъ, щобъ за́втра намъ и додому іхати, бо тутъ намъ добра не мислять. Да ще слухай: прошу я тебє, не доймай жінці віри до семи годъ; хотъ якъ вона буде до тебє лєститця, а ти ій усї правди не важи; а то якъ розкажешъ, то й ти, и я пропадемо.» ....

Дідъ говоривъ въ зтотъ разъ слишкомъ долго и съ большимъ увлечєніємъ. Я то-же усталъ писати, да ужъ пора была и объ-

дать. Мы разстались до слѣдующаго утра, потому что вечеръ былъ опредѣлень у меня для другаго дѣла.

Идучи къ дѣду утромъ по узкой тропинкѣ, между пушистыхъ рядовъ лиція, я встрѣтился съ человѣкомъ, который несъ деревянный крестъ, завернутый въ черную ризу. Я вообразилъ себѣ сцену убогихъ похоронъ на холодѣ. Грустно! зимою какъ-то особенно грустны похороны... Прихожу къ своему пріятелю, неслѣзющему съ печи: »Ну, що, дѣду? якъ тобі? лѣгше?«

»Ужé мині, добродію, не полѣгшае, ні погіршае. А ви, спасібі Бóгу, якъ спочивали?«

Во время нашего размѣна учтивостями, маленькой внучекъ, лежа подлѣ дѣда на печи, шалилъ и кликалъ безпрестанно: »Діду! діду!«

»Чого?.. Мовчі!« говорилъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ дѣдъ. »Да сѣгодні, здаётця, и на дворі теплїше, благодарїть ласки небесної. Я, добродію, казавъ дочці, щобъ добре вітопила, щобъ, якъ панъ прїде, то щобъ тепло було писать. И хлїба напеклі сѣгодні.«

»Діду!« лепетала внучекъ, »о діду! діду! що дядя?«

»Дядя?.. да цить!«

Угомонить однакожъ ребенка было мудрено. Онъ чувствовалъ себя сегодня, какъ видно, лучше, или радовался, что дѣдъ взялъ его къ себѣ на печь, и потому безпрестанно проказничалъ и надобдалъ старику. Не обращая на него вниманія, мы снова привялись за сказку объ Иванѣ Гóликѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

... »Не доймай«, каже, »жінці віри до семи годъ; хоть якъ вона́ буде до тебе лѣститця, а ти їй усї правди не кажи; а якъ розкажешъ, то й самъ пропадешъ и я пропаду съ тобою.«

Той каже: »Дóбре, не буду доймають жінці віри.«

Отъ на другий день поодігались молоді и повиходили до змі-

івъ. Тутъ князь давай просить батька, щобъ ~~іхати~~ іхати додому. Злий и каже: »Якъ можна такъ скоро іхати!«

»Ужé жь якъ собі хочете, а я поїду сегодні додому.«

Отъ пообідавши узяли молоду, сіли й поїхали. Ну, приїхали у своє царство. Тоді вже князь дякувавъ Івану Голіну за все разомъ и настановивъ ёго першимъ своїмъ совітникомъ. Якъ Іванъ Голікъ скаже, такъ по всьому царству й дієтця. А царь сидить собі да й гадки не має ні про що.

Отъ живé молодій князь изъ своєю жінкою годъ и другій. На третій годъ прижили вони собі сина. Молодій князь утїшається. Отъ одинъ разъ узявъ сина на руки да й каже. »Що есть лүчче на світі, якъ мині оцé дитя?«

А княгиня, бачивши, що князь такъ розніживсь, давай ёго цілувать, да роспитувать; згадавши, якъ вінъ сватався, що якъ вінъ усі еі батька прикази исполнявъ.

Князь и каже: »Исполнявъ би я й досі твого батька прикази на залізній палі, якъ-би не Іванъ Голікъ. Се вінъ усé робивъ, а не я.«

Тутъ вона не показала виду, що розсердилась и заразь кудісь вийшла.

А Іванъ Голікъ сидить собі дома да ні про що й не дбае; коли й летить до ёго княгиня. Заразь виналя зъ-підъ полі рушникъ зъ золотими кінцями да якъ махне тимъ зміївськимъ рушникомъ, такъ ёго на-двое й розрубала: ноги остались тутъ, а тїловище зъ головою изнесло кришу въ будінку и впало за сїмъ версть одъ будінка. Тоді упавши и каже: »Ахъ, ти проклятий синь! не надіявсь я на тебе, щобъ ти признався! А ищé просивъ, щобъ не доймавъ жінци віри до семи годъ! Ну, теперъ пропавъ я, пропавъ и ти!«

Піднявъ голову и сидить у лісу. Коли сè — дивитця: женé безрукий чоловікъ зайця...

»А що, добродію?« вдругъ прервалъ свою сказку дідъ. »можé бь погритьця трόхи!«

»Якъ погрѣтьця?«

»Бачте, сѣгодня святá субѳота...«

»Дѳобре, нехай збѳигае за горѳлкою.«

Дѳидова дочка не заставила просить себя объ этой услугѳ и въ одну минуту исчезла съ бутылкой подѳ мышкой.

»Охъ, коли-бъ то я бувъ письменний!« говорилъ дѳидъ вздыхая. »А щѳо, пáне? отъ ви письменні: чи ви мѳжете такъ розказáть на пáмьять?«

»Ні, не розказáвъ би.«

»Эге!... Я, добродѳю, двáдцять-пять лѳтъ прожѳивъ на худѳбі. Тѳлько гледѳвъ да приказувавъ, тѳ-щѳо. Такъ я булѳ щѳо ні почѳю, щѳо ні побáчу, усѳе на пáмьять роблѳю. Э, тутъ булá колись *золѳвушка!*« прибавилъ онъ, хлопнувъ себя ладонью по лбу.

»А щѳо, дѳиду? мѳже, знѳовъ казáвъ би кáзку?«

»Да й казáвъ би, коли-бъ не оцѳе щѳеклá! Бáчть, якъ за мá-тѳрью росплáкалось! нáче пáнська дитѳина. Хтѳе съ тобѳю бѳуде тутъ нянчитьця?«

И дѳидъ уложилъ внучка въ колыску и началъ его укачивать. Но ребенокъ продолжалъ свою докучливую пѳсню.

»Цѳять же! цѳять! кажѳу«, говорилъ сердито дѳидъ. »Онъ вѳвкъ идѳе! Вѳвче, вѳвче, иди зѳижь хлопця!«

Ребенокъ вдругъ замолчалъ, и въ хатѳе раздавался только скрипъ колыски да моего пера по бумагѳ.

»Ну, дѳиду!«

»Да й ну жъ! пишѳть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

.... Женѳ безрѳкий чоловікъ зайця. Отъ, отъ, тѳлько щѳо не наженѳе! и женѳ якъ разъ на Йвáна Гѳолика. Той зáецъ добѳгае — Йвáнъ Гѳоликъ и вхопѳивъ. Отъ и завелѳсь бѳитьця. Той кáже: »Мѳй зáецъ!« а той кáже: »Мѳй!« Бѳились-бѳились, такъ ні той томѳ, ні той томѳ нічѳго не зрѳбить. Безрѳкий и кáже: Гѳді намъ бѳитьця, а вѳвернімъ дѳуба, и хто дальшь кѳине, тогѳ бѳуде зáецъ.«

Безно́гий ка́же: »Добре!«

Отъ безру́кий підкотивъ безо́гого до дуба; той ви́вернувъ и давъ безру́кому. Безру́кий ли́гъ да якъ кинувъ нога́ми, такъ за три вер-
сті дубъ упавъ. А безо́гий якъ кинувъ, такъ за сімъ ве́рсть упавъ.
Тоді безру́кий и ка́же: »Вери́ зайця и будь ми́ни ста́ршимъ бра́томъ.«

Отъ побрата́лись, изробили возо́къ, причепили віро́вбу и, якъ
куді треба, то безру́кий запряже́тця да безо́гого й во́зить. Отъ
разъ и поіхали у якийсь го́родъ, де царь живе́, до це́ркви, и
поставивъ безру́кий коло́ старцівъ безо́гого на возку́. Стоя́ть
и дожида́ють. Коли се́ — ка́жуть, що царівна іде́. Доїжджа́е до
іхъ и ка́же своїй хрелівні: »Подай оцімъ калікамъ оці гро́ши.«

Вона́ хотіла вихо́дити пода́ти, а безо́гий и ка́же: Якъ би то,
ва́ше доброді́йство, ви намъ своїми рука́ми ми́лостиню пода́ли.«

Отъ вона́ узяла у хрелівни гро́ши и да́е безо́гому. А вінъ
е́й и пита́е: »Скажіть ми́ні«, ка́же, »чо́го ви, не во гні́въ вамъ, на
виду́ такі жо́вті?«

Вона́ ка́же: »Такъ ми́ні Бо́гъ давъ!« да и здихну́ла.

»Ні«, ка́же, »я знаю, чо́го ви такі жо́вті. Я«, ка́же, »мо́гъ
би зробі́ть, щобъ ви бу́ли такі, якъ вамъ Бо́гъ давъ.«

Колі на сю розмо́ву надві́жджа́е царь. За́разъ и вхо́пивсь за
те сло́во. Отъ то́го безо́гого да безру́кого изъ возко́мъ у буди-
но́къ: »Роби́, що зна́єшь!«

А вінъ ка́же: »Що́ жъ, ца́рю! неха́й царівна призна́етця по
пра́вді, чо́го вона́ така́ пога́на ста́ла.«

Тоді ба́тько до дочкы. Вона́ й призна́лась. »Такъ и та́къ«, ка́-
же: »до мене́ літа́е змі́й и зъ мене́ кро́вь тя́гне изъ груде́й.«

Брати́ й пита́ють: »А коли вінъ літа́е?«

»Са́ме пере́дъ світо́мъ, якъ усі сторо́жі посну́ть, такъ вінъ до
мене́ черезъ ко́минъ и влеті́ть. А якъ хто вві́йде да не вспі́е віле-
ті́ть, то підъ поду́шка́ми й лежи́ть.«

»Посто́й же«, ка́же безо́гий, »ми вь сі́нечкахъ прита́ймо́сь,
а ти, царівно, кахы́кни, якъ вінъ прилеті́ть.«

Отъ прита́ились вони́ вь сі́нечкахъ. Коли́ жъ, тільки, що сто́-
рожъ переставъ сту́кати у сту́вачку; щось на́че йскрами підъ стрі-

хою засвітило. Царівна тоді ~~каже~~! Вони до єї; а зміяка й заховавсь підъ подушкі. Отъ царівна схопілася изъ постѣлі, а безру́кий лигъ на землі да безно́гого й кинувъ нога́ми на подушкі. Безно́гий якъ піймавъ у ру́ки того змія, дава́й у-дво́хъ дуніть. Той змій и про́ситця: »Пустіть мене! не б́уду ніко́ли літа́ть и де-сятому закажу́.«

Безно́гий и ка́же: »Ні, се́го ма́ло, а понеси́ насъ туди́, де естъ цілю́ща вода́, щобъ у мене́ бу́ли но́ги, а у бра́та ру́ки.«

Змій и ка́же: »Верітця за мене́, понесу́, тілько не мучте мене́.«

Отъ и вхопілись за єго безру́кий нога́ми, а безно́гий рука́ми. Той змій якъ полетівъ изъ німи; прилітае до крини́ці и ка́же: »Оце цілю́ща вода́!«

Безру́кий такъ и хотівъ туди́ вскочіть; а безно́гий кричіть на єго: »Посто́й, бра́те. Ось подеръжъ нога́ми змія, а я востро́млю въ крини́цю суху́ паличку; тоді побачимо, чи цілю́ща вода́.«

Устро́мивъ, такъ по́ки бу́ло въ воді, по́ти й одгори́ло. Якъ узя́лись же тоді за того змія! дава́й єго дуніть. Біли єго, біли! Вінь и дава́й про́ситця, що »не бійте: тутъ е неда́леко и цілю́ща вода́.« Повівъ до дру́гої крини́ці. Вони тамъ устро́мили суху́ паличку, такъ за́разъ и роспу́куватьця ста́ла. То́ді безру́кий ускочивъ, и ви́скочивъ відти зъ рука́ми. И безно́гий ускочивъ, и ви́скочивъ зъ нога́ми. То́ді змія пу́стїли и звели́ли, щобъ більшъ не літа́въ до царівни; а са́мі подякували оди́нь одно́му за те, що дру́жно жили, и респро́щались.

Ива́нь Го́ликъ пішо́въ изно́въ до сво́го бра́та, до кня́зя: що́ зъ нимъ зроби́ла княги́ня? Прихо́дить підъ те ца́рство, коли ба́чить — педа́леко одъ доро́ги пасе́ свина́ръ сви́ні; сви́ні пасе́, а са́мь сидіть на моги́лі. Вінь и поду́мавъ: »А пійду́ оттого́ сви́наря́ ропита́ю, якъ тутъ у їхъ діетця?«

Прихо́дить до свина́ря, дивитця єму́ въ ві́чи пізнае́ сво́го бра́та. А той дивитця, и пізна́въ Ива́на Го́лика. До́вго диві́лись оди́нь одно́му въ ві́чи; ні той, ні дру́гий нічо́го не ка́жуть. Ива́нь Го́ликъ опамятовався да й ка́же: »Се ти, кня́зю, сви́ні пасе́шь!... И сто́ишь то-го!... А я жъ то́бі ка́завъ, що не дойма́й жи́нці віри до се́ми годъ!«

Князь упавъ ёму въ но́ги да й ка́же: »Ива́не Го́лику! прости́ мене́ и поми́луй!«

Отъ Ива́нъ Го́ликъ піднявъ ёго підъ ру́ки да й ка́же: »До́бре, що ти ще живий на світі оста́вся. Тепе́рь ще поца́рствуешъ тро́хи.«

Князь ставъ пита́ть ві Ива́на Го́лика, якъ вінъ добу́въ собі но́ги, бо ма́нка ёму показувала, якъ переруба́ла.

Отъ Ива́нъ Го́ликъ тоді вже й призна́вся ёму, що вінъ ёго ме́нший братъ и росказа́въ ёму усю́ свою́ жизнь. Ну, обня́лись, поцілува́лись. Князь тоді й ка́же: »Пора́ жъ, бра́те, сви́ні гнать до́дому, бо княгі́ня ско́ро чай пі́тима.«

Ива́нъ Го́ликъ и ка́же: »Та́къ поже́нимъ же въ-дво́хъ.«

А князь ка́же: »Да тутъ, бра́те, біда́! Отта́ прокля́та сви́ня, що пе́редъ веде́, якъ тільки дійде до ворі́ть, — на воро́тяхъ ста́не, якъ уко́пана, и по́ки трі́чи . . . не поцілу́ешъ, то не пі́йде зь місця.« . . .

Трогательное повѣствованіе діда прервано было возвращеніемъ его дочери съ горілкою.

»Отъ мині у шинку́ щастя́ случі́лось!« сказала она намъ.

»Яке́?« спросилъ равнодушно дідъ.

»Якійсь күчеръ чорня́вий дае́ мині бума́жку. . . .«

»На що? яку́?«

»Хто ёго знае́, на що! Да въ шинку́ було́ людей ба́гато, та́къ я не схоти́ла.«

Дідъ налилъ чарку: »Вамъ на здоро́вья! Спасі́бі вамъ и Бо́гу милосе́рдному! Хай вамъ Богъ помага́! хай васъ Богъ не оста́вить и пресвята́ Богоро́диця на томۇ́ світі!«

Тутъ ударили въ колоко́ль, и отъ церкви понесся глу́хой звонъ.

»Отта́къ-то Мари́нчина сестра́!« сказала молоди́ца.

»А що́?« спросилъ дідъ.

»Уме́рла!«

»Го́споди спасі́ еі!« сказа́лъ дідъ и перекрестилъ, глядя на обра́за.

»Такъ приносили до Домáхи дитину; казали, щобъ годувала.«

»До якої се Домáхи?»

»А до Сидорéнкової. Трѣе дитокъ у мáтери на рукахъ, зосталося; мѣншенькому вісімъ недѣль. Не знають, куди ёго й дівать. А въ ту зиму, ось якъ разъ рікъ, умѣрла еї сестра Маринка.«

Дідъ посмотрѣль на дочь и припоминаль, какаа это Маринка. Колокола печально гудѣли.

»Да та, що жилá недалéко одъ попá, що булá у дворі... Ну, що у цѣркві нечѣста сѣла ззіла!«

»Э, э, э!... знаю!«

»Ну, то-то жъ.«

»Якъ же се еї нечѣста сѣла ззіла?» вмѣшался я въ разговоръ.

»Да отъ бáчте, добродію«, отвѣчалъ дідъ: »якъ положили її въ домовину, да якъ гарнѣнько и одягли; а управляющий, Нѣмецъ, прийшовъ... бáчте, вінъ изъ нею живъ... да й каже: »На що еї одягли у мужицьке плáтте?» да й звелѣвъ еї зноу роздягти; и почалі еї зновъ одягáть ужé въ тее... у панське; да нїякъ не мѣжна: рúки якъ дѣрево; вже захолѣли, якъ полино. Такъ вони одѣжу пороспѣбували да сякъ-такъ и одягли. Однесли въ цѣркву и поставили. У-ранці приходять у цѣркву люде, а въ еї нема ні носа, ні губъ, и нѣги поили миши. Отъ люде и загомонили на попá. А пѣпъ и каже: »Я сѣмú не причина, бо се їй такъ »Богъ давъ за тѣ, що вона да изъ недовѣркомъ знáлась.« Такъ оттáкъ-то!... На чомú жъ ми тамъ застрѣли?... Эгѣ! пишѣть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

.... »Тутъ«, каже, »брате, бѣда! Оттá проклята свиня, що передъ ведѣ, якъ тѣлько дїйде до воріть, — на ворѣтяхъ стáла якъ укѣпана, и пѣки трѣчи ..... не поцлúешъ, то не пїйде зъ мѣсця. А княгїня изъ змїями чай на рундуци пѣе, на се дѣвѣтця и смѣтця.«

Ивáнъ Гѣликъ и каже: »Такъ тобѣ й трѣба! Ну, вже жъ сѣ-гѣднѣ цлúй, а зáвтра не бúдешъ.«

Пригна́ли сви́ні до воріть. Ива́нь Го́ликъ дивитця, ажъ та́къ: п'є княгі́ня ча́й на рунду́ці и зъ не́ю сидіть шість змі́вѣ. Та прокля́та сви́ня на ворота́хъ ста́ла, но́ги розста́вила и не йде въ дві́рь. А княгі́ня дивитця да й ка́же: »Онъ, уже́ мій дуре́нь сви́ні пригна́въ и бу́де сви́ню..... цілува́ть.«

Той бідний нахили́вся, трі́чи поцілува́въ ....., тоді сви́ня и пішла въ дві́рь ро́хгаючи. А княгі́ня ка́же: »Ось подиві́тця, ище́ десь и підпа́сича собі́ взя́въ.«

Отъ князь зъ Ива́номъ Го́ликомъ сви́ні у хлі́въ загна́ли. Тоді́ Ива́нь Го́ликъ и ка́же: »Візьмі́ жѣ, бра́те, у клю́шника конопе́ль два́дцять пудѣ́ и смо́лі́ два́дцять пудѣ́ да й принесі́шь до мене́ въ садѣ́.«

А князь ка́же: »Такъ не донесу́.«

А Ива́нь Го́ликъ: »Да йди́ проси́; мо́же, ще́ й не да́сть.«

Отъ князь пішо́въ до клю́шника, ставъ проси́ть. Той до́вго на ёго́ диві́вся, а да́лі й ка́же: »Да робі́ть нічо́го зъ ва́ми, тре́ба да́ть.«

Одими́гнувъ ви́нбаръ. Ива́нь Го́ликъ одва́живъ два́дцять пудо́въ конопе́ль и два́дцять пудо́въ смо́лі, въ одну́ ру́ку взя́въ коно́плі, а въ дру́гу смо́лу и пішли́. А клю́шнику сказа́ли, щобъ ні́кому не ка́за́въ.

Якъ узя́въ Ива́нь Го́ликъ плесті́ пугу́: оди́нь пудѣ́ ви́плете конопе́ль, а пудомъ смо́лі усмо́літь, и ви́пливъ до пі́въ-но́чі у со́рокъ пудѣ́ пугу́. Тоді́ й лі́г спатъ. А князь да́вно вже спи́ть на со́ломі, ко́ло хлі́ва́.

У-ра́нці́ ра́но повста́вали и дава́й ёму́ Ива́нь Го́ликъ ка́зати́: »Ну, до се́годняшнё́го дня бу́въ ти свинаре́мъ, а се́годні́ ти бу́дешъ изно́въ князе́мъ. А ходи́мъ поженемо́ сви́ні въ по́ле.«

Князь: »Ні́, ще́, ма́буть, княгі́ня не ви́йшла на рунду́къ ча́ю питъ; а ми́ні́ тре́ба гнати́ тоді́, якъ ви́йде на рунду́къ да сяде́ изъ змі́ями ча́й питъ, щобъ вона́ ба́чила, якъ я бу́ду сви́ню..... цілува́ть.« .....

Тутъ ді́дъ нача́лъ ёрзати́ся и кряхте́ть на печи́. Я испуга́вся: не подѣ́йствова́ла ли на него́ вредно́ वो́дка. Ммѣ́ оче́нь хотѣ́лось

дописать сказку, которая видимо склонялась къ концу. Но кряхтѣнье дѣда выражало только его нежеланіе слѣзати съ печи. Это было для него подвигомъ слишкомъ трудный. Скоро однакожь онъ собрался съ силами, спустился съ печи, какъ-будто съ какого ужаснаго утеса, надѣлъ черевыки и вышелъ изъ хаты.

Дочь его укачивала ребенка, который стоналъ въ колыскѣ всё тише и тише, наконецъ смолкнулъ.

»Чи въ дворі нема въ васъ нікого зъ гостей?« спросила меня она.

»Ні, нема.«

»Мині якийсь кучеръ, чи Богъ ёго зна, каже: »Що ти за молодиця? де твій чоловік?« Хи, хи, хи! А я кажю: »Нема въ мені чоловіка: я москѡвка.«

Прошло съ минуту молчанія.

»Дідь пішовъ люльку тягнути«, продолжала она.

Я всё молчу.

Черезъ нѣсколько минутъ дідь воротился: »Отъ не багато й доказати, да не доказавъ. Ну, пишіть же; заразъ скончу.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

»...щобъ вона«, каже, »бачила, якъ я буду свиню..... цілувати.«

Иванъ Гóликъ и каже ёму: »Уже жъ, якъ будемо гнати, то ти не цілуй, а поцілуй я.«

А князь каже: »Дóбре!«

Отъ прийшла порá гнати. Княгиня вийшла, чай пѣе. Вони повиганяли изъ хлива свиней и женуть у-двохъ. Тільки що догна-ли до воріть, — свиня на ворóтяхъ стала и стоить. Княгиня изъ зміями дивитця, а Иванъ Гóликъ якъ распустить пугу, якъ ударить тую свиню, такъ и кістки розсіпались. Тіи зміи тоді куди хто втрапивъ. А вона, клята, й не злягалась, да ёго за чуба. Такъ вінъ тоді еі за коси, да якъ знявъ стібать, да поти, поки вона не здужала й по світу ходити. Оттоді вже вона покинула свої змі-

івські ворові да й почалá хороше жити ізъ чоловікомъ. Живуть да постоломъ добрѣ вѣзять. Поіхали въ лѣсъ, вірубали на ківшъ и одтялі на корецъ; отъ и кáзці кінецъ. А якъ-би вони зробили ківшъ, то ще бъ кáзки було бильшъ.

Судя по этимъ двумъ сказкамъ (продолжалъ г. Жемчужниковъ), у діда моего только что развязался языкъ, да и самъ онъ хвалился мнѣ, что знаетъ сказокъ безъ числа. Я видѣлъ впереди длинный рядъ нашихъ свиданій и, вѣроятно, набралъ бы у него сказокъ на цѣлый томъ; но вдругъ мнѣ нужно было уѣхать изъ Л****. Я имѣлъ только время проститься съ дідомъ до новой встрѣчи. На другой день я ужъ свакалъ глухимъ проселкомъ къ почтовой дорогѣ, гдѣ долженъ былъ пересѣсть на перекладную и спѣшить въ Кіевъ. Лошади то и дѣло тонули въ снѣгу, по которому только что проложенъ былъ зимній путь, и мятель едва позволяла кучеру видѣть, куда мы ѣдемъ. Мы однакожь удачно попали въ 'Яблунувку, откуда пошла дорога, болѣе торная. Въ 'Яблунувкѣ случилась на то время ярмарка, но мнѣ было не до нея: я искалъ теплаго шинка, въ которомъ бы намъ можно было обогрѣться и покормить лошадей. На бѣду, всѣ шинки были холодные отъ множества входящихъ и выходящихъ людей. Мы проѣхали еще нѣсколько верстъ степью, чтобъ отдалиться отъ ярмарочнаго многолюдства. Холодъ усилился больше прежняго, и я, только благодаря своей бараньей шапкѣ да тулупу, ничего себѣ не отморозилъ. Наконецъ мы подѣхали къ шинку. Мятель гуляла кругомъ въ степи; хата была занесена снѣгомъ; съ крыши мело; дверь видна была изъ-подъ снѣгу только до половины, и къ ней вели съ дороги глубокіе слѣды ногъ. Кто-то, подобно мнѣ, только что скрылся въ этотъ пріютъ отъ мятели.

Шинокъ оказался теплымъ, и слухъ мой, послѣ унылаго завыванья вьюги, пріятно поразили веселые голоса людей, которые собрались здѣсь на обратномъ пути изъ ярмарки. На лавкахъ и подъ лавками видны были свѣжія покупки: горшки, мыски, ведра и решета. Когда я взошелъ, всѣ помирали со смѣху отъ какой-

то шутки, или рассказа одного изъ собесѣдниковъ, котораго тутъ же похваливали: »Ну, Феськó! ужé такий не вигадае!« и опять хохотъ.

»Теперьъ твой чергá, Остапе!« говорили поселяне. »Теперьъ тобі трéба щось компоновать. Коли засмиемось, пий нашу горілку; а ні — такъ самъ поставишь кварту.«

»Ні, вже сего не буде, щобъ старецъ наповавъ мирянь горілкою; а ви мині поставите кварту, такъ се вже певне. Розкажу вамъ такé, що інші засміютьца, а розумнійші, то, може, й посумують. Чи ви чули про бідного Кірика?... То-то, що не чули. Якъ бувъ я въ Кіеві, такъ перенявъ про ёго пісню, чи кáзку одъ старця зъ Димера. Есть за Дніпрóмъ село Димерь.«

Еще не взглянувъ на того, кто говорилъ эти слова, я уже зналъ, что это говоритъ слѣпой: у слѣпыхъ особая интонація рѣчи, такъ что ихъ тотъ-часъ узнаешь. Остапъ былъ страствующій пѣвецъ, который тоже возвращался съ ярмарки. Онъ началъ шарить вокругъ себя и досталъ изъ-подъ свитки бандуру. Можно судить, какова была моя радость! Я пріютился подальше отъ толпы, окружавшей Остапа, раскупорилъ свою провизию, а вмѣстѣ съ тѣмъ приготовилъ и записную книжку и, отвернувшись въ сторону, старался казаться совершенно равнодушнымъ къ тому, что дѣлалось въ шинкѣ. Остапъ попробовалъ струны, настроилъ бандуру и минуты двѣ-три бралъ заунывные аккорды, какъ-будто пробѣгая въ памяти то, что хотѣлъ пѣть.

»Буду жь я вамъ співати«, сказалъ онъ наконецъ, »да, глядѣть, мовчать мині, не перебивать. А хто не знае чести, того взять за чуба да на двіръ вивести.«

БАЛЛАДА ИЗЪ ВРЕМЕНЬ УНИИ (1).

Щось-то сталося на Волині,
Въ Бобрүйськімъ повіті:

---

(1) Складъ этой баллады совершенно новъ для собирателя памятниковъ Южно-Русской народной поэзіи: до сихъ поръ не открыто въ этомъ родѣ ничего

Такé чúdo изробилось,
Що й не було в світі.
Послухайте, люде добрі,
Щось маю казати...
Мой мова хоч не глádка,
Да не стану брехати.

Вь однім селі міждо бóромь
Тече бистра рiчка.
Ой тамъ стоить хрестъ висóкий,
А пiдъ нимъ каплiчка.
Ой тамъ стоить дворецъ красний,
А вь ёму роскоши:

подобнаго. Всего замѣчательнѣе въ ней искусственныя, какъ-бы уже литературныя приемы, съ которыми обрисованы разныя дѣйствующія лица и вся ихъ обстановка. Судя по нѣкоторымъ явно искаженнымъ и отрывочнымъ мѣстамъ, надобно думать, что въ первоначальномъ своемъ видѣ она была гораздо совершеннѣе по формѣ и полнѣе по содержанию. Въ ней представлено бѣдственное состояніе Греко-Русской Церкви во времена уніи, когда духовенство въ Южной Руси назначалось, мимо воли православныхъ епископовъ, по усмотрѣнію властей, непренебрегавшихъ никакими мѣрами для объединенія двухъ вѣроисповѣданій. Церкви въ приходяхъ, отвергавшихъ унію, были закрыты; въ другихъ же мѣста приходскихъ священниковъ (уніатовъ) не рѣдко доставались людямъ недостойнымъ, которые, будучи *наемниками*, а не *пастырями*, естественно унижали себя въ глазахъ собственной паствы. Народъ покорялся силѣ вещей, но въ пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ выражалъ свое презрѣніе къ этимъ орудіямъ Іезуитской факціи, которые смотрѣли на свою должность, какъ на средство къ обогащенію, будучи равнодушны къ нуждамъ и страданіямъ ближняго. Помѣщаемая здѣсь баллада изображаетъ красками, очевидно взятыми съ натуры, поща-уніята, продающаго прихожанамъ церковныя требы тѣмъ дороже, что они просятъ его исполнить ихъ съ *благочестіемъ*, т. е. по обрядамъ православной церкви. Постигнувшее его бѣдствіе выражаетъ иносказательно, убѣжденіе народа, что завистливая жадность къ деньгамъ господствовала въ этихъ людяхъ надъ всѣми другими чувствами и что, поставленные учить добру прихожанъ, они не имѣли въ сердцѣ своемъ никакого добра. Это одинъ изъ историческихъ документовъ, которые не горятъ въ огнѣ и не истребляются временемъ и которые рано или поздно пригодятся историку для уразумѣнія дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ извѣстной странѣ и въ извѣстный историческій моментъ, — на перекоръ, можетъ быть, архивнымъ свидѣтельствамъ и печатнымъ документамъ, въ которыхъ самъ народъ не подавалъ голоса на судѣ о немъ.

Тамъ живъ дідичъ дуже добрий —
Все роздає гроші.
Кажний день п'є, веселїтця.
Ще й грають музики;
А якъ прийде хто судїтьця,
Такъ що твій владїка!
Тамъ и церковця стояла,
Не знаємъ, якáя;
Коло неї пїнь космáтїй,
Пошадя гладкáя.
Тамъ живъ мужякъ, дуже бідний,
Вїнь Кїрикомъ звáвся:
Що вїнь робївъ діло щїро,
Добrá не сподівáвся.

Сáме въ жнивá, въ робóчий часъ, —
Нещáсна годїна!
Зробївсь Кїрикові клопїть —
Помérла дитїна.
Пїшовъ Кїрикъ по сусїдахъ
Пóмошей прохáти;
Не схотївъ нїхтó нїчóго
Кїрикові дáти.
Отъ и вернївсь вїнь додóму,
Облївшись слéзáми:
Зазнáвъ тепérъ бїдолахъ,
Якъ жить зъ сусїдами.

Пїшовъ Кїрикъ до панóтцá
Да впавъ на колїна:
»Помїлуй мя, честний óтче,
Помérла дитїна!
Сáме въ жнивá, въ робóчий часъ
Превелїка бїда!
Що нема въ менé, панóтче,
Нї соли, нї хлїба.

Прошу я васъ, честный отче,
Дитину сховайте,
А що маю плати дати —
До весни чекайте.»

А згризнувсь піпъ на Кірика,
Тупнувши ногою:
»А, ти«, каже, »плуть, п'яниця!
Я въ тебѣ слугою?
Нема въ тебѣ чимъ платити,
А лінївъ робіти.
Отъ хочъ-би пішовъ до мене
Днівъ на пять косити.
А живка нехай би на лавъ
Ишла жїта жати,
Нїжъ би я мавъ тобі плати.
До весни чекати!«

»Ні, панотче!« каже Кірикъ,
Сей часъ не надовго;
Чоловікъ я одинюкїй,
Немає въ дворі нікого.
Треба й хлїба заробити,
Й панщину одбүти,
Щобъ ище и передъ паномъ
Ледящомъ не бүти.»

»Ахъ, ти«, каже, »плуть, п'яниця!
Въ васъ нема й не бїде!
Щобъ ви усі вїгинули,
Ледячнї люде!«
А на-решті піпъ Кірика
Кулакомъ у спїну:
»Пішовъ геть зъ моєї хати,
Еретичий сїну!« (1)

---

(1) Въ лѣтописи архїєпископа Георгїа Конискаго, изданной Московскимъ

Отъ и пішовъ бідний Кірикъ,
Иде, плаче, тужить:
Нема́ ёму щастя-долі,
Фортуна не служить!
Иде селомъ бідний Кірикъ,
Слѣзи утирає;
Ажъ ось ёго дідичъ добрий
Якъ разъ зустрічає:
»Чого се ти плачешъ, Кірикъ,
Чого засмутився?»
Росказавъ Кірикъ свою біду,
Такъ панъ ажъ скривився. (¹)
Далі й каже Кірикові
Про ёго причину:
»Що жъ робить? Иди вже, Кірикъ,
Сховай самъ дитину.«

Оттоді вже бідний Кірикъ,
Що більше чинити?
Узявъ заступъ да лопату,
Пішовъ ямки значити.
Прийшовъ Кірикъ на могилкі,

Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, сохранено преданіе объ уна-
дкѣ православной Церкви во времена уни, дошедшее до насъ въ этой леген-
дѣ. Онъ говоритъ (на стр. 38): «Гетманъ Наливайко... старался всемірно...
очистить церкви и духовенство, унию зараженныхъ. Нѣкоторые изъ духовен-
ства прямо отстали отъ сея заразы, а другіе притворялись быть таковыми; но
всѣ они сожалѣли о потеряннй власти надъ народомъ, отъ Поляковъ слишкомъ
имъ ваданной; ибо, сверхъ порабощенныхъ имъ по пятнадцати домовъ, владѣ-
емыхъ ими какъ повольниками, повиненъ всякъ парафіянинъ договариваться
съ попами о платежѣ имъ за главныя требы Христіянскія, каковы суть со-
рокоусты и суботники по умершихъ и вѣнчаніе новобрачныхъ. Въ таковыхъ
случаяхъ бывали продолжительныя и убѣдительныя просьбы прихожанъ предъ
попами, и называлось то *еднать попа*; и попы, изчисляя достатокъ проси-
теля, вымогали какъ можно большей заплаты, а сіи о уменьшеніи ея про-
сили съ поклонами до земли, а часто и со слезами.»

(¹) Скривився, бачте, плакати. Да про те не давъ грѣшей, чортівъ сину!
Примѣч. п'яца.

'Ямку зачинає;
Аж ось идé старенький дідъ,
Борода сідая.
»Здоровъ«, каже, »бідний Кірикъ!
Що ти хочешъ робити?«
»Хочу«, каже, »ямку копати,
Дитя схороніти.«

»Не копай же ти тутъ ямки:
Твердо копати буде.
Хай тутъ викопають ямку
Собі інші люде.
Ось иди лишъ, я покажу,
Де тобі копати:
Будешъ менé за се місто
Довго споминати.«

Отъ и пішовъ собі той дідъ,
Изъ нимъ розпрощався,
А нашъ Кірикъ до копання
Дуже щиро взявся.
Небагато вінъ прокопавъ.
Докопавъ до грóшей
Да й витягъ, якъ сили мóга,
Котелокъ хороший.
Оцé жъ не ставъ надъ котелкомъ
Кірикъ розмовляти;
Узявъ изъ нимъ карбóванці
Да й помчавъ до хати.
Засунувъ тії карбóванці
Подальшъ у комóру.
И радъ Кірикъ карбóванцямъ,
И боївсь поговóру.
Оцé жъ набравъ Кірикъ грóшей
Въ кишéню чимáло,
Щобъ исправитъ обідъ бучний,

Щобъ для усіхъ стало.
Теперъ пішовъ до оренди.
Да взявъ спустъ горілки; (1)
Покрепивсь по гіркіхъ трудáхъ,
Не забувъ и жінки.
А вона всю нічъ не спála,
Пекла да варила,
Завісливихъ своїхъ сусідь
Добре угостила.

Тутъ ще Кірикъ до панотця
Побігъ швидко й прудко,
Щобъ и тамъ не забаритьця,
И звернутьця хутко.
»Помагайбі, честний отче!
Зновъ до васъ у хату:
Поховайте съ *благочестіємъ*, (2)
Візьміть зъ мене плату.»

»Що ти, Кірикъ! чи ти зцапівъ,
Чи горілки випься,
Чи, лежачи знай на боку,
Одъ жиру скрутився?
Дай пятнадцять карбованцівъ,
Якь добрі люде, —
Поховаю зъ *благочестіємъ*,
Усе гараздъ буде.»

Бідний Кірикъ одъ порога
Приступавъ поволі (3)

---

(1) Спустъ — три ведра.

(2) *Благочестіємъ* называлось тогда православіе, въ противоположность *уаіш*, которую народъ считалъ нечестіємъ.

(3) Потиховьку. Полонизмъ.

Да й висипавъ карбóванці
Передъ попомъ на столі.

Тутъ ще пішовъ и братчиківъ
Кірикъ загодіти,
Щобъ братчики извелили
На братство дзвоніти. (¹)
Тутъ ще людей бідний Кірикъ
На обідъ зивае,
И хто іде взъ кошами,
У двіръ завертае.
То всі сусіде у Кірика
Наїлись и напилися
А наївнись и напившись,
По домамъ розійшлися.

Да й ніхто жъ такъ, якъ панотецъ
Не жерé, не пожирае,
И яку ищé вінъ думку
Самъ собі гадае!
«Отто, Боже милостівий,
Якъ у світі дивно!
Що який ищé учора
Бувъ сей Кірикъ бідний!
Вчора лазивъ на колінахъ,
Плакавъ да просівся;
Теперъ сипле карбóванці...
Де вінъ такъ розжився?»

'Алчушая попада зъ обіду
Прийшла, роздяглася,
Якъ здумала про Кірика,

(¹) Въ этихъ стихахъ заключается воспоминаніе о церковныхъ братствахъ, которыя устроились повсюду въ Южной Руси для поддержанія *благочестія* противъ уніи.

Такъ ажъ схопилася.
»Ой ти«, каже, »честний отче!
Прийми наставлєнне:
Нехай прийде Кірикъ на сповідь
У се воскресєнне,
Да вишпятай усю правду,
Нехай тобі скаже,
Дє вінъ узавъ стілько грошей, —
Нехай всі покаже.«

Отгó жъ ужє воскресєнне,
Святє наступає,
А пішъ дяка по Кірика
Заразъ посилає.
Кірикъ пришовъ и висповідь
Въ цєркві вислухає;
А пішъ про гроші у Кірика
Вже скорійшъ питає.
»Оце ти, Кірикъ, не признаєшъ,
А то гроші проклаті:
Трєба тобі їхъ посвятить,
Да на цєркву дати.
Тецєрь«, каже, »ти въ рєскошахъ
Все пьєшъ да гуляєшъ,
А я знаю, якъ ти за їхъ
Душу потеряєшъ.«

Кірикъ вислухавъ висповідь
Да й признавсь про гроші,
Що викопавъ на могилкахъ
Котелокъ хорóший.
»Коли жъ я взявъ за ті гроші
Грїхъ на свою душу,
То я той грїхъ то сякъ, то такъ
Спокутовать мушу.«

Одирáвивъ пішъ служєнне,

Додому вертае,
А попадзі а́лчушая
Вже ё́го питае:
»А што«, ка́же, »честний о́тче,
Якъ Кі́рыкъ прызна́вся?«

»Знайшовъ«, ка́же, »велькі́й скарбъ,
Да грі́ха не зляка́вся.«

»Не зна́ешъ же«, ка́же, »па́пе,
Якъ ті гро́ші зья́ти!
Треба вь сина́хъ изь ба́нтини
Воло́ву шку́ру зья́ти.«

Унеслі шку́ру, распя́ли на столі,
Намочы́вши водо́ю:
Не бу́ло вь ха́ці більшъ ніко́го,
Тілько пі́ць сь попадэ́ю.

Оце́ жь по́па попада
Вь шку́ру наряды́ла,
А щобъ шку́ра держа́лася,
Ще й дра́твою зшы́ла.

Нады́ла по́пові шку́ру
На ру́ки й на но́ги,
А на го́лову поста́вила
Воло́вні ро́ги.

Такъ то пе́рше бувъ той пі́ць
Тілько борода́тый,
Ато вже ставъ тепе́рь той пі́ць
На́че чо́рть рогаты́й.

Якъ прышо́въ же рогаты́й пі́ць
До Кі́рыка ха́ці,
Да й ставъ чо́рць ба́цька зна́е
По-яко́му муркоты́ти.

Оце́ жь Кі́рыкъ одсу́нувъ кваты́рку,
На дві́рь подывы́вся;

Бачить чорта изъ рогами
Да й перехристівся.
»Ой ти, чорте«, каже, »чорте!
Чого ти явився?
Чого се ти такъ рогами
На меще наставився?«

»Ти знайшовъ«, каже, »на могилкахъ
Котелокъ зъ рублями:
Оддай мині, бо залізними
Обдеру пазурами,
Да й укинѹ въ пекло на дно,
Голову зірвавши:
Будешъ знать, якъ брати гроши
Не загорювавши!«

Кирикъ вийшовъ, ёму гроши
За двѣри висунувъ;
Двѣри скорійшъ зачинивши
Засовомъ засунувъ.
Якъ вернѹвся жъ вінъ у хату —
Що зъ біді робіти?
Забравъ дьяволь усї гроши...
Почавъ голосити.

А піпъ ужѣ надъ котелкомъ
Не ставъ розмовляти,
Вхопивъ скорійшъ карбіванці
Да й помчавъ до хати.
А попаді вже въ кватірку
Давно виглядала:
»Бачишъ, попе, швидко справивсь!
Я тобі казала!«

Оце жъ хотівъ піпъ попаді
Котелокъ оддати,

Такъ ужé не хочуть ёго рѹки
Одъ котелкá одстáти.
Оцé жъ хотіла попаді зъ ёго
Волову шкѹру зняті:
Такъ чорта зъ два! вже не можна
И ножемъ одідрáти!
»Эхъ!« кричѣть піпъ космáтий,
»Ви грóші проклáти!
Ой на щó було мині васъ
У Кірика брати!«

Назáвтра рáно до Кірика
Попадá прихóдить
И чужéньку вже сторію
Вона зъ нимъ розвóдить:
»Добрідень«, кáже, »тобі, Кірику,
'Магáйбі діло робѣти.
Отто піпъ хотівъ зъ тобою
Шѹтку пошутити;
А та ёму изъ тобою
Шѹтка не далáся,
Да нещáсна годинонька
Въ рѹки вчепѣлася.
Иді, Кірику, будь лáскавъ
До нашої хáти,
Чи не дадѹтця твої грóші
Тобі въ рѹки взѣти.«

А Кірикъ не пішовъ до попá
Своїхъ грóшей брáти,
А ще пішовъ до дідича
Про диво сказáти.
А лідичъ извелівъ зáразъ
Громáду збирáти,
Да велівъ попѹ нестѣ грóши
До Кірика хáти.

Оце жъ уже добрий дідичъ
Громаду збирає,
Да вже про того попá листи
Писать зачинає.

«Ну теперъ же», каже, «хлопці,
У мойй ви власті:
Ведіть попá до Почаєва,
Хочъ бы мавъ вінъ и пропáсти.»

Залигáли тоді попá
За рúки й за рóги,
Зостáвили незв'язані
Тільки одні нóги.
Якъ повелі жъ, то по базáрахъ
Курища (¹) куріли,
А по церквáхъ, куді вели,
Скрізь на зборъ дзвоніли.
Збирáлися шевці, кравці
И малі діти,
Усе на те велике чúдо,
На діво глядіти,
Го якъ привелі вже въ Почаєвъ.
Де стоить Бóжа Мáти,
Такъ вінъ уиáвъ на коліна
Да й давáй прохáти:
«Ой зними зъ мене, Бóжа Мáти,
Волóвую шкúру!
Перестáву вже жінки слúхати,
Покажú патúру!

Бандуристь не ошибся: повѣсть его произвела на однихъ ве-

(¹) Сміттá. Пр. п.

село, а на другихъ грустное впечатлѣніе. Миѣ самому, сквозь ея саркастическій тонъ, послышалось что-то глубоко трагическое... Слушатели единодушно потребовали горилки и начали пить за здоровье Кирика.

»А що жъ изъ тимъ сталося попомъ?« спрашивали нѣкоторые.

»Такъ и пропавъ у волівій шкурі«, отвѣчалъ Остапъ. »Почаївська Бѣжа Мати, кажутъ, одвернула одъ ёго, такъ вінъ такъ и сконавъ окаянный.«

Пошли разные толки, шутки, хохотъ и круговая попойка. Бандуристъ едва наигривалъ на бандурѣ.

»Теперь же вже нехай коваль Миронъ роскаже яку сторию«, сказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ.

»А роскажи, роскажи, Мироне!« отозвалось нѣсколько голосовъ. »Ти здавна бувъ мистецъ. Онъ, якъ хуртовіна. Якъ ёго й додому добратъця!«

»Да вже положимъ тутъ останні грѣши, що вторговали на ярмарку«, сказалъ Миронъ коваль, »то й по глибокому снѣгу добредемо: не заважатимуть у кишѣняхъ.«

»Ужѣ поки ти надумаеся, то певно всі грѣши пропьемо.«

»Да вже й ви поки чарку горилки піднесете, то й гласу не стане.«

Горилка была поднесена ковалю Мирону, онъ выпилъ, крикнулъ отъ удовольствія и началъ:

СЕЛЬСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Булó собі два волоціги и доволочились до того, що вже їсти нічого. Прийшли вони до мужика, такъ якъ-би й до мене. А въ мужика саме родилась дитина. Не казавъ би такий случай; люде́й съ хати не виганя́ть, а треба зъ ними познако́митця. Назива́ють вони ёго брато́мъ: »Коли хочъ, будь ти намъ брато́мъ.«

»Які жъ ви люде?«

Одинъ ка́же: »Я салда́тъ біглий« , а дру́гий ка́же: »А я одъ па́на вті́къ« .

»Ну, добре.«

Отъ переночували въ ёго да й кажутъ: »Пійдемо жъ ми, брате, въ лїсь погуляемъ. Сподівайсь насъ черезъ три недїлі.«

Отто випроводивши ихъ, пішовъ на другїй день у поле. А вони й вертаютця: »Здорова була, сестро! Дє се нашъ братъ?«

»Дє жъ вашъ братъ? пішовъ у поле оратъ.«

Сидїли, сидїли. Одїнь одному й каже: »Нашъ братъ зарїсь дуже.«

А другїй каже: »Треба підголіти.« Да й пішли собі.

Отъ приходить вінъ съ поля. Жінка й хвалитця: »Якъ твої братї забарїлись, що на другїй дєнь явїлись.«

»Що жъ вони казали?«

»Казали: «Нашъ братъ зарїсь дуже.» А другїй каже: »Підголіть треба.«

»Эге! засвітї жъ, жінко, огонь, бо вони хочуть сáло вкрасїти.«

И знявши сáло, положивъ підъ покутемъ.

Отъ приходять вони въ-ночі; продрáли солóму: »Ну«, каже, »и ми хїтри, а братъ нашъ ище хитрїйший.«

А другїй: »Якъ?«

»Немá вже сáла!«

»Дарóмъ. Не вбереже вінъ ёго и підъ покутемъ.«

Отъ узялі, повипускали скотъ, да тоді підъ вікно: »Добрї-вечір̄ вамъ! Що оцє ви пороспускали скотїну, що по вігону ходить?«

Вони скорїйше съ хати за скотиною, а панський утікáчъ у хату, узявъ сáло підъ покутемъ да й пішли.

Позаганявши скотїну: »А дє жъ, жінко, сáло?«

»А тамъ же підъ покутемъ!«

»Отъ засвітї, коли братї тутъ не булі!«

Засвітїли — немá сáла! Що тоді робить? Вінъ, узявши залїзне пúто, и пішовъ братїв доганять... Перевявъ ихъ навпростецъ да й ходить по травї; такъ пúто — брязъ! а вони думаютъ,

що кобила спутана, да положивши сáло: »Ходімъ, брáте, коби́лу пійма́емъ!«

Приходять ближче, вінъ и перестáвъ бряжчáть. Тільки що вони ёго мину́ли, а вінъ за сáло да й принісѣ додóму.

Общій смѣхъ наградивъ раскащика, и круговая пошла прежнимъ чередомъ; какъ тутъ дверь отворилась, и входятъ два чело́вка, съ палками въ рукахъ: знакъ, что это сотскіе, или десятскіе. Поздоровались съ обществомъ, вынули по куску хлѣба изъ мѣшка, выпили поднесенной имъ горилки, и, на вопросъ потчивавшаго: гдѣ они были? одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

»Да ходили въ О** : тамъ исправникъ изъ становимъ.«

»Чого жъ се?«

»Да десь тамъ у ярú зарізано волà, дакъ хтò зарізавъ, допрóшували. А Богъ ёго знае, хто. Якъ ищѣ й чого дрúгого не зарізано!... Зарізано волà!... Ко́ли нічого їсти!« ...

»А чіе жъ то село?«

На этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ закричали: »А Тр***!
Тр***! Тр***!«

Наступило молчаніе.

»Отъ ко́либъ такий панъ, якъ Г***!« отозвался кто-то. »Въ тако́го пана и лю́де бóдуть хоро́ші, не тягáтимутця по ярáмъ; бо въ їхъ усёго дово́лі. Якъ родивсь у ёго синъ, такъ изовáвъ увесь миръ да нагодува́въ же то й напои́въ — уже спаси́би ёму! И сáмъ пивъ изъ людми́ горилку..... Ка́же: »Пійте, бра́тця, скілько хто хо́че!«

Тутъ отозвался одинъ дряхлый дідъ, который молчалъ во все время общей бесѣды и даже не смѣялся вмѣстѣ съ другими, а только машинально покачивалъ головою. Подносимую ему горилку онъ выпивалъ исправно, но приговаривалъ при этомъ тихимъ голосомъ не болѣе того, сколько требовало приличіе, и, выпивши, опять опускалъ голову и покачивалъ ею, какъ-бы въ какомъ-то раздумьи.

»Эге!« сказалъ онъ такъ, что всё его услышали, »да я знаю не то, що ёго бáтька, да й діда. Ми́ні въ селі уже й товари́ша

нема. Слава Бóгу, мині, може, безъ дня, абó безъ двохъ, лїть сто вже есть. Якъ оглѣжусь, то все вже йнші люде въ селі. Погано довго жити на світі! а люде кажутъ, що грїхъ бажати смёрті; то й живѣшь ужé собі мовчки. Да й зовсімъ такі погано стало на світі.»

»А въ-старовину жъ хибá булó лучче?» спросили его.

»Усякъ булó: и добре й погано», отвѣчалъ онъ равнодушно и замолчалъ.

»Що жъ, дїду?» спросилъ кто-то, »и тїи старосвїтські панї Г**** булі такі, якъ сей Грицькó?»

»Я зазнаю пятохъ», отвѣчалъ онъ: »Первий Игнатъ: про того тїлько чувъ, а самъ не бачивъ. Дрúгий Грицькó, — такой грубїй, страшнїй, здоровїй, зъ булавою. Я ще малїмъ бувъ тоді; то булó вáжуть: »Онъ тó панъ!« то я й знаю. Трѣтїй Ивáнь, — плохий панóкъ, не такъ-то страшнїй, тихенький. Четвѣртий Григóрий, — первий синъ полковника зъ булавою, на лицé хорóший, чоловікъ недокучнїй; панъ бувъ гáрний. А въ ёго синї Петро и Павло, а вже въ Павлá тепѣрь Григóрий. При Грицьку, оттому грубому, хлїбъ бувъ хорóший; вода, сїно, все хорóше. Тепѣрь убáвилось усёго. Жїто булó такé, що снїгъ на-силу здїймаешъ у-гору; а тепѣрь дѣсять снóшвъ на той одїнь.»....

Дїдъ замолчалъ и покачивалъ по прежнему головою. Всѣ тоже нѣсколькó времени молчали призадумавшїсь. Наконецъ два урядника кивнулі одинъ другому головою, давая знать, что пора итти, и, простясь съ собранїемъ, вышли. Бандуристъ началъ играть сперва тихо, потомъ громче, громче и запѣлъ высокимъ голосомъ:

Ой не шумїте ви, зелєнні лúги!

Не завдайте мойму сѣрденьку тúги....

Но вдругъ прервалъ пѣсню и спросилъ своего поводыря: »А подивїсь, хлóпче, чи не порá мині до вечѣрнї.»

Поводырь посмотрѣлъ въ окно: »Хтó ёго знае!»

Бандуристь по-видимому не очень беспокоился о томъ, чтобы не опоздать, и запѣлъ уже старинную пѣсню :

Да не буде лѣчче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ на Україні!

Но голосъ его выражалъ глубокую тоску, еще глубже, нежели въ первой пѣснѣ. Онъ какъ-будто для того только и запѣлъ этотъ странный куплетъ, который всегда поражалъ меня неожиданною грустью, чтобы поглубже опуститься въ свою душу и добыть оттуда, мрачныхъ, потрясающихъ звуковъ. Видъ его былъ очень печаленъ, и ему, видимо, хотѣлось высказаться....

Видно, его поняли, или почували, потому что, едва онъ замолчалъ, тотъ-часъ спросили: »А що, Остапе? може бѣ ти скотивъ, щобъ у тебе були очи?»

»Оттáкъ!« отвѣчалъ Остапъ.

»То й ходивъ би на панщину, а теперъ сиди дома да й негáдки.«

»И тобі, братіку, здається, що наша жизнь лѣчча! Ні, наша жизнь, тёмнихъ людѣй, гірка! Дорóжше очей нема въ свѣті нічого. Куди пройтѣ, просї, абó наймі, щобъ провела тебе. У хаті хóлодно, — видючі пойдуть у лѣсъ, нарубають да й топлять, а нашъ братъ терпї. Тягайся по свѣту въ заверуху та въ морóзи, зароби грóшей да наймі наймита, щобъ нарубавъ дрóвъ та привізъ, та запаливъ у печі, якъ пану; а тамъ зновъ роби, щобъ було, чимъ топїть.« Онъ снова началъ наигрывать.

»Якъ ти, Остапе, осліпъ?» спросили его.

Остапъ остановился. »Якъ осліпъ? Э, Богъ ёго знае... не можна того знать. Бáчте, якъ бувъ я хлопцемъ, то, кажутъ, бувъ проворний. Бáтько молотивъ, а хтось увійшовъ у хату запалить люльку да й питае: »Дё бáтько зъ мáтїрью спить? на полу?» « — »На полу«, кажу. А вінъ регóче. »А може, на печі?» « Я кажу: »На печі.« А вінъ регóче. Да якъ пішовъ вінъ, такъ я й

осліпъ. Треба бъ було менé різкою сікти, то, може бъ, я й не осліпъ. Мині було годъ чотири тоді, то, бачте, мині розказують, якъ воно було... Колибъ я осліпъ великимъ, тоді бъ я знавъ, щó такé сонце та огонь та щó воно такé: чи красне, абó жовте: атó я нічого не знаю. Гóре нашому брату на світі; ні до ко́го й ні до чо́го. Отта́къ ході по світу, поки снага, а потімъ ляжъ да и вмри мóвчки.»

»Чому́ бъ тобі, Остапе, не жить у з́ята въ Калю́жинцяхъ!« спросиль одинъ изъ слухателей.

»Якé жъ тамъ мині добро́, щóбъ я тамъ живъ?«

И Остапъ началъ играть. Чарка ходила медленне́е. Бесе́да не вязалась. Многіе молчали, потупивъ головы съ обычною Малоросійскою манерою; другіе посматривали въ окошко и собирались уходити.

»Я ё́го ледáчого принявъ у свою хату́ въ прійми«, сказаль помолчавши Остапъ; »а вінъ почавъ менé зневажа́ть, погáними слова́ми ла́ять да сказа́въ дочці, щóбъ вона́ мині не дава́ла їсти, атó вінъ їй го́лову одрубáе. Такъ я — Бо́гъ їмъ суддя́! — покину́въ їхъ да й пішо́въ блудіть. Якъ-би я видю́щий та роботáщий, то зя́ть би менé й поважа́въ....«

Посля́ этого онъ взялъ нёско́лько громкихъ аккордовъ, потомъ запѣлъ и заигралъ:

Нема́ въ світі правди, правди не зиська́ти!

Що тепе́рь непра́вда ста́ла правдува́ти.

Уже́ тепе́рь пра́вда стоіть у порóгá,

А та́я непра́вда сидіть коне́ць сто́ла.

Уже́ тепе́рь пра́вду нога́ми топта́ють,

А ту́ю непра́вду ме́домъ наповáють.

Уже́ тепе́рь пра́вда сидіть у темни́ці,

А та́я непра́вда — съ панáми въ світли́ці.

А вже тая правда слезами ридає,
А тая неправда все п'є да гулає.

Десь ти, правдо, виєрла, чи ти заключена,
Що теперъ неправда увесь світь заже рла! (1)

Тільки въ світі правди, що рідная ма́ти...
Де́ бь ми еі мо́гли въ світі одиська́ти?

Ой орлице ма́ти! де́ жь намъ тебе́ взяти?
Тебе́ не купити, а ні заслужити!

Колибъ тебе́, правдо, въ світі увидіти,
Орловими крильми ра́ди бь ми летіти.

Охъ, якъ же тимъ діткамъ безъ ма́тери бу́ти?
Да що-дня заплачуть, не мо́жуть забу́ти!

Вже жь бо коне́ць віку оце́ прибли́жився:
Хоть рідного бра́та теше́рь стережі́ся.

Изъ нимъ на судъ ста́ти — правди не зиська́ти.
Тільки срібломъ-злото́мъ пані́въ насища́ти. (2)

Хто по правді су́дить, то того́ кара́ють,
А хто не по правді, того́ поважа́ють.

Ой хто бу́де въ світі правду́ исполня́ти,
Тому́ зошле́ть Господь що-дня́ благода́ти;

Бо самъ Господь — правда́ и смири́ть горді́ню,
Сокруши́ть неправду́, вознесе́ святя́ню!

---

(1) Этот стихъ онъ повторилъ, и притомъ съ особенною выразительностью, тогда какъ всѣ другіе пѣлъ по одному разу.

(2) Этот стихъ онъ такъ-же повторилъ.

Эта пѣсня была уже мнѣ извѣстна, но она произвела на меня теперь совершенно новое впечатлѣніе. Еще пѣвецъ не допѣлъ и до половины, какъ пришелъ ко мнѣ кучеръ съ докладомъ, что лошади готовы; но я дослушалъ до конца, и уже потомъ не былъ способенъ къ наблюденіямъ. Все во мнѣ перевернулось. Я поскорѣе опоясался, нахлобучилъ шапку и поѣхалъ далѣе.

Мятель гуляла въ степи по-прежнему, и въ завываньи вѣтра вокругъ моей кибитки мнѣ всё слышался высокій голосъ бандуриста, воспѣвающаго торжество неправды....

1855, декабря 25.

Кіевъ.

II.

Разсказъ современника-Поляка

О ПОХОДАХЪ ПРОТИВЪ ГАЙДАШАКЪ.

РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННОКА-ПОЛЯКА

О ПОХОДАХЪ ПРОТИВЪ ГАЙДАЧАКЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изъ преданій, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ «Записокъ о Южной Руси», мы видѣли, какъ нашъ народъ смотритъ на гайдачакъ. Сочувствія къ нимъ не обнаружилъ ни одинъ рассказчикъ. Гайдачаки, были ужасомъ всѣхъ мирныхъ жителей; ихъ не боялись только дѣти и бѣдняки, которымъ нечего было терять. Но, когда вспомнимъ, что первая война козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ были не что иное, какъ гайдачество; что войны Хмельницкаго были только его продолженіемъ въ огромныхъ размѣрахъ, и что оно не прекращалось въ Западной Украинѣ, на Волини и на Подольи до послѣднихъ временъ существованія Запорожья; то непримѣнно придетъ къ заключенію, что это зло, при всей своей великости, должно было явиться не иначе, какъ по закону противодѣйствія какому-то другому, гораздо нестерпимѣйшему для гражданскаго общества злу, а можетъ быть и многимъ зламъ, которыя его породили и постоянно поддерживали. Еслибъ оно происходило только отъ дикаго побужденія извѣстнаго класса людей завладѣть чужимъ достаткомъ, то никогда не достигло бы такого страшнаго развитія, не образовало бы цѣлой

націи хищниковъ и убійць, какою является козачество, и не родило бы въ ней поэтическаго взгляда на свои кровавыя подвиги. Какъ бы ни велика была наглость сборища злодѣевъ; но, если они не будутъ имѣть искренняго убѣжденія въ законности своихъ подвиговъ, то не стануть ими хвалиться всенародно въ героическихъ пѣсняхъ, да и самъ народъ не будетъ помнить ихъ пѣсень въ-продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Что касается до мирныхъ жителей, то они, вѣроятно, терпѣли столько же, если не больше, и отъ козаковъ Наливайка, которые, какъ по необходимости, такъ и по недостатку правильнаго военнаго устройства, безъ сомнѣнія, захватывали, на пути своемъ, что могли, у зажиточныхъ людей; они не сочувствовали и козакамъ Хмѣльницкаго, какъ это мы знаемъ изъ »Лѣтописи Самовидца«; они всегда страдали такъ, или иначе не только отъ охочекомонныхъ, но и отъ реестровыхъ козаковъ, которые, въ массѣ своей, не отличались ни благородствомъ убѣжденій, ни рыцарскимъ великодушіемъ. Что же мудренаго, если ватаги Зализняка, Швачки и другихъ героев Коливщины памятны народу только по нападеніямъ на дворы богатыхъ людей и по жестокостямъ? Это ближе касалось народа, нежели неясная и для самыхъ гайдамакъ цѣль, къ которой они стремились. Теперь, когда наши матеріальные и нравственные интересы такъ непохожи на тогдашніе и когда старыя симпатіи и антипатіи уступили мѣсто новымъ, мы смотримъ съ равнымъ участіемъ, какъ на тѣхъ, которые терпѣли безъ вины отъ неистовствъ разуданной толпы *затяжцевъ*, такъ и на тѣхъ, которые, будучи дикими грабителями своихъ братій, въ то же самое время рисковали своею жизнью ради мечтательной независимости своего племени; и по этому для насъ равно интересны рассказы сѣдовласыхъ свидѣтелей гайдамацкаго варварства и героическія пѣсни самыхъ гайдамакъ, въ которыхъ они хвалятся своими подвигами передъ цѣлымъ свѣтомъ. Да и самъ народъ, проклиная ихъ неистовства, въ то же время усваиваетъ себѣ ихъ пѣсни и передаетъ будущимъ поколѣніямъ ихъ кровавую славу. Напримѣръ, сегодня я записываю отъ него преданіе о низкомъ тиран-

ствѣ надъ какимъ-нибудь Дригою (1), а завтра въ томъ же самомъ кружкѣ поють мнѣ:

Максимъ, козакъ Залізнякъ зъ славнаго Запорѣжжа,
Прощитае на Україні, якъ въ горѣ рѣжа.
Роспустивъ військо козацьке въ славнімъ місті Жаботині —
Гей розлялась козацька слава по всій Україні!

И говорятъ Максимъ козакъ, сядучи въ неволі:
• Не будуть матъ вражі Ляхи на Україні волі!
Течуть річки зъ всього світу до Чорнаго моря —
Минулася на Україні Жидівская воля!«

Впрочемъ, каковы бъ ни были предубѣжденія противъ, или въ пользу гайдамакъ у ихъ современниковъ, или ближайшаго къ нимъ поколѣнія, но если только съ этими предубѣжденіями до насъ доходятъ какія-нибудь черты, взятія съ натуры, то наше дѣло — сперва все принять къ свѣдѣнію, а потомъ уже подвергать преданія критической разработкѣ. До сихъ поръ я представлялъ записанное мною отъ Малороссіянь и говорилъ отъ себя о гайдамакахъ, какъ Малороссіянинъ. На сколько чистой истины въ собранныхъ мною народныхъ преданіяхъ и до какой степени былъ я безпристрастенъ въ своихъ замѣткахъ, это рѣшатъ будущія открытія и изысканія. Теперь посмотримъ, что помнятъ о гайдамакахъ ихъ враги, Польскіе дворяне. Я не буду говорить о запискахъ Липпмана, Кребсовой и другихъ, извѣстныхъ намъ печатно. У меня въ рукахъ находится неизданная рукопись, составленная по рассказамъ стараго Польскаго пана, Симона Закревскаго (Zakrzewski), который въ молодости не одинъ разъ имѣлъ самъ дѣло съ гайдамаками. За доставленіе ея мнѣ я обязанъ благодарностью знаменитому Польскому писателю М. А. Грабовскому, неутомимому изыскателю Польско-Украинской старины. Я переведу ее здѣсь не всю, оставляя въ сторонѣ то, что инте-

(1) См. т. I, стр. 246 — 249.

ресно собственно для Поляковъ; но въ своихъ извлеченіяхъ не опущу ни одной черты, характеризующей Поляка по отношенію къ гайдамакамъ. Воспоминанія пана Закревскаго имѣютъ въ ихъ глазахъ тотъ особенный интересъ, что изображаютъ гайдамачество на Волыни и на Подольи, тогда какъ почти всё до сихъ поръ изданные памятники заключали его въ тѣсную рамку Западной Украйны. Они даютъ намъ новое понятіе объ обширности поприща, на которомъ подвизались предприимчивые Запорожскіе витязи грабежа и убійства въ провинціяхъ Польскаго королевства, и о непрерывности ихъ набѣговъ. Съ другой стороны, здѣсь представлена картина домашняго и общественнаго быта Польскихъ пановъ въ пограничныхъ городахъ. Ихъ безконечныя увеселенія и попойки были отъ времени до времени прерываемы появленіемъ гайдамакъ, то въ видѣ осторожныхъ хищниковъ, то въ видѣ грозныхъ убійць и грабителей. Вѣчно праздное и безпечное Польское общество сталкивалось съ предприимчивыми Запорожскими «молодцами» и едва находило у себя столько средствъ, чтобы прогнать, или истребить небольшую ватагу гайдамакъ... Но читатель увидить это изъ разсказа самого Закревскаго.

.... Находился я при дворѣ князей Любомирскихъ болѣе десяти лѣтъ, но не въ качествѣ дворянина, а въ качествѣ пріятеля дома. Шумно и весело жили тогда въ Ровномъ. Домашнихъ толпа, гостей каждый день биткомъ набито; пиры, музыка, танцы, открытые столы, кубки за кубками, осушаемые при громѣ мортирь и ручного оружія; горящіе вензеля и фейерверки. Княгиня, урожденная Поцѣва (Росіеjówna), принесла мужу богатое приданое. Чудная была пани: и прелестная и чрезвычайная охотница до увеселеній. Помню, какъ она бывало отбросить въ сторону Нѣмецкіе реброны да помпадуры и явится въ старо-Польскомъ нарядѣ: въ бархатномъ кунтушѣ, въ *станикъ* (¹) изъ золотой парчи, въ

(¹) Родъ наружной шнуровки. *Примѣч. издат.*

собольей шапочкѣ, на которой сверкаетъ алмазное перо, и въ красныхъ сапожкахъ, унизанныхъ жемчугомъ и подкованныхъ золотомъ. Пустится бывало въ первой парѣ, въ польскомъ, или въ мазуркѣ, по огромной дворцовой залѣ, — ну просто лань; заглядѣнье да и только. А какъ на поворотѣ въ танцахъ звякнетъ подковками, сердце такъ бывало разыграется, что танцуешь — чуть изъ кожи не выскочишь.

Князь, коронный подстолий, съ своей стороны любилъ заохочивать собственнымъ примѣромъ къ частымъ кубкамъ [въ тѣ времена всѣ пили въ Польшѣ]. Былъ онъ горячій охотникъ и часто устраивалъ охоту для своихъ гостей въ огромныхъ размѣрахъ. Въ Тучинѣ у него обыкновенно содержалась безчисленная псарня, на которую онъ опредѣлялъ всѣ доходы съ этого *ключа* (1). Обширные лѣса были полны крупныхъ звѣрей, на которыхъ мы охотились съ сѣтями и заборами, при помощи безчисленнаго множества мужиковъ. Настрѣлявши бездну серъ, волковъ, дикихъ кабановъ, часто такъ-же убивши нѣсколько лосей, а иногда и медвѣдей, садились мы за охотничій обѣдъ. Сколько тамъ было разсказовъ объ охотничьихъ приключеніяхъ! сколько лжи, сколько самохвальства! Рога и волторны гремѣли между тѣмъ въ знакъ торжества, а мы трубили въ кубки, и я не помню, чтобъ когда-нибудь возвратились домой трезвыми.

Однажды случилось князю пожаловаться, что у него нѣтъ подъ Ровнымъ роши, въ которой онъ могъ бы иногда охотиться хоть за зайцами. Что же? сосѣди и пріятели сговорились сдѣлать ему сюрпризъ въ день его именинъ. Князь выѣхалъ, кстати, на нѣсколько дней въ Дубно къ князю ординату Сангушко и долженъ былъ воротиться только въ день святого Станислава. Наканунѣ этого дня «согнали» тысячу подводъ съ молодыми деревцами да тысячу рабочихъ изъ ближнихъ и дальнихъ околицъ, насадили самымъ старательнымъ образомъ довольно обширный звѣринецъ,

---

(1) Ключомъ называется у Поляковъ извѣстное число селъ, принадлежащихъ къ одной экономіи. *Пр. изд.*

перестѣнный правильными просѣками, и пустили въ него множество разныхъ звѣрей. Какъ изумился и обрадовался князь, когда воротясь ночью въ Ровно и проснувшись утромъ, увидѣлъ передъ городомъ гору, покрытую лѣсомъ! Этотъ лѣсъ потомъ старательно поддерживали, и до сихъ поръ онъ существуетъ. Въ день святаго Станислава мы, правда, не охотились, такъ какъ это былъ праздникъ патрона Польской короны; но всѣ мы, сколько насъ было гостей и домашнихъ, двинулись, подъ предводительствомъ князя и княгини, къ лѣсу, который какъ-будто какимъ волшебствомъ выросъ изъ земли. Дивное было явленіе — видѣть стада зайцевъ и сернь, испуганныхъ прїѣздомъ экипажей и шумомъ всадниковъ. Они метались въ разныя стороны, но не могли никуда уйти, потому что лѣсъ былъ окруженъ сѣтями. Только на третій день вечеромъ начали мы охотиться, при свѣтѣ фонарей и плошекъ. А въ день самыхъ именинъ было шумное пиршество.

Помню, какъ послѣ обѣда показывали на замковомъ дворѣ коня изъ княжескихъ конюшенъ. Всѣ дамы вышли съ княгиней Гоноратой на огромную дворцовую галерею, которая идетъ вдоль залы, на второмъ этажѣ. Я приказалъ подвести мнѣ моего сѣраго въ яблокахъ и давай выдѣлывать на немъ разныя штуки. Дамы хлопали мнѣ, а иногда приходили въ ужасъ. А князь, стоя на галереѣ съ полнымъ бокаломъ, закричалъ мнѣ сверху: »Пане Симоне! пью за ваше здоровье *въ ваши руки* (1); но только возьмите бокамъ, не слѣзая съ коня!«

Не нужно было повторять мнѣ этого вызова; я прищпорилъ своего сѣраго и въ нѣсколько прыжковъ поднялся по ступенькамъ въ переднія сѣни, потомъ далѣе во внутреннія, а оттуда въѣхалъ по лѣстницѣ въ залу и явился на галереѣ, приведя дамъ въ немалый страхъ. Князь подаль мнѣ большой бокалъ; я опорожнилъ залпомъ за его здоровье, повернулъ коня и той же самой дорогой, хоть ужъ нѣсколько осторожиѣе, воротился на замковой

---

(1) Т. е. такъ, чтобы бокалъ перешелъ къ тому, чье здоровье пьютъ. *Пр. изд.*

дворъ. Такъ-то въ тѣ годы подвизались мы въ этомъ Ровномъ, которое теперь такъ отрезвилось! А въ Дубнѣ, въ замкѣ князя ордината, надворнаго маршала Литовскаго, текло вино рѣкою, потому что крутоусаго Сангушка не легко было побѣдить на попейкѣ. Дилъ онъ какъ въ бочку и любилъ видѣть вокругъ себя питковъ. Въ замковой залѣ зачастую поднимались пары надъ головами собесѣдниковъ, а на дворѣ клубился дымъ отъ стрѣльбы драгуновъ, которые гремѣли изъ ружей за каждымъ тостомъ.

Пировали мы беззаботно, и жилось намъ хорошо въ тѣ времена, по пословицѣ: *Za króla Sobka nie było w polu sporka, a za króla Sasa człowiek jadł, pił i poruszczał pasa* (¹). Пить было тогда у всѣхъ въ обычаѣ: у пановъ и у мелкаго дворянства [исключая молодыхъ людей, которымъ запрещалось прикасаться къ бутылкѣ], у духовныхъ и свѣтскихъ, у судей и адвокатовъ, у военныхъ и штатскихъ; а кто отказывался, того умѣли и принудить. Паны не нуждались въ средствахъ къ жизни, а мелкая шляхта жила отъ пановъ..... Внѣшней войны мы не вели тогда, но что касается до безопасности внутренней, особенно на пограничьи со стороны Запорожья, то трудно было имъ похвалиться. Даже и на Воляни не разъ смущали насъ, посреди нашихъ увеселеній въ панскихъ домахъ, преувеличенные слухи о гайдамацкихъ наѣздахъ. Мнѣ самому случилось два раза участвовать въ походѣ противъ этихъ бродягъ.

Гайдамацкія шайки, человекъ въ пятьдесятъ, во сто, а иногда и въ нѣсколько сотъ, выходили почти каждую весну изъ Запорожской Сѣчи (²) и только осенью возвращались въ свои ло-

---

(¹) При королѣ Собкѣ (Собѣскомъ) не было въ полѣ ни снопа, а при королѣ Сасѣ каждый ѣлъ, пилъ и распускалъ поясъ.

(²) Въ одномъ вариантѣ стиховъ подѣ изображеніемъ Запорожца-кобзаря говорится:

Отже жь весна наступає, що на умі, треба оковчати:
Якь день, такь ніч, все на думці Ляха обідрати.
Або въ Жйда мішокъ грóшей узятъ на рострати.

Прим. Издаѣ.

говища. Это скопище состояло изъ однихъ отъявленныхъ негодяевъ. Оно пополнялось разными бѣглецами изъ сосѣднихъ земель, но всего больше Украинскими мужиками, между которыми гайдамаки имѣли много доброжелателей и которые указывали имъ, куда безопаснѣе и вѣрнѣе пройти за добычею. Украинныя воеводства Киевское и Брацлавское всего больше терпѣли отъ этихъ хищниковъ; но иногда они проникали на Подолье, на Волынь и даже къ Мозырю, потому что пограничнаго войска было очень мало, магнаты держали надворныя хоругви при себѣ, а городовые козаки были въ-тайнѣ расположены къ гайдамакамъ. Гайдамаки эти совершали свои походы иногда пѣшие, но большею частью верхомъ, и увозили добычу на вьючныхъ лошадяхъ, что у нихъ называлось *батовнѣю*. Каждая шайка имѣла своего предводителя, котораго они называли *ватажкомъ*. Ватажка выбирала обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ, которые сдѣлали уже нѣсколько разбойничьихъ походовъ и знали всѣ переходы и дорожки. Чтобы внушить своимъ къ нему увѣренность, а суевѣрному народу страхъ, рассказывали о немъ, что онъ *характерникъ*, то есть чародѣй, что онъ умѣетъ заговаривать пули, такъ что его можно убить только серебряною пулею (¹), а въ случаѣ надобности — можетъ сдѣлаться и невидимымъ. Сколько они увозили изъ края богатой добычи! и сколько проливали невинной крови, когда ими управляло мщеніе! Ужасъ, овладѣвавшій жителями при извѣстїи, что идутъ гайдамаки, превосходить всякое описаніе: каждый прятался съ чѣмъ только могъ куда ни попало. Но очень часто вѣсть объ ихъ вторженїи приходила слишкомъ поздно, потому что они пробирались какъ волки и дѣлали свои отдыхи по уединеннымъ хуторамъ и пасикамъ.

Однажды гостили мы съ княземъ въ Полонномъ у его дяди, князя Антонїя Любомирскаго, старосты Казимирскаго. Сидимъ мы за столомъ, какъ присказалъ гонецъ отъ генеральнаго регимента-

---

(¹) Смотр. т. I, стр. 284, «Местъ за имя Жида».

ря *Украинской и Подольской партіи*, Яна Тарлы, воеводы Любельскаго, съ приказомъ, чтобы гетманскій regimentъ *млоземнаго автора мента*, въ которомъ начальствовалъ князь Антоній, поспѣшили къ Ятутшкову на Подолье. вмѣстѣ съ тѣмъ Тарло просилъ его въ особомъ письмѣ выслать часть собственнаго гарнизона изъ Полонской крѣпости съ десятью пушками, — и все это для того, чтобы переловить нѣсколько десятковъ гайдамакъ, которые скрылись съ своей добычей въ Ятутшовскихъ лѣсахъ, когда имъ преградили путь къ границѣ, и обрубались тамъ за-сѣками.

Князь отвѣчалъ, что завтра же выступить съ войскомъ лично. Я попросилъ у него позволенія идти съ нимъ въ качествѣ волонтера, на что онъ съ удовольствіемъ согласился. И вотъ на третьи сутки около полудня подошли мы на четверть мили къ лѣсу, въ которомъ укрѣпились гайдамаки; ибо для большей поспѣшности, пѣхоту и пушкарей привезли на подводахъ. Войско наше построилось въ боевомъ порядкѣ, поставивъ пушки по крыльямъ. Региментарь сдѣлалъ намъ смотры; потомъ сломали шеренги, и отданъ былъ приказъ, чтобы *жолмьры* (воины) подкрѣпились и выспались, потому что всю ночь будутъ бодрствовать.

Отдохнувъ немного, просилъ я у князя Антонія Любомирскаго позволенія объѣхать и осмотрѣть позиціи. Онъ далъ мнѣ для безопасности одного офицера и нѣсколько человекъ собственныхъ рейтаръ, и я пустился съ ними вокругъ лѣса. Мы ѣхали добрую рысью, а иногда и въ-скачь, однакожь проѣздили нѣсколько часовъ. Лѣсъ былъ огромный. Кругомъ него, подъ самой опушкой, разставили въ разныхъ мѣстахъ мужиковъ, которыхъ согнали сюда тысячи три. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены ружьями, но большая часть копьями, косами, или просто цѣпами. Имъ было приказано крѣпко стеречь, а ночью жечь огни и часто кричать: *Wer da?* Позади мужиковъ, шагахъ во стѣ-пятидесяти, стояло войско, какъ то, которое прибыло изъ Полоннаго, такъ и то, которое региментарь привелъ еще прежде съ собою,

всего тысячи двѣ человѣкъ, между которыми были компутовые гусары и панцырные въ полномъ вооруженіи, въ леопардовыхъ и волчьихъ шкурахъ, а такъ-же и пѣхота. Сверхъ того собрано было здѣсь безъ числа городовыхъ козаковъ. Все это разставлено было какимъ-то Нѣмцемъ-полковникомъ, который служилъ у региментаря адъютантомъ.

Увидѣвъ почтенные панцырные знаки, я присоединился къ нимъ, во-первыхъ, какъ старый товарищъ, а во-вторыхъ потому, что мнѣ эта Нѣмецкая команда въ Польскомъ войскѣ иностраннаго авторамента терзала нестерпимо уши. Какъ-будто у насъ нѣтъ своего языка. Къ чему намъ кричать: Halt! Raus! Wer da? Feuer! когда мы такъ же хорошо могли бы говорить по своему: *Стой! Выходи! Кто идетъ? Пали?*... Ужъ истинно справедлива пословица: Чтò Нѣмецъ выдумаетъ, то Полякъ купитъ. Какъ бы то ни было, но я на эту ночь прикнулъ къ панцырнымъ. Начальствовалъ ими намѣстникъ князя подстоля Литовскаго, титуловавшийся чѣсникомъ Нурскимъ. Мы тотъ-часъ съ нимъ познакомились, потому что оба принадлежали къ партіи Любомирскихъ, и какъ онъ былъ человѣкъ откровенный и общительный, то я легко къ нему привязался. Приказано было наблюдать осторожность и тишину, и потому мы, усѣвшись съ нимъ въ-сторонѣ на разостланной буркѣ, прошептали цѣлую ночь, изрѣдка только, въ противодѣйствіе ночной росѣ, подкрѣпляясь умѣренно напиткомъ изъ дорожной фляжки. Недостатка въ предметахъ для бесѣды у насъ не было. Когда я выразилъ ему удивленіе, что столько войска соединилось противъ какихъ-нибудь полторы сотни бродягъ, онъ отвѣчалъ, что для поимки гайдамакъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть слишкомъ много рукъ, потому что эти злодѣи защищаются отчаянно и гибнуть до послѣдняго. зная, что имъ пощады не будетъ. »Ихъ ожидаетъ (прододжалъ онъ) собачья смерть на вѣтви дерева, или страшное сидѣнье на колу, и потому они брасаются какъ бѣшеные одинъ на десятерыхъ, и часто пробиваются сквозь засаду не только сами, но и съ добычею. Вотъ увидите завтра, въ какихъ они богатыхъ нарядахъ. Это они у насъ такъ приодѣлись,

потому что изъ Сѣчи выходятъ только въ напоенныхъ саломъ рубашкахъ и *кажанкахъ* изъ телячьей кожи» (1).

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что ватажко, котораго мы теперь окружили, былъ знаменитый между гайдамаками Запорожець Иванъ Чуприна, который уже пятнадцать разъ вторгался въ Польшу и возвращался съ богатою добычею безнаказанно, потому что всегда удачно раздѣлывался съ высланными противъ него отрядами войска. Три года тому назадъ, онъ напалъ съ шестьюдесятью «молодцами» на Шаргородъ, замучилъ отца чѣсника Нурскаго, ограбилъ домъ и захватилъ въ немъ 40,000 золотыхъ наличныхъ денегъ. Когда же проникнулъ въ самую Волинь и его съ навьюченною *батовнѳю* окружило въ этомъ самомъ мѣстѣ триста драгунъ изъ регимента королевы, Чуприна ударилъ на нихъ ночью, убилъ полковника, увелъ нѣсколько драгунскихъ лошадей и ушелъ безъ всякой потери. И потому панъ чѣсникъ Нурскій жаждалъ отмстить ему теперь за пролитую имъ кровь отца.

»Грѣшно [говорилъ онъ] роптать на опредѣленія Всевышняго: да будетъ Его святая воля! но человѣческія погрѣшности осуждать надобно. До чего дошелъ теперь прекрасный край нашъ, имѣя столько источниковъ могущества! Нѣтъ намъ ни уваженія у сосѣдей, ни безопасности внутри государства. И всему этому причиною гордость нашихъ магнатовъ. Они не хотѣли повиноваться королямъ своимъ и всячески старались ослабить въ народѣ уваженіе къ престолу. Отравили жизнь Вѣнскаго героя; Августу Второму поднесли горькую чашу, хотя, можетъ быть, и по заслугамъ; а что всего хуже — на сеймѣ, который прозванъ нѣмымъ, отняли у отечества послѣднія силы, распустивъ народное войско и уменьшивъ его до нѣсколькихъ тысячъ. Самъ нынѣшній король нашъ не былъ бы такъ намъ постылъ, еслибъ они не связали ему рукъ. Пожалуй у нихъ довольно на жалованья надворнаго войска, но они его держатъ только для собственныхъ надобно-

---

(1) См. т. 1, стр. 132 — 133, «Похожденія Гайдамакъ въ Смилой».

стей. Жалкую жизнь ведутъ наши пограничныя обыватели, находясь въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ. Года три назадъ гайдамаки замучили моего отца, въ прошломъ году ограбили мой домъ и едва не захватили жены и дѣтей. Я владѣю за долгъ селомъ Забоклицкихъ, Сельницю, но по службѣ долженъ находиться при хоругви, потому что безъ меня некому ею командовать. Мой ротмистръ, князь подстолий Литовскій, живетъ въ своихъ имѣніяхъ, или въ столицѣ; мой поручикъ, Вороничъ, хозяйничаетъ въ своихъ селахъ, въ Кіевскомъ воеводствѣ; мой хорунжій, Бѣлинскій, уже старикъ преклонныхъ лѣтъ, живетъ, ради спасенія души, во Львовѣ въ Бернардинскомъ монастырѣ. Вотъ почему все и обрушилось на голову бѣднаго намѣстника. Такъ вотъ бродяги напали, какъ я сказалъ, на мой домъ въ Сельницѣ и забрали все, что могли. Къ счастью, жена моя предчувствовала ихъ посѣщеніе, а предчувствовала потому, что одинъ изъ нашихъ парубковъ, негодяй и пьяница, ушелъ было къ гайдамакамъ. Она нѣсколько недѣль не ночевала съ дѣтьми подъ собственнымъ кровомъ, а ночевала въ оврагахъ, въ коноплѣ и въ лозѣ, перемѣняя мѣсто ночлега каждую ночь, и только на день возвращаясь домой. Эта осторожность спасла ее. Разбойники, вломаясь въ мой домъ, застали только при мамкѣ самую меньшую дочь мою и хотѣли разбить ее о стѣну; но мамка пала имъ къ ногамъ и слезами своими и просьбами обезоружила злодѣевъ. Вскорѣ потомъ шайка разбойниковъ напала на мѣстечко Красное, гдѣ мой семилѣтній сынокъ воспитывался въ парафіяльной школѣ у *директора*. Школьники спрятались въ небольшомъ острожкѣ, но наставникъ ихъ попалъ въ руки гайдамакъ. Разграбивъ мѣстечко, они приступили къ острожку и требовали сдачи. Но управляющій имѣніемъ (*gubernator kluczowy*) не отворилъ имъ воротъ своего Гибралтара. Тогда они рѣшились поджечь дубовый частоколъ, который составлялъ главную защиту этого жалкаго укрѣпленія, и начали подкладывать подъ него солону; а чтобы не изнурять перевозкой лошадей своихъ, запрягали въ возъ школьнаго директора вмѣстѣ съ Жидомъ. Этимъ

способомъ подвезено было уже нѣсколько возовъ соломы, за что досталось обоимъ не мало жестокихъ ударовъ. Но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета за мѣстечкомъ, гдѣ разбойники поставили свою сторожу. Узнавъ по этому сигналу, что приближаются драгуны, они собрали торопливо свой багажъ и поскакали во весь духъ къ Кичманю [такъ называется большой лѣсъ въ окрестностяхъ Краснаго]. Драгуны правда перерѣзали имъ дорогу, но разбойники ударили на-проломъ, застрѣлили изъ ружей двухъ драгунъ и одного коня и ушли съ добычею. Этотъ набѣздъ доставилъ большое удовольствіе моему маленькому Марцію, тѣмъ, что гайдамаки возвратили старицею бѣдному Шишкѣ (такъ назывался директоръ) удары, которые онъ имѣлъ обычай разсыпать своимъ школьникамъ.»

Въ такихъ и тому подобныхъ бесѣдахъ провели мы цѣлую ночь. Начинало ужъ свѣтать. Вдругъ по ту сторону лѣса, гдѣ стояла наша пѣхота, раздались выстрѣлы изъ ружей, сперва рѣдкіе, потомъ чаще, чаще, наконецъ загремѣли и пушки. Гулъ, крикъ, громъ стрѣльбы и трескъ валящихся деревьевъ широко разлегались по лѣсу въ утреннемъ росистомъ воздухѣ. Мы ужъ были на лошадяхъ. Испуганные мужики начали бѣжать; панцырные бросились ихъ останавливать. Въ это время сорокъ человѣкъ гайдамакъ, съ двумя десятками вьючныхъ лошадей, выскочили неожиданно изъ лѣсу и дружно ударили на три Волошскія хоругви, стоявшія напередѣ. Волохи не устояли противъ удара и, не сдѣлавъ даже выстрѣла, опрокинулись въ безпорядкѣ на *компутовыхъ* и, вмѣстѣ съ бѣгущею чернью, произвели такое замѣшательство въ нашихъ рядахъ, что мы не могли придти въ себя и построиться. Пользуясь этимъ, разбойники выстрѣлили изъ ружей и, убивши нѣсколько рядовыхъ, повернули въскачъ къ селу. Намѣстникъ и я настигали ихъ близко; онъ положилъ даже одного негодяя изъ пистолета; но оглянувшись и видя, что мы гонимся за ними только вдвоемъ, мы остановились. Гайдамаки между тѣмъ, пройдя черезъ село и зажегши его за собой, достигли сосѣдняго лѣса. Правда, за ними послана была по-

гона, которую regimentарь, занятый въ другомъ пунктѣ, едва черезъ часъ могъ нарядить, но безъ всякаго успѣха; ибо эти бродяги, сидя на быстрыхъ лошадяхъ, не дали себя настигнуть и ушли въ Сѣчь, оставляя вездѣ за собой пожары.

Не такъ удачно подвизались тѣ гайдамаки, на которыхъ наступила въ лѣсу наша пѣхота. Защищались правда отчаянно эти разбойники, убили нашего подполковника, двухъ, или трехъ офицеровъ и около пятидесяти рядовыхъ; нѣсколькихъ такъ-же ранили, и въ томъ числѣ маіора; но трудно было имъ стоять противъ нашихъ ружей и пушекъ, которыя ломали деревья и пришибали ихъ стволами и сучьями; къ тому жъ они лишились своего ватажка и, смущенные этимъ событіемъ, почти всѣ были перебиты; остальные недобитки и раненые захвачены въ плѣнъ. Погибло ихъ около восьмидесяти, а изувѣченныхъ и здоровыхъ схвачено около сорока. Ватажко ихъ, Иванъ Чуприна, палъ отъ руки молодого князя Мартина Любомирскаго, который при самомъ вступленіи въ лѣсъ, на челѣ своихъ гренадеровъ, замѣтилъ его и убилъ его изъ ружья въ ту самую минуту, когда онъ, стоя на колѣняхъ подъ дубомъ, прицѣливался въ него. Найдено было при Чупринѣ богатое Турецкое вооруженіе въ серебрѣ, нѣсколько брильянтовыхъ перстней на пальцахъ, пять золотыхъ часовъ и полторы тысячи червонцевъ въ поясѣ. У другихъ гайдамакъ такъ-же нашли множество денегъ въ поясахъ и сѣдельныхъ подушкахъ, часовъ и дорогого оружія, а въ батовнѣ ихъ — безчисленное количество серебра, дорогихъ матерій, золотыхъ поясовъ, женскихъ нарядовъ и мѣховъ, церковныхъ *орнатъ*, *канъ*, рясъ, чашъ и другихъ принадлежностей богослуженія (католическаго), а такъ-же и Жидовскихъ одеждъ, жемчугу, серегъ и тому подобныхъ вещей. Все это было награблено ими въ этомъ несчастномъ цѣграничномъ краю. Взято такъ-же нѣсколько десятковъ лошадей, между которыми много было отличной породы. Прочія валялись въ лѣсу убитыя, или тяжело раненныя.

Послѣ этого мы расположились обозомъ на возвышеніи и отдыхали трое сутокъ. Въ теченіе этого времени составлена одисъ

добычѣ и сдѣланъ дѣлежъ между офицерами и рядовыми. Не забыли и вдовъ, оставшихся послѣ павшихъ въ бою. Каждому капитану досталось, кажется, по 50, поручику по 30, унтеръ-офицеру по 10, а рядовому по 4 дуката. Церковныя же вещи и украшения потѣмъ разослано по костеламъ и церквамъ (уніятскимъ).

Въ это время прибылъ такъ-же изъ Каменца-Подольскаго войсковой судья съ инстигаторомъ и палачъ съ своими прислужниками. Начался допросъ пойманныхъ гайдамакъ; ихъ пытали, и изъ ихъ показаній оказалось, что ихъ было 160 »молодцовъ« и что ватажко ихъ Иванъ Чуприна остановился и обрубился въ этомъ лѣсу, поджидая своего отряда изъ пятнадцати »молодцовъ«, который онъ выслалъ на грабежъ въ другую сторону, съ своимъ братомъ; что при батовнѣ ихъ находилось двѣнадцать городовыхъ козаковъ, которыхъ они поименовали, но объявили, что они невинны, ибо служили у нихъ по принужденію; и что въ эту ночь ватажко ихъ, который былъ большой характерникъ, усомнился въ своемъ счастьи, замѣтивши зловѣщій признакъ, а именно: когда онъ грѣлся у огня, вся *нѹжа* сползлась у него къ воротнику. Тогда онъ и сказалъ: *Оттеперъ намъ бѹде лѣхо зъ врѣжыми Ляхами!* Раздѣлившись на четыре отряда, гайдамаки намѣрены были ударить на разсвѣтѣ всѣ вдругъ, по данному знаку, на проломъ въ разныя стороны. Знакомъ этимъ долженъ былъ служить выстрѣлъ ватажка изъ пистолета, на который каждый отрядъ отвѣтилъ бы двумя ружейными выстрѣлами. Но этотъ планъ былъ разстроены непредвидѣннымъ случаемъ. Когда начало разсвѣтать, ватажко поползъ на четверенькахъ къ опушкѣ лѣса, чтобъ высмотрѣть, что дѣлаютъ Ляхи. За нимъ поползло нѣсколько »молодцовъ«, и вдругъ у одного изъ нихъ ружье, зацѣпясь за вѣтку, выстрѣлило. На этотъ фальшивый сигналъ отвѣтили другіе выстрѣлы, и прежде нежели гайдамаки сѣли на коней и построились въ боевой порядокъ, Польская пѣхота двинулась въ лѣсъ и произвела между ними замѣшательство, тѣмъ болѣе что ватажко ихъ палъ отъ первой пули. Судья записалъ всѣ эти показанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ длинный списокъ убитыхъ и живыхъ

гайдамакъ и произнесъ послѣднiй приговоръ. Однихъ осудилъ онъ на висѣлицу, другихъ на колъ, третьихъ на четвертованье. Живыхъ отослалъ подъ сильной стражей въ Каменецъ-Подольскую крѣпость для исполненiя этого приговора; а мертвыхъ четвертовали на мѣстѣ и разослали головы, руки и ноги по городамъ и мѣстечкамъ для всенародной выставки на кольяхъ. Остальныхъ зарыли въ Ялтушовскомъ лѣсу надъ большой дорогой и насыпали надъ ними, для вѣчной памяти, курганъ.

Что касается до пятнадцати разбойниковъ, которыхъ поджидала здѣсь главная шайка, то они то же не ушли отъ бѣды. Двое изъ нихъ, высланные *на чѣты* (на развѣдыванье), были схвачены. Старый гайдамака не высказалъ ничего и вытерпѣлъ до конца всѣ муки, которыми пытали; но молодой, вовсе не разбойничьей наружности парень, допрошенный особо, объявилъ, что товарищи его заѣли уже нѣсколько дней тому назадъ въ оврагѣ посреди степей между скирдъ, миляхъ въ десяти отъ того мѣста по направленiю къ Константинову. Его поколебали увѣренiя, что ему не только будетъ дарована жизнь, но что будетъ онъ даже принять въ особенную панскую милость и поступить въ число надворныхъ козаковъ, потому что онъ понравился молодому князю Любомирскому. Онъ объявилъ такъ-же, что число хищниковъ увеличилось до тридцати новобранцами изъ поселянъ; что они высылаютъ на *Черный шляхъ* сторожу для поимки прохожихъ, которыхъ она уводитъ въ свой притонъ, и что у нихъ ужъ множество лошадей, добычи и плѣнныхъ. Въ заключенiе, онъ обѣщаль проводить къ тому мѣсту Поляковъ.

Рейментаръ тотъ-часъ выслалъ противъ нихъ триста человекъ пѣхоты, посадивъ ихъ на коней, взятыхъ въ Волошскихъ хоруговяхъ, и столько же городовыхъ козаковъ, съ двумя пушками, подъ начальствомъ молодого князя Мартина Любомирскаго, который за успѣшное дѣло въ лѣсу произведенъ былъ въ полковники. При немъ находился еще гувернеръ Французъ, какой-то баронъ, старый, какъ видно, служака, который потихоньку давалъ ему со-

вѣты. Старый майоръ такъ-же отправился въ этомъ отрядѣ. Они двинулись быстрымъ маршемъ, а предводители съ остальнымъ войскомъ выступили въ-слѣдъ за ними. Молодой Любомирскій и здѣсь извернулся молодцомъ. Онъ такъ искусно подступилъ къ гайдамакамъ, и такъ хорошо воспользовался указаніями помилованнаго разбойника, что окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а высланныхъ на Черный шляхъ козаки нашли спящими за курганомъ. Но тѣ, что сидѣли въ оврагѣ, не хотѣли сдаться, хотя, для устрашенія, по нимъ выстрѣлили изъ пушекъ; напротивъ, принялись рѣзать своихъ плѣнниковъ, запертыхъ въ одной хаткѣ [потому что потомъ нашли тамъ зарѣзанныхъ восемнадцать Жидовъ, нѣсколькихъ Жидовокъ, одного уніята и одного ксенза; остальные были спасены приспѣвшею пѣхотою]. Гренадеры приняли гайдамакъ въ штыки и кололи, какъ дикихъ кабановъ. Трое были убиты, остальные перевязаны; но всѣ были такъ изранены, что большая часть ихъ перемерла до трехъ дней. Съ нашей стороны убитъ былъ только одинъ барабанщикъ и ранено ножами нѣсколько рядовыхъ. Выручено было изъ плѣна шестеро уніатовъ съ женами, пятеро ксензовъ, два Іезуита, болѣе двадцати женщинъ и дѣвицъ шляхтянокъ и болѣе дюжины шляхтичей. Всѣ они были набиты какъ сельди въ этой лачужкѣ и раздѣты почти до-нага. Но потомъ было открыто еще въ соседнихъ оврагахъ человекъ пятнадцать замученныхъ шляхтичей. Найдено около полтораста лошадей, какъ въ батовнѣ, такъ подъ сѣдлами и безъ сѣделъ. Между скирдъ нагромождено было великое множество колясокъ, брикъ, повозокъ, дорожныхъ возковъ, разнаго рода сундуковъ, чемодановъ, шкатулокъ и погребцовъ, награбленныхъ на большой дорогѣ. Региментаръ и князь Антоній Любомирскій только на третій день прибыли съ войскомъ на то мѣсто. Освобожденные изъ разбойничьихъ рукъ плѣнники вышли имъ навстрѣчу съ непритворною радостью и благодарностью. Добыча, найденная при самихъ гайдамакахъ и въ повозкахъ, была очень значительна. Всему сдѣлана обстоятельная опись, и оставшіеся въ живыхъ владѣльцы показывали, что у нихъ заграблено, обозначая разныя вещи, платья и мѣшки; потомъ ихъ отвели подъ особен-

ный навѣсъ, гдѣ разложено было все это имущество, и каждый получилъ то, что было признано ему принадлежащимъ.

И здѣсь войско отдыхало трое сутокъ. По распоряженію начальствующихъ, отслужена была печальная панихида въ долину смерти, и тѣла замученныхъ Христіанъ погребены были приличнымъ образомъ на кладбищѣ сосѣдняго села, а Жидамъ позволено было забрать трупы своихъ единовѣрцевъ для погребенія ихъ по своимъ обрядамъ. Остальная добыча опять была раздѣлена между войскомъ, а молодой князь Мартинъ Любомирскій наименованъ генераломъ, и тотъ-часъ отправленъ былъ гонецъ къ королю съ просьбою объ утвержденіи его въ этомъ чинѣ. Для войскового судьи и палача открылось новое поприще допросовъ и пытокъ. Нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ гайдамакъ четвертовали они на мѣстѣ, или посадили на колъ, а одному переломали руки и голени и потомъ повѣсили, зацѣпивъ желѣзнымъ крюкомъ за ребро, такъ какъ онъ признался въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. То былъ какой-то плутъ поповичъ изъ Волыни; приглянулся онъ какой-то уже немолодой госпожѣ, отравилъ ея мужа и на ней женился. Она записала ему свое имѣніе, и онъ началъ было уже называться дворяниномъ и даже паномъ мѣчникомъ. Потомъ, когда баба ему надоѣла, онъ такъ-же отравилъ и ее, а имущество ея присвоилъ себѣ. Наконецъ началъ дѣлать сосѣдямъ насилія, наѣзжая на ихъ дома. Его судили и приговорили къ смерти; но онъ ушелъ изъ Волыни и присталъ къ гайдамакамъ, которыхъ изумилъ изысканною жестокостью, съ какою онъ забавлялся муками несчастныхъ жертвъ, допрашивая ихъ, гдѣ у нихъ спрятаны деньги, и заслужилъ отъ разбойниковъ имя *Исповѣдника*. Трупы падшихъ злодѣевъ погребены тѣмъ же самымъ порядкомъ, что и первыхъ; руки и ноги казненныхъ развезены по городамъ и большимъ дорогамъ. Войско разошлось по старымъ становищамъ, а рейментаръ и воевода Тарло отправился съ княземъ Антошемъ Любомирскимъ въ Полонное. Въѣздъ нашъ въ этотъ городъ былъ триумфальный. Насъ встрѣтили пушечною и ружейною пальбою съ крѣпостныхъ валовъ; а у самаго въѣзда въ Полонное комендантъ крѣ-

пости, старый Французъ Шамбонъ, поднесъ князю на бархатной подушкѣ ключи отъ воротъ, а тотъ передалъ ихъ генеральному региментарю. Мѣщанскіе цѣхи и Жидовскіе кагалы ожидали насъ у Кривыхъ воротъ, а у замковыхъ ректоръ Іезуитовъ на челѣ своего духовенства встрѣтилъ вождей и привѣтствовалъ ихъ рѣчью, въ которой сравнивалъ ихъ съ какимъ-то Римскимъ великимъ Помпеемъ, который такъ-же нѣкогда воевалъ съ разбойниками, а молодого князя Мартина Любомирскаго, за его смѣлое вступленіе въ лѣсъ, уподобилъ какому-то рыцарю Курцію, который бросился въ открытую бездну. Во дворцѣ княгиня Любомирская, окруженная многочисленными гостями, привѣтствовала на крыльцѣ побѣдителей. Между пріѣзжими находилась супруга короннаго подстоля, княгиня Гонората, и семейство князя Яблоновскаго, воеводы Познанскаго. Великолѣпный обѣдъ, частые бокалы, пальба съ валовъ, а вечеромъ фейерверкъ и танцы завершили этотъ веселый день. И надобно сказать, что никто не былъ лѣнивъ въ этой работѣ и не заставлялъ себя упрашивать къ очереднымъ бокаламъ, или тянуть за ухо къ танцамъ. Молодой князь Любомирскій и его дядя, князь Францискъ Любомирскій, только что прибывшій изъ-за границы, и нѣсколько другихъ, одѣтыхъ въ короткіе Французскіе кафтаны, танцовали менуэтъ, экосеесъ, страбургскій и штрайеръ; мы, въ кунтушахъ, отплясывали съ почетными паннами княгини (1) мазурку, краковякъ и польскій; а всѣ вмѣстѣ окончили балъ быстрымъ драбантомъ.

Но этимъ днемъ не кончились пиршества и танцы въ Полонскомъ замкѣ; ибо въ-старину съѣзжались рѣдко, но за-то надолго. На третьи сутки устроенъ былъ для дамъ спектакль, представляющій поражение гайдамакъ въ долину скирдъ. Не вдаль отъ одного изъ предмѣстій пріискана была мѣстность, напоминающая отъ-части тотъ оврагъ. Были тамъ и скирды, сложили и хатку въ

---

(1) *Respectowe panny* — родъ горничныхъ изъ шляхетскихъ семействъ. *Прим. издат.*

оврагѣ. Нѣсколько рядовыхъ было одѣто въ гайдамацкіе костюмы; другіе переодѣлись схваченными на дорогѣ проѣзжими; не было недостатка и въ переодѣтыхъ женщинахъ. Навезли туда множество лошадей, навезли повозокъ, сундуковъ, словомъ — всего, что было нужно для подражанія дѣйствительному происшествію. Все общество двинулось изъ замка къ этому мѣсту — дамы и пожилые мужчины въ многочисленныхъ и блестящихъ экипажахъ, а молодежь вся верхами. Когда зрители усѣлись на приготовленныхъ для того лавкахъ, расположенныхъ уступами и покрытыхъ коврами, раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, и спектакль начался тѣмъ самымъ порядкомъ, въ какомъ происходилъ онъ на самомъ дѣлѣ. Пѣхота и городовые козаки, разставленные въ отдаленіи, начали приближаться и окружать разбойничій притонъ. Молодой Любомирскій взобрался на стогъ сѣна и наблюдалъ все въ зрительную трубу, а Французъ-гувернеръ, какъ свидѣтель происшествія, объяснялъ княгинѣ и другимъ дамамъ разныя обстоятельства этой стычки съ гайдамаками. Молодой Любомирскій выслалъ одного изъ пойманныхъ шпионовъ къ разбойникамъ, требуя сдачи, потому что они уже окружены со всѣхъ сторонъ. Въмѣсто отвѣта, двѣнадцать разбойниковъ выѣхали верхомъ на возвышенность и принялись ругать и раззадоривать Ляховъ. Выстрѣляли по нимъ изъ двухъ пушекъ; двое повалилось съ лошадей; остальные поскакали къ хаткѣ и бросились терзать плѣнныхъ. Тутъ гренадеры прибѣжали и выломали дверь, съ крикомъ: »Бей ихъ! руби ихъ! въ штыки!« Началась схватка на штыкахъ и ножахъ; начали таскать раненныхъ и убитыхъ гайдамакъ и плѣнныхъ. Искусственная кровь лилась потоками, обагривъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Княгиня мать и присутствовавшія дамы осыпали ласками молодого Любомирскаго, который былъ героемъ дня. Жаль только, что полдень и закатъ его жизни не оправдали надеждъ, которыя подавало утро....

На другой день играли на театрѣ, недавно устроенномъ въ замкѣ, французскую комедію. Мнѣ кой-какъ объясняли ее; но я всего только и помню, что въ ней много шуму дѣлала какая-то

Турчанка, любовница султана, очень похожая названіемъ на нашу попадью изъ Рогатина, на эту Роксолану, которая, говорятъ, то же была женой какого-то Турецкаго султана (1). Я сидѣлъ, какъ на Нѣмецкой проповѣди. Роли мужчинъ играли молодой Любомирскій, его гувенеръ и полковой лѣкарь, такъ-же Французъ; а женскія — сестра княгини Любомирской, Француженка, гувернантка маленькой княжны, и дочь старика коменданта, Шамбона; и такъ какъ между паннами-прислужницами не было ни одной, которая бы умѣла parler français [въ тѣ времена не всё, такъ какъ теперь, говорили на этомъ *бомжурномъ* языкѣ], то танцору Итальянцу дана была четвертая женская роль, и молодой, тщедушный Итальянчикъ довольно искусно представлялъ бусурманку. Должно было быть въ той комедіи что-то очень трогательное, потому что супруга пана старосты и другія дамы часто отирали глаза платками и кричали: Bravo! charmant! sublime! А меня, такъ больше всего забавляло то, что Турки говорили по-Французски и что актеры въ чалмахъ подѣзжали къ женщинамъ съ такими ужимками, какъ наши пряничные франты, воротившіеся изъ Парижа.

За два часа скуки, которые провелъ я, глазѣя на сцену и ничего не понимая, я вознаградилъ себя на другой день на большой охотѣ, которою угостилъ насъ князь: убилъ я двухъ козловъ и одного вепря. Но какимъ образомъ воротился я съ охоты — не помню, потому что за охотничьимъ обѣдомъ, который давъ былъ подѣ навѣсомъ въ лѣсу, князь всѣхъ насъ такъ употчивалъ, а особливо, когда къ концу обѣда начали пить, вмѣсто кубковъ, изъ охотничьихъ роговъ, что всѣ мы повалились тамъ же безъ памяти, и ужъ потомъ гайдуки уложили насъ въ экипажи и перевезли въ замокъ.

Такъ проводили мы въ Полонномъ нѣсколько дней въ пирахъ и танцахъ, а потомъ князь Яблоновскій пригласилъ все общество къ себѣ въ Лабушь. Остался въ Полонномъ только молодой

---

(1) Это, какъ видно, была трагедія Расина «Vajazet». *Пр. Изд.*

Любомирскій, которому отецъ поручилъ охраненіе крѣпости въ его отсутствіе.....

Разскажу теперь о другомъ походѣ противъ гайдамакъ, въ которомъ я то-же участвовалъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ Ялтушовскаго дѣла, какъ начали ходить по нашей сторонѣ слухи, что сильная гайдамацкая шайка вышла изъ-за рѣки Синюхи, ограбила разныя помѣстья панскія въ Кіевскомъ воеводствѣ, углубилась далеко въ Полѣсье и будетъ возвращаться черезъ Волинь; но гдѣ она появится изъ лѣсовъ и зарослей на поляхъ и какимъ именно путемъ будетъ идти, никто не зналъ. Всеобщій ужасъ распотранился между жителями отъ этихъ слуховъ; съ каждой милей они становились страшнѣе и страшнѣе. Только и рѣчей было всюду, что о гайдамакахъ. Тамъ видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей, то нищихъ, то бродягъ, вѣроятно, шпионовъ гайдамацкихъ; въ другомъ мѣстѣ разсказывали, какъ разбойники сожгли домъ съ хозяиномъ и всѣмъ его семействомъ. Въ Овручскомъ повѣтѣ они, по словамъ расказниковъ, обратили въ пепель цѣлое мѣстечко, а Жидовъ вырѣзали до одного; въ Мозырскомъ якобы ограбили костѣль и нѣсколько (уніятскихъ) церквей; а еще гдѣ-нибудь вторгнулись въ монастырь, жгли монаховъ на огнѣ и пороли имъ жилы; и съ каждымъ днемъ силы гайдамакъ, въ этихъ разсказахъ, увеличивались, такъ что ужъ ихъ насчитали, можетъ быть, въ десять разъ больше, нежели сколько ихъ было въ самомъ дѣлѣ. На дорогахъ безпрестанно встрѣчались шляхта и Жиды, перевозившіе женъ, дѣтей и лучшее изъ движимости въ города и небольшія укрѣпленія въ магнатскихъ имѣніяхъ, гдѣ они надѣялись найти какую-нибудь защиту.

Княгиня Любомирская въ то время была беременна. Въ Ровномъ довольно было надворнаго войска; но какъ этотъ городъ не былъ укрѣпленъ, то мужъ, для большей безопасности и спокойствія, рѣшился перевезть ее въ Полонскій замокъ, гдѣ бы она разрѣшилась отъ бремени. Антоній Любомирскій находился въ то время съ женой въ своихъ Сандомирскихъ имѣніяхъ, откуда намѣренъ былъ переѣхать, по судебнымъ дѣламъ, въ Люблинъ, и

смыг ихъ, молодой князь Мартинъ, остававшійся для охраненія крѣпости, предложилъ къ услугамъ своего дяди весь свой дворецъ. И такъ мы двинулись изъ Ровнаго, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя рейтаръ и козаковъ, а пѣхота послана была впередъ. Въ Славутскихъ лѣсахъ встрѣтилъ князя и княгиню молодой Любомирскій, съ сильнымъ отрядомъ войска и четырьмя пушками, изъ которыхъ, во время отдыха въ лѣсу, приказалъ, для забавы княгини, раздробить нѣсколько сосенъ. Достигши благополучно Полоннаго, застали мы всѣ постоянные и мѣщанскіе дома наполненными шляхтою, которая собралась сюда изъ близкихъ и далекихъ окрестностей, ища убѣжища подъ защитой крѣпости. До сихъ поръ не было навѣрное извѣстно, куда повернули гайдамаки. Посылали развѣдывать Жидовъ, но они возвращались ни съ чѣмъ, потому что, хоть ихъ и соблазнила богатая награда, которую имъ обѣщали, но опасеніе попасться въ руки гайдамакъ подавляло въ нихъ и самую жадность къ деньгамъ.

Наконецъ князь Мартинъ Любомирскій выслалъ восемь вѣрныхъ и расторопныхъ козаковъ, давши каждому по десяти червонцевъ на дорогу и обѣщавъ дать въ десять разъ больше тому изъ нихъ, кто привезетъ вѣрныя вѣсти о направленіи пути и силѣ гайдамакъ. Козаки отправились каждый въ свою сторону, и долго не было о нихъ никакого слуху; наконецъ четверо воротились ни съ чѣмъ. Собравшаяся въ Полонномъ шляхта, будучи принуждена дорогою цѣною платить за неудобное помѣщеніе и негодные съѣстные припасы, начала ужъ роптать, что ихъ обманываютъ баснями, что, если гайдамаки и были гдѣ-нибудь, то ужъ должны воротиться въ свои притоны, и стала развѣзжаться по домамъ. Въ это время двое изъ высланныхъ козаковъ, Гладкій и Лободá [я помню очень хорошо имена каждого изъ нихъ] воротились изъ согладатайства. Тотъ-часъ представили ихъ князю Мартину. Оба они пришли пѣшкомъ, въ мужичьей одеждѣ, и принесли такое донесеніе:

»Милостивый князь и батько! долго мы съ трудомъ пробирались въ-одиночку по лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ; нако-

нець случайно встрѣтились у одного хутора въ глухомъ бору надъ ручьемъ и только тамъ получили вѣрныя извѣстія о гайдамацкомъ становищѣ, отъ стараго пасичника. Бородачь этотъ знается съ ними, а мы прикинулись, что тоже хотимъ пристать къ «молодцамъ». Онъ и наставилъ насъ, какъ къ нимъ пробраться; и какъ онъ намъ сказалъ, что они покупаютъ лошадей, то мы воротились въ мѣстечко Звяхло и, промѣнявъ тамъ свою козацкую одежду на мужичью, купили за деньги, пожалованныя намъ отъ васъ, милостивый князь, по другой еще лошади и уже знакомыми *мановцями* (дорогами напрямикъ) пустились къ гайдамацкому притону, подъ видомъ парубковъ, которые привели лошадей на продажу. Они стоятъ, отсюда въ добрыхъ десяти миляхъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, въ урочищѣ *Обозовище*. Мы ужъ застали тамъ двоихъ нашихъ товарищей-козаковъ, Кирила Ласуна и Ивана Ворону. Тѣ прикинулись, какъ-будто пристали къ гайдамакамъ и показываютъ видъ, что другъ съ другомъ незнакомы. Особенно Ласунъ имъ полюбился и живетъ съ старшиною за павибрата. Теперь онъ ходитъ въ золотѣ и серебрѣ, точно какой вельможа. Да и всѣ они носятъ золотые пояса, красные суконныя кунтуши, шелковые жупаны и собольи шапки, а оружіе у нихъ такое дорогое, что и Турецкій паша не постыдился бы носить при боку. Продали мы имъ своихъ купленныхъ лошадей съ сѣдлами; заплатили они намъ щедро, и вотъ мы принесли вамъ, милостивый князь, въ калиткахъ червонцы. Ворона старался держаться отъ насъ подальше, чтобъ не дать подозрѣнія, посматривалъ только сбоку, поглаживая усъ, и изрѣдка подмигивалъ намъ, нахмуривши брови. Но Ласунъ былъ при продажѣ лошадей, помогаль торговаться, *могоричъ* пилъ и просилъ насъ привести еще лошадей съ сѣдлами, а между тѣмъ украдкою шепнулъ намъ, что ватажко, Семень Чортоусъ, до сихъ поръ не собралъ еще всѣхъ молодцовъ, разосланныхъ за добычею, которыхъ всего у него человекъ триста слишкомъ; что до сихъ поръ соединилось только два отряда, а другихъ двухъ поджидаютъ; что они послѣ завтра выступятъ оттуда, двѣ мили далѣе, въ урочище *Мазѣпина Могила*, гдѣ на-

значень сборъ всѣмъ шайкамъ; а оттуда пустятся дальше искать счастья. Онъ велѣлъ намъ летѣть птицею и увѣдомить васъ, милостивый князь, по секрету, чтобы вы были готовы и держали ногу въ стремени, а съ другими не пускаться въ раздобары, потому что у гайдамакъ вездѣ есть свои шпионы. Когда же перейдутъ къ Мазепиной Могилѣ, то онъ останется, чтобъ ихъ морочить, а Ворона дастъ драла и приведетъ васъ, милостивый князь, прямехонько къ гайдамакамъ.»

Князь далъ этимъ козакамъ по пятидесяти рублей, обѣщавъ выдать остальные, когда донесеніе ихъ оправдается, и велѣлъ имъ до времени гдѣ-нибудь скрыться. Начали готовиться къ походу, никому не объявляя цѣли своихъ приготовленій и дожидаясь прибытія Вороны. Какъ вотъ на третьи сутки въ полночь явился у воротъ, называвшихся Кіевскими, гонецъ на усталомъ и задыхающемся конѣ и требовалъ, чтобъ его тотъ-часъ впустили въ замокъ. То былъ Ворона. Но его никто бы не узналъ: онъ былъ въ богатомъ кунтушѣ съ рубиновыми пуговицами и въ гайдамацкомъ вооруженіи. Сторожевой офицеръ, по сдѣланному напередъ распоряженію, тотъ-часъ отвелъ его въ караульную, куда вскорѣ пришелъ и князь Мартинъ Любомирскій. Поклонившись князю въ колѣни, Ворона началъ рассказывать, что, когда, на другой день по прибытіи къ Мазепиной Могилѣ, пришла въ таборъ другая шайка, онъ, воспользовавшись общимъ говоромъ и суматохою, ушелъ отъ гайдамакъ, не будучи никѣмъ замѣченъ и преслѣдуемъ. »Надобно намъ спѣшить, милостивый князь«, продолжалъ онъ, »потому что завтра и остальные гайдамаки соединятся съ ватажкою, а черезъ нѣсколько дней они выступятъ въ степи, къ Константинову, на который намѣрены напасть среди бѣла дня, разграбить и зажечь, потому что чувствуютъ себя довольно для того сильными. Теперешнее ихъ становище заросло молодымъ боромъ и довольно просторное; но окружить ихъ можно, потому что оно расположено на острову, окруженномъ рѣкою и топкимъ болотомъ, черезъ которое не пройдетъ ни человекъ, ни конь, ни собака. Только три плотины ведутъ на островъ. Надобно намъ взять

съ собой хлѣба и кушаньевъ дня на четыре, потому что я васъ, милостивый князь, буду вести лѣсами и зарослями, и только одно село будемъ переходить, чтобъ переправиться тамъ черезъ Случь; а пѣхоту и пушкарей надобно бы везти на подводахъ. Гайдамаки ободрились своею удачею и не очень усторожились, потому что до сихъ поръ никто и въ глаза имъ не заглянулъ; а шпіоны ихъ, которые были здѣсь въ Полонномъ, донесли имъ, что укрѣпляютъ замокъ, что ихъ боятся, и потому имъ не приходится и въ голову, чтобы кто вздумалъ искать ихъ. Безпечныхъ легко можно застать въ-расплохъ, лишь бы не терять времени.»

Встрепенулся молодой полководецъ. Уже пришли къ нему, два дня тому назадъ, изъ Бара одинъ козацкій и одинъ пѣшій полкъ, которые вмѣстѣ заключали въ себѣ до шести-сотъ человекъ. Прибавивъ сюда первый regimentъ старосты Казимірскаго, Антонія Любомирскаго, отрядъ пѣхоты изъ Ровнаго, часть гарнизона, надворныхъ рейтаръ, да козаковъ Полонскихъ и Ровенскихъ, насчитали 600 человекъ конницы, 750 пѣхоты и 18 пушекъ. Надобно замѣтить, что въ Полонномъ уменьшилось войско по случаю отъѣзда въ Польшу князя Антонія, котораго сопровождали 24 рейтара и 50 козаковъ; да сверхъ того 50 человекъ пѣхоты съ тремя офицерами отправлено въ Варшаву при обозѣ съ поташемъ, саломъ и масломъ для продажи.

Я просилъ позволенія участвовать и въ этомъ походѣ, потому что княгиня Гонората и князь подстолий коронный поручили мнѣ ѣхать и беречь жизнь князя Мартина. Въ полъ-день мы выступили изъ Кіевскихъ воротъ. За городомъ, около Дертки, стояло на-готовѣ нѣсколько сотъ подводъ. На каждой изъ нихъ помѣстилось по три пѣхотинца, и войско двинулось въ путь; а впереди козакъ Ворона указывалъ дорогу. Это была охота на крупнаго звѣря, у котораго и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе очень остры, а когти еще острѣе, и потому, подъ строжайшею карою, запрещено было не только разговаривать, кашлять, но даже высѣкать огонь и курить табакъ. Ворона повернулъ съ большой дороги на тропинку вправо. Мы ѣхали лѣсомъ молча, тихо, такъ что только

развѣ изрѣдка пушечное колесо стучало, наскочивъ на древесный корень, или трещали сухіе сучья на дорогѣ. Останавливались на самое короткое время для отдыха, а потомъ опять шли день и ночь. До Случи переправы были еще сносны, но потомъ забрались мы въ такія трупщобы, заросли, вертепы и выбои, что съ трудомъ вытаскивали возы и пушки изъ этого истинно Полѣскаго колтуна. Къ счастью нашему, эту часть пути случилось намъ проходить при дневномъ свѣтѣ. Когда мы выбрались изъ этой пуши и достигли болѣе жидкаго бора, Ворона соскочилъ съ коня и отъ радости поцѣловалъ землю, благодаря Бога, что помогъ намъ выдти безъ всякаго несчастья изъ этой трупщобы: ночью намъ удалось бы это развѣ какимъ-нибудь чудомъ. Рѣдкіе люди эти козаки Русины! что за проворство, что за смѣтливость! а проводниковъ не найдете вы нигдѣ подобныхъ; въ бѣдѣ всегда придумаютъ, какъ извернуться, и если который изъ нихъ привяжется душою къ пану, то и Швейцарца не нужно.

Невдалекѣ отъ этихъ зарослей находился хуторъ того пасичника, о которомъ говорили первые вѣстники. Мы тотъ-часъ его окружили и схватили стараго негодяя. Нѣсколько рядовыхъ было оставлено въ его хатѣ для стражи, чтобы кто-нибудь изъ его семьи не увѣдомилъ о насъ гайдамакъ, а самого его взяли мы съ собой и велѣли ему вести себя къ притону разбойниковъ. Ворона предупредилъ насъ, что версты черезъ двѣ по нашей дорогѣ стоитъ небольшая лѣсная деревушка, состоящая изъ нѣсколькихъ хижинъ, и совѣтовалъ такъ-же окружить ее неожиданно, чтобы и оттуда гайдамакамъ не передалъ никто вѣсти, а между тѣмъ, можетъ быть, удастся — говорилъ онъ — схватить кого-нибудь изъ ихъ шайки. Для этого отправленъ впередъ полковникъ Мурзенко съ его козаками и Вороною, а мы слѣдовали за ними поотдалъ, по указаніямъ пасичника и Лободы. Мурзенку посчастливилось не только окружить деревушку, но поймать и двоихъ гайдамакъ, которые прѣхали туда покушать сала и хлѣба. И здѣсь красивый и ловкій молодецъ оказался менѣе закоренѣлымъ злодѣемъ, нежели его пожилой товарищъ. На особомъ допросѣ, онъ признался кня-

зю Мартину со слезами, что его гайдамаки похитили еще ребенкомъ на Подольи изъ шляхетскаго дома, что онъ взросъ на Сѣчи, какъ воспитанникъ и слуга реестрового козака, что теперь вышелъ впервые въ походъ подъ надзоромъ этого старшаго гайдамаки, котораго приказано ему называть *дѣдькомъ*, и что на него еще не полагаются и ни на шагъ отъ себя не отпускаютъ. Когда же князь обѣщалъ не только простить его, но еще принять въ число надворныхъ козаковъ, если искренно во всемъ сознается и проводить къ табору ватажка, тогда онъ обѣщалъ и поклонялся не только провести, но указать мѣста, по которымъ всего удобнѣе обложить находящійся среди болотъ островъ, и заградить на трехъ плотинахъ изъ него выходъ. Онъ сообщилъ, что уже всѣ шайки соединились вчера у Мазепиной Могилы, а послѣ завтра намѣрены двинуться въ степи, къ Константинову. Что касается до описанья мѣстности гайдамацкаго притона, то показанья его согласовались съ рассказомъ Вороны. Но старшій разбойникъ не сознался ни въ чемъ. Ни обѣщанія и увѣщанія войскового судьи, ни пытка, въ которой палачъ работалъ отъ всего сердца, не въ силахъ были прервать упорнаго молчанія закаленнаго въ терпѣливости разбойника. Мы провели ночь въ этой деревушкѣ, а между тѣмъ пришли толпы мужиковъ, согнанныхъ изъ ближайшихъ селъ, съ заступами и топорами, — всего чловѣкъ тысяча. Рано утромъ пустились мы въ дальнѣйшій путь. Мурзенко съ козаками служилъ намъ авангардомъ. Послѣ дневнаго похода, достигли мы одного урочища, гдѣ въ-старину должно было существовать какое-то поселеніе; потому что въ лѣсу замѣтны были на большомъ пространствѣ слѣды садовъ и загоновъ; остатки хатъ и колодези такъ же указывали на пребываніе жителей въ этомъ мѣстѣ. Здѣсь новообращенный гайдамака сказалъ намъ, что до Мазепиной Могилы остается только полъ-мили, и совѣтовалъ, чтобы обождать здѣсь до двухъ часовъ по полуночи, или, какъ выразился онъ, указавъ на искрящееся звѣздами небо, *поки не зѣйдуть Козаре*. А когда молодой князь Любомирскій высказалъ оясненіе, чтобы гайдамаки не замѣтили насъ въ этихъ

мѣстахъ, онъ отвѣчалъ: »Не бойтесь, ни одинъ изъ нихъ ночью не осмѣлятся заглянуть сюда, потому что урочище считается залятымъ, то есть такимъ, на которомъ ушыри и вѣдьмы дѣлають разныя пакости и пугають прохожихъ: поэтому-то и называютъ его *Кучюго Чорта Слободá*. Но, видно, та ночь была не по вкусу чертямъ, потому что ни одно страшилище не пришло пригласить на танецъ вѣдьму, которую мы привезли съ собой въ особѣ обозной мариктантки, жены одного капрала, очень способной летать на почергѣ.

По мѣрѣ того, какъ потухали звѣзды, на небѣ становилось замѣтнѣе зарево отъ разбойничьихъ огней. Основываясь на показанiяхъ Вороны и молодого гайдамаки, составленъ былъ планъ обложенiя разбойниковъ. При началѣ каждой изъ трехъ плотинъ рѣшено было поставить по шести пушекъ, обезопасивъ ихъ отрядами пѣхоты и рвомъ; мужиковъ же разставить вокругъ острова, въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другого, съ тѣмъ чтобы они, лишь только начнется пушечная пальба, рубили деревья и кустарники для устройства застѣки; Мурзенко и Бериславскiй съ козаками и рейтарами должны были присматривать за древесѣками и понуждать ихъ къ работѣ; остальную пѣхоту предположено было разставить, въ качествѣ стрѣльцовъ, надъ болотомъ вокругъ острова.

Послѣ этого, въ порядкѣ и молчанiи, двинулись мы изъ Кучаго Чорта Слободы, въ два часа по полуночи, оставивъ тамъ брички, подводы и мужичьихъ лошадей. Все пошло у насъ какъ по маслу. Слабый свѣтъ только что начинающагося утра позволялъ намъ расположить какъ слѣдовало пушки, войско, мужиковъ надъ болотомъ, и спящимъ послѣ повойки гайдамакамъ даже и не грезилось, что ужъ попали въ западню, тѣмъ болѣе, что они полагались на недоступность зарослей и топей и не считали даже лучшимъ поставить на плотинахъ сторожу.

Князь Мартинъ, объѣхавши всѣ пункты и удостовѣрившись, что уже всѣ на своихъ мѣстахъ, подалъ условный знакъ. Первые шесть пушекъ, поставленныхъ противъ самой большей плотины, грянули, раздробляя въ щепья деревья. Имъ отвѣчали другiя двѣ

батареи, и тысяча сѣкиръ вдругъ застучали объ сосны. Не весело было проснуться разбойникамъ среди подобнаго гула и треска. Сдѣлавъ по два выстрѣла, пушки умолкнули, остановились и топоры; Ворона закричалъ разбойникамъ въ жестяную корабельную трубу, чтобы сдались, потому что окружены со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько минутъ не было слышно никакого отвѣта. Вдругъ на главной плотинѣ раздался топотъ десяти или пятнадцати лошадей и крики: *Гоні! лові! Постой, Кирило!* и прежде нежели пѣхота выстрѣлила изъ ружей, прискакалъ, на распущенномъ, какъ вихорь, конь, ѣздокъ и бросился между пушекъ. Тогда только узнали въ немъ Кирила Ласуна. Преслѣдовавшіе его гайдамаки отбиты были густой пальбой изъ карабиновъ, и нѣсколько человѣкъ повалилось съ лошадей. Между тѣмъ разсвѣло. На троекратно, повторенное воззваніе сдаться, гайдамаки наконецъ отвѣчали грубіанскимъ и оскорбительнымъ крикомъ, въ которомъ они не щадили ни насъ, ни нашихъ матерей; и потому опять загрѣмѣли пушки и застучали по лѣсу топоры. Въ нѣсколько часовъ крѣпкая засѣка окружила притонъ разбойниковъ, а пушечные ядра навалили на острову множество сосенъ, которыя давили людей и лошадей. Гайдамаки пробовали отстрѣливаться изъ ружей, взобравшись на деревья, и наша пѣхота по нимъ стрѣляла; но болото было слишкомъ широко для ручной перестрѣлки. Съ нашей стороны было убито только нѣсколько человѣкъ, да человѣкъ пятнадцать ранено.

Такъ прошель цѣлый день. Кирило Ласунъ присовѣтовалъ подѣлать на плотинахъ высокіе завалы изъ сучьевъ, пней, стволовъ древесныхъ и хворосту, на которыхъ бы лошади спотыкались и падали, ибо ватажко непремѣнно рѣшится идти на проломъ. Хорошо мы сдѣлали, что его послушались, потому что, какъ потомъ оказалось, Чортоусъ, раздѣливъ своихъ молодцовъ на три отряда, предпринялъ въ эту ночь ударить разомъ въ три стороны на пушки и проложить себѣ дорогу. Мы сторожили его въ полномъ вооруженіи, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. На плотины наведены были пушки, заряженные картечью. И вотъ, въ глу-

бокую ночь, вдругъ послышался тихій лошадиннй топотъ, который, по мѣрѣ приближенія къ плотинамъ, становился яснѣе; наконецъ загудѣли плотины отъ стуку копытъ: гайдамаки громко закричали: *Ну те, браття, абѣ добѣти, абѣ дѣма не бѣти!* и поскакали во весь духъ. Мы дали имъ приблизиться, чтобъ они все взѣхали на плотину, такъ какъ мы разчитывали, что они увязнутъ на передвихъ завалахъ. Наконецъ грянули пушки. Наступилъ Страшный Судъ! Черезъ каждыя двѣ-три минуты батареи отвѣчали одна другой, стоны умирающихъ и раненныхъ, топотъ лошадей, трескъ раздробленныхъ картечью деревъ раздавались по лѣсу, и все это происходило въ ночной темнотѣ, которая только отъ времени до времени озарялась пушечными выстрѣлами и увеличивала еще болѣе ужасъ этой сцены. До самого разсвѣта продолжался громъ пушекъ. Это былъ новый родъ игры въ кровавыя жмурки, въ которой пушкарн, съ завязанными чернымъ платкомъ ночи глазами, поражали всякаго, кто подвернется подъ выстрѣлъ. Только при утреннемъ свѣтѣ увидѣли мы, какое бѣдствіе постигло гайдамакъ. На каждой изъ трехъ плотинъ лежало по нѣсколькѣ десятковъ убитыхъ людей и лошадей, а въ болотѣ видно было нѣсколько утопшихъ. На большой плотинѣ, посреди вѣтвей и колевъ, которыми она была загромождена, лежалъ завязнувшій и уже мертвый ватажко Семень Чортоусъ; подлѣ него издыхалъ конь чудной красоты. Узнали ватажка Ворона и Ласунъ. Богатая сбруя и рѣдкаго достоинства сабля, которую нашли при немъ, сдѣлались добычею князя Мартина Любомирскаго. Должно быть, опасно носить оружіе, добытое отъ чародѣя! [а Чортоуса называли *характерникомъ*.] Можетъ быть, въ этой саблѣ заключена была тайная сила, тянувшая владѣтеля къ насиліямъ и грабежу, которыми, къ несчастью, запятналъ себя въ-послѣдствіи побѣдитель гайдамакъ у Мазепиной Могилы!

По приказанію князя, Ласунъ закричалъ въ жестяную трубу, чтобы оставшіеся въ живыхъ сдались, если не хотятъ погибнуть. Черезъ нѣсколько времени показалось на плотинѣ 36 разбойниковъ здоровыхъ и 8 раненныхъ; только всего и уцѣлѣло ихъ изъ

трехъ-сотъ отборныхъ »молодцовъ«, да еще вытасчено нѣсколько человѣкъ изъ болотныхъ зарослей. Къ нимъ приставили караулъ и велѣли ихъ переодѣть въ мужичье платье, а изъ каждаго ихъ жулана выпороли по нѣсколько сотъ червонцевъ. Потомъ приступлено къ вытаскиванью изъ болота труповъ и перебитыхъ лошадей; съ однихъ снимали одежду и вооруженіе, а съ другихъ сѣдла и чепраки; потому что у гайдамакъ вездѣ были зашиты золото, серебро и драгоцѣнности, награбленные въ нѣсколькихъ десяткахъ домовъ, (католическихъ и уніятскихъ) церквей и мѣстечекъ. Наконецъ гренадеры вступили въ гайдамацкій станъ, чтобъ разорить его. Тамъ нашли въ батовнѣ 80 лошадей живыхъ и около 15 убитыхъ; вытащили изъ лѣсу трупы; оружіе и сбрую снесли къ мѣсту дѣлежа, и тотъ-часъ приступлено къ описи добычи. Между тѣмъ прибылъ войсковой судья съ слѣдователями и палачъ съ своими прислужниками, — одни для изреченія приговора трупамъ, другіе для глумленія надъ ними; ибо живыхъ плѣнниковъ, для подробнѣйшаго допроса, тотъ-часъ отправлено, въ оковахъ и подъ сильную стражею, въ подземелья Полонскаго замка, которыя назывались *Индією*. Войско оставалось здѣсь до слѣдующаго дня, и въ это время раздѣлена добыча между офицерами и рядовыми; даже и мужикамъ дали по нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Не забыли такъ-же ни блюстителя правосудія, ни исполнителей его приговора. Послѣдніе увеличили свою награду, найдя въ желудкѣ одного четвертованнаго гайдамаки сто червонцевъ, которые онъ проглотилъ, свернувши въ трубочки. Наконецъ наступила обычная въ такихъ случаяхъ разсылка по мѣстечкамъ и большимъ дорогамъ головъ, рукъ и ногъ разбойничьихъ, что, правду сказать, производило больше отвращенія въ прохожихъ, нежели спасительнаго страха въ продавшихъ себя чорту злодѣяхъ.

Войско выступило въ обратный путь, пробираясь мѣстами, ближайшими къ большой дорогѣ. Жолнѣры шли весело, бесѣдуя о недавнихъ приключеніяхъ и радуясь добычѣ, которую получили, неокровавивъ рукъ, ибо все сдѣлали однѣ пушки. Пробѣгая

мимо пѣхоты, я услыхалъ пѣсню, которой одинъ куплетъ до сихъ поръ помню:

Cóż będziemy robili,
Gdyśmy wartę odbyli?
Weźmiem flintę, patronas,
Pójdziem na wieś kury kraść. (1)

«О-го!» подумалъ я, «не даромъ зовутъ васъ курохватами!
А отъ лычка и до ремешка. При удобномъ для грабежа случаѣ,
вы бывали не лучше этихъ гайдамакъ.» (2)

ЭПИЛОГЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Последнія слова престарѣлаго Польскаго пана приводятъ насъ къ причинѣ происхожденія и развитія гайдамачества въ Польскомъ королевствѣ. Первоначальными гайдамаками были въ немъ его собственные *жолнѣры* (военные люди), отъ которыхъ страдали всѣ провинціи и которые, состоя почти изъ одной шляхты, вкоренили въ ея духѣ всеподавляющій деспотизмъ личнаго произвола. Общественный порядокъ въ этомъ несчастномъ государствѣ основанъ былъ на правѣ сильнаго, которое отъ Рад-

---

(1) Что же намъ дѣлать, отбывъ свою службу? Возьмемъ ружье и патроны и пойдемъ на деревню красть куръ.

(2) Слѣдуетъ замѣтить, что оба похода на гайдамакъ, описанные паномъ За-
кревскимъ, происходили за нѣсколько лѣтъ до 1768 года, то есть до Колинвца-
вы. Онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, или лучше — воспоминаніяхъ, что, еще
до этихъ походовъ, онъ видѣлъ однажды Гонтю, — который натворилъ столько
бѣдъ въ послѣдствіи. Далѣе, онъ рассказываетъ, въ числѣ воспоминаній о
позднѣйшемъ періодѣ своей жизни, интересныя подробности о казни Гонты,
которые будутъ приведены мною въ другомъ мѣстѣ. *Издам.*

Зивилловъ, Потоцкихъ и имъ подобныхъ магнатовъ нисходило до послѣдняго человѣка въ королевствѣ, носившаго оружіе, и чѣмъ ниже спускалось, тѣмъ было нестерпимѣе для народа, который рѣзко былъ отличенъ въ «правахъ и вольностяхъ» отъ шляхетства. Поляки не шутя вѣрили, что мужики произошли отъ Хама и созданы именно для того, чтобы работать на пановъ ⁽¹⁾, и ни одному государственному человѣку не приходило у нихъ въ голову позаботиться объ улучшеніи участи этой отверженной касты, которая составляетъ плодотворную почву cadaго государства. Во внутреннихъ областяхъ все молчало и творило панскую волю отъ поколѣнія къ поколѣнію; но на пограничьи духъ личной независимости былъ развитъ въ высшей степени, и неистовства шляхетныхъ деспотовъ не могли быть долго терпимы Украинскимъ простонародьемъ. Сосѣдство съ хищными Татарами создало здѣсь въ народѣ потребность противодѣйствія ихъ набѣгамъ. Человѣкъ на Украинѣ зависѣлъ отъ личной храбрости болѣе, нежели гдѣ-либо, и только смѣлый, только рѣшившійся на все могъ пользоваться правомъ займа пастбищъ и рыбныхъ ловель въ виду степей, по которымъ рыскали, какъ голодные волки, Татары. Не земляной валъ, которымъ окружала себя въ тѣ времена самая ничтожная усадьба въ Украинѣ, защищала здѣсь человѣка, а такой же лукъ, такое же ружье и сабля, какими вооружены были хищники; и если Украинцы умѣли отсиживаться отъ Орды въ своихъ редутахъ, то мало-помалу должны были научиться и нападать на нее. Можетъ быть, они начали учиться этому искусству съ такихъ естественныхъ попытокъ, какую, послѣ *руины* и *сѣбну*, сдѣлалъ одинъ изъ ея поселянъ, Кузубъ съ товарищами ⁽²⁾, но мало-помалу выдвинулись въ степи смѣлѣе и начали мѣряться съ Татарами наѣздничествомъ не на шутку; наконецъ составили изъ своихъ смѣльчаковъ безженное общество среди недоступныхъ камышей въ низовьяхъ Днѣпра и въ свою очередь сдѣла-

---

(1) См. т. I, стр. 101, «Базиліанс».

(2) Тамъ-же, стр. 102 — 103, «Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга».

лись ужасомъ Крыма и Турціи. Сами Поляки способствовали устройству этого полурыцарскаго, полу-разбойничьяго братства; но какъ оно составлялось большею частію изъ Украинцевъ, недовольныхъ притѣсненіями жолнѣровъ, пановъ и Жидовъ—арендаторей, то, постепенно развивая въ себѣ къ нимъ ненависть, проникнулось наконецъ такою же враждою ко всему католическому и жидовскому, какъ и ко всему мусульманскому. Отсюда—то пошли войны Косинскаго, Наливайка и т. д. до Чортоуса и Зализняка. Запорожцы выступали изъ Сѣчи на Украину, дѣлали воззванія къ народу, собирали въ большемъ, или меньшемъ объемѣ ватаги, подобныя ватагамъ Чуприны, Чортоуса и Зализняка, и истребляли все не-Русское и не—благочестивое, сопровождая, разумѣется, свою рѣзню грабежемъ и пожарами.

III.

ИДИМ ЧРА,

НОМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, въ числѣ бумагъ, доставшихся ему, отъ кого-то по наслѣдству, передалъ мнѣ тетрадь разныхъ пѣсень и стиховъ, писанную женскимъ почеркомъ, и всё на Малороссійскомъ языкѣ. Это былъ одинъ изъ альбомовъ, которыхъ множество ходитъ по рукамъ между нашими Малороссійскими барышнями, и въ особенности между тѣми изъ нихъ, которыя не были въ пансіонахъ и не учились по-Французски. Я люблю эти альбомы и не пропускаю ни одного изъ нихъ не перелиставши. Въ нихъ обыкновенно бываютъ набраны стихи безъ особенной разборчивости, но всегда по внушенію сильнаго чувства. Прочитывая пѣсню за пѣсней, стихи за стихами, въ нихъ читаешь тайную исторію свѣжей души, любящей, или готовой любить съ самоотверженіемъ. Какъ бы эти альбомы, или тетради ни были плохо написаны, затасканы и иногда изчерчены дѣтскими перьями и карандашами, — они всегда для меня интересны; и особенно пріятно мнѣ встрѣчать въ нихъ проявленіе вкуса къ мѣстнымъ красотамъ природы и человѣка. Здѣсь самопознаніе важно въ томъ смыслѣ, что оно примиряетъ молодыя души съ окружающими ихъ предметами, заставляя ихъ цѣнить и любить то, что представляется глазамъ ежедневно, и удерживаетъ отъ бесплоднаго стремленія къ какимъ-то лучшимъ странамъ и лучшимъ людямъ, — тогда какъ для души, согрѣтой истинной поэзіей, нѣтъ страны лучше той, въ которой мы почувствовали впервые наслаж-

деніе смотрѣтъ на лица человѣческія. Любовь къ родинѣ и ея поэзіи ведетъ человѣка къ тому высокому разуму сердца, который дѣлаетъ всѣ племена земныя намъ родственными, но обращаетъ наши силы на пользу тѣхъ, кто по-преимуществу называется нашими ближними. Не полюбивъ матери, отца, или по крайней мѣрѣ кормилицы, няньки и товарищей дѣтства, мы не полюбимъ, въ позднѣйшемъ возрастѣ, людей, намъ постороннихъ: и если наше сердце не будетъ трепетать отъ звуковъ той поэзіи, которая создала наши колыбельныя пѣсни, — нѣмы будутъ для него всѣ высокіе звуки, устремляющіе насъ къ благому и великому. Поэтому я всего больше радуюсь пробудившейся въ нашихъ грамотныхъ Малороссіянкахъ любви къ роднымъ пѣснямъ и родной словесности. Это вѣрный залогъ распространенія нравственныхъ понятій въ нашемъ обществѣ и примѣненія ихъ къ жизни; ибо, какъ я сказалъ, нельзя любить и чужого, не любя своего; а безъ любви ничто живое, плодотворное не можетъ быть привито человѣку; и дѣти, воспитывающіяся безъ высокіхъ нравственныхъ вліяній, не принесутъ истинной пользы ни своему родному, ни другому племени. Національная поэзія, поднимая въ молодой душѣ будущей матери все чисто человѣческое надъ матеріальнымъ, готовитъ въ ней апостола добродѣтели не на одно, а на нѣсколько грядущихъ поколѣній. Женщина, проникнутая поэзіею своего народа, проникается его нравственными убѣжденіями, выраженными въ гармоническихъ формахъ; а народъ, въ своей совокупности, есть самое нравственное существо, у котораго лучше всего учиться дѣятельному благочестію. И за добро, принятое отъ него въ душу, каждый возвратитъ ему добромъ, внушаемымъ благодарною любовію: въ чемъ собственно и состоитъ цѣль воспитанія.

Итакъ альбомы нашихъ уѣздныхъ и хуторскихъ барышень, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, получили опредѣленный характеръ — начали наполняться, если не сплошь, то большею частью, произведеніями Малороссійской простонародной и образованной музы. Высказанныя выше причины, а не насмѣшливое любопытство

человѣка, знакомаго съ литературами иноплеменными — какъ во-
дилось во времена Пушкина (1) — заставляетъ меня прочитывать
ихъ, и часто я бывалъ награжденъ за свой трудъ находками красоты
поразительной. Не говоря уже о томъ, что ихъ владѣтельница,
слушая ежедневно народныя пѣсни, имѣютъ больше нашего
случаевъ записать особенно счастливыя пьесы, къ нимъ — Богъ
знаетъ, какими путями — заходятъ произведенія литературныя на
Малороссійскомъ языкѣ, о которыхъ иной любитель только слы-
шалъ и изъ которыхъ едва нѣсколько стиховъ содержитъ въ па-
мяти. Но никогда мои поиски не были такъ удачны, какъ на этотъ
разъ. Въ затасканномъ и весьма неправильно исписанномъ аль-
бомѣ какой-то уединенной мечтательницы, а можетъ быть и весе-
лой подружки цѣлаго общества сельскихъ красавицъ, я нашелъ по-
эму, о которой до сихъ поръ не слышалъ ни отъ кого ни слова.
Имя автора на ней не означено, и я даже не знаю, кто бы могъ
быть ея авторомъ. Содержаніе ея очень просто и не похоже на
вымыселъ; но изящество формы обнаруживаетъ въ ней творче-
ство высшаго разряда. Живопись природы и нравовъ Малороссій-
скихъ возведена здѣсь до изумительной точности и вмѣстѣ съ
тѣмъ свободы, въ которой искусство замѣтно только для опытнаго

---

(1) «Евгеній Онегинъ», гл. IV:

Конечно вы не разъ видали
Уздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи, безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣчной, внесены,
Уменьшены, продолжены.

Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки,
Тутъ, вѣрно, клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски.
Какой нибудь пійть армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской, и проч.

глаза. Наивное и трогательное положено авторомъ въ основу поэмы, и въ этомъ отношеніи я не знаю ничего совершеннѣе ни въ одной Европейской литературѣ. Что касается до языка, то призываю въ свидѣтели людей, изучавшихъ народныя Украинскія пѣсни: здѣсь онъ блещетъ всею свѣжестью и горитъ всеми красками, какія только мы встрѣчаемъ въ нашихъ лучшихъ пѣсняхъ, изображающихъ семейный бытъ, материнскія чувства и умилительное благочестіе народа. И такое произведеніе скрывается, можетъ быть, въ единственномъ спискѣ, въ тетради какой-то хуторской барышни! и самъ его авторъ, можетъ быть, уже не существуетъ; можетъ быть, мы уже не услышимъ другихъ его звуковъ, другихъ его задуманныхъ мотивовъ! Помѣщая въ своемъ сборникѣ его поэму, я далекъ отъ посягательства на чужую собственность; напротивъ, думаю, что оказываю услугу, какъ ему самому, такъ и его землякамъ, для которыхъ писалъ онъ и которыхъ сердца, созвукнувшіяся между собой, волшебной силою его стиха, будутъ для него лучшей наградою.

НАЙШИЧКА.

ПРОЛОГЪ.

У неділю въ-ранці рано
Піле крілося туманомъ ;
У тумані, на могілі,
Якъ тополя, похилилась
Молодиця молодая.
Щось до лоня пригортає
Та съ туманомъ розмовляє :

»Ой тумане, тумане —
Мій латаний талане !
Чому менé не сховаєшъ
Оттуть середь лану ?
Чому менé не задавишъ,
У зéмлю не вдавишъ ?
Чому мині злої долі,
Чомъ віку не збавишъ ?

Ні, не дави, туманочку!
Сховай тільки вь полі,
Щобъ ніхто не знавъ, не бачивъ
Моєі недолі!...

Я не одна, — есть у мене
И батько, и мати...
Есть у мене... туманочку,
Туманочку, брате!...
Дитя моє, мій синочку,
Нехрищений сину!
Не я тебе христитиму
На лиху годіну;
Чужі люде христитимуть,
Я не буду знати,
Якъ и зовуть.... Дитя моє!
Я була багата....
Не лай мене; молітимусь,
Изъ самого неба
Доблю виплачу слезами
И пішлю до тебе.»

Пішла полемъ ридючи,
Въ тумані ховалась
Та крізь слези тихесенько
Про вдову співала,
Якъ удова вь Дунаєві
Синівъ поховала :

»Ой у полі могила;
Тамъ удова ходіла,
Тамъ ходіла-гуляла,
Трути-зілля шукала.
Трути-зілля не найшла,
Та синівъ двоохъ привела,

Въ китаечку повилá
И на Дуна́й однесла́ :
»Тіхий , тіхий Дуна́й !
»Моіхъ діто́къ забавляй .
»Ти , жовте́нький пісо́къ !
»Нагодуй моіхъ діто́къ ,
»Искупай , исповій ,
»И собою укрий !«

I.

Бувъ собі дідъ та баба.
Зъ давнёго давна у гаі надъ ставомъ
У-двохъ собі на хуторі жили,
Якъ діточокъ двоє, —
Усюди оббе.
Ще зъ-малечку у-двохъ ягнята паслі,
А потімъ побралися,
Худоби діждалися, —
Придбали хутіръ, ставъ и млинъ,
Садокъ у гаі розвелі
И пасіку чималу, —
Всёго надбали.
Та діточокъ у їхъ Бігъ-ма,
А смерть съ косою за плечима.

Хто жъ їхъ старість привітає,
За дитину стане?
Хто заплаче, поховає?
Хто душу спомяне?
Хто поживе добрѣ чёстно,

Въ добрую годину,
И згадає дякуючи,
Якъ своя дитина?....
Тяжко дітей годувати
У безвѣрхій хаті,
А ще гірше старітиса
У білихъ пала́тахъ, —
Старітиса, умирати,
Добро покидати
Чужімъ лю́дямъ, чужімъ дітямъ
На сміхъ, на ро́страту!

II.

И дідъ, и ба́ба у неділю
На приспі въ-двохъ собі сиділи
Гарне́нько, въ білихъ сорочка́хъ.
Сіяло со́нце въ небеса́хъ;
А ні хма́риночки, та тіхо,
Та лю́бо якъ у раі.
Схова́лося у се́рці ліхо,
Якъ звірь у те́мнімъ гаі.

Въ такімъ раі чо́го бъ, ба́чця,
Старімъ сумова́ти?
Чи то да́вне яке ліхо
Прокіну́лось въ хаті?
Чи вчора́шне, за́давлене
Зно́въ заворуши́лось,
Чи ще тілько за́кляну́лось —
И ра́й запали́ло?

Не знаю, що́ и пі́сля чо́го
Старі суму́ють. Мо́же, вже

Отсе збіраютьця до Бѣга,
Та хто въ далѣкую дорѣгу
Імъ дѣбре коней запряжѣ?

»А хто насъ, Насѣ, поховаѣ,
Якъ помремѣ?»

— »Бѣгъ знаѣ!

Я все отсе міркувала,
Та ажъ сѣмно стѣло:
Одинокі востарілись....
Кому понадбѣли
Добра сѣго?....»

— »Стривай лишѣнь!

Чи чѣешъ? щось плачѣ
За ворітьми... мовъ дитіна!
Побіжѣмъ лишъ!... Бачишъ?
Я вгадувавъ, що щось бѣде!»

И рѣзомъ схопились
Та до воріть... Прибѣгають —
Мѣвчкѣ зупинілись.
Передъ сѣмимъ перелѣзомъ
Дитіна сповіта —
Та й не тѣго, й новѣнькою
Свитіною вкріта;
Бо то мѣти сповивѣла
И літомъ укріла
Останнѣю свитіною!....
Дивілись, молились
Старі моі. А сердѣшне
Ненѣче благѣе:
Віпручало рученѣта
Й до їхъ простягѣе
Манюсінкѣ... в замѣвкло,

Ненáче не плаче,
Тільки пхика.
»А щò, Нáсте?
Я й казáвъ! Отъ, бáчишь?
Отъ и талáнъ, отъ и дòля,
И не одинòкí!
Берí жъ лишéнь та сповивáй...
'Ачъ якé, не врòку!
Несí жъ въ хáту, а я вёрхи.
Кíнусь за кумáми
Въ Городище.»

Чúдно якось
Дíетця мiжъ нáми!
Одинь сiна проклинáе,
Съ хáти виганáе,
Другий свiчечку сердéшний
Пòтомъ зароблáе
Та ридáючи станóвить
Передь образáми —
Немá дiтéй!... Чúдно якось
Дíетця мiжъ нáми!

III.

Ажъ три пари на рáдощахъ
Кумiвъ назбiрали,
Та въ-вечерi й охристiли
И Мáркомъ назвáли.
Ростè Мáрко. Старi моi
Не знáють, де дiти,
Де посадiть, де положiть
И щò зъ нимъ робiти.
Минáе рiгъ. Ростè Мáрко —

И дійна коро́ва
У ро́скоші купа́етця.
Ажъ ось чернобро́ва
Та молодá, білолиця
Прийшла молоди́ця
На той ху́тірь благодáтний
У найми проси́тьця.

»А що жъ?« ка́же, »визьми́мъ, На́сте.«

— »Визьми́мо, Трохи́ме,

Бо ми старі, незду́жаемъ,
Та такі й дити́на,
Хочá вонó вже й підросло́,
Та все́ жъ такі́ трéба
Коло ёго́ піклува́тись.«

— »Та вонó-то трéба,

Бо й я свою́ вже ча́сточку
Прожи́вь, сла́ва Бо́гу, —
Підтопта́вся. Такъ що́ жъ, тепе́рь,
Що́ визьмешъ, небо́го?
За ри́кь, чи якъ?«

— »А що́ дасте́.«

— »Э, ні! трéба знáти,

Тре́ба, до́чко, лічи́ть пла́ту,
Заробле́ну пла́ту;
Бо сказа́но: хто не лічи́ть,
То той и не ма́е.

Такъ отта́къ хиба́, небо́го?

Ні ти на́съ не зна́ешъ,

Ні ми тебе́. А поживе́шъ,
Роздівисся́ вь ха́ті,
Та й ми тебе́ побáчимо, —
Оттоді́ й за пла́ту.

Чи́ такъ, до́чко?«

— »Добре, дідьку.«
— »Прóсимо жь у хату.«

Поєднались. Молодиця
Рада та весела,
Ніби съ паномъ повінчалась,
Закупила села.
И у хаті, и на дворі,
И коло скотіни,
У-вечері и въ-дóсвіта;
А коло дитіни
Такъ и пада, ніби мати;
Въ б́удень и въ неділю
Головоньку ёму змиє,
Й сорóчечку білу
Що день Бóжій надіває,
Граєтця, співає,
Рóбить вóзики, а въ св́ято,
То й зъ р́укъ не спускає.
Див́уютця старі моі
Та мо́лятця Бóгу.
А наймичка невсип́уца
Що в́ечіръ, небо́га,
Свою дóлю проклинає,
Тя́жко-ва́жко пла́че;
И ніхтó тогó не чує,
Не знає й не ба́чить,
Опрічъ Ма́рка малéнького.
Такъ вонó не знає,
Чогó наймичка слéзáми
Ёгó умиває.
Не зна Ма́рко, чогó вона́
Такъ ёгó цілує, —
Сама́ не ззість и не допъє,

Їго нагодѹе.
Не зна́ Ма́рко, якъ въ ко́лісці
Ча́сомъ се́редь но́чи
Проки́нетця, во́рухнѣтця, —
То во́на вже скочить
И укря́е, й пере́хрѣстить,
Тѣ́хо зако́ліше:
Во́на чу́е зъ ти́и ха́ти,
Якъ ди́ти́на дѣ́ше.
Въ-ра́нці Ма́рко до на́ймички
Ру́чки про́стяга́е
И ма́мою невси́пущу
Га́нну велича́е....
Не зна́ Ма́рко, ростѣ́ собі,
Ростѣ́, ви́роста́е.

IV.

Чима́ло ли́тъ пере́верну́лось,
Во́ди чима́ло уте́кло;
И въ ху́тирѣ́ ли́хо за́верну́ло,
И слі́зъ чима́ло при́несло́.
Бабу́сю На́стю по́хова́ли
И ле́две, ле́две одво́ла́ли
Трохи́ма ди́да. Прогуло́
Про́кляте́ ли́хо та й засну́ло.
На ху́тирѣ́ зно́ву благода́ть
Зъ-за га́ю те́много́ верну́лась
До ди́да въ ха́ту спочи́ва́ть.

Уже́ Ма́рко чу́маку́е
И въ-осе́ні не но́чу́е
Ни підъ ха́тою, ні въ ха́ті....
Кого́-не́будь тре́ба сва́татъ.

»Кого жъ би тутъ?» старій дума
И прѣсвить порáди
У наймички. А наймичка
До царівни бѣ рада
Слатъ старості: »Трѣба Мάρка
Самого спитати.«
— »Дѣобре, дочко, спитаемо,
Та й бѣдемо свѣтати.«

Роспитали, порáдились,
Та й за старостами
Пішовъ Мάρко. Вернулися
Люде зъ рушниками,
Зъ свѣтѣмъ хлѣбомъ обміненимъ.
Панну у жупані,
Таку крãлю висватали,
Що хотъ за гетьмана,
То не сѣромъ. Оттакѣ-то
Дѣво запопали!

»Спасибі вамъ!» старій каже.
»Тепѣрѣ, щобъ ви знãли,
Трѣба краю доводити,
Колі й де вѣнчати,
Та й весілля. Та ще ось що:
Хто въ насъ бѣде мати?
Не дожила моя Настя!...«
Та й залівсь слѣзãми.
А наймичка, у порѣгу,
Вхопилась рукамі
За одвірокъ та й зомлила.
Тѣхо стãло въ хãті;
Тѣлько наймичка шептãла:
»Мати .. мати... мати!«

V.

Черезъ тиждень молодіці
Коровай місіли
На хуторі. Старій батько
За усієі сіли
Зъ молодіцями танцює
Та двіръ вимітає,
Та прохóжихъ, проіжжачихъ
У двіръ закликає,
Та вареною частує,
На весілля прóсить;
Знай бігає, а самóго
Лéдві нóги носять.
Скрізь гармідеръ та реготня
Въ хаті и на двóрі.
И жолобй вѣкотили
Зъ новоі комóри.
Скрізь порання: печуть, вáрять,
Вимітають, мѣють....
Та все чужі. Де жъ наймичка?
На прóщу у Кіівъ
Пішла Гáнна. Благáвъ старій,
А Мáрко ажъ плакавъ,
Щобъ була вона за мáтіръ.
»Ні, Мáрку, ні яко
Мині мáтірью сидіти:
То багаті люде,
А я наймичка.... ще й съ тебе
Сміятися б́удуть.
Нехай Бóгъ вамъ помагає!
Пійд́у помолюся
Усімъ святѣмъ у Кієві
Та й зно́ву верну́ся

Въ ва́шу ха́ту, якъ при́ймете.
По́ки маю́ си́ли,
Труди́тимусь... «
Чи́стимъ се́рцемъ
Поблагослови́ла
Свого́ Ма́рка... запла́кала
Й пішла́ за ворота́.

Розверну́лося весі́лля.
Музи́камъ робо́та
И підко́вамъ. Варено́ю
Столи́ й лавки́ м'яку́ть.
А найми́чка шкандиба́е,
Поспіша́е въ Ки́ївъ.
Прийшла́ въ Ки́ївъ — не спочи́ла,
У ми́щанки ста́ла,
Наяла́ся носи́ть во́ду,
Бо гро́шей не ста́ло
На ака́фість у Варва́ри.
Носи́ла-носи́ла,
Кіпъ изъ всі́мъ зароби́ла
Й Ма́ркові купи́ла
Святу́ шапочку́ въ пе́щерахъ
У Йва́на свято́го,
Щобъ голова́ не боли́ла
Въ Ма́рка молодого́ ;
И пе́рстеникъ у Варва́ри
Неві́стці доста́ла,
И всі́мъ свя́тїмъ поклоні́вшись,
Додо́му верта́лась.

Верну́лася. Катери́на
И Ма́рко зо́стрили
За ворі́тьми, ввели́ въ ха́ту

Й за стіль посадили ;
Наповали й годували ,
Про Київ питали ,
И въ кімнаті Катеріна
Одпочить послала .

»За що вони менé любять?
За що поважають?
О Бóже мій милосéрдний !
Мóже, вони знають...
Мóже, вони догадались...
Ні, не догадались ;
Вони добрі...«
И наймичка
Тяжко заридала .

VI.

Трічи кріга замерзала ,
Трічи роставала ,
Трічи наймичку у Київъ
Катря провозжала ,
Такъ якъ матіръ ; и въ четвёртий
Провелá небóгу
Ажъ у поле, до могíли ,
И молила Бóга ,
Щобъ швиденько верталася ,
Бо безъ неí въ хаті
'Якось сўмно, ніби мати
Покíнула хату .

Після Пречíстої въ неділю ,
Та після Пёршої, Трохíмъ
Старій сидівъ въ сорóчці білій ,

Въ брилі на пріснї. Передъ імъ
Зъ собакою унучокъ грався,
А внўчка въ юпку одягласъ
У Кáтрину и нїби йшла
До дїда въ гóсті. Засміявсь
Старій и внўчку привітавъ,
Нена́че справді молодїцю.

»А де жъ ти дїла паляницю?

Чи, мóже, въ лїсі хто однявъ?

Чи по-прóсту — забўла взяти?...

Чи, мóже, ще й не напекла?

Э, сóромъ, сóромъ, лéпська мати!»

Ажъ зиркъ, — и наймичка ввійшла
На двіръ. Побігъ старій стрічати
Зъ онўками своєю Гáнну.

»А Мáрко въ дорóзі?»

Гáнна дїда пита́лася.

— »Въ дорóзі ще й дóсі.«

— »А я лéдве доплелася

До вáшої хáти.

Не хотілось на чужинї

Одній умирати!

Колибъ Мáрка дїждáтися...

Тáкъ щось тѣжко стáло!»

И унўчатамъ изъ клўнка

Гостинци виймáла:

И хрестики, й дукáчки,

Й наміста разóчокъ

Орїночці, и червóний

Зъ фóльги образóчокъ,

А Кáрпові соловейка

Та кóниківъ пáру,

И четвэ́ртий ужé пéрстень

Святóї Варвáри

Катеріні, а дідові
Изъ вѣску свято́го
Три свѣчки; а Ма́ркові
И собі нічо́го
Не принесла́. Не купила́,
Бо гро́шей не ста́ло,
А заробіть нездужала́.
»А ось ще оста́лось
Пивъ-бу́бличка!«
Й по шма́точку
Дітямъ розділи́ла.

VII.

Ввійшла́ въ ха́ту. Катері́на
Й но́ги уми́ла
Й полудно́вать посади́ла.
Не пи́ла й не їла
Моя́ Га́нна.
»Катері́но!
Коли́ въ насъ ве́діля?«
— »Пі́сля за́втра.«
— »Тре́ба бу́де
Ага́фистъ наня́ти
Микола́єві свято́му
Й на ча́сточку да́ти;
Бо щось Ма́рко забарився....
Мо́же, де въ дорозі́
Заведу́жавъ, сохрани́ть Бо́же!«
Й покáпали слёзи
Зъ стари́хъ оче́й заму́ченихъ.
Ледве́, ледве́ встала́
Изъ-за стола́.

»Катеріно!

Не та вже я стала:
Зледащила, нездужаю
И на ноги встати.
Тяжко, Катре, умирати
Въ чужій теплій хаті!»

Занедужала небога.

Уже й причащали,
И маслосвятие служили, —
Ні, не помагало.
Старий Трохимъ по надвірью
Мовъ убитий ходить.
Катеріна зъ болящої
И очей не зводить;
Катеріна коло неї
И днює, й ночує.
А тимъ часомъ сичі въ-ночі
Не добре віщують
На коморі. Болящая
Що день, що година,
Ледві чути, питається:
»Доню Катеріно!
Чи ще Марко не прихавъ?
Охъ, якъ-бі я знала,
Що дїждуся, що побачу,
То ще бъ подождала!»

VIII.

Иде Марко съ чумаками,
Идучи співає,
Не поспіша до господи —

Воли попасае.
Везе Марко Катерині
Сукна дорогого,
А батькові шитий поясъ
Шовку червоного,
А наймичці на очіпокъ
Парчі золоті
И червону добру хустку
Зъ білою габюю,
А діточкамъ черевички,
Фигъ та винограду,
А всімъ въ-купі червоного
Вина зъ Цариграду
Відеръ съ трѣе у барялі
И кавяру зъ Дону, —
Всего везе, та не знае,
Що дітця дома!

Иде Марко, не журитця.
Прийшовъ — слава Бѣгу!
И ворота одчиняе,
И молитця Бѣгу.
»Чи чѣнешъ ти, Катерино?
Біжи зустрічати!
Уже прийшовъ! біжи швидче!
Швидче веди въ хату!...
Слава тобі, Спасителю!
Насилу діждала!«
И *Отче нашъ* тихо, тихо
Мовъ крізь сонъ читала.

Старій воли випрягае,
Занѣзи ховае
Мерѣжани, а Катруся

Марка оглядає.

»А де жь Ганна, Катерино?

Я пакъ и байдуже!

Чи не вмёрла?»

— »Ні, не вмёрла,

А дуже нездужа.

Ходімъ лишень въ малу хату,

Поки випрягає

Батько волі: вона тебе,

Марку, дожидає.»

Ввійшовъ Марко въ малу хату

И ставъ у порóгу...

Ажъ злякався. Ганна шепче:

»Слава... слава Богу!

Ходи сюди, не лякайся....

Вийди, Катре, съ хати:

Я щось маю роспитати,

Дё-що розказати.»

Війшла съ хати Катерина,

А Марко схилився

До наймички у голови.

»Марку! подивися,

Подивися ти на мене:

Бачь, якъ я змарніла?

Я не Ганна, не наймичка,

Я...»

Та й заніміла.

Марко плакавъ, дивувався.

Зновъ очи відкрила,

Пилно, пилно подивїлась —

Слѣзи покотїлись.

»Прости мене! Я кара́лась

Весь вікъ въ чужій хаті....
Прости мене, мій сіночку!
Я... я твої ма́ти.«
Та й замóвкла...
Зомлівъ Ма́рко,
Й земля задріжала.
Прокінувся... до ма́тери —
А ма́ти вже спала!

IV.

ЗАШЩЕРА

члена Малороссійской Коллегіи, Григорія Николаевича
Теплова,

составленная въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны:

»О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновений, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.«

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Знаменитый Георгій Конискій, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе писатели Малороссійскіе обвинили Теплова въ злобномъ расположеніи къ Малороссіи. Но въ предлагаемой запискѣ его не видно никакой злобы. Тепловъ, напротивъ, любилъ Малороссію: иначе — онъ не старался бы выставить передъ Государыней Елисаветой Петровной злоупотребленій Малороссійскихъ старшинъ и вообще пановъ, отъ которыхъ страдало большинство населенія края. Записка его дышетъ желаніемъ общей пользы, въ томъ смыслѣ, какъ онъ, по своему времени, понималъ общую пользу. Но для насъ она гораздо интереснѣе въ другомъ отношеніи. Намъ дороги замѣчанія современника объ общественномъ устройствѣ Малороссіи въ гетманство Разумовскаго, о взаимныхъ отношеніяхъ ея сословій, о неограниченномъ господствѣ права сильнаго между ея жителями, о хищности старшинъ и пановъ и о причинахъ матеріальнаго упадка низшихъ сословій.

Записка Теплова обнаруживаетъ передъ нами внутреннюю испорченность административныхъ формъ, извѣстныхъ намъ подъ именемъ *Гетманщины*, и естественную необходимость ихъ измѣненія. Еслибъ Гетманщина держалась на общемъ благѣ Малороссійскаго населенія, она была бы гораздо долговѣчнѣе; ибо

крѣпко стоитъ гражданское общество, котораго всѣ представи-
тели живутъ равно сознанными, равно дорогими для каждаго ин-
тересами. Тутъ, напротивъ, стремленія старшинъ совершенно
расходились съ пользами народа, и какъ каждый изъ высшихъ
дѣйствовалъ для себя и никто для общества, то Малороссіяне
естественно угнетали другъ друга, угнетали кто кого могъ, и до-
вели наконецъ край до совершенной безурядицы. Блюстители
старыхъ формъ гражданственности сами на каждомъ шагу раз-
рушали ихъ своими неправдами и потеряли наконецъ самую
идею общихъ интересовъ. Всѣ интересы ихъ ограничивались
личными выгодами и преимуществами; идея націи исчезла; обра-
зовались только дома и связи. Пользуясь знатнымъ родствомъ и
опираясь на богатство, паны Малороссійскіе сдѣлались, въ отно-
шеніи къ мелкимъ владѣльцамъ и простолюдинамъ, чѣмъ-то въ
родѣ феодальныхъ бароновъ; и не только знатный человѣкъ съ
простымъ поселяниномъ, но даже панъ съ паномъ позволялъ се-
бѣ и имѣлъ возможность сдѣлать самое вопіющее насиліе.

Эти слова могутъ показаться преувеличенными, но Малорос-
сійскіе архивы XVIII вѣка подтверждаютъ ихъ самыми грустными
примѣрами. Напримѣръ, сохранилась *ревокація* пана Коржев-
скаго, въ которой онъ смиренно рассказываетъ, что онъ, бывши
на пиру въ *поважномъ домѣ* Андрея Горленка, осмѣлился на-
помнить хозяйкѣ о старомъ долгѣ, что панъ Горленко подалъ на
него въ полковой судъ жалобу и что судъ заставилъ его отречься
отъ своего требованія и сознаться, что онъ въ домѣ Горленка
какъ пещъ своєю губою брехавъ. Этого мало: изъ дѣла видно,
какъ эта ревокація вынуждена была у подсудимаго: ибо панъ Кор-
жевскій за опороchenіе чести такъ поважной персоны, былъ на-
казанъ публично на рынку. «

Такихъ случаевъ было множество, и приведенный мною пред-
ставляетъ явленіе, въ тотъ вѣкъ весьма обыкновенное. Что ка-
сается до злоупотребленій старшинъ въ отношеніи къ козакамъ,
мѣщанамъ и поселянамъ, то вотъ одно изъ множества архивныхъ
свидѣтельствъ. Новгородъ-Сѣверскій сотникъ Лисовскій до та-

кой степени всѣхъ ихъ угнеталь, что гетманъ Скоропадскій призвалъ его къ себѣ и взялъ съ него письменную *ассекурацію* прекратить угнетенія. Но едва сотникъ вступилъ снова въ должность, какъ началъ опять »людей своей сотни ганити (позорить), озлобляти и утѣсняти, грунта (земли) ихъ власные (собственныя) отнимати, боемъ грозити, а ившихъ и окрывать (колотить), урядниковъ городовыхъ, цеховыхъ и сельскихъ по своей хоти переимѣняти, мѣськими (городскими) людьми и подводами отбувати въ себе роботизну» и пр.

Разсказъ Теплова о томъ, какъ Малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ Гетманщинѣ, присвоивали себѣ обманомъ и насиліемъ козацьи земли, ни мало не преувеличенъ. Изъ »Матеріаловъ для Отечественной Исторіи«, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, видно, какъ, гетманы наши, пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ-старшинъ, набрали себѣ »на булаву« земель по всей Малороссіи. Въ такомъ-то полку гетману принадлежать цѣлыя села, въ такой-то сотнѣ владѣеть оныя многочисленными хуторами, въ такихъ-то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасики, »верхолазныя бортни«, лѣса и сѣнокосы; и всего этого такъ много, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имущества. Не упускали гетманы и старшины Малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто между ихъ владѣніями упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣеть пополамъ съ простымъ козакомъ. Этотъ мелкій наборъ по всей Гетманщинѣ самъ за себя говоритъ, изъ какихъ рукъ и какими путями перешла недвижимая собственность во владѣніе всемогущихъ пановъ XVIII вѣка (1). Въ тѣ времена понятіе о честности въ пріобрѣтеніяхъ до такой степени утратилось, что

---

(1) Жаловаться было некому, потому что гетманы хлопотали въ столицахъ, чтобы доносителей считали »неспокойными и ненавидящими добра людьми.« (»Матеріалы для От. Ист.«, т. I, стр. 24.)

гетманша Скоропадская, по смерти своего мужа, присвоила себѣ даже войсковую казну и тѣ пожитки, которыми гетманы пользовались другъ послѣ друга преемственно (¹). Гетманщина съ одной стороны представляла безпрепятственное поприще для всякаго рода злоупотребленій власти и силы, съ другой— была школою ябедниковъ и сутягъ, которыхъ расплодилось въ ней множество. Записка Теплова доказываетъ это фактами, которымъ нельзя не вѣрять, потому что они не разногласятъ ни съ документальными преданіями, ни съ воспоминаніями Малороссійскихъ старожиловъ. О народѣ, о его благосостояніи и о его человѣческихъ правахъ не было никакого помышленія у самыхъ образованныхъ людей того вѣка. Все, что стояло выше простолюдиновъ, смотрѣло на нихъ, какъ на источникъ своего обогащенія, и что только допускалось хитроизвитыми юридическими формами, или могло пройти безнаказанно, все считалось законнымъ во мнѣніи тогдашняго общества. Въ нашъ вѣкъ, когда понятія о честности поступковъ прояснились и когда каждый членъ гражданскаго общества получилъ равное право на вниманіе и участіе къ судьбѣ своей, взгляды на тогдашнее состояніе Малороссіи приводятъ наблюдателя въ горестное изумленіе. Видишь повсемѣстное отсутствіе идеи добра и справедливости въ высшемъ классѣ ея населенія; видишь какое-то добродушное, совершенно спокойное и какъ бы узаконенное обычаемъ грабительство надъ беззащитною массою простолюдиновъ; народъ бѣднѣетъ, подпадаетъ матеріальной зависимости отъ пройдохъ и богачей, падаетъ въ своемъ безнадежномъ положеніи, и никто о немъ не жалѣетъ. Только одинъ человѣкъ возвысилъ свой голосъ въ пользу большинства Малороссійскаго населенія и старался, по мѣрѣ своего разумнія, раскрыть причины его матеріальнаго упадка, но и того слѣпая исторія нашего края записала въ число враговъ его.

(¹) «Матеріалы для Отечественной Исторіи», т. I, стр. 23.

О НЕПОРЯДКАХЪ,

которые происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновений, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.

1.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссийскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе къ Польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ для лучшаго приведенія въ единство своей области въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей Малороссійскій народъ и особливья вольности и обыкновенія. А притомъ заключеніе статей, Богдану Хмѣльницкому въ 1654 году, по неизвѣстнымъ нынѣ тогдашнихъ военныхъ подвиговъ обстоятельствамъ, послѣдовало въ подтвержденіе тѣхъ Польскихъ, т. е. Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашній народъ, яко по большей части безграмотный, управлялся паче по натуральному праву: два третьяго судили. То справедливо и безпристрастно, по довольномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталось у нихъ тщаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никакого тогда попеченія, ниже свѣдѣнія не имѣлъ. Сіе доказывается явственно и тѣмъ, что прежде 1720 года почти во всей Малороссіи никакихъ канцелярій не было: ибо и самую Гетманскую канцелярію, слу-

чайнымъ образомъ гетману Скоропадскому, въ 1720 году, ноября 19 дня [по причинѣ нѣкоторыхъ при гетманѣ канцеляристовъ, подписывавшихся подъ руку гетманскую, а именно: Григорія Михайлова и Василя Дорошенка] особливою грамотою велено учредить; въ протчихъ же мѣстахъ, яко то: въ сотняхъ и полкахъ, ни сотенныхъ, ниже полковыхъ канцелярій и суда генеральнаго [хотя судьи и были] съ такими прерогативами, каковыя онъ на себя теперъ изъ правъ Литовскихъ наводитъ, отнюдь не было, хотя при томъ нѣкоторыя дѣла и письменно производились; а все тогда въ самоволіе превращенное, не правомъ и законами управлялось, но силою и кредитомъ старшинъ, въ простомъ народѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать — обманомъ грамотныхъ людей. Почему и всѣ тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, на купленные свои земли и грунты и на разныя поселенія никакихъ урядовыхъ купчихъ старѣе тридцати, или сорока лѣтъ не имѣютъ: ибо прежде тридцати лѣтъ, ежели кто безъ крѣпости владѣть, то они *старымъ займомъ* то называютъ, потому что ни лѣтъ, ни примѣтъ его владѣнію, и почему онъ помѣщикъ, вѣтъ; а которые владѣютъ правильно, у тѣхъ должны быть не токмо гетманскіе универсалы, но и государевы изъ Посольскаго приказа грамоты: ибо съ 1656 года уже все по статьямъ Хмѣльницкаго и Государя было, и *старые займы* тѣ только называлися дикихъ полей, которыми кто завладѣлъ до поступленія подъ державу Россійскую, но и то во время продолжающейся войны съ Поляками, то есть: чрезъ 1653, 1654, 1655 и 1656 годы, а не тѣ, кто отъ времени Хмѣльницкаго безъ грамоты чѣмъ владѣть. Сіе самое причиною, что множественное число деревень, собственно принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно партикулярными, а въ утверженіе своего владѣнія почти все прежде бывшее время передъ 1720 годомъ, яко никакихъ урядовъ неимѣющее, служить имъ въ очистку, изъ чего же поводъ берутъ называть свое самовольное владѣніе *стариннымъ займомъ*. Но все сіе есть противно статьямъ

Хмѣльницкаго и указамъ Государевымъ, въ тѣхъ же статьяхъ изображеннымъ.

2.

Изъ многихъ обстоятельствъ доказать можно, что Малороссія во время приступленія ея подъ державу Всероссийскую ни въ половину столько многолюдна не была, какъ въ нынѣшнее время; но и тогда видѣть можно по статьямъ, Богдану Хмѣльницкому даннымъ, что крестьянскихъ дворовъ, которые нынѣ въ Малороссіи называются посполитыми, то есть Государевыми, гораздо большее число было, нежели нынѣ по ревизіямъ находится на лицо. Что народа въ Малороссіи было тогда гораздо меньше, а земли больше, то доказывается, кромѣ подлинныхъ справокъ, которыми легко дойти до познанія можно, — и тѣмъ, что прежде поля тамъ, на десять рабочихъ дней, можно было купить за десять копѣ, или за пять полтинъ на двѣ версты, какъ изъ многихъ урядовыхъ недавняго времени купчихъ видно; потому что у владѣльцевъ, за неимѣніемъ крестьянъ рабочихъ, земля, яко излишняя, впускъ лежала; нынѣ же того и за двѣсти рублей купить не можно, а въ Стародубскомъ, Черниговскомъ и большей части Нѣженскаго полку и Гадячскаго и того дороже; понеже жителямъ довольно уже земли къ поселенію недостаетъ. Однакожь, ежели справиться, сколько нынѣ на лицо находится дворовъ свободныхъ посполитыхъ, то есть крестьянскихъ, надлежащихъ въ казну Вашего Императорскаго Величества, и сколько козаковъ списковыхъ, то есть служащихъ и вооруженныхъ; то не уповательно, чтобъ и десятая доля дворовъ посполитыхъ была, да и козаковъ великаго числа недостаетъ, а людей нынѣ гораздо больше; слѣдовательно, какъ козаковъ въ службу Вашего Императорскаго Величества, такъ и дворовъ посполитыхъ въ казну весьма прибыло бы; но по ревизіямъ явственно, что число обоихъ весьма противу прежняго умалилося.

3.

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными, также и денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены; по вольности же перехода, ревизіи повсегодно бываютъ, которыя ежели одну съ другою свести, то такъ великое несходство всегда въ числѣ дворовъ являлося, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому. Все же сіе всегда происходитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой меньше утаятъ; а старшины строгости въ томъ не дѣлаютъ, яко въ дѣлѣ собственному своему интересу непротивномъ. Хотя же при нынѣшнемъ гетманѣ не больше какъ три раза дѣлана ревизія: одна въ 1751, когда еще онъ въ Малороссію не пріѣхалъ, а другая и третья въ 1753 и 1756 году по всей Малороссіи, какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подпомощниковъ, а притомъ посполитыхъ и ихъ подсуєдниковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася, потому только, что вторая немного построже учинена; а именно: въ первой явилося по всей Малороссіи 152,157, а во второй 202,146 дворовъ; итакъ прибыло 49,989 дворовъ; въ третьей же опять убыло, потому что въ прежнемъ безстрашіи дѣло производилосъ.

4.

Сіе примѣчается только къ тому, что ревизіямъ Малороссійскимъ, которыя Малороссійскими людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею они ни отправлялися, вѣрить не надобно; ибо ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать; а какъ утаить, на то способы весьма наглые и нетрудные употребляютъ. Въ сихъ случаяхъ они не много некутся о томъ, чтобы дѣлать закрыто, но все то отправляютъ явственно, потому наипаче, что дальнее разстояніе и надежда на судныя порядки ихъ укрываютъ; не мало же и взаимная другъ ко другу

помощь чрезъ то между ими наблюдается. При блаженный памяти Государь Императоръ Петръ Великомъ, когда, послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, Коллегія Малороссійская учреждалась, и при гетманѣ Апостолѣ, тогда было учреждено, что офицеры Великороссійскіе во всѣ полки Малороссійскіе были отправлены, для учиненія ревизіи. Хотя еще тогда народу гораздо было меньше нынѣшняго, однакоже число по ихъ ревизіи состоитъ весьма больше, нежели когда-либо въ Малороссіи оказалось. Сію ревизію они и понынѣ *офицерскою* называютъ, съ удивленіемъ сказывая сами, что никогда де въ Малороссіи числа двороваго столько не бывало, какъ тогда; но сіе только то было, что въ тотъ годъ меньше утаено, нежели во всѣ другіе годы.

5.

Что же касается до посполитыхъ дворовъ, слывущихъ такъ называемыми войсковыми маестностями, которыя принадлежать въ казну Государеву по силѣ 13 статьи, данной гетману Богдану Хмѣльницкому, то коликое число было прежде гетмана Скоропадскаго, о томъ не по чему справиться; но послѣ смерти Скоропадскаго, то есть по ревизіи офицерской, на лицо состояло 44,961 дворъ. Изъ онаго числа по 1750 годъ роздано не больше трехъ тысячъ дворовъ, что, уповательно, малую самую разность дѣлаетъ. Сверхъ того, какъ выше объявлено, число народу противу прежняго весьма прибыло. За всѣмъ тѣмъ нынѣшній гетманъ, графъ Разумовскій, и четырехъ тысячъ дворовъ Государевыхъ не засталъ, а о прочихъ ему донесено, яко бы всѣ въ Польшу побѣжали разными годами, гдѣ однакоже по достовѣрнымъ извѣстіямъ мужикамъ весьма труднѣ Малороссійскаго жить въ подданствѣ у господъ Польскихъ, потому что помѣщики все имѣніе крестьянъ своихъ собственнымъ своимъ почитаютъ и берутъ подати не окладомъ съ нихъ годовымъ, но кому когда и сколько вздумается. Въ самомъ же дѣлѣ нашлося, что всѣ Государевы дворы и съ землями раскупила старшина и другіе достаточные

промышленники у самихъ мужиковъ, называя ихъ собственными войсковыми, которые будтобы по сему имени свободные и могутъ сами себя и съ землями продавать. Сіе ихъ истолкованіе хотя вымыслено, однакожь они по сему вымыслу не меньше, какъ по закону поступаютъ, и никто имъ въ томъ не воспящалъ до 1739 года, доколѣ указъ блаженные и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, подъ крѣпкимъ запрещеніемъ и штрафомъ послѣдовалъ — того не чинить. Но они, не взирая на тотъ строгій указъ, скупили войсковыя Государевы деревни, даже до 1750 года, то есть до пріѣзду нынѣшняго гетмана въ Малороссію, и писали купчія иногда задними годами. А понеже то необходимо, чтобъ купчая всякая ствержена была на урядѣ, и сотникъ, по силѣ права, тотъ, гдѣ продаваемая земля положеніе свое имѣеть, долженъ подписать; то многія фальшивыя купчія и тѣмъ обличаются, что сотникъ въ сотники пожалованъ, на примѣръ, въ 1745 году, а купчая его сотничею рукою на урядѣ скрѣплена въ 1737 году. Сіе всегда старшины видѣли, но потому что стараются всѣми образами, дабы всѣ Государевы земли переходили въ партикулярныя владѣльческія руки, какимъ бы то образомъ ни было, то никакого воспященія въ томъ не чинили. Свободныя же войсковыя деревни потому называются, что никому помѣщику за службу не отданы, а состоятъ Государевыми, такъ какъ въ 13 статьѣ именно Богдану Хмѣльницкому изображено: »И кто будетъ крестьянинъ, тотъ будетъ обыкшую крестьянскую повинность тебѣ, Государю, отдавать«. Таковымъ же образомъ и козаковъ число весьма умалилося; ибо о семъ заподлинно можно удостовѣрить, что нынѣ Малороссія прямо вооруженныхъ списковыхъ едва ли пятнадцать, а по крайней мѣрѣ двадцать тысячъ выставить можетъ, а выборныхъ и николи толикаго числа не выставить; по статьямъ же должно списковыхъ имъ имѣть 60,000 козаковъ, кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую сторону, а всѣхъ козаковъ около 150,000 имѣть бы должно. Всѣ Молороссійскіе козаки правомъ шляхетскимъ судятся; но потому что они служатъ съ своихъ грунтовъ, то сіе кажется право натуральное,

что козакъ не долженъ своего грунта продать, дабы чрезъ то служба Государева не умалилася; а когда и продать нужду имѣеть, то не инако, какъ козаку, а не старшинѣ и не посполитому, о чемъ и указъ есть. Но они истолковали козакамъ право: *якобы козакъ, по силѣ Статута, разд. 3, арт. 47, все продать можетъ, кому хочетъ*; то потому и всѣ почти грунты козацкіе скупили. Къ сему способствовалъ имянной указъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны на докладъ, въ которомъ въ 10 пунктѣ изображено: »Въ войсковыхъ свободныхъ селлахъ и во владѣльческихъ маестностяхъ, ежели козакъ »грунтъ свой кому продастъ и самъ паки на немъ будетъ жить, тотъ »всякія, по пропорціи имѣній своихъ, посполитыя [т. е. крестьянскія] повинности отдавать и чинить долженъ; а которые подданные [т. е. крестьяне], продавъ свои грунты, съ нихъ сойдутъ, »а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть, »тѣ также отдають, по пропорціи своихъ имѣній, повинности, »какъ и другіе владѣльческіе подданные.«

Сей имянной безъ исправки изданный указъ есть наилучшая привилегія къ искорененію всѣхъ козаковъ и поверстанію ихъ помѣщикамъ въ крестьяне; ибо достаточный козакъ всегда отъ службы откупался, а недостаточный, бѣгая отъ оной, лучше желаетъ подъ имянемъ крестьянина жить, нежели выдти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ по имѣнію своему, долженъ, яко грунтовыи, платить иногда на консистентовъ цѣлую рацію и порцію, что ему учинить рубль, или и больше; а взявши на себя имя мужика безгрунтоваго, службы не дѣлаеть и, вмѣсто платы на Государя рублевой, платитъ, яко безгрунтовой, въ годъ алтынъ, или иногда двѣ копейки по раскладкѣ, наравнѣ съ другими подсуедами или нищетными. Но о сихъ сборахъ, разорительныхъ народу, а казнѣ третьей доли неприносящихъ, особое примѣчаніе сдѣлать надлежитъ, по которому окажется великое воровство народныхъ сборовъ, чрезъ многія лѣта уже продолжающееся. Такое указомъ вышепомянутымъ вспоможеніе почти всѣхъ козаковъ истребило и перевело ихъ старшинамъ, яко по

мѣщикамъ, въ крестьяне; а въ военное время, или во время какой-либо службы, сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли приняли, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ. Но понеже, по тому же Статуту, разд. 9-го, арт. 27, опредѣлено точно: у чужого человѣка никто земли закупить безъ воли господина его не имѣеть, ниже нанимать на лѣто, подъ лишеніемъ данныхъ денегъ и всего того, что на ней посѣялъ; то же опредѣлено и о самихъ людяхъ владѣльческихъ, дабы ихъ не покупать и не нанимать безъ соизволенія помѣщика, или его управителя: то изъ сихъ положеній ясно видно, что всѣ Малороссійскія вотчины Государевы, которыхъ около пятидесяти тысячъ дворовъ, по худой ревизіи, быть должно на лицо, старшинами и чиновниками, не въ силу ихъ же правъ скупленныхъ [о чемъ показано будетъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ], и большая часть почти службы козацкой, которая бы по умноженію нынѣшнему народа должна умножиться, исчезла.

7.

Хотя же были о семь отъ многихъ временъ козацьи на чиновниковъ доносы, при блаженные и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великомъ, и строгія слѣдствія; но то всегда было долговременными многими ябедами заплетено и никогда добраго конца не воспринимало; почему, какъ по причинѣ другихъ самовольствъ, такъ и въ пресѣченіе сихъ не порядковъ и народныхъ разореній, всѣ почти главнѣйшіе старшины въ 1724 году въ С. Петербургскую крѣпость были забраты, но милостивымъ указомъ, послѣ кончины сего Государя, Императрицею Екатериною Алексѣевою Первою, въ 1725 году, были отпушены, въ ожиданіи отъ нихъ исправленія. Были также и въ нынѣшнія времена многіе доносы о расхищеніи козаковъ, свободныхъ деревень и многихъ въ уплату данныхъ суммъ народу старшинами, но тѣ доносы не происходили отъ таковыхъ

людей, которые бы то изъ усердія къ сохраненію интереса Государева доносили; а доносили по злобѣ, въ отмщеніе своихъ партикулярныхъ обидъ, и потому заплетали доносы свои справедливые многими клеветами на своихъ соперниковъ, а соперники чрезъ то сыскивали способы ябедническихъ доносителей опровергать долголѣтнею волокитою и напоследокъ всеконечнымъ разрешеніемъ жизни ихъ.

8.

Причислить надобно къ симъ непорядкамъ, яко главный непорядокъ въ нынѣшнихъ временахъ, право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновь Литовскому княжеству отъ короля Стефана, бывшаго прежде князя Трансильванскаго, изъ фамиліи Батори, въ 1576 году, какъ то видно въ томъ же правѣ изъ разд. 4, арт. 1, пункт. 1, и Сигизмундомъ Третьимъ, въ 1588 году, подтвержденный. Оное состоитъ въ 14 раздѣлахъ. Права и законы въ народахъ учреждаются на двойственномъ основаніи: первое состоитъ на натурѣ, врожденной роду человѣческому вообще и всякому безъ изъятія, которое называется *право натуральное*; другое на свойствѣ всякаго народа, особенно его правленія, и оное есть *право гражданское*. Что касается до права натурального, то законы Статута Литовскаго, введенные въ Малороссійскій народъ, суть тѣ же самыя, что и Великороссійскіе, только инымъ порядкомъ и иными словами изображенныя, и потому отмѣны и исправленія никакого почти не требуютъ. Но права гражданскія, касающіяся до свойства народа, управляемаго самодержавнымъ Государемъ, яко въ Статутѣ Литовскомъ для республиканскаго правленія учрежденныя, весьма несвойственны уже стали и неприличны Малороссійскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему. Ежели сіе разнообразіе законовъ отъ республиканскаго Государя и того же Самодержца происходить должно, то какимъ образомъ можно согласить многіе указы

съ Литовскимъ Закономъ, который причтенъ только Рѣчи Посполитой? Хотя въ грамотахъ Государскихъ, и особливо въ Высочайшей 1750 года, на урядъ нынѣшнему гетману, и изображено, чтобъ гетману поступать *по правамъ Малороссійскимъ и по указамъ Государевымъ, присланнымъ и впродѣ присылаемымъ*; но тутъ же приполнено, чтобъ чинено сіе было по указамъ и безъ нарушенія правъ и вольностей Малороссійскихъ. Сей темности, ежели оставить въ своей силѣ право Малороссійское, ни по какой мѣрѣ правительству Малороссійскому согласить не возможно, взявъ въ примѣръ нѣкоторые только артикулы права Литовскаго, то есть Малороссійскаго. Указы Вашего Императорскаго Величества осуждаютъ преступниковъ имянныхъ указовъ къ смерти, а право Малороссійское, разд. 1, арт. 11, опредѣляетъ ему только сидѣніе въ тюрьмѣ на шесть недѣль. Первое осужденіе уравнино преступленію противу самодержавной власти, а послѣднее противу короля въ республикѣ. Указы Вашего Императорскаго Величества о рудныхъ и горныхъ мѣстахъ повелѣваютъ отдавать всякаго минерала десятину въ казну и уступать первую продажу Государю; а право Малороссійское, разд. 9, арт. 30, пункт. 3, опредѣляетъ и послѣднему козаку, ежели онъ на своей земли орющейся руду золотую найдетъ, или какое-либо иное сокровище, или окна соляныя и проч., тѣмъ всѣмъ одному ему и пользоваться, а Государь обѣщаетъ клятвою ему въ томъ имѣніи отнюдь не препятствовать. Напослѣдокъ, то же право Малороссійское, въ разд. 1, арт. 1, пункт. 2, опредѣляетъ всѣмъ иноземцамъ [изъ которыхъ числа Малороссійцевъ и Великороссійскихъ не исключаетъ] судимымъ быть тѣмъ же Литовскимъ правомъ и на тѣхъ урядахъ, гдѣ кто преступить; почему, ежелибы случилось Великороссійскому, знатному и по имени и по чину, человѣку быть обижену въ Лубенскомъ, или какомъ-либо полку, въ сотнѣ Пыратинской, отъ какого-либо козака, то по силѣ сего права, яко подтвержденнаго грамотами, надлежитъ по порядку у сотника Пыратинскаго быть обоимъ судимымъ, и по силѣ Статута, разд. 3, арт. 27, имѣеть за того

безчестіе, какого знатнаго бы чина и достоинства ни былъ козакъ — шесть недѣль въ тюрьмѣ высидѣть и 25 рублей, а не больше заплатить; и сіе урвненіе Рѣчи Посполитой только прилично. А того же разд., арт. 27, пункт. 4, заочно бранить, кого бы кто ни захотѣлъ, дозволяется, и просить о томъ суду не велѣно, какое бы кто ни могъ показать свидѣтельство. Въ разд. 3-мъ, арт. 12-мъ, Государь себя обязываетъ присягою, что въ великомъ княженіи Литовскомъ и во всѣхъ оному подлежащихъ, достоинствъ духовныхъ и мірскихъ, городовъ, дворовъ, грунтовъ, староствъ, владѣній чиновъ земскихъ и придворныхъ владѣній въ употребленіе, содержаніе и въ вѣчность никакимъ иноземцамъ и заграничнымъ людямъ, ниже сосѣдямъ сего государства давать не будетъ, а давать самъ и наслѣдники обѣщаетъ тутечнимъ уроженцамъ. Сіе право есть совсѣмъ республиканское; но примѣчено довольно, что Малороссійскіе судьи, гдѣ случай есть, оное навести въ свою пользу противъ Великороссійскихъ тамо владѣльцевъ, яко, по ихъ мнѣнію, иноземцевъ и граничныхъ Малороссіи, тутъ не оставляютъ объ ономъ представленія свои дѣлать, а у безсильныхъ, по силѣ сего права, и отнимаютъ. Такъ равномѣрно права Россійскимъ несогласныя и многія находятся, а именно: разд. 1, арт. 33, пункт. 1: Ежели кому какую маетность Государь пожаловалъ, а онъ за какую-либо отлучкою тѣмъ не владѣлъ десять лѣтъ; то хотябы и грамоту Государеву на то владѣніе имѣлъ, тогда онъ владѣть не можетъ, и грамота силы ни какой не имѣеть; или, когда сильный у безсильнаго деревни отнялъ и обиженный случая, за отсутствіемъ, болѣзнію, или другимъ какимъ, хотя и законнымъ, препятствіемъ, на судѣ того искать не могъ, чрезъ десять дѣтъ; тогда молчать вѣчно имѣеть, по разд. 4, арт. 91, пункт. 1, и сіе право въ Малороссіи сильно наблюдается, понеже изстари сильные безсильныхъ нападеніями грабятъ и обижаютъ, а обиженные десятилѣтнему промолчанію подвержены бывають и тѣмъ имѣній отеческихъ и дѣдовскихъ лишаютя. Таковыхъ опредѣлений великое множество въ Малороссійскихъ судахъ находится; но изъ права выступить невозможно. Разд. 1-го

арт. 24-й опредѣляетъ : Ежели кто посланнаго отъ лица Государева, хотя съ именнымъ указомъ, побилъ, указы отнять и изодралъ, тому не болѣе штрафа, какъ тюрьма на полгода; такожде: ежели шляхтичь убьетъ въ смерть простолюдина, и указнаго числа, то есть семи человекъ шляхтичевъ свидѣтелей истецъ не представитъ, тогда шляхтичь, хотя и разбойникъ, отприсягнуться можетъ; буде же отъ присяги отказываться будетъ, тогда, по разд. 12, арт. 1, платитъ только малыя деньги за голову. Такожде, по разд. 11, арт. 16, пункт. 1: Ежели шляхтичь шляхтича съ сердца ножемъ зарѣжетъ — четвертовать, ежели простой шляхтича — то же, а ежели шляхтичь зарѣжетъ по злосердію простаго, или какимъ-либо оружіемъ съ гнѣва убьетъ, тогда шляхтичу только руку отсѣчь. Таковыхъ примѣровъ въ Статутѣ Литовскомъ великое множество можно бы показать, изъ коихъ одни противны самодержавному государству, другіе, яко по угожденію вольному республиканскому народу постановлены, натуральному праву противны; но для показанія неудобствъ довольно и сего. Въ заключеніе самой только важности сего дѣла, надлежитъ взять еще въ разсужденіе разд. 4, арт. 1, пункт. 1, гдѣ опредѣляется и устанавливается, что естлибы который изъ чиновниковъ земскихъ, то есть: судья, подсудій и писарь умеръ, тогда другіе чиновники оставшіеся извѣстить имѣютъ короля, а въ отсутствіи короля высшему правительству, и тогда указано будетъ на срокъ съѣхаться для избранія новыхъ изъ природныхъ Литовскихъ четырехъ кандидатовъ, которыхъ на письмѣ представить за печатями своими королю, а король того, кто угоденъ ему явится, на мѣсто умершаго поставитъ. Изъ сего права Малороссіянцы въ обыкновенный ввели законъ, что не токмо гетманъ и старшины генеральныя, то есть: обозный, два судьи, подскарбій, писарь, два асаула, хорунжій и бунчужный, избираются вольными голосами, но и полковникъ и полковые обозный, судья, писарь, хорунжій и атаманъ выборомъ поставляются; и таковыя избранныя не токмо многимъ безпорядкамъ причиною бываютъ, но и приводятъ иногда злыя намѣренія въ единомысліе; ибо стар-

шина генеральная имѣеть способъ полковниковъ опредѣлять, а полковники и старшины сотниковъ, потому что выборъ въ сотники славятъ только выборомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть точное опредѣленіе персоны отъ старшинъ. Происходящее по сіе время избраніе въ сотники слѣдующимъ образомъ происходитъ. Когда только репортъ изъ сотни въ полкъ, а изъ полку въ войсковую канцелярію придетъ, что сотникъ въ сотнѣ умеръ; то старшины поспѣшаютъ, прежде нежели о томъ увѣдано гетманомъ будетъ, отправить изъ полковой канцеляріи извѣстную и надобную имъ персону на правленіе, до опредѣленія новаго, и сіе, яко маловажное дѣло, происходитъ безъ вѣдома ихъ шефа, но именемъ только командующаго въ полку полковника. То извѣстная персона уже не сомнѣвается, что ему сотничество предано, и для того, пріѣхавъ на правленіе, нѣсколько бочекъ вина горячаго безграмоннымъ козакамъ выставить, священника и дьячка церковнаго подкупить и уговорить къ подписанію рукъ ихъ, и такимъ образомъ отъ пьяныхъ отобравъ голосъ, выборъ самъ себѣ пишетъ, прежде нежели о томъ изъ войсковой канцеляріи приказано; а къ тому припишетъ, въ силѣ мнимаго права, два или три человѣка негодныхъ, которые сами о томъ сотничествѣ не думаютъ. И такимъ образомъ, по полученіи ордера изъ войсковой канцеляріи о выборѣ новаго сотника, онъ уже съ готовымъ выборомъ поспѣшаетъ, опредѣливъ на то червонныхъ нѣсколько для подарку; почему въ чинѣ и конфирмуется. Сіе есть обыкновенное по правамъ производство въ выборахъ, а въ самомъ дѣлѣ старшины опредѣляютъ во все чины тѣхъ, кто имъ надобенъ. Такимъ образомъ почти во всей Малороссіи сотники и старшины полковые опредѣляются одолженные своимъ протекторомъ; и хотя право Малороссійское гласитъ о выборахъ только на главныя судейскія генеральныя мѣста, да и то разумѣется изъ таковыхъ, которые близко подъ тѣмъ чиномъ стоятъ своимъ достоинствомъ, на которое дѣлается избраніе новаго чиновника; однакожь нѣкоторые интересъ свой въ томъ находятъ, чтобъ отъ малаго до великаго выборомъ начальства все чины происходили,

вѣдая, что таковымъ порядкомъ милость къ народу изъ ихъ собственно рукъ истекаетъ; и то самое обыкновеніе утверждаютъ они правомъ, чего въ правѣ отнюдь не находится; ибо разд. 4, арт. 1, пункт. 1-й гласитъ дѣйствительно только о судьи, подесудіи и писарѣ генеральныхъ, которые чины въ воеводствѣ Литовскомъ суть главнѣйшіе и уравниются развѣ только старшинамъ генеральнымъ, которыхъ девять персонъ въ цѣломъ народѣ Малороссійскомъ, а не о всѣхъ малочинныхъ, которыхъ около тысячи во всѣхъ полякахъ находится, ежели взять въ число всѣ полковые и сотенныя чины.

9.

Права Малороссійскаго разд. 4, арт. 54, пункт. 4-й: »А буде бы »чего въ семь Статутѣ не доставало, то судъ, склоняся къ бли- »жайшей справедливости по совѣсти своей и по примѣру другихъ »правъ Христіанскихъ, отправлять и судить имѣеть.« Малорос- сійскій народъ, по нынѣшнему состоянію, раздѣляется на три клас- сы людей: на шляхту, козаковъ и посполитыхъ. Сіе раздѣле- ніе точно то же, что и въ республикѣ Польской; но потому что въ княжествѣ Литовскомъ и Жмудскомъ отъ короля Сигизмунда магистратамъ многихъ городовъ съ мѣщанами особое право Маг- дебургское дано, то, по примѣру тому, и городамъ Кіеву, Нѣжину, Остру, Погару и другимъ, пребывавшимъ тогда подъ вла- дѣніемъ Польскимъ, по ихъ исканіямъ, для уравниенія тѣже, Маг- дебургскія права отъ Сигизмунда и другихъ его наслѣдниковъ опредѣлены; и понеже вышепомянутый Статута Литовскаго разд. 4, арт. 54, пункт. 4-й, въ случаѣ какому-либо дѣлу недостатка въ правѣ Статута, повелѣваетъ примѣняться къ другимъ Христіан- скимъ сосѣднимъ правамъ; то Литовцы занимаютъ, въ помощь къ Статуту своему, Саксонское, которое называется *Порядокъ*; слѣ- довательно Малороссія управляется уже не двумя, но тремя пра- вами, а именно: Литовскимъ, Магдебургскимъ и Саксонскимъ; и

почему Малороссія, будучи подъ державою Россійскою, дополняет свои законы Саксонскими, въ томъ, кажется, она никакого основанія не имѣтъ; ибо кто изъ сосѣднихъ Христіанскихъ народовъ имъ ближе [какъ выше сего показано уже] и въ родѣ и въ законѣ Христіанскомъ, какъ не Россія? Но изъ сего явственно оказывается, что то по единому только развѣ тогдашнихъ старшинъ неусердію къ Россіи въ обыкновеніе введено, а закона къ тому ни въ какихъ ихъ правахъ не находится; польза же ихъ собственная есть та, что они, имѣя многоразличные и намъ мало вѣдомые законы, многоразличные способы имѣютъ пристрастіямъ своимъ угождать и чрезъ то сохранять, яко грамотные надъ неграмотными простыми людьми, власть полномочную; ибо простой народъ только льститъ себя многими мнимыми вольностями, которыхъ онъ отъ времени Богдана Хмѣльницкаго дѣйствительно не имѣтъ; а старшины, напротивъ того, опредѣляя имъ командировъ, яко-бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія въ прихоти, держа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумю не тѣхъ только старшинами, которые у нихъ называются генеральные, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и нижнихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное. Чрезъ сіе бываетъ, что и изъ права Россійскаго судья иногда берутъ, но то въ крайности, когда вредъ кому умножить хотятъ. Итакъ судьи Малороссійскіе, вмѣсто точнаго и опредѣленнаго права, имѣютъ удовольствія обременять или уменьшать казни и штрафы многоразличными законами, а именно: когда судья видитъ, что Статутъ истцу, или отвѣтчику строгое рѣшеніе, а не полезное, опредѣляетъ, тогда онъ ищетъ въ *Порядкѣ Саксонскомъ*, тогда прибѣгаетъ и къ Магдебургскому праву, ежели мѣщанину съ шляхтичемъ дѣло, и до тѣхъ поръ мечется изъ права въ право, доколѣ сыщеть намѣре-

нію своему полезное; а простой, или иначе неграмотной, человекъ, будучи въ томъ несвѣдущъ, пріемлетъ все за несумнительный законъ. Временемъ для облегченія пріятелю казни, или для умноженія ненавистному вреда, мечутся и въ законы Великороссійскіе, какъ то по дѣламъ примѣчено; но то случается рѣдко. Сіе есть поводомъ, что всѣ тѣ, которые слывуть въ Малороссіи приказными и знающими людьми, суть великіе ябедники, и про нихъ говорятъ, что они съ *оборотомъ*; да и подлинно, что таковая юриспруденція требуетъ не того знанія, чтобы право натуральное и гражданское было судіи извѣстно, но чтобы была только память острая, которая, бывъ соединена съ практикою, дѣлаетъ у нихъ человекъ съ оборотомъ, то есть судію провинительнаго и скоропоспѣшнаго на всѣ ухватки ябедническія. Отъ того у нихъ истцы никогда недовольны первымъ судомъ, и ни единого дѣла нѣтъ, которое бы не чрезъ всѣ апелляціи прошло: изъ сотенной въ полковую, изъ полковой въ судъ генеральный, а изъ суда въ войсковую канцелярію къ гетману, оттуда въ коллегію, въ правительствующій сенатъ, а напоследокъ трудятъ Высочайшую Особу Государеву; почему и въ маловажныхъ искахъ процессы у нихъ ведутся чрезъ многіе годы. Такъ какъ козакъ у козака плеть или кнутовище отнялъ, процессъ продолжался болѣе восьми лѣтъ; бунчуковой товарищъ одинъ у другого восемь гусей отогналъ, съ шестнадцать лѣтъ процессъ былъ; и много тому подобнаго въ архивахъ суда генеральнаго сыскать можно.

10.

Сія ябеда въ такомъ у нихъ кредитѣ и ночтеніи, что по большей части лучшихъ фамилій отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ: научивъ его читать и писать по-Русски, посылаютъ въ Кіевъ, Переяславъ, или Черниговъ для обученія Латинскаго языка, котораго не успѣютъ только нѣсколько обучить, спѣшатъ возвратить и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по дол-

говременномъ обращеніи, происходятъ они въ сотники, хотя козаки, которые его выберутъ, прежде и о имени его не слышали. Но съ чиномъ канцеляриста есть еще другіе авантажи соединены. Надобно знать, что чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію [преимущество] имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы то полку не было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ; а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. Итакъ бѣдной козакъ всегда ими обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ, что при нынѣшнемъ гетманѣ нѣсколько уже и отмѣнено. При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человекъ не было, и тѣ были самыя знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ; но въ междугетманство больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привиллегія надобна, что они нигдѣ кромѣ гетмана не судимы. Такъ и канцеляристы войсковые, которыхъ въ одной войсковой канцеляріи гораздо болѣе трехъ сотъ числится, а въ канцеляріи сидящихъ не бывало никогда на лицо болѣе сорока, прочіе же всѣ грабятъ и иногда разбиваютъ во всѣхъ отдаленныхъ концахъ Малороссіи, о чемъ многія и жалобы были. Итакъ право Малороссійское почитать надлежитъ, яко главный не порядокъ въ Малороссіи; оно имъ вливаетъ мнимую вольность и отличіе отъ другихъ вѣрныхъ подданныхъ Вашему Императорскому Величеству; оно судію дѣлаетъ лихоимцемъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными; оно бѣдныхъ простыхъ Малороссіянъ въ утѣсеніе приводитъ; оно, напослѣдокъ, и командующему шефу дѣлаетъ темноту и препинаніе правду снабдить полезною резолюціею.

11.

Значительное помѣшательство и не порядокъ въ народѣ и отъ

того происходить, что козаки, которые особыя привилегіи имѣютъ отъ мужиковъ и особливою трудъ несутъ, а именно: отправляютъ Государеву службу съ своихъ грунтовъ въ походахъ, а поселеніе свое имѣютъ по всей Малороссіи въ посполитыхъ деревняхъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, помѣщикамъ принадлежащихъ. Всѣ Малороссійскіе города, мѣстечка, села, деревни, слободы и хуторы съ пахатными и сѣнокосными землями, какъ въ лѣсныхъ, такъ и въ степныхъ полкахъ, не имѣютъ никакого обмежеванія; а понеже живутъ старинными будто займами и фальшивыми по большей части крѣпостями, а иные ни займомъ стариннымъ, ни крѣпостью, но грабежомъ и наѣздомъ сильный на бессильнаго; къ тому же козаки во всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ перемѣшаны съ мужиками: то изъ того послѣдовалъ различный вредъ, какъ собственно самому народу, такъ и въ интересѣ Вашего Императорскаго Величества превеликій ущербъ: 1.) Помѣщики Малороссійскіе, живущіе по большей части ни у какихъ дѣлъ, по своимъ хуторамъ, или деревнямъ, праздно, въ томъ главное упражненіе имѣютъ, что, за лѣса, за тростники, за стени, за мельницы, за подтопы плотинъ, другъ на друга наѣзды дѣлаютъ вооруженною рукою, и изъ того рождаются многія смертоубійства. 2.) Вступивши въ процессъ, волочатся лѣтъ по десяти и двадцати въ разореніе дому своему, судьямъ въ несказанную корысть, а главному суду по апелляціямъ въ безконечное обремененіе ябедническими процессами, и сіе есть собственное ихъ разореніе. 3.) Ущербъ Вашего Императорскаго Величества интереса есть главный тотъ, что козаки живутъ въ великомъ не порядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника, и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ; ибо, хотя всякому помѣщику въ универсалахъ гетманскихъ, при надачѣ деревни, писывалось прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козакъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакого нѣтъ; однакоже, какъ воз-

можно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ, или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуеть? Всякой сотникъ не успѣетъ только на сотню свою прѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ. 4.) Первый промыслъ козачій, которымъ они себѣ малые деньги въ годъ промышляютъ, есть тотъ, что козаки, по снятіи съ поля хлѣба, перецѣживаютъ его на горячее вино, и то продаютъ у себя по домамъ, чего ради всякой козачій домъ не чтó иное, какъ шинокъ. Послѣдовательно то самое причиною и бѣдности ихъ; ибо козакъ, запившись, не много уже помышляетъ о хозяйствѣ, и сѣть, и жнеть хлѣба не болѣе, какъ лишь бы стало ему на зиму съ дѣтьми; а хотябы земля плодородная и принесла свыше трудовъ его чтó излишнее, но онъ, пріобыкши къ плодородію земли, не чувствуетъ, и хлѣба съ поля не больше снимаетъ, какъ сколько ему про всю его хату надобно до новаго, а временемъ за лѣтностію и того не умѣряетъ; и гетманъ временемъ принужденнымъ себя находить особливые ордера о снятіи хлѣба, безъ успѣха въ томъ, посылать; чего ради иногда малый народъ, или саранча, то есть мужики, остаются безъ пропитанія и мрутъ съ голоду, или отдаются въ работу и подданство тѣмъ, которые на таковые случаи, не рѣдко бывающіе, съ запасомъ живутъ; а это наибольше дѣлаютъ старшины и ихъ свойственники. 5.) Живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и земли свои имѣющіе въ одной границѣ, исчезаютъ и перерождаются на мужиковъ, слѣдующимъ образомъ. Помѣщикъ столько у себя выцѣживаетъ вина, что всегда вышинковать въ своихъ маетностяхъ не можетъ, чего ради большую часть раздаетъ изъ извѣстной части вышинковать козаку въ своей деревнѣ, а ищетъ къ таковому дѣлу изъ такихъ козаковъ, которые бы удобнѣе у него забратъся и замотаться могли; напоследокъ, когда столько козаку задастъ, что уже козакъ не въ состояніи все вино прошинкованное выплатить помѣщику того же села, то помѣщикъ, вымучивъ у него обликъ, то есть правнымъ обязатель-

ствомъ удостовѣреніе, бьетъ челомъ на козака о уплатѣ долгу. Козакъ, будучи не въ состояніи уплатить по облику, то есть по обязательству, судимъ бываетъ разд. 4, арт. 28, пункт. 1, въ которомъ определено *»награждать имълиемъ недвижимымъ по оцѣнкѣ«*; а обыкновенно дворъ съ пашенною землею, которая въ Статутѣ *»волокою осаженою«* названа, предписано отдавать за десять рублей и по пропорціи, ежели меньше, то оную дѣлить, а *морги земли*, то есть двадцать сажень въ ширину и шестьдесятъ сажень въ длину, ежели унавоженъ, оцѣненъ въ полтину, а безъ навозу въ пятьдесятъ шаговъ, или грошей (1) Польской монеты. Въ томъ же мѣстѣ цѣна предписывается сѣнокоснымъ землямъ, лѣснымъ удобнымъ къ сѣву, озерамъ, рѣкамъ и проч.; и такимъ образомъ козакъ, грунтá свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли не достаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщику въ отслугу, по силѣ права. Сіе есть слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, и отъ сего-то большая часть козаковъ претворалися уже въ мужики помѣщикамъ, а государственный интересъ чрезъ многіе годы терпитъ чувствительный отъ того уронъ, къ пресѣченію котораго хотя мѣры и принимаемы были, а особливо по челобитью козаковъ еще въ 1723 году, но указами, которые тогда послѣдовали, довольно не предусмотрѣно.

12.

Къ внутреннему и собственному разоренію, есть вредъ ближайшій Малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часть отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей гибели, дѣлаюся пьяницами,

---

(1) Т. е. правную копу, чтó равнялось 1 руб. 20 коп., когда рубль серебра ходилъ въ рубль, а теперь, по указу 1724 года, взыскивается 4 руб. 80 коп. грошей; значить, полтина болѣе чѣмъ 50 шаговъ.

лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ. Ничто столько не вредительно крестьянину, какъ праздность. Она не только его нищимъ, но и впередъ къ работѣ по отвычкѣ неспособнымъ дѣлаетъ. Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ прежде всего какъ бы ему найти удобства свой хлѣбъ жевать безъ труда; се-го ради не допускаетъ обременять себя никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщики землями, или грабленными Государевыми, или за долгъ шинковой себѣ приговоренными, или по сходѣ лѣнивцовъ впусѣ лежащими, обыкновеніе имѣютъ поселять слѣдующимъ образомъ: сперва опредѣляютъ слугу, наряженнаго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, что весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный больше заставляетъ мужика своего работать, нежели богатые, ежели кредита внаго къ тому въ націи не имѣетъ; потомъ выставить на пустой своей землѣ большой деревянной крестъ, на которомъ для грамотныхъ надпишетъ, а для неграмотныхъ скважинами проверченными означить, на сколько онъ лѣтъ новопоселившимся обѣщаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики празднодѣльные и лѣнтяи о томъ не оставляютъ навѣдываться, гдѣ и сколько временными свободами крестъ выставленъ на поселеніе слободы, и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ льготнѣе покажется. Такимъ образомъ вылеживаетъ мужикъ урочные годы въ крайнемъ лѣннствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку и новаго креста ищетъ, и симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, перевоза свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они по большей части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ подъ претекстомъ тѣмъ, яко-бы мужикъ все, что ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предиріятіи, грабитъ все его имѣніе,

на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣеть. Такъ поступаютъ помѣщики, безкредитные въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ въ изобиліи и плодородіи земли Малороссійской, земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ; между тѣмъ государственная польза изъ Малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часть отъ часу въ упадокъ приходитъ.

Сіи суть токмо генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежелибы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженный и вѣчно достойный, памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія Его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалого времени, то, хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему начатки премудраго Государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало; а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ.

У.
О Р Ш С Я,
И Д М Л І Я.

О Р І С Я .

I.

Співáють у пісні, що нема найкращого на вроду, якъ яснáя зоря въ погóду. Отъ же, хто бáчивъ дочкú покóйного сóтника Тáволги, той би сказáвъ, мóже, що вона крáща й надъ яснóю зóрю въ погóду, крáща й надъ пóвний мiсяць середъ нóчi, крáща й надъ самé сонце, що звеселяе й рiбу въ мóри, и звiря въ дубрóви, и мáкъ у горóди.

Мóже й грiхъ такé казáти: де такi видано, щобъ дiвчá було крáще одъ святóго сoнця й мiсяця? Да вже, мáбутъ, такъ насъ грiшнихъ мáти на свiтъ породiла, що якъ споглянешъ на дiвóцьку вроду, то здáстця тобі, що вже нi на землi, нi на нéбi нема ничóго крáщого.

Гáрна, дóже була гáрна сотникiвна! знáли ii по всiй Украiнi; бо въ насъ на Украiнi, скóро було въ кóго вiросте дочкá хороша, то вже й знáють усюди. Було чи трéба комú зъ молодóго козáцтва, чи не трéба чогó у Вийтовцi, iде за сто верстъ, абi тiльки побáчить, що тамъ за дочкá въ сóтника Тáволги, що тамъ за Орiся, що всюди про неi мовъ у трúби трúблять! Да не багáто сь тóго вихóдило корiсти. 'Якось не було козáцтву прiступу до неi зъ залицáвнемъ. Чи бáтько бувъ дóже гóрдий, чи дочкá дóже пiшвна, тогó не знáю; а знáю, що було вёрнетця iнший кру-

тїусь изъ Вїйтовець да й ходить, мовь неприка́янный. Спитáе ёго про Орїсю товаришъ...

»Шкодá«, ка́же, »брате, на́шого повабу й залиця́ння! Не для на́сь зацвіла́ ся квітка! Мо́же, хто й застро́мить її собі за висо́ку ша́пку, тї́лько той бу́де не зъ на́шого де́сятка.«

А товаришъ похита́е мо́вчки голово́ю, да й поду́мае: »Отъ же занапастїла козака́!«

II.

А Орїся бу́ла вже не дитїна, ві́рівнялась и ві́кохалась, якъ бі́ла топо́ля въ лева́ді. Подївїтця бу́ло на її старї́й со́тникъ, подївїтця на її пи́шній зростъ и хоро́шу врѣду, пора́дуецця ба́тьківськимъ се́рцемъ, що дождáвъ на ста́рість собі тако́ї дочкї, а ча́сомъ и посуму́е: »Доспі́ла еси́, мо́я ясочко, якъ по́вний ко́лосъ на нїві́! Да чи знáтиме же́нчикъ, яку́ благода́ть бере́ собі одъ Го́спода ми́лосе́рдного? Естъ багáто люде́й, и статѣ́чнихъ, и знáчнихъ, що за́лицяютьця на те́бе, да не хотї́лось би ми́ні оддава́ть тебѣ́ въ рѹки сї́вому дї́дові: звя́лять тебѣ́ ревнѹ́ючи, якъ ві́теръ бї́лину въ по́лі. Ой, не хотї́лось би оддава́ть тебѣ́ й за мо́лодо́го шибáй-го́лову, що не поживѣ́ довго безъ сте́пу да ко́ня, поля́же въ по́лі буйно́ю голо́вою, а тебѣ́ зоста́вить горюва́ть зъ дї́тонька́ми!«

Такъ собі дѹ́маючи да гада́ючи, старї́й Та́волга ча́сомъ тѹ́жко, тѹ́жко засуму́е, ажъ слѣ́за покѣ́титця ё́му зъ о́ка.

А Орїся росла́ собі якъ та кві́тка въ горо́ді. Пѹ́вна да хоро́ша на видѹ́, ма́яла то сямъ, то тамъ по господа́ді въ старо́го со́тника, похожа́ла якъ по ме́дѹ бжї́лка и всю́ господа́ду звеселя́ла.

III.

Приснї́вся разъ Орїсі́ предї́вний со́нъ. Здало́сь, пришла́ до не́ї съ то́го свѣ́ту поко́йна панї́матка, ста́ла, надъ не́ю въ голо-

вахъ, да й каже: »Дитино моя, Орисяю! не довго вже тобі дивувати: що день благаю Господа милосердного, щобъ пославъ тобі вірну дружину.«

Встала Орися ні смутна, ні весела, идє до панотця въ світлицю, зачервонилась, якъ та квіточка, да й каже: »Паноченьку! позоліли мої дівчата платте. Нехай запряжуть намъ коней; поїдемо ми до Трубайла, підъ Турову Кручу: тамъ вода, чиста, якъ-скло, ріне по каміннямъ.«

А панотєць речє: »Чогò жъ тобі, Орисяю, такъ далєко їздити?«

»Хибá жъ то вже, паноченьку, й далєко?... на півъ-години ходи; да тудí жъ усє їхати лугомъ да левадами, що й не счєсєся, якъ вода заблищить и зашумить підъ горою.

А панотєць: »О, я вже знаю, що абí чогò забажала, то вмієшь вñпросить. Поклічъ же минí старòго Гриву!«

Поскóчила Орися до дверей, не довго шукала Гриви, заразъ привєла єгò передъ панотця.

А той Грива бувъ старий, дідизний чоловікъ. Знавъ вінъ пана сòтника ще змáлечку; вñпєстивъ єгò на рукахъ; вñвчивъ и на коні їздить. Потімъ виходивъ зъ сòтникомъ у походахъ лєдвè не всю Польщу, бувъ зъ нимъ и въ Кримѹ, бувъ и на Чорному морі; да вже на старість не схотівъ би й панства, абí тїлько при єму дожити віку. Старий ужє бувъ дуже дідуганъ той Грива; брови на очи єму повасóувались, и борода сива, до пояса.

Увійшовъ у світлицю, вклонився пану сòтнику, да й каже: »Добрїдень, добрòдію!«

А сòтникъ єму: »Здорòвъ, добрòдію!« Бо вони одинъ одного звїкли добрòдіями величати.

»Запряжи!«, каже, »добрòдію, пару коней, вїзьми хочъ той вїзъ, що було сухарі въ поході вóзимъ, да повезі нашихъ працòкъ до Трубайла.«

А той єму: »Дòбре, добрòдію, запряжємò. Чому не запрягтї?«

И отò заразъ идє, берє двохъ хлòпцівъ, викóчує зъ-підъ повітки вїзъ, довгий и ширòкий, дòбре єму знакомий, що не разъ

у лихій годіні, засівши за ёго, одбивавсь одъ Ляхівъ, або одъ Татарві, не разъ принявъ черезъ ёго й нїжди не мало, часомъ якъ трапитця було утікати изъ нимъ по корчахъ, по болотахъ, по багнахъ, щобъ вїхопитця мановцёмъ изъ залюги. Викочуе старій Грїва той вїзъ теперъ на иншю потребу; запрягае пару коней, що вже літа погасїли давнѡ въ нихъ той огонь, що кшїть у сѣрці, паше зъ очей и зъ нїздеръ, и кїдае коня сюдї й тудї, на страхъ жїнкамъ и дітямъ, а доброму козакові на втїху. Смирнїи теперъ тїи два біліи конїки ходїли підъ рукою сївого Грїви, що вже давнѡ одвїкъ одъ козацького гѣрця.

Отъ же дївчата Орїсини несуть сорочки, шїтїи рушнїки, настїлнїки и всяке добрѡ; наклали повенъ вїзъ, и самї посїдали: усї въ стѣнжкахъ да въ квіткахъ, — Орїся помїжъ ними, — и якъ макъ у городї всї квіткї закрашае, такъ вона сидїла помїжъ своїми дївчатами. Сївий Грїва сївъ спѣреду; хлопцїята кїнулись одчинїть ворѡта. Вїглянувъ у вїкнѡ панъ сѡтникъ:

»Не барїся жъ тамъ, Орїсю!«

А вона: »Нї, панѡченьку!«

Лїаснувъ погѡничъ пїугою; конї заржали, почўвши лугову пашу; потїюпали и зникли зъ очей и зъ вѡзомъ, и зъ погѡничемъ, и зъ дївчатами.

IV.

Отъ ужѣ й лўгъ передъ ними. И сюдї зѣлено, и тудї зѣлено. Було бо се саме на веснї, якъ ще трава, свїжа да молодá, тїлько що вкрїе зѣмлю. Скїлько въ-горї сїнѣго нѣба, стїлько въ-низї зѣленого лўгу. И такъ якъ яснá зоря въ-ночі покѡтитця, палаючи по нѣбу, такъ тая Орїся проїжжала ширѡкимъ лўгомъ зъ своїми дївчатами.

Ажъ ось — шумїть, реве Трубайло за левáдами. Якъ розступитця дѣрево, а сѡнце якъ заблїщїть саме въ тїмъ мїсці, де

водá рине черезъ каміння, то ти бѣ сказавъ, що то не водá, а самé чисте склó, самій дорогий криштáль рине зъ горі и бѣётця на дрібніі склянки обѣ каміння.

Надъ річкою Трубайломъ стоить висока круча. Вся обросла кучерявимъ вязомъ, а коріння повисло надъ самою річкою. Дікий хміль почіплявъ за те коріння и колишетця кудлатими жмўтками. А въ-низў водá рине, да рине! Опѣ жъ тáя й Тўрова Круча.

Дивлятця на неї дівчата, да й питаютьця въ старóго Грива, чо-го вонá прозвáлася Тўровою?

»Нá що вамъ знáть?« каже Грива.

»Ажѣжъ ти нá щось знáєшь? Такъ и намъ скажи!«

»Ой, мої голубьята! Сказавъ би вамъ, да тілько бильшь не поїдете сюди на річку.«

»Щó жъ тамъ такé? Скажи бо такі намъ, дідусю!«

Якъ узялі просить, не видержавъ старій, сівъ на камені надъ річкою, да й почавъ глаголати:

»Колись-то давнó, ищѣ до Татарського лихоліття, правивъ Перейславомъ якийсь князь. Да й бувъ собі той князь стрілець такий, що абі зўздривъ на око, то вже й ёго; и кохавъ вінъ у полѣванні. Отó жъ разъ поїхавъ той князь на полѣванні, да й одбивъ у пўщі одъ своєї челяді. Іде да іде пўщею, коли жъ дивитця, ажъ на лóщині пасѣтця стадо тўрівъ.«

»А щó жъ то, дідусю, за тўри?« спитáлася Орися.

»То, моя кришко, були дікі бики зъ золотими рогами; тепѣрь ужѣ ихъ нигдѣ не зўдришь. Бачить князь тихъ тўрівъ; тілько не дивѣетця на ихъ золотіі роги, а дивѣетця, що при нихъ стоить дівчина, така, що усю пўщу красою освітила. Поскочивъ вінъ до неї; а одъ неї такъ сѣе, що й приступить не мóжна. Забўвъ князь и про свою челядь, и про те, що заблудивъ у пўщі: вхопила ёго за сѣрце тáя чудóвная красá.

»Дівчино!« речѣ, »будь моєю жонóю!« А вонá речѣ: »Тоді я бѣду тобі жонóю, якъ Трубайло назáдъ вѣрнетця.« А князь їй знову: »Якъ не згóдися на моѣ прохáння, то я твої тўри постреляю.« — »Якъ постреляєшь мої тўри, то вже бильшь вичóго

не стрелятимешъ.» Розсърдився князь, взявъ лукъ съ плеча и почавъ стрілять золоторогіи тѹри. Сунѹлись тії тѹри въ пѹщу, такъ и виваляли дѣрево; а князь за ними знай пускае стрілку за стрілкою. Прибїгли надъ Трубаїло... а Трубаїло тоді бувъ не такій узєнькій якъ тепєрь, — прибїгли надъ високу крѹчу и всї шубовсть у воду! да й нї одїнь не перепливъ, усї каменемъ лягли по дну, ажъ рїчку загатїли. Сплеснула тоді дївчина рукамі: »Потопївъ есі моїхъ золоторогїхъ тѹрївъ, блукаї же тепєрь по пѹщі по всї вічніи рѹки!«... Отъ же й блукае, кажутъ, той князь до сєго часу по пѹщі, и нїякъ не знаїде свогѹ Переяслава. А Переяславъ бувъ ужє и въ Татарськихъ рукахъ, бувъ и въ Лядськихъ, — чоґѹ вже не було зъ тимъ Переяславомъ? а вінъ не знаїде єґѹ, та й не знаїде. А дївчининї тѹри лежатъ и досї каміннями въ водї, и отъ прислѹхайсь: то не вода реве, а ревѹть тѹри глухо зъ-пїдъ водї. Отъ же, кажутъ, буде такє время, що князь приїде на Тѹрову Крѹчу, повстають тѹри и пїйдуть шукати собї дїкихъ пѹщъ по Вкраїні.

V.

Слѹхають дївчата, да ажъ сѹмно їмъ ста̀ло; слѹхає Оріся, да вже боїтця й глянуть на каміння, що простяглось кѹпою черезъ рїчку. Вже їй здаєтця, що то справдї не каміння; и вода шумїть якось не такъ, якъ вода...

Засмутївъ зовсїмъ дївчатъ старїй Грїва. Не знають ужє, чи прать би то їмъ, чи додѹму вбїратись; сѹромъ тїлько старѹго Грїви; поглядае бо на нихъ, да тїлько всмїхаєтця. То було люблять прать на самїй бистринї, положївши кладку съ ка́мня на ка́мїнь; а тепєрь одїйшли дальше одъ крѹчи, де вода ще не дїйшла до каміння и пливє тїха да чїста, хочъ вигляньсь якъ у зєркало. И, справдї мовъ у зєркалі, вїдно въ водї и нєбо, и крѹчу съ тїми кудлатїми корїннями, що переплѹтались изъ хмєлемъ, и кучеря-

віні в'язі, що повибігали на самій край і попростягали зелені лапи надъ річкою.

Дівитця Оріся въ воду, ажъ у воді на кручі щось зачервоніло; хтось ніби віхавъ изъ пущи на сівому коні и стоить поміжъ в'язами. Боїтця глянуть у-гору, щобъ справді не було тамъ когось; боїтця глянуть и на каміння: вже їй здається, що ось, ось заревуть и сунуться зъ річки зачаровані тури. Смикнула за рукавъ одну дівчину и показала въ воду: дівлятця дівчата, ажъ на Туровій Кручі князь на сівому коні. Такъ и обомліли. Бо хто жъ би сказавъ, що то й не князь? Увесь у кармазині, а зъ пояса золото ажъ капає.

Не мало жъ, видно, здивовавъ и козакъ: стоить на коні нерухомий. Бо хто жъ би й не здивовавъ, опинившись надъ такою кручею? У-низу ріне вода черезъ камінне, а надъ водою сидить нерухомо сівий дідъ на камені, а тамъ стоять нерухомі дівчата, зъ працями, зъ мокрими полотнищами въ рукахъ. Чи дівчата, чи, може, русалки повиходили прать сорочки підводному цареві, що живе въ кристалевому будинку підъ водою. Опіе жъ, мабуть, и самъ вінъ вийшовъ зъ воді погріть старії кісті на сонці. Ще разъ погляне козакъ на сівого діда, ще разъ погляне на дівчатъ: позасукували по локоть рукава, пошідтикали плахті й мерезані заполоччу подоли... Золото не сіє такъ на дорогіхъ перстняхъ, якъ сіють у воді й надъ водою їхъ білі нѳги. Задививсь козакъ, и собі стоить нерухомо; коли жъ гукне на його старій Грива: »Гей, гей! козаче! Чого се тебе занесло на кручу? Хибá хочешъ пополоскать свої кармазини въ Трубайлі?»

И скоро промовивъ, — заразъ наче розбивъ які чарі. Засоромились дівчата и давай бовтать полотнищами.

А козакъ одвітує дідові: »Да й за те слава Бѳгу, що хоть на кручу вибрався. Скажи, будь ласкавъ, дідусю, якъ мині вихатъ икъ Війтовцямъ?»

»А чого тобі треба въ Війтовцяхъ?»

»Черезъ Війтовці«, каже, »лежить моя дорога.«

»А куди жъ лежить твоя дорога?»

»Моя дорóга — до чвёгось порога, моя стéжечка — до чвёгось сёрдечка.«

»Эге«, ка́же старий Грива: — »неха́й же тобі Господь у до́брому ділі помага́е! Отъ же куди тобі ви́хати. Берись у-ни́зь, понадь берегомъ; то тамъ трóхи низче бу́де тобі доріжка; ти́єю доріжкою ви́дешть ти на річку. Есть черезъ річку й кладочка; вóзомъ не проїдешть, а конёмъ до́брий коза́къ перехопитця.

Подякувавъ коза́къ за пора́ду, поверну́въ коня и схова́вся по-за дере́вомъ.

Якъ схова́вся, тоді-то вже розгуля́лись на́ші дівча́та: росписа́ли козака́ якъ на папе́рі: які й очи, які й брови, якъ и говори́ть, якъ и всмиха́етця. Та ка́же: »Се твій сўжений!« а та: »Се твій.« А одна додала́: »Не змага́йтесь дурно, дівча́та: чи рівня жь такі вамъ пи́шний князь! Се на́шої панночці сўжений!

Почервони́ла Орі́ся. »Збожево́ліла«, ка́же, »ти, Параско! Хиба́ не чу́ла, що́ вінъ сказа́въ ді́дові?«

И жаль їй бу́ло, сама́ не зна́е чо́мъ, що́ вінъ іде́ свата́тьця. Мя́кше одъ во́ску дівоче́ сёрце. Та́ке воно́ одъ коза́цькихъ очей, якъ одъ со́нця....

»Що жь«, ка́же Параска, »що́ іде́ свата́тьця! Сўжено́ї й конёмъ не об́їдешть!«

VI.

Попра́ли дівча́та сорочкы, зложи́ли на ві́зь, зеле́ною пахучо́ю траво́ю прикри́ли, посі́дали й пої́хали додо́му, сві́кі да веселі́; щибéчуть якъ ластівкы. И́ще далéко не дої́хавъ ві́зь до со́тницького двора́, а въ двори́ вже чу́тно бу́ло, що́ верта́ютця.

»Орі́сю, на́ша панночкó!« кри́кнули дівча́та, скóро росчинили́сь ворóта. »Чий же то́ сівий кінъ у двори́ стої́ть? Се жь то́го коза́ка, що́ ми ба́чили, се жь тво́го кня́зя, се жь тво́го сўжено́го!«

Гляне Орися, а въ серці наче жаромъ запекло. Чи вона злякалась, чи вона зраділа, сама того не знала.

Виглянувъ у вікно изъ світлиці молодій козакъ: іде въ двіръ визъ старими кінями, изъ старимъ сивимъ погоничемъ; зелена трава волочетця по бокахъ и бьетця по колесахъ; а изъ-за сівої бороди старого Гриви, изъ-за білої зими, червоні літо — повенъ визъ дівчаты у квіткахъ да въ намісті, — Орися якъ сонце поміжъ ними! Виглянувъ, да ажъ руками сплеснувъ: »Се жъ вона, се жъ вона!« И ото вже тоді почавъ на прямоту викладувать свою мову пану сотникові, и хто вінъ такий, и чого прихавъ. Хто жъ вінъ такий, то се вже панъ сотникъ знавъ давнѸ: Миргородський осауленко, отаманъ у своїй сотні, хоршого й багатого роду дитина. А чого прихавъ? прихавъ подивитця, що тамъ за Орися така, що тамъ за дочка въ сотника Таволги на всю Гетьманщину; а побачивши та й себе показавши, довідатьця, чи вже надбала шитихъ рушниківъ у скриню... Про що журивсь, чого бажавъ панъ сотникъ, те йому якъ изъ неба впало. Не довго думавши, позвавъ Орисю. Ввійшла въ світлицю, червона, якъ калина.

»Отъ, Орисю, тобі женихъ! Чи любъ вінъ тобі, чи може підождешъ кращого?«

Хоть-би тобі слово промовила, хоть-би тобі очима зглянула. Стоїть, сердешненька, и голівку схилила.

Бачить панотецъ, що не дождетця одъ неї одвіту, — бо де жъ такий, щобъ дівчина сказала, що въ її на мислі. Очиді хибá скажуть, а сама ні. Пораховавъ се панотецъ, да й каже: »Де вже такий козакъ да любъ не буде! Обнімітця жъ да поцілуйтесъ, да й Бже васъ благослові!«

Обнявъ козакъ Орисю, поцілувавъ у тії губоньки, що наче зъ самого меду зліплени, и вклонились обоє низько, до самого долу, панотцеві.

Чи багато жъ наїхало дружини на весілля, чи бучно одбулі гостей, чи довго гуляли, се вже не наше діло розказувати.

Бачивъ я Орисю саме передъ весіллямъ; хороща була, якъ квіточка. Бачивъ я зновъ її черезъ рікъ у Миргороді, — ще ста-

ла краща замужемъ, и дитина въ неї, якъ Бóжа зірочка. Вже я не разъ думавъ собі, на неї дівлячись: »Се Бóжа слава, а не молодиця! Щò, якъ-би́ хто дотéпний змалёвавъ її такъ, якъ вона єсть, изъ малёньюкою дитинкою на рукахъ! Щобъ то за картина була!«

П. Кулішъ.

Пісано 1844, сентябрь 7,
у Ходоркові, въ Свідзінського,
прочитавши шесту пісню Одиссеї.

VI.

МАЛОРОССИЙСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

положенные на ноты для пѣнія и фортепьяно

Андрѣемъ Маркевичемъ.

Тетрадь первая.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Издавая нѣсколько голосовъ Малороссійскихъ народныхъ пѣсень, я старался выразить ихъ возможно точнѣе, безъ всякихъ прикрасъ и измѣненій. Акомпаниментъ прибранъ мною соотвѣтственно тому, какъ я понималъ своеобразный характеръ Украинской мелодіи, а не на основаніи общихъ правилъ ученой музыки. Изъ этихъ немногихъ голосовъ увидить каждый, что Малороссійская пѣсня представляетъ нѣчто самостоятельное въ области музыки, что она часто противорѣчитъ общепринятымъ законамъ гармоніи, но, нарушая ихъ, даетъ намъ какіе-то новые законы, которые будутъ опредѣлены искусствомъ, когда приведется въ извѣстность богатый запасъ народныхъ мотивовъ.

При исполненіи Малороссійскихъ пѣсень, должно помнить, что въ пѣсняхъ, оканчивающихся двумя одинаковыми нотами (какъ, напримѣръ, въ пѣснѣ: *И се село, и то село*), послѣдняя нота выговаривается почти шопотомъ и коротко, а предпоследняя тянется долѣе. То же самое встрѣчается иногда и въ среднихъ пѣсняхъ (напримѣръ, въ пѣснѣ: *А въ липині та въ осіччині*).

Андрей Маркевичъ.

Не швидко.

№ 1.

1^й разъ: Ой вий-ду я на шпи-де - - чокъ
2^й разъ: Да гля-ну я на до-ли - - ну:

1^й р. До-ли-на гли-бо-ка, ка - - ли-на ви-
2^й р. А вѣ ти - і дів-чи-ни, а вѣ ти - і мо-ло-

со-ка, Ажъ до до-лу ві-ти гнут - - ця.
до - і Ажъ на зем-лю слѣ-зи лют - - ця.

Не швидко.

№ 2.

Ой по-ма-гай Бі-гь, Да ти, не-су-

The first system of the musical score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is written in a treble clef with a key signature of two flats (B-flat and E-flat) and a 3/4 time signature. It begins with a quarter note G4, followed by a dotted quarter note A4, an eighth note B4, a quarter note C5, a quarter note B4, a quarter note A4, a quarter note G4, and a quarter note F4. The piano accompaniment is written in a grand staff (treble and bass clefs) with the same key signature and time signature. The right hand plays chords, and the left hand plays a simple bass line.

же-ний дру-же! Да здо-ро-ва, сер-

The second system of the musical score continues the vocal line and piano accompaniment. The vocal line starts with a quarter note E4, followed by a quarter note D4, a quarter note C4, a quarter note B3, a quarter note A3, a quarter note G3, a quarter note F3, and a quarter note E3. The piano accompaniment continues with chords and a bass line.

день-ко! То-жъ лю-би-ли-ся ду-же!

The third system of the musical score concludes the vocal line and piano accompaniment. The vocal line starts with a quarter note D4, followed by a quarter note C4, a quarter note B3, a quarter note A3, a quarter note G3, a quarter note F3, a quarter note E3, and a quarter note D3. The piano accompaniment continues with chords and a bass line.

Не швидко.

№ 3.

Музична партитура першого системного з'язку. Вона складається з двох рядків: верхнього для вокалу та нижнього для фортепіано. Вокальний рядок починається з нотного знаку G4, а фортепіано — з акорду G4-B4-D5. Темп позначено як «Не швидко».

Чи се жъ та - я да ді - вчи -

Музична партитура другого системного з'язку. Вокальний рядок продовжує мелодію з нотного знаку A4, а фортепіано підтримує ритмічний рисунок. Темп залишається «Не швидко».

нонь-ка жи - - ве, Що хо - - - ро-ші

Музична партитура третього системного з'язку. Вокальний рядок завершує фразу з нотного знаку G4, а фортепіано підтримує ритмічний рисунок. Темп залишається «Не швидко».

да ши - ри - - - ноч-ки ші - - - е?

№ 4. Не швидко.

Ой пій - - ду я, пі - - й - ду не бе -

The first system of the musical score consists of two staves. The top staff is a vocal line in a treble clef with a key signature of two flats and a 4/4 time signature. It begins with a melodic phrase: "Ой пій - - ду я, пі - - й - ду не бе -". The bottom staff is a piano accompaniment in a grand staff (treble and bass clefs), providing harmonic support with chords and a simple bass line.

ре - го - нь, ду - го - нь, Чи не зо стрі -

The second system continues the musical piece. The vocal line (top staff) continues with the lyrics "ре - го - нь, ду - го - нь, Чи не зо стрі -". The piano accompaniment (bottom staff) continues with harmonic accompaniment, including some sustained chords in the right hand and a steady bass line.

ну - - - ся зъ не - су - же - - ни - нь друго - нь.

The third system concludes the piece. The vocal line (top staff) ends with the lyrics "ну - - - ся зъ не - су - же - - ни - нь друго - нь.". The piano accompaniment (bottom staff) concludes with a final chord in the right hand and a sustained bass note.

Не швидко.

№ 5.

Ой мі - ся - цю, мі - ся - чень - ку!

..g

Не сві - ти ні - ко - му, Тіль - ко мой - му

чи - лень - ко - му, Якъ и - де до - до - му.

№ 6. Не дуже швидко.

И се се-ло, и то се-ло:

The first system of the musical score consists of a vocal line on a single treble clef staff and a piano accompaniment on two staves (treble and bass clefs). The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 2/4. The tempo marking is 'Не дуже швидко.' (Not too fast). The lyrics are 'И се се-ло, и то се-ло:'. The vocal line begins with a whole note rest, followed by a series of eighth and quarter notes. The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line and chords in the right hand.

Трохи швидко.

Чо-мусь ми-ні не ве- - се-ло! Ой тамъ

The second system continues the musical score. The tempo marking is 'Трохи швидко.' (A little fast). The lyrics are 'Чо-мусь ми-ні не ве- - се-ло! Ой тамъ'. The vocal line starts with a quarter note, followed by eighth and quarter notes. The piano accompaniment continues with similar rhythmic patterns.

ми-ні ве-се-лень-ко, Де мо - е сер-день-ко.

The third system concludes the musical score. The lyrics are 'ми-ні ве-се-лень-ко, Де мо - е сер-день-ко.'. The vocal line ends with a quarter note and a fermata. The piano accompaniment also concludes with a final chord and a fermata.

Швидко.

№ 7.

А вже ве - сна, а вже

кра - сна, Изъ стріхъ во - да кап - ле,

А изъ стріхъ во - да кап - - ле.

Щедрівка. Не дуже швидко.

№ 8.

Ой сівъ Хри-стосъ та ве-че - - ря - ти,

Ще - рий ве - чіръ, Доб - рий ве - чіръ!

Тихенько.

№ 9.

Чи я вь-лу-зі не ка-ли - на була?

Голоснійше.

Музична партитура першого системного зразка. Верхня частина містить вокальну лінію з нотами та ліричними знаками під ними. Нижня частина містить фортепіанне супроводження з нотами на двох ступенях (альт і бас).

Чи я вь лу - зі не чер - во - - на бу - ла?

Музична партитура другого системного зразка. Верхня частина містить вокальну лінію з нотами та ліричними знаками під ними. Нижня частина містить фортепіанне супроводження з нотами на двох ступенях (альт і бас).

Взя - ли ме - не, по - ла - ма - ли И вь пу - чеч - ки

Музична партитура третього системного зразка. Верхня частина містить вокальну лінію з нотами та ліричними знаками під ними. Нижня частина містить фортепіанне супроводження з нотами на двох ступенях (альт і бас).

по - вя - за - ли: Та - ка до - - ля мо - я!

№ 10. Не дуже швидко.

Хо-дять со-ро-ка ко-ло по-то-ка Тай

кря - че, тай кря - че, Тай кря-че, сер-день-ко, Тай

кря-че, ри-бонь-ко, Тай кря - че, тай кря - че.

№ 11. Не дуже швидко.

Ой Мо-ро-зе та Мо-ро-зенко, Ой ти славний ко-

The first system of the musical score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is written in a treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 4/4 time signature. It begins with a melodic phrase: G4-A4-B4-A4-G4, followed by a series of eighth notes: F#4-G4-A4-B4-A4-G4, and ends with a quarter note G4. The piano accompaniment is written in a grand staff (treble and bass clefs) with the same key signature and time signature. It features a steady bass line of quarter notes: G3, F#3, E3, D3, and a treble part with chords and some melodic movement.

за - - че! О - ой за то - бо - - - ю, та Мо-

The second system continues the vocal line and piano accompaniment. The vocal line starts with a melodic phrase: G4-A4-B4-A4-G4, followed by a series of eighth notes: F#4-G4-A4-B4-A4-G4, and ends with a quarter note G4. The piano accompaniment continues with the same bass line and treble part.

ро - - зенко, У-са У-кра - ї-на пла - че!

The third system concludes the vocal line and piano accompaniment. The vocal line starts with a melodic phrase: G4-A4-B4-A4-G4, followed by a series of eighth notes: F#4-G4-A4-B4-A4-G4, and ends with a quarter note G4. The piano accompaniment continues with the same bass line and treble part.

Швиденько.

№ 12.

Ле - да - ча не - віст - ка, ле - да - - ча,

Тай до ро - бо - - ти не вда - ча.

Не швидко.

№ 13.

Ой и - зій - ди, зій - - ди, Ти, зі - ронько

та ве-чір - ня - я! О - й ви - йди, ви - - йди,

Дівчи-нонько мо-я вір - - на - я! О - й ви - йди,

ви - - йди, Дівчи.нонько мо-я вір - - на - я!

№ 14. Не швидко.

Въ чи-стімъ по-лі кри-ни-че- - нь-ка

The first system of the musical score consists of two staves. The top staff is a vocal line in treble clef with a key signature of one flat (B-flat) and a 3/4 time signature. It contains two measures of music. The bottom staff is a piano accompaniment in grand staff (treble and bass clefs) with the same key signature and time signature. It contains two measures of music, primarily consisting of chords and a simple bass line.

На чо-ти-ри зво- - ди; Лю-бивъ козакъ дівчи-

The second system of the musical score consists of two staves. The top staff is a vocal line in treble clef with a key signature of one flat and a 3/4 time signature. It contains two measures of music. The bottom staff is a piano accompaniment in grand staff with the same key signature and time signature. It contains two measures of music, primarily consisting of chords and a simple bass line.

но- - нь-ку Не чо-ти-ри го- - - ди.

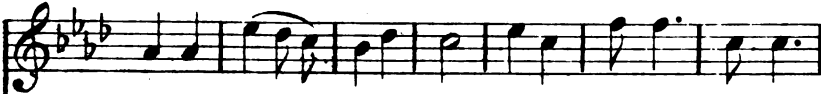
The third system of the musical score consists of two staves. The top staff is a vocal line in treble clef with a key signature of one flat and a 3/4 time signature. It contains two measures of music. The bottom staff is a piano accompaniment in grand staff with the same key signature and time signature. It contains two measures of music, primarily consisting of chords and a simple bass line.

Швиденько.

№ 15.

Скажи, скажи, сер - це, прав - - ду, Не хай

же я бу - ду зна - ти, Чи зь ве - ли - ко - ю

ми - ні ра - - до - стю А до те - бе при - бу - ва - ти!

Не швидко.

№ 16.

А вьли-пи - ні та вь о - сі - чи -

ні, а вьли - пи - ні та вь о - сі - - чи -

ні, Тамъ ста - ро - ста да тра - ву ко - сить.

Не дуже швидко.

№ 17.

1^й р. Да вже третій вечір, якъ я ді - вчи-ну
2^й р. Хо-жу коло ха-ти, і - і не ви-

бачивъ. 1^й р. Ви - йди, ви-йди, дів-чи - но!
да-ти 2^й р. Ви - йди, ви-йди, сер-де - ня!

По-радь мо - е се - рце, риб-чи - но!
Дів-чи-нонь-ко ми - ла ти мо - я!

Швиденько.

№ 18.

Ой по-гу-би - - ла гор-ли-ця ді-

The first system of the musical score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is written in a treble clef with a key signature of two flats and a 2/4 time signature. It begins with a quarter note G4, followed by a quarter note A4, and then a triplet of eighth notes (B4, C5, B4). The piano accompaniment is written in a grand staff (treble and bass clefs) and features a steady bass line with chords in the right hand.

тей, Обь до-рі жень-ку бьет - - ця:

The second system continues the vocal line and piano accompaniment. The vocal line features a triplet of eighth notes (B4, C5, B4) and a quarter note G4. The piano accompaniment continues with chords and a bass line.

Зна-ти ко-за-ка, пре-вра-жо-го си-на,

The third system concludes the piece. The vocal line ends with a quarter note G4 and a half note A4. The piano accompaniment concludes with a final chord and a bass line.

Що з'я́вів - ти - ви смі - - - ст - ця.

The first piece consists of a vocal line and piano accompaniment. The vocal line is written in a single staff with a treble clef and a key signature of two flats (B-flat and E-flat). The piano accompaniment is written in two staves (treble and bass clefs) with the same key signature. The lyrics are: "Що з'я́вів - ти - ви смі - - - ст - ця."

№ 19. *Не швидко.*

Да не бу - де луч - че, Да не бу - де

Piece № 19 is marked "№ 19. Не швидко." (Not quickly). It features a vocal line and piano accompaniment. The vocal line is in a single staff with a treble clef and a key signature of two flats. The piano accompaniment is in two staves with the same key signature. The lyrics are: "Да не бу - де луч - че, Да не бу - де".

кра - ще, Якъ у насъ да на У - кра - і - ні!

The second piece continues the vocal line and piano accompaniment from the previous block. The vocal line is in a single staff with a treble clef and a key signature of two flats. The piano accompaniment is in two staves with the same key signature. The lyrics are: "кра - ще, Якъ у насъ да на У - кра - і - ні!".

№ 20. Не швидко.

Ой ви-ду я за во-ро-та, Не бе-ре ме-

не о-хо- - та: Десь у мо - - го ми-лень-

ко - - го Да не - гай - на ро-бо - - та.

Не швидко.

№ 21.

Не ди-вуй-те-ся, доб-ри-і лю-де,

Усі акорди треба брать якь на бандурі або на гитарі.

Що на Укра-ї-ні повста-ло: Ой за Да-ше-вомь

під Со-ро-ко-ю Множе-ство Ля-хів про-па-ло.

Не швидко.

№ 22.

По садочку по - хо - жа - ю, Са - ма

се - бе роз - ва - жа - ю; Ко - го лю - блю - тай не - ма - є!

Не швидко.

№ 23.

Ой не гараздъ, Запорозці, Не гараздъ вчи - ли,

Степь широкий, край ве-се-лий Тай за-на - - па-сти-ли

The first piece consists of a vocal line in a single staff and a piano accompaniment in two staves. The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 4/4. The vocal line begins with a treble clef and contains the lyrics "Степь широкий, край ве-се-лий Тай за-на - - па-сти-ли". The piano accompaniment starts with a grand staff (treble and bass clefs) and features a series of chords and moving lines.

Не швидко.

№ 24.

Да ту-мань по-ле-нь, да ту-мань по - - ле-нь,

Piece № 24 is marked "№ 24." and "Не швидко." (Not quickly). It features a vocal line and piano accompaniment. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 4/4. The vocal line starts with a treble clef and contains the lyrics "Да ту-мань по-ле-нь, да ту-мань по - - ле-нь,". The piano accompaniment is in a grand staff.

Да ту-мань ту - ма-нит - ця, Да ту - мань ту- ма-нит-ця.

The second piece continues with a vocal line and piano accompaniment. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 4/4. The vocal line starts with a treble clef and contains the lyrics "Да ту-мань ту - ма-нит - ця, Да ту - мань ту- ма-нит-ця." The piano accompaniment is in a grand staff.

№ 25. Не дуже швидко.

Ой ишли на-ши слав-ні За-по-ро-з-ці

The first system of music consists of a vocal line on a treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff (treble and bass clefs). The key signature has one sharp (F#) and the time signature is common time (C). The vocal line begins with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, C5, D5, E5, F#5, G5, and A5. The piano accompaniment features a steady bass line and chords in the right hand.

Та понадь Бу-гомь рі - - ко - ю, Ой ши-ро-ко - ю

The second system continues the piece. The vocal line starts with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, C5, D5, E5, F#5, G5, and A5. The piano accompaniment continues with similar harmonic support.

та глм-бо-ко-ю, Ге - й та понадь ли-ма - - ма-ми.

The third system concludes the piece. The vocal line begins with a half note G4, followed by quarter notes A4, B4, C5, D5, E5, F#5, G5, and A5. The piano accompaniment provides the final harmonic resolution.

1.

Ой вийду я на шпилечокъ,
 Да гляну я на долину:
 Долина глибока, калина висока,
 Ажъ додолу віття гнѹтця.
 А въ ти дівчини, а въ ти молоді
 Ажъ на землю слѣзи ллѹтця.

Підъ тією калиною
 Стоить козакъ зъ дівчиною;
 Дівчинонька плаче, сильненько ридає.
 Свою долю проклинає:

»Колибъ же я да все знала
 И съ тобою не стояла...
 Гуляла бъ у батька, гуляла бъ до віку
 Дівчиною молодію!«

Ой зійду я на шпилечокъ,
 Да гляну я на світочокъ:
 Ой світе мій ясний, світе мій прекрасний!
 Який мій таланъ нещасний!

Охъ и жалю ти мій, жалю,
Охъ и жалю не по-малу!
Упустила долю, упустила щасте
Да уже й не пиймаю.

2.

Ой помагай Бігъ,
Да ти, несужений друже! —
»Да здорова, серденько!
То жь любілися дуже!«

Любілися, кохалися,
А матуся и не знала,
А тепера розійшлися,
Якъ чорненькая хмара.

Я жь тебе любила,
Въ вишневий садъ водила,
Ягідоньки првала,
Я жь тебе годувала.

Я жь тебе любила,
Білу постілоньку слала,
Одну ручку въ голівоньку,
А другою обіймала.

Лучче було колодяземъ,
Аніжъ теперь криницею:
Лучче було дівчиною,
Аніжъ теперь молодницею.

Пійте, люде, горілочку,
А я буду пити воду:

Тяжко жити на чужині
А безь мого рѳду!

3.

Чи се тая да дівчинонька живѳ,
Що хорѳші да шириночки шіѳе?

Шіѳе да шіѳе, да все шѳвкомъ вишиваѳе,
Для козакѳ, що вірнѳнько кохаѳе.

Пішла вона да до брѳду по вѳду,
Забѳчила да козакѳ на врѳду:

»Бліжче да бліжче ти, козаѳче, до мене,
Візьмі мене да й у чѳвенъ до сеѳе.«

Тілько дівчи́на да й у чѳвенъ уступіла,
Деся взяла́ся да изъ моря чѳрна філя.

Вѳрне да вѳрне всяку рибу изѳ дна,
Вівернула да дівчиноньку съ чѳвна.

»Рятуй, рятуй ти, козаѳченьку, мене,
Буде велика тобі плата одъ мене.«

»Ой не хѳчу я одъ теѳе плати брати,
Місля я й хѳчу за сеѳе теѳе взяти.«

4.

Ой пійду́ я, пійду́ не бѳрегомъ, лугомъ,
Чи не зострѳнуся зъ несуженимъ дрѳгомъ.

Здоровъ, здоровъ, луже, несужений друже!
»Здорова, дівчино! любілися дуже!«

Ой любілися жъ ми чотири годѣчки,
А не бачилися чотири неділі,

А не бачилися чотири неділі;
Якъ побачилися, разомъ заболіли.

Лежить козаченько въ зеленій дуброві,
Молода дівчина въ матусі въ коморі.

Ой по дівчиноньці дзвони задзвонили,
А по козакові вѣвченьки завили.

Ой по дівчиноньці отець-мати плаче.
А по козакові чѣрний вѣроньъ кряче

Ой викопай, мати, глибокую яму,
Та поховай, мати, сю славную пару.

Та й положи, мати, поручь головами,
Щобъ була розмова тихая міжъ нами!

5.

Ой місяцю, місяченьку!
Не світі нікому,
Тільки мойму миленькому,
Якъ идé додому.

Світі ёму въ дѣнь и въ ночі
И розганай мари,
А якъ прийде мій миленький,
То зайді за хмари.

Ой місяцю, місяченьку!
Зайді за комору, —

Нехай же я зь своїмъ мілимъ
Трѣшки поговорю.

Ой місяцю, місяченьку
И ти, зоре ясна!
Ой світить тамъ по подвір'ю,
Де дівчина краса!

Співajúть и такъ:

Стála слава, стála слава,
Стáli й поговори
Да на тую дівчиноньку,
Що чорнии брови.

Вийди, вийди, дівчинонько,
Підъ вербу густюю.
Нехай же я надивлюся,
На плахту дрібню!

Ой зацвіла маківочка,
Почала бриніти, —
Иде козакъ одъ дівчини,
Починає дніти.

Ой плахотка-дрібниченька,
По тросточці червцю, —
Біда жь мині молодому —
Прийшла туга къ сэрцю!

Два лебеди да на воді
И днює й ночує,
Ой будемо, сэрце, въ парі —
Душа моя чує.

Нехай тая туга-печаль
Пливє за водою;
Вийди, вийди, поговоримъ,
У-двохъ изъ тобю!

6.

Весілка.

И сє село, и то село:
Чомусь мині не вєсело!
Ой тамъ мині веселєнько,
Де моє сердєнько.

Я жь думала — чужий идє,
Та вже ма́ла заховатця,

Ажъ то моє серденятко
Иде ціловатьця.

Я жъ думала — чужий иде,
Та вже мала утікати,
Ажъ то моє серденятко
Мене ціловати.

7.

А вже весна, а вже красна,
Изъ стріхъ вода капле, з

Молодому козаченьку
Мандрівочка пахне. з

Помандровавъ козаченько
Зъ Лубенъ до Прилўки, з

Ой плакала дівчинонька,
Здіймаючи рўки. з

8.

Щедрівка.

Ой сівъ Христось та вечєрати,
Щєдрий вєчїръ!
Добрий вєчїръ!

Прийшла до Ёго та Божая Мати:
Щєдрий вєчїръ!
Добрий вєчїръ!

»Оддаї, Сїну, райські ключи —
Щедрий вѣчїрь!
Добрий вѣчїрь!

»Одвиннѹти рай и пекло,
Щедрий вѣчїрь!
Добрий вѣчїрь!

»Вїпустити грїшнїї дѹши;
Щедрий вѣчїрь!
Добрий вѣчїрь!

»Тїлько не вїпустить однїєї дѹшї:
Щедрий вѣчїрь!
Добрий вѣчїрь!

»Що отця й матїрь та налаяла, —
Щедрий вѣчїрь!
Добрий вѣчїрь!

»Не налаяла, а подѹмала.«
Щедрий вѣчїрь!
Добрий вѣчїрь!

9.

Чи я въ лѹзі не калина була?
Чи я въ лѹзі не червона була?
Взялі менѣ, поламали
И въ пучѣчки повязали:
Така дѣля моя!

Чи я въ батька не дитина була?
Чи я въ батька не кохана була?

Взялі мене, повінчали
И світ̄ міні завязали :
Така доля моя!

Чи не було річеньки утопитись міні?
Чи не було кращого полюбитись міні?
Були річки — позсихали ;
Були кращі — повмирали :
Така доля моя!

10.

Ходить сорока коло потока
Та й кряче, та й кряче, —
Та й кряче, сёрденько,
Та й кряче, рибонько,
Та й кряче.

Ходить Андрійко коло вікнця
Та й плаче, та й плаче, —
Та й плаче, сёрденько,
Та й плаче, рибонько,
Та й плаче.

»Вийди, Марусю, вийди, сёрденько,
Та й вийди, та й вийди, —
Та й вийди, сёрденько,
Та й вийди, рибонько,
Та й вийди!« —

»Свічечка горить, батенько не спить,
Не вийду, не вийду, —
Не вийду, сёрденько,
Не вийду, рибонько,
Не вийду.

«Свічечка згасне, батенько засне,
То й вийду, то й вийду, —
То й вийду, сёрденько,
То й вийду, рибонько,
То й вийду.»

11.

Ой Морозе да Морозенку,
Ой ти, сла́вний коза́че!
Ой за тобою, да Морозенку,
Уся Україна пла́че.

Не такъ тая та й Україна,
А якъ тее горде військо...
Ой заплакала да Морозиха,
Идучи вранці на місто.

«Не плачь, не плачь, да Морозихо,
Объ сирѹ зѣмлю не бийся;
Ой ходімъ зъ нами, зъ нами, козака́ми,
Да мѣду-вина́ напийся!» —

«Чомусь міні, да міле братте,
Да и медь-вино́ не пьѣтця:
Охъ и десь же мій синъ Морозенко
Да изъ Турчиномъ бьѣтця!»

12.

Ледача невістка, ледача
Та й до робо́ти не вда́ча!

Якъ при́хавъ миле́нький съ поля,
Стоїть миле́нька въ поро́га.

»Ой що жъ ти, миленька, такая,
Якъ водиченка мутна́я?« —

»Підожди, миленький, розкажү:
Я твоїй матусі не вгожү:

»Помію ніженьки у лүзі —
Вона пома́же въ калюжі;

»Помію ніженьки у мїлі —
Вона пома́же у глині.

»Помажу чобітки — не вбуе:
Вона до мене гордүе.

»Постелю постільку — не ляже,
Ще мойму сєрденьку дока́же:

»Ледача невістка, ледача,
»Та й до робіти не вдача,

»Не вмїє ділечка робіти,
»Минї старєнькій годити!«

13.

Ой изійди, зійди,
Ти, зіронько та вечірня!
Ой вийди, вийди,
Дівчинонько моя вірная!

Рада бъ зірка зійти, —
Чорна хмара та й наступає:
Рада бъ дівка вийти,
Такъ матүся ой не пускає.

Ой зірочка зійшла —
Усе поле та й освітіла :
А дівчина вийшла —
Козаченька та й звеселіла

»Ой ти, козаче,
Ти, хрещатий та барвіночку!
Хто жь тобі постеле
У доробі постілоньку?« —

»Ой стелетця міні
Широкій листь да бурковіна,
А підь голови
Голубая та жупанина.«

Ой що черезь межу,
Зелений горішокъ слався :
Козакъ до дівчини
Черезь люде та й поклонявся :

»Охъ и поклонітця,
Ой ви, добрії люде,
Нехай мой мильї
Тамъ легесенько буде!«

14.

Въ чістїмъ полі криниченька
На чотїри зводи;
Любївъ козакъ дівчиноньку
Не чотїри годї.

Любїлися, кохалися,
Та й не побралися,

Тільки наші вороженьки
Та й навтішалися.

Руту сію, руту сажу,
Руту поливаю:
Ой я тебе, козаченьку,
Що-дня споминаю.

Будь щасливий із тією,
Котору кохашь!
А надь мене вірнійшої
До віку не знайдешь.

15.

»Скажи, скажи, серце, правду,
Нехай же я буду знати,
Чи зь великою мині радостью
А до тебе прибувати?« —

»Прибуди, прибуди, мій миленький,
Ой я тобі рада буду:
Я жь безь тебе усю ніченьку
Якь сива голубка гуду.« —

»Ой десь же ти, моя міла,
Да изь шовку извіта,
Що ти мене да додержала
А до білого світа.« —

»Ой извіта, мій миленький, звіта
А изь білого біліла;
Тимь я тебе да додержала,
Що я вірно полюбила.

»Ой десь же ти, мій миленький,
У барвінку купався:
Булі луччі, булі кращні,
А ти мнї сподобався.

16.

Весільня.

А въ липиві да въ осічині,
Тамъ староста да траву косить,
А косючи да коню нбситъ:
»Ой їжъ, коню, да сюю траву,
Да поїдець у доріженьку,
Въ доріженьку да далєкую
По Варочку молодєнькую,
Въ доріженьку да ще й щасную
По Варочку да й прекрасную.«

17.

Да вже трєтій вєчїръ, якъ я дївчину бачивъ;
Хожу коло хати, — її не видати.

»Вийди, вийди, дївчино,
Порядь моє сєрце, рибчино!
Вийди, вийди, сердєня,
Дївчинонько мїла, ти моя!« —

»Не вийду, козаче, не вийду, соббю,
Не буду стояти сей вєчїръ съ тобю.
Ой рада бъ я стояти —
Не пускає мати изъ хати.

»Коло вїкна стою, дрїбні слєзи роню,
Дрїбні слєзи роню, слова не промбвлю.
Промовъ, сєрце, словєчко,
Якъ ми любїлися двобчко!

»Якъ ми любілися, якъ ми кохалися,
Слави-поговорю понабірالیся.

Була слава-поговорірь:

Ти жъ не мой, сёрце, я не твій!

»Да поможі, Бóже, на рушничкѹ стáти,
Тогді не розлúчить ні бáтько, ні мáти,
Ні чужáя чужина,
Колі суділася дружина!«

18.

Ой погубіла гóрлиця дítей,
Объ доріженькѹ бьётця:
Знáти козакá, преврáжого сїна,
Що зъ дівчїни сміётця!

»Чи ти багáтий, чи гордовáтий,
Чи вїсоко несєся?
Ой чи ти жъ менé та вїрнєнько любишь,
Чи ти зъ мєне смієся?« —

»Я не багáтий, не гордовáтий,
И вїсоко не несўся;
Я жъ тебé люблю и любить бѹду.
Я сь тебе не сміўся.«

Ой скриплять-риплять нові ворітечка,
Не можѹ їхъ запєрти:
Когó вїрно люблю, и любить бѹду,
Не забѹду й до смєрти.

Ти, васїлечкѹ, ширóкий лїсточкѹ,
Часъ тебé соривáти:

Ти, козаченьку, моє серденько,
Часъ тебе забувати!

Ой попливѣ, попливѣ серденько Дніпрѡмъ,
Тїхою водою;
Шапочки не знявѣ, рѹченьки не давѣ,
Не прощався зо мнѡю.

Ой пливѣ щѹка изъ Кременчѹка,
Да пливѣ вона стїха:
Ой хто не знає жениханьчка,
Той не знає лїха.

19.

Да не бѹде лѹчче,
Да не бѹде краще,
Якъ у насъ да на Україні:
Що немає Жїда,
Що немає Лїха,
Не бѹде унї!

. . . . .

20.

Ой вїйду я за ворѡта,
Не берѣ мене охѡта:
Десь у мого миленького
Да негїйна робѡта.

Ой хоть гїйна, негїйна,
А такї не гуляє:
Крїй тїхого Дунаечку
Вїнъ коня наповає.

Ой ківь ирже, воді не п'є,
Вінь доріженьку ч'є;
Ой Бігъ знає, Бігъ відає,
Дє мій милий ноч'є.

Ой ноч'є мій миленький
Да у степу край доріги,
Прихилівши голівоньку
Икъ зелéному облóзі

21.

Не див'їтеся, добрії люде,
Що на Україні повстало:
Ой за Дáшевомъ підъ Сорóбою
Мно́жество Ляхівъ пропáло.

Перебийнісь про́сить немнóго
Сімь-сотъ козаківъ зъ собою;
Рубає мечемъ голови съ плечей.
А рéшту тóпить водою:

»Ой пийте, Ляхі, воді калюжи,
Воді калюжи болотяній:
А що пивáли по тій Україні
Меді да вина ситній.«

Завісли Ляшки, завісли,
Якъ чорна хмара на Віслі...
Лядськую славу загнáвъ підъ лáву,
Самъ бравий козакъ гуляє.

Н'їте, козакі, у скóки,
Заберімося вь бóки:

Заженімъ Ляшкѣ, вражого сїна,
Ажъ за той Дунай глибокий!

Дивують Ляхи, вражїи синї,
Що ті козакї вживають:
Вживають вони щўку-рибаху,
Ще й соломаху зъ водою.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ козакъ пляше
На сївїмъ коню горюю?
Мушкетомъ берє, ажъ серце вяне,
А Ляхъ одъ страху вмирає.

Ой чи бачъ, Ляше, що по Слўчъ вѣше,
По Костяную могилу?
Якъ не схотїли, забунтовали
Да й утеряли Україну.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ панъ Хмельницький
На Жовтїмъ Піску підбївся?
Одъ насъ, козакї, одъ насъ, юнакї,
Нї одинъ Ляшокъ не скрився!

Нўте жъ, козакї, у скўки!
Заберїмося вь бўки:
Загнали Ляхївъ за рїчку Вїслу,
Що не вернутця й вь три рўки! (1)

22.

По садўчку похожаю,
Самѣ себє розважаю, —
Кого люблю, та й немає!

---

(1) Этотъ драгоценный вариантъ известной уже намъ пѣсни о Хмельницкомъ (см. т. I, стр. 271) записанъ Ав. В. Марковичемъ, въ Немировѣ, Подольской губерніи.

И немає, и не буде:
Розра́яли лихі люде,

Розра́яли, розсуділи,
Щобъ ми въ па́ри не ходіли.

Ой зійду́ я на горбóчокъ,
Да гля́ну я на ставóчокъ,

Да гля́ну я на ставóчокъ —
Пливé утя́ть табунóчокъ.

Одно́ 'дногó доганя́е —
Кóжне собі па́ру ма́е.

А я живу́ въ Бо́жій во́лі —
Не да́въ ми́ні Госпо́дь до́лі!

А я живу́ въ Бо́жій ка́рі —
Не да́въ ми́ні Госпо́дь па́ри.

23.

Ой не гара́здъ Запоро́зці,
Не гара́здъ вчині́ли:
Степъ ширóкий, край весéлий
Та й занастя́ли!

Наступа́е чо́рна хма́ра
И до́щикъ изъ не́ба:
Зруйновáли Запоро́жже —
Бúде ко́лісь трéба!

Ой чи гара́здъ, чи не гара́здъ,
Нічо́го робі́ти!
Бúде до́бре Запоро́зцямъ
И підъ Ту́ркомъ жи́ти!

Да туманъ полемъ, да туманъ полемт,
Да туманъ туманітця;

А въ дівчини да чорні брови,
А любо й подивитьця.

Ой на тімъ боці да на толоці,
Тамъ Цигане стояли.

Охъ и міжъ тими да Циганами
Да Циганка Волішка.

Ой туді жъ бігла да дівчинонька
До Циганочки ббса.

»Ой Циганочко да воріженько,
Уволи мою волю:

»Ой причаруй да козаченька,
Що стоявъ изо мною!«

Ой Циганочка да воріженька
Іі волю вволила —

Ой одрізала да русоі косі,
Козакá підкурйла.

Ой біжить, біжить да дівчинонька,
А якъ рибонька вьэцтя;

Ой оглянетця да дівка назадь —
Уся челядь сміетця. . . .

25.

Ой ишли наші славні Запорозці
Та по-надь Бугомъ-рікою
Ой ширóкою та глiбóкою,
Гей та по-надь лиманами.

Ой ужé жъ наші славні Запорозці
Та й невесели стали:
Ой облягли їхъ, облягли Москáлі
Та всіма сторонами.

Ой кругомъ цѣркви, цѣркви Січові
Ой караули стали,
Ой священнику, отцю Владімеру
А служити не дали.

Ой летить бóмба зъ Москóвського поля
Та посередь Січи впала;
Ой хоть пропали славні Запорозці,
Такъ не пропала їхъ слава!

VII.

**О древности и самобытности
ИЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.**

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ИЗДАТІЮ.

Часто случается, что въ воспитаніи юношей забываютъ приводить на память и связывать въ общую систему познаній то, что было узнано юношами прежде. Мудрое изреченіе старыхъ педагоговъ: *Repetitio est mater studiorum* не всегда примѣняется къ дѣлу, потому что и учителю и ученику хочется идти впередъ. Между тѣмъ забвеніе доказанныхъ и усвоенныхъ положеній рано или поздно оказываетъ свое дѣйствіе и производитъ замѣшательство и остановку тамъ, гдѣ, повидимому, слѣдовало бы дѣлать только новыя завоеванія. То же самое бываетъ и въ литературѣ, которая служитъ школою для каждого. Въ наше время не рѣдко случается читать самыя произвольныя толкованія о предметахъ, изслѣдованныхъ со всею основательностію задолго до насъ, — потому что мы не всегда хранимъ преданія нашихъ предшественниковъ и охотиѣ внимаемъ разсужденіямъ свѣжимъ.

Предлагаемая здѣсь статья напечатана, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ »Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія«, который издавался тогда какъ-будто для однихъ библиотекъ и очень мало имѣлъ ходу въ читающей публикѣ. Да и публика, двадцать лѣтъ назадъ, была не то, что теперь. Наука и жизнь шли въ ней какъ-то порознь, мало принадлежа одна другой. Теперь вопросы науки сдѣлались вопросами жизни; теперь убѣжденія историческія и этнографическія уже замѣтно даютъ направленіе общественной дѣятельности большихъ массъ населенія, ибо оказываютъ вліяніе даже на воспитаніе дѣтей, какъ будущихъ гражданъ разноплеменнаго Русскаго царства. Слѣдовательно истина и заблужденіе въ наукѣ переходятъ непосредственно въ самую жизнь и сѣютъ

сѣмена будущихъ великихъ общественныхъ и гражданскихъ событій. Этимъ-то объясняется успѣхъ учено-литературныхъ сочиненій, которыя рѣшительно перевѣшиваютъ беллетристическую часть Русской словесности. Счастливъ тотъ, кто своими трудами способствуетъ къ распространенію убѣжденій, имѣющихъ оправдаться самою жизнью и силою вещей! Онъ подобенъ садовнику, который улучшаетъ дикую почву и способствуетъ къ плодотворности деревьевъ и растеній. Природа вещей сдѣлаетъ свое дѣло и безъ предусмотрительныхъ усилій человѣка; но хвала уму, который вступилъ въ дружественное соревнованіе съ природою! Истины останутся истинами, и ни одна іота изъ нихъ не преидетъ, пока существуетъ человѣчество; но воплощеніе истины въ самую жизнь есть прямое призваніе всякой дѣятельной души человѣческой. Это-то движеніе заставляетъ молодыхъ людей читать старыя книги, отрывать затерянное, повторять забытое, истолковывать невѣрно понятое, или понимаемое. Оно внушаетъ намъ признательность къ дѣятелямъ, сошедшимъ со сцены дѣйствія, и связываетъ все мыслящее общество въ единую семью, работающую для будущихъ поколѣній.

Упомянутое мною сочиненіе было погребено въ складѣ книгъ и какъ-бы предано забвенію. Но умъ, который произвелъ его, одушевленъ былъ горячею любовью къ истинѣ, и не напрасно же онъ сознавалъ то, что проповѣдывалъ! Современники мало обратили вниманія на его доводы, ибо не видно у насъ ни основательныхъ опроверженій, ни ученаго развитія ихъ. Но вопросъ былъ поднятъ; мнѣніе о немъ занесено въ печатную книгу. Повторяя его новою печатью, я повторяю полузабытое преданіе. Пускай же кто-нибудь изъ людей, обявшихъ науку народоописанія всецѣло, по живымъ источникамъ, скрѣпитъ это мнѣніе своимъ авторитетомъ, или представитъ, на его мѣсто, мнѣніе новое, которое было бы очевидно вѣрнѣе. Дѣло стоитъ возобновленія: отъ рѣшенія его зависитъ многое въ будущемъ.

О ДРЕВНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ

ЮЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

I.

О значеніи словъ: Русскій языкъ и Русское нарѣчіе.

Первоначальный Славянскій языкъ раздѣляется на разныя вѣтви. Между ними всѣхъ менѣе извѣстно Южно-Русское нарѣчіе, различно именуемое. Такимъ образомъ весьма трудно дать собственное значеніе словамъ: *народъ* и *языкъ Русскій*. Богумиль Линде, въ предисловіи къ своему Словарю ⁽¹⁾, и Юсифъ Добровскій, въ Грамматикѣ Языка Славянскаго ⁽²⁾, совершенно позабыли считать отдѣльною его вѣтвию Южный Русскій языкъ. Одни сливаютъ его съ Церковно-Славянскимъ ⁽³⁾, либо съ простонароднымъ Русскимъ языкомъ ⁽⁴⁾; другіе же считаютъ его смѣсью языковъ: Славянскаго, Русскаго и Польскаго ⁽⁵⁾ и, какъ дикой и необработанный, исключаютъ его изъ числа образован-

---

⁽¹⁾ -Słownik Języka Polsk.- S. B. Linde. Т. I, ч. 1, Предислов., стр. XIV.

⁽²⁾ -Institutiones Linguae Slavicae-, etc. Jos. Dobrowski. 17 стр. IV.

⁽³⁾ -O prawach Lit. i Polsk.- Т. I, стр. 53. Versuch über die slavischen Bewohner der Oesterreichischen Monarchie, von Rohrer. Ч. II, стр. 16.

⁽⁴⁾ -Lehrgebäude der böhmischen Sprache.- Юс. Добровскій. Предислов., стр. XIII.

⁽⁵⁾ -O Statucie Litewskim-, С. Б. Линде, стр. III. -Pamiętnik Warszawski-, 1815, № 9, стр. 29. Lehrgebäude etc. -Опытъ Исторіи Литер. Русск.-, Н. Греча-

ныхъ языковъ ⁽¹⁾. Многіе писатели утверждаютъ; что нарѣчіе Великороссійское и Южное Русское, равно какъ и Бѣлорусское, происходятъ отъ одной вѣтви — Русской ⁽²⁾. А есть и такіе, которые признають его просто областнымъ Польскимъ нарѣчіемъ (provincialismus) ⁽³⁾, или называютъ Малороссійскимъ ⁽⁴⁾; и рѣдко случается, чтобы этотъ Русскій языкъ назывался Русскимъ, такъ какъ его называли въ-старину, безъ всякаго измѣненія и прибавки ⁽⁵⁾.

Нѣкоторые Нѣмецкіе писатели стали было присвоивать Южному Русскому народу и языку совершенно дотоле неизвѣстныя и отнюдь имъ несвойственныя имена, напр. Rusniaken, rusniakische Nation, rusniakische Sprache, вмѣсто: Ruthener, ruthenische Nation, ruthenische Sprache и т. п. ⁽⁶⁾.

Передѣлывать самовольно названія народовъ и ихъ языковъ есть конечно важное заблужденіе и всегда рождаетъ новыя. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго Копитара, что прямое знаніе языка должно быть слѣдствіемъ постепеннаго раскрытія его исторіи ⁽⁷⁾, гдѣ одни разсужденія ни къ чему не ведутъ, мы то же скажемъ и о самомъ названіи языка, допуская только такое, которое сообразно съ исторіею и на ней основывано. Русь, эта главная отрасль Славянскаго племени, искони составляла одинъ народъ и говорила однимъ языкомъ, которому и не можетъ приличествовать другое названіе, кромѣ *Русскаго*, по-Латыни *lingua ruthenica*, по-Нѣмецки *ruthenische Sprache*. Раздѣленіе его на *Бѣлорусскій* и *Малороссійскій* языкъ ошибочно и не согласно съ существомъ дѣла: что поста-

---

⁽¹⁾ -Исторія Госуд. Россійск.-, Н. Карамзина. Т. IX, дрим. 561.

⁽²⁾ -Prawda Ruska-, Раковецкаго, Т. II.

⁽³⁾ -Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы-, Н. Греча. Предисловіе Польскаго переводчика Линде.

⁽⁴⁾ -Pamiętnik Warsz.-, 1815. Кн. 1, стр. 124. -Dzieje Król. Polsk.- Bandtkie., Т. I, стр. 24.

⁽⁵⁾ -Опытъ краткой Исторіи Русск. Литер.-, Н. Греча. Стр. XX и 56 — 60 -O Statucie Lit.-, Линде.

⁽⁶⁾ Сюда принадлежать: Крамеръ, Рореръ, Чапловичъ, Гопшень и другіе.

⁽⁷⁾ -Grammatik der slavischen Sprache, in Krain.- Пред., стр. XLVI.

раемъ ясно доказать. Имя *Rossii* создано только въ XVIII вѣкѣ, названіе же *Rossійскаго* языка должно быть, безъ сомнѣнія, еще новѣе, и ему собственно отвѣчаетъ Латинское слово *gussicus* и Нѣмецкое *russisch*; тѣмъ же прилагательнымъ и Французы означаютъ Русскій и Россійскій языкъ: *la langue russe*.

Какъ Русскій языкъ, такъ и Русскій народъ есть главный представитель всѣхъ Славянскихъ.

Народъ можетъ потерять свою самостоятельность, но характеръ и языкъ его всегда остаются его достояніемъ. Слава и совершенство языка не зависятъ отъ судьбы народа. Нынѣ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древняго (политическаго) могущества Римлянъ и Грековъ, а знаменитые ихъ языки до сихъ поръ существуютъ. Между тѣмъ возникло много новыхъ государствъ, коихъ языки только теперь достигаютъ извѣстности, по мѣрѣ своего усовершенствованія. Равнымъ образомъ нерѣдко и скипетръ не измѣняетъ народности подвластныхъ ему племенъ. Чехи, Кроаты, Венгерцы и т. п., хотя и подлежатъ Австрійской имперіи, но при всемъ томъ не перестаютъ быть и называться Чехами, Кроатами и Венгерцами. Та же судьба и Южной Руси. Протекло уже много вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Русское княжество, основанное Владиміромъ Великимъ, пало (1). Но Южно-Русскій языкъ отъ того не истребился и не перестанетъ существовать въ устахъ (туземнаго) Русскаго народа, при прочихъ языкахъ Славянскаго происхожденія!

Русскій народъ составлялъ нѣкогда значительную часть бывшаго королевства Польскаго, которое вмѣщало въ себѣ четыре главные народа: Польскій, Литовскій, Русскій и Пруссскій. Страна, лежащая по Днѣпру и имѣвшая столицею своею Кіевъ, была древнѣйшею страню *Руси*; она неизмѣримо простиралась къ сѣверу, гдѣ возникла держава, которая получила названіе *Великой Руси*, а потомъ, гораздо позднѣе, *Rossii*. Оставшаяся въ пре-

---

(1) Т. е. на Западѣ, въ областяхъ, отошедшихъ сперва къ Польшѣ и Литвѣ, а по раздѣлѣ Польскаго королевства, къ Австрійской имперіи, подъ названіемъ Галиціи и Лодомирин, не считая возвращенныхъ Россіи. *Примѣч. Пер.*

дѣлахъ Польши Русь стала называться *Малою*; часть ея, занимающая подошву Карпатскихъ горъ, именовалась Русью *Червоною* (красною); а та, которая была однажды приобрѣтена Литовскимъ оружіемъ, названа *Бѣлою* и *Черною* Русью. Три части Польской Руси отличались особыми именами: *Подоліи*, *Волини* и *Украины*.

Что Югозападная Русь соединена была съ Польскимъ королевствомъ *не силою оружія, но правами равенства*, доказательствомъ тому служить грамота короля Сигизмунда Августа, 1569 года. Въ ней сказано: »Русская земля съ давнихъ временъ предками нашими, королями Польскими, присоединена къ коронѣ Польской, въ числѣ прочихъ главнѣйшихъ ея частей; и мы всѣхъ ея жителей вообще и cadaго порознь, *какъ равныхъ къ равнымъ, свободныхъ къ свободнымъ*, какъ собственные и дѣйствительные члены къ собственному тѣлу и главѣ; къ королевству Польскому, въ общеніе, честь и собственность обращаемъ и присоединяемъ, вмѣстѣ съ прочими коронными жителями равняемъ и ихъ дѣлаемъ и признаемъ участниками во всѣхъ правахъ, преимуществвахъ и судьбѣ Польской короны», и проч.

II.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ, которымъ говорили и при дворѣ великихъ князей Литовскихъ, и въ знатнѣйшихъ Русскихъ домахъ.

1. Доказательствомъ тому служить, во-первыхъ, »Литовскій Статутъ», первоначально писанный на Южно-Русскомъ языкѣ (') и служившій закономъ не только для Литвы, но и для Русскихъ

(') Онъ напечатанъ былъ въ Вильнѣ, особыми, подходящими къ скорописи буквами, въ типографіи Маюничей, въ 1588 году, и потомъ переложень на Польскій языкъ. *Прим. пер.*

земель, какъ-то: для Волынской, Подольской и Украинской. По сему закону, всё судебныя дѣла производились и были писаны не иначе, какъ только на Южно-Русскомъ языкѣ. Левъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, въ предисловіи своемъ къ упомянутому Статуту, говорить: »Если какому народу стыдно не знать своихъ законовъ, то тѣмъ болѣе намъ, имѣющимъ законы, писанные не на чужомъ какомъ-либо языкѣ, но на своемъ собственномъ, т. е. на Южно-Русскомъ«, и т. д.

То же утверждаетъ и Чацкій, говоря, что, какъ большая часть народа въ Литвѣ (¹) признавала свою духовную зависимость отъ Цареградской Церкви и слухала Славянскую литургію, то Южно-Русскій языкъ, по обращеніи Литвы въ Христіанство, былъ въ ней всеобщимъ. На семъ языкѣ подавались просьбы въ судебныя мѣста и къ прочимъ властямъ; на немъ же отвѣчали и давали свои рѣшенія король, судьи и другіе чиновники. Въ царствованіе сыновей Казимира Ягайлы, воспитанныхъ и жившихъ чаще всего въ Польшѣ, языкъ Польскій вошелъ въ употребленіе при дворѣ и заступилъ мѣсто Южно-Русскаго.

2. Судопроизводство въ Южно-Русскихъ земляхъ всегда происходило на Южно-Русскомъ языкѣ; на немъ излагались позывы, или требованія къ суду, приговоры и всё оффиціальныя бумаги въ *градскихъ* (уголовныхъ), *земскихъ* и *трибунальныхъ* (верховныхъ) судахъ (²).

3. Сигизмундъ III, въ 1589 г., учреждая верховный судъ (трибуналъ) для Русскихъ воеводствъ, обязалъ оный употреблять (Южно-) Русскій языкъ и (Южно-) Русское письмо, постановивъ, чтобы при производствѣ дѣлъ непременно присутствовали и за-

---

(¹) Здѣсь должно разумѣть Кіевскую митрополию, существовавшую нѣкоторое время отдѣльно отъ Московской, но сохранявшую постоянно Грековосточное исповѣданіе, до отпаденія нѣсколькихъ епископовъ къ униі. См. «Исторію Росс. Іерарх.», Т. 1. *Прим. перев.*

(²) Судебныя и правительственныя акты изъ архивовъ Русскихъ земель, составляющихъ нынѣ королевство Галицкое, собранныя виѣстѣ и хранящіяся нынѣ въ Львовскомъ Бернардинскомъ монастырѣ, всё писаны на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами, и составляютъ болѣе ста томовъ.

сѣдали Русскіе писаря (секретари), которые вносили бы дѣла въ книги на (Южно-) Русскомъ языкѣ и на немъ же выдавали копіи съ судебныхъ приговоровъ.

4. Привиллегіи, приговоры, постановленія, которыя выдаваемы были Польскими королями для Русскихъ земель и для жителей, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, писаны были обыкновенно на Южно-Русскомъ языкѣ (*).

Знатнѣйшія, наконецъ, фамиліи Южно-Русскаго и Литовскаго происхожденія, имѣвшія своими родственниками Южно-Русскихъ и Литовскихъ князей, исповѣдуя вѣру Грековосточную, говорили и писали по-Южно-Русски до тѣхъ поръ, пока Латинскій обрядъ и языкъ Польскій не получили перевѣса (**).

(*) Таковы: привиллегія Сигизмунда Августа, 1558 г.; пріостановленіе дѣйствій короннаго суда Стефаномъ Баторіемъ, 1585 г.; привиллегія Сигизмунда III, 1589 г.; его же, 1592 г. и т. д.

(**) Сюда принадлежатъ фамиліи: князей Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Сагущковъ, Острожскихъ, Збаражскихъ, Прунскихъ, Друцкихъ, Соломерецкихъ, Горскихъ, Массальскихъ, Глинскихъ, Рожинскихъ, Слуцкихъ, Копыльскихъ, Радзивилловъ, и знатные дома: Огнскихъ, Пузыновъ, Даниловичей, Сапѣговъ, Воловичей, Хлѣбовичей, Ходкевичей, Тишкевичей, Хребтовичей, Пацовъ, Балабановъ, Струсей, Киселей, Тризновъ, Музыловъ, Кирдеевъ, Жолѣвскихъ, Дрогоевскихъ, Баворовскихъ, Шумлянскихъ, Шептицкихъ, Винницкихъ, Комарницкихъ, Желяборскихъ, Дѣдошницкихъ, Броневскихъ, Дуниковскихъ, Дверницкихъ, Литвинскихъ, Бугацкихъ, и тысяча иныхъ, которыхъ, если строго считать въ одной части Галицкаго королевства, нѣкогда называвшейся Русскимъ и Подольскимъ воеводствомъ, то и въ ней число Русскаго дворянства Греческаго обряда значительно превосходитъ число дворянства обряда Римскаго. Сколько же ихъ находится въ Березницѣ, Чайловичахъ, Горолицѣ, Яворѣ, Кульчицахъ, Созонѣ, Ступницѣ, Сѣльцѣ, Винникахъ, Добрѣ, и т. п.! Когда же исповѣданіе ни мало не измѣняетъ рода и первобытнаго происхожденія, то *всѣ помилкованныя фамиліи, хотя и исповѣдуютъ нынѣ Римскую Вѣру, но отнюдь чрезъ то не перестали быть Русскими*. Правда, мы привыкли обыкновенно называть Русскими только тѣхъ, кто принадлежитъ къ Греческому обряду, а тѣхъ, кто исповѣдуетъ Латинскій, именовать Поляками; но этотъ обычай несправедливъ. Развѣ Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ, потому что исповѣдуетъ ученіе Лютера, Кальвина, или другихъ, перестаетъ по этому быть Англичаниномъ, Французомъ, Нѣмцемъ? Венгерецъ, Далматъ, Кроатъ дѣлается ли Русиномъ отъ того, что славитъ Бога по Греческому обряду? Откуда же могло произойти, чтобы природный Русинъ, перемѣнивъ обрядъ своихъ предковъ на Латинскій (не на Польскій, ибо такого и нѣтъ, и не было), пересталъ быть, относительно проис-

До XVII вѣка не имѣла Польша иныхъ князей, кромѣ князей Русскаго исповѣданія, употреблявшихъ Южно-Русскій языкъ; всѣ они происходили изъ владѣтельныхъ домовъ въ Литвѣ и на Руси.

Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? Почему никто теперь не говоритъ имъ, кромѣ лишь простого народа Южно-Русскаго, мелкопомѣстнаго дворянства и духовенства Греческаго обряда? Почему въ такомъ пренебреженіи у насъ Южно-Русская письменность, тогда какъ она открыла бы для отечественной исторіи множество важнѣйшихъ памятниковъ? На это можетъ намъ дать удовлетворительный отвѣтъ исторія Польши, особенно же въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Угнетеніе Руси дошло до такой степени, что, дабы избѣгнуть онаго, жители стали отрекаться отъ своего происхожденія и стыдиться языка своихъ предковъ.

III.

Южный Русскій языкъ всегда различествовалъ отъ прочихъ вѣтвей Славянскаго языка, въ особенности же отъ Церковно-Славянскаго, отъ Польскаго и Великороссійскаго.

Выраженіе (Южный) *Русскій* языкъ то же самое значить, что языкъ *Малороссійскій*, или *Бѣлорусскій*. Въ грамотахъ Польскихъ королей, ими самими изданныхъ, или по ихъ повелѣнію переведенныхъ съ Южно-Русскаго на Польскій языкъ, гдѣ языкъ и письмо Южно-Русское именуется: *idioma ruthenicum, character, etc., lingua ruthenica*: что ихъ совершенно отличаетъ отъ Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Въ подтвер-

---

жденія, Русскимъ. Никто не можетъ рода и племя ни дать, ни отнять, ни измѣнить. Слѣдовательно, хотя исчисленныя фамиліи и перемѣнили свое исповѣданіе, но при всемъ томъ они не измѣнили своего Русскаго происхожденія, и измѣнить его не могли:

•Fortuna non mutat naturam!•

жденіи привиллегіи Сташка (Станислава) изъ Давидова, Старосты Самборскаго, дарованной, въ 1549 году, королемъ Сигизмундомъ Августомъ Перемышльскому владыкѣ Антонію Радиловскому, сказано, что она отъ слова до слова переведена съ (Южно-) Русскаго языка на Польскій. Другое, того же короля и въ томъ же году, содержитъ въ себѣ всю грамоту князя Льва, сына короля Данила, на Южно-Русскомъ языкѣ. Въ третьемъ, 1555 года, прописана другая Русская грамота князя Льва. Надобно ли, впрочемъ, приводить еще доводы, что Русскій языкъ всегда отличался отъ Польскаго? Въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. Но онъ отличался и отъ Великороссійскаго: Екатерина I, какъ пишетъ Шереръ (¹), повелѣла въ 1729 году всѣ писанныя на Южномъ Русскомъ языкѣ постановленія переложить на Великороссійскій. Известно же, что всѣ они были писаны по-Русски въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ.

Не менѣе того разнится Южный Русскій языкъ и отъ Церковнаго; ибо, какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, церковныхъ книгахъ, какъ-то: въ Евхологіяхъ, Требникахъ, Трїодяхъ и т. п., заключающихъ въ себѣ правила совершенія церковныхъ обрядовъ, всегда Славянское нарѣчіе отличалось отъ народнаго Русскаго.

То же самое подтверждаютъ и ученые писатели. Гваньини (²) говорить: »Москвитяне не многимъ чѣмъ (это было около 1560) отличаются отъ Русиновъ; но Русиновъ отъ Поляковъ, Чеховъ (Богемцевъ), Кроатовъ и др. столько различествуютъ, что съ трудомъ могутъ другъ друга понимать.« Копитаръ, въ Грамматикѣ Краинскаго языка, описывая словарь, находящійся въ библиотекѣ Лубянскаго аліумната (родъ учебнаго заведенія), явственно отдѣляетъ языки Славянскій, Русскій, Россійскій и Польскій. Смотрицкій, первый Славянскій грамматикъ, въ написанной имъ для Южно-

(¹) «Annales de la Petite Russie». Т. II, стр. 375: «Elle ordonne pour le salut des peuples de la Petite Russie, de traduire ces loix en langue de la Grande Russie.»

(²) «Moscovitae a Ruthenis aliquantulum, Rutheni quoque a Polonis ac Moscovitis, sic etiam Bohemi, Croatae ab invicem differunt, ita ut sese intelligere difficile possunt, etc. См. «Sarmatiae Europaeae Descriptio». Т. I, стр. 24.

Русскаго народа учебной книгѣ, помѣстилъ предисловіе на Южно-Русскомъ языкѣ; въ переводахъ же своихъ со Славянскаго языка на Южно-Русскій, оставилъ настоящіе образцы собственно-Русскаго языка, который справедливо Добровскій называетъ природнымъ языкомъ Русиновъ. Авторъ книги »Sowita Wina«, изданной въ 1621 году, отвѣчая на возраженія иновѣрцевъ, такъ говоритъ: »Что касается до Славянскаго языка, то мы никогда его не презирали; напротивъ того, мы изъ книгъ же Славянскихъ вамъ доказываемъ и тщательно ихъ бережемъ. Южно-Русскій языкъ употребляемъ и въ проповѣдяхъ, всенародно, и между собою говоримъ на немъ.« То же самое свидѣтельствуесть и Скарга, въ книгѣ своей: »O Jedności Koscioza Bożego« (о единствѣ Церкви Божіей) изд. въ Вильнѣ 1577 года. Ст. Клечевскій, въ сочиненіи о началѣ и древности Польскаго языка (O Początkach i Dawności Języka Polskiego. Lwów, 1767), опредѣлительнѣе объясняетъ разность упоминаемыхъ нами языковъ. То же подтверждаютъ Линде, Раковецкій, Ломоносовъ, Гречъ и др., и было бы совершенно излишне доказывать столь несомнѣнную истину!

IV.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ нѣкогда подъ именемъ Малой и Червоной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ находился въ общемъ употребленіи.

Ежели и нарѣчія какого-нибудь языка такъ между собою согласны, что ихъ легко можно подвести подъ правила одной и той же грамматики, то, хотябы нѣкоторыя слова и произносились различно, имѣли разныя значенія и проч., отнюдь не слѣдуетъ почитать ихъ за отдѣльныя нарѣчія. Всѣ древнія вѣтви Славянскаго языка, въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сходствовали между собою гораздо болѣе, нежели теперь. Можно даже полагать, что, чѣмъ болѣе мы станемъ углубляться въ древность, тѣмъ меньшую должны

встрѣчать между ними разность. Впрочемъ, необходимо должно отличать такъ называемый *книжный*, или, собственно, *церковный* языкъ; ибо на немъ излагались съ самаго начала одни только церковныя творенія; въ обыкновенномъ же разговорѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ употребляемъ языкъ *народный*; да и вообще языкъ всегда бываетъ иной въ употребленіи у простого сельскаго народа, составляя собственно отечественный языкъ, нежели тотъ, которымъ говорятъ люди образованные въ высшемъ свѣтскомъ кругу; ибо сей послѣдній имѣетъ по большей части всѣ свойства книжнаго языка.

И у насъ, Русиновъ, нарѣчіе раздѣлять можно на устное и книжное. *Книжное* въ Малой, Бѣлой и Червоной Руси, ни сколько, съ XIII вѣка до сихъ поръ, собственно не измѣнилось. Въ обыкновенномъ же разговорномъ языкѣ происходятъ пѣкоторыя небольшія измѣненія, но они такъ малозначительны и такъ рѣдки, что смѣло и утвердительно можно признать и Бѣлорусское, и Малороссійское нарѣчіе за одно и то же. Кто только хорошо вслушался въ разговоръ Кіевлянина, Черниговца, Брацлавца, Львовца, Перемышльца, Брестъ-Литовца, Смольянина и Полочанина, тотъ конечно согласится съ нами въ несомнѣнной истинѣ сего показанія. Небольшія измѣненія въ выговорѣ гласныхъ *e* и *ь*, нѣкоторыя выраженія, занятія у одноименныхъ сосѣдей, не преобразовали конечно языка Южно-Русскаго и не могутъ родить отдѣльныхъ нарѣчій. Когда изъ Поляковъ одинъ говоритъ *słyszysz* (слысышь), а другой *słyszysz* (слышишь); одинъ *tsyma* (тсыма), а другой *trzyrna* (тршыма); одинъ *rop*, другой *rup*, а третій *rap*, и т. п., слѣдуетъ ли изъ этого необходимость дѣлить нарѣчіе Польское на *Мазовское*, *Краковское* и *Горское*? Въ томъ же убѣждаютъ насъ и самыя сочиненія Русскія, въ разныхъ мѣстахъ печатанныя, какъ-то: въ Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ, Заблудовѣ, Стратинѣ, Почаевѣ, Уніовѣ, Супраслѣ, и т. д. Тамъ, кромѣ молитвенныхъ книгъ на церковномъ языкѣ, напечатано было много и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на языкѣ народномъ, который писанъ безъ всякой примѣси, чистымъ Южно-Русскимъ нарѣчіемъ. Если срав-

нить эти книги между собою, то, не смотря на разность мѣста и времени, языкъ ихъ вездѣ почти одинъ и тотъ же. Итакъ въ Русскихъ земляхъ, Малой, Червоной, Бѣлой и Черной Руси, одно и то же нарѣчіе было всегда въ употребленіи; а посему, даже до XVIII столѣтія, называлось оно, безъ всякаго прибавленія, просто *Русскимъ языкомъ*, *lingua ruthena*, *idioma ruthenish*, а о Бѣлорусскомъ, или Малороссійскомъ и не упоминалось (1).

V.

Если рѣчь идетъ о нарѣчій книжномъ, то Малороссійское и Бѣлорусское нарѣчія должны означать не что иное, какъ просто Русское.

Я показаль уже тожество раздѣляемыхъ безъ нужды Русскихъ нарѣчій. Съ того только времени, какъ значительная часть Малой и Бѣлой Руси соединилась съ Великою Россією, Россійскіе писатели, въ царствованіе Императора Петра Великаго, стали отдѣлять Малороссійскій и Бѣлорусскій языкъ, замѣчая нѣкоторую разность между нарѣчіями Славянскимъ, Россійскимъ, или такъ называемымъ прежде *Московскимъ*, и тѣмъ, которымъ говорятъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Первый разъ упоминается о семъ въ Грамматикѣ, изданной 1721 года въ Москвѣ. Она была, повидимому, списана съ Грамматики Смотрицкаго, хотя переписчикъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Смотрицкій упоминаетъ о Южно-Русскомъ нарѣчій, не сохранилъ въ точности этого имени, а называетъ его *Малороссійскимъ*.

---

(1) По вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго рода Романовыхъ и по возвращеніи къ Россіи отторгнутыхъ нѣкогда отъ нея областей, въ царскомъ титулѣ начали писать: *всѣя Великія и Бѣлыя и Малыя Русіи*; а въ слѣдъ за тѣмъ измѣнена буква *у* на *о* въ словѣ *Россія*. Но иностранцы и теперь по большей части сохраняютъ прежній звукъ, называя наше государство *Russia*, *Russland*, *Russie* и т. д., въ древности Норманами называемое *Gardarick* и *Riseland*. *Прим. пер.*

Но Смотрицкій не зналъ такого имени, хотя безъ сомнѣнія лучше многихъ позднѣйшихъ писателей зналъ Русскій языкъ. Примѣру этому послѣдовали и Польскіе, и иноземные писатели; и нарѣчіе, просто называвшееся *Русскимъ*, измѣнили въ *Малороссійское*. То же самое произошло и съ именемъ Бѣлорусскаго. *Линде* простой Южно-Русскій языкъ, которымъ былъ написанъ Литовскій Статутъ, потому только именуется *Бѣлорусскимъ*, что такъ называлъ его *Сопиковъ* (въ своемъ »Опытѣ Россійской Библиографіи«). Авторитетъ Сопикова показался г-ну *Линде* достаточнымъ для наименованія языка, которымъ писанъ Статутъ, языкомъ *Бѣлорусскимъ*, тогда какъ этотъ языкъ былъ просто *Южный Русскій языкъ*.

Языкъ Литовскаго Статута есть тотъ самый, на которомъ Смотрицкій написалъ къ своей грамматикѣ предисловіе. Смотрицкій же называетъ этотъ языкъ не иначе, какъ просто *Русскимъ*, ибо тогда вовсе не слышно было о Бѣлорусскомъ.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я именую языкъ Литовскаго Статута не *Бѣлорусскимъ*, а просто *Южнымъ Русскимъ*. Г. Гречъ называетъ языкъ книги, подъ заглавіемъ »Вѣнецъ Христовъ«, языкомъ собственно Русскимъ; но это тотъ же языкъ, чтó и въ Литовскомъ Статутѣ: почему же называться ему Бѣлорусскимъ? и почему отличать разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они въ самой сущности ни въ чемъ между собою не разнятся (¹)?

(¹) Однакожъ старинный дипломатическій языкъ Западной Руси отличенъ отъ Южнаго, на коемъ писаны были акты Запорожскаго Войска и пр., и вынѣ Бѣлорусское нарѣчіе есть одно и то же съ Малороссійскимъ. Это можетъ замѣтить всякъ, переѣзжая изъ губерніи Могилевской въ Черниговскую, или изъ Мѣиской въ Волинскую. Ежели авторъ сей статьи не допускаетъ названій *Бѣлорусское*, *Малороссійское*, какъ позднѣйшихъ, то можно дать симъ нарѣчіямъ болѣе естественныя названія: *Западное Русское*, *Южное Русское*, а Великороссійское назвать *Восточнымъ Русскимъ*, или *Сѣверовосточнымъ Русскимъ*, но все же должно какими-нибудь именами означить такія нарѣчія, между которыми существуетъ разница дѣйствительная и которыя между тѣмъ всѣ имѣютъ неоспоримое право именоваться *Русскими*.

Прим. перев.

VI.

Южный Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго.

Нѣкоторые Россіяне, Чешскіе и Польскіе писатели утверждаютъ, будто Южный Русскій языкъ, какъ разговорный, такъ и книжный, обязанъ своимъ образованіемъ вліянію языка и словесности Польской, или, другими словами, что Русскій языкъ есть смѣшеніе Польскаго языка съ какимъ-то грубымъ нарѣчіемъ, т. е. первобытнымъ Русскимъ. Мнѣніе это самое несправедливое и ведетъ къ униженію и пренебреженію Русскаго языка. Мы ничего иного не желаемъ отъ безпристрастнаго читателя, какъ только, чтобы онъ насъ выслушалъ и разсудилъ послѣ, правы ли мы, или нѣтъ.

Южный-Русскій языкъ подвергался одной участи съ Южнымъ Русскимъ народомъ. Но, подобно народу, и языкъ Южный Русскій отнюдь не произошелъ отъ Польскаго, а напротивъ того, несравненно ранѣ Польскаго цвѣлъ и развиваясь, по образцу Славянскаго и Греческаго (*). Хотя же народъ Южно-Русскій, по степенію обстоятельствъ, и зависѣлъ отъ короны Польской, онъ не менѣе того былъ самими королями Польскими признаваемъ за равный народу Польскому во всѣхъ правахъ и преимуществахъ. Конечно Польскій языкъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Южно-Русскій но и Латинскій языкъ ничего не потерялъ отъ того, что даже усовершенствовался по образцу Греческаго! Впрочемъ и на Руси заботились объ усовершенніи отечественнаго языка учрежденіемъ училищъ, сочиненіемъ грамматикъ, не только Славянской, но и Русской. Неотрицаемъ, что Южно-Русскій языкъ могъ образоваться, обогащаться, и совершенствоваться на-подобіе Греческаго, Сла-

---

(*) Извѣстный ученый Грекъ *Экономосъ* издалъ 1828 г. въ С. Петербургѣ большое сочиненіе въ 3 част. для доказательства почти тождества Славянскаго языка съ Греческимъ, и особенно съ однимъ изъ древнѣйшихъ его діалектовъ, Эолійскимъ. См. его «Опытъ о ближайшемъ Сродствѣ Языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ». Ч. I, Предисловіе. *Примѣч. Перег.*

вянскаго, а въ-послѣдствіи и Латинскаго; но никакъ изъ исторіи нельзя доказать, чтобы Русскій языкъ получилъ свое начало и образованіе единственно отъ Польскаго. Отдѣльныя слова, хотябы даже и въ большомъ количествѣ, находящіяся въ томъ и другомъ Славянскомъ нарѣчій, ничего болѣе не доказываютъ, какъ только, что всѣ Славянскія нарѣчія происходятъ отъ одного корня, что они соединены между собою родствомъ и должныствовали быть нѣкогда еще ближе одно къ другому.

VII.

Польскій языкъ нынѣшнюю своею чистотою и богатствомъ, и самымъ даже слогомъ своимъ обязанъ, болѣею частію, Южно-Русскому языку.

Древній Польскій языкъ, сохранившійся въ старинныхъ памятникахъ, значительно разнится отъ нынѣшняго ⁽¹⁾.

(1) Вотъ образецъ древнѣйшаго Польскаго языка, взятый изъ Лелевелева изданія Польскихъ и Мазовскихъ Законовъ и принадлежащій къ 1449 году:

Zapis vmowi myedzi dvchownymi a swyeczskymu o czlonki w nyem pop'sane. Mi Jaroslaw Bozym przerzenym swanthey Gneznenskey cirekwe arcibiskvb w Krakowskem byskvbstwyе na urzandze pogesdzania bandancz wsystkym ad kthorich nynyesze lysti przydą chczem bycz yawno kako gdysz myedzy nawaszneyszym ksandzem panem Kaszymyrem Polskym z bozey myloszczy Krolem etc., patronem naszym s yeneу a myedzy ksandzem Bodzanthą brathem naszym namyleyszum byskupem Crakowskym stroni z drvghey nyekthore wyanthpyenyе o dzeszanczynach i o gynsych czlonkoch nyszey popyszanych bilo są sthantһ y sowantһ porvszylo pothem etc. См. Księgi Ustaw Polskich i Mazowieckich. Wilno, 1824, стр. 10. Statuta Wiślickie.

Переводъ:

«Договорная запись между духовною и свѣтскою властію о нижепоименованныхъ статьяхъ. Мы, Ярославъ, Божиимъ промысломъ архіепископъ святой Гнѣзенской Церкви, имѣя смотрѣніе надъ Краковскимъ епископствомъ и объѣздомъ, даемъ симъ знать всѣмъ вообще, что между найяснѣйшимъ ксендзомъ паномъ Казиміромъ, Божіею милостію королемъ и пр., покровителемъ нашимъ, съ одной стороны, а съ другой между ксендзомъ Бодзантоу, любезнѣйшимъ братомъ нашимъ, епископомъ Краковскимъ, встрѣтились нѣкоторыя недоразумѣнія касательно десятины и нѣкоторыхъ другихъ статей, ниже сего прописанныхъ», и проч.

Замѣтимъ въ этомъ древнемъ Польскомъ языкѣ Русскій характеръ нѣкоторыхъ словъ и самыя слова Русскія: *Swanthey*, а не *Świętey* (Святой), *Cirekwe*, а не *Kościola* (церкви), *kako*, а не *jako* (какъ). Такихъ найдется и еще очень много.

Возьмемъ, для примѣра, изъ позднѣйшихъ временъ (1565 г.) письмо Станислава Оржеховскаго къ Плазу: »Pisałem then list ku W. M., radując szie dobzemu zdrowiu, zem poszłał do Lazarza ku druku Politią Królestwa pol. na trzy *knih*i rozdzieloną. Proszę chcieć ya W. M. widzieć i poprawić, iesli zeby w czym pobłudziło. Zaprawdę użyłem prace wielkiej i wielkiego nieszpania«, и т. д. т. е. »Я писалъ это письмо къ вашей милости, радуясь, что вы здоровы, и увѣдомляя, что я послалъ къ Лазарю (типографщику) для изданія »Политику Королевства Польскаго«, раздѣленную на три книги. Прошу васъ разсмотрѣть и исправить, еслибы нашлись въ ней какія погрѣшности. По истинѣ мнѣ стояла она много труда и безсонныхъ ночей«, и проч.

Мартинъ Бѣльскій, дерзнувъ писать исторію на Польскомъ языкѣ, едва находилъ возможнымъ свое предпріятіе (1).

Еслибы я захотѣлъ распространяться въ изображеніи той постепенности, съ какою Польскій языкъ очищался, то нѣтъ сомнѣнія, что я успѣлъ бы убѣдить всякаго въ истинѣ словъ моихъ. Но, сравнивъ и эти примѣры, пусть каждый разсудить: Южно-Русскій ли языкъ усовершался по образцу Польскаго, или Польскій по образцу Южно-Русскаго? Слѣдовательно Южный Русскій языкъ отнюдь не былъ *провинціализмомъ* Польскаго языка, какъ угодно было полагать г-ну Линде на стр. 2 предисловія къ »Опыту Краткой Исторіи Русской Литературы«, г. Греча.

Южно-Русскія земли, принадлежащія къ Польскому Королевству, никогда не были Польскою областью, или провинціею.

---

(1) А за пять вѣковъ до того Русскій языкъ былъ уже образованъ и приспособленъ къ письменности. Еще въ XI вѣкѣ, Несторъ, инокъ Кіевопечерскій, велъ на немъ Русскую лѣтопись, и Русь XIX вѣка не находитъ его столько непонятнымъ или столько отличнымъ отъ употребляемаго ею нынѣ, сколько Поляки свой нынѣшній языкъ отъ языка XV вѣка. — Въ XV вѣкѣ Русь имѣла уже переложенную на свой языкъ Библію, тогда какъ Поляки перевели ее на свой гораздо позднѣе. Французскій авторъ книги о Евреяхъ, изд. 1818 г., упоминаетъ, что въ спискѣ Библии, хранящихся въ Ватиканѣ, подъ № 300, на стр. 288 находится славное сочиненіе Alf. Halborgy, заключающее въ себѣ истолкованіе Моисеевыхъ книгъ, 1094 года, на Русскомъ языкѣ.

Южно-Русскій народъ составлялъ часть королевства Польскаго, точно такъ, какъ и теперь Венгрія, Богемія суть части имперіи Австрійской. Если же и положимъ, что Южно-Русскій языкъ обязанъ сколько-нибудь Польскому, то уже этотъ долгъ съ лихвою заплаченъ ему доставленіемъ множества словъ и выраженій, что доказываютъ Ключевскій, Копчинскій и другіе, и подтверждаетъ самъ Линде въ твореніи своемъ о Литовскомъ Статутѣ, говоря: »Сей-то чистотѣ Русскаго нарѣчія должно приписать то, что Польскій слогъ Литовскаго Статута почитался образцовымъ.« Почему же послѣ всего этого выпустилъ онъ Южный Русскій языкъ въ своемъ Словарѣ изъ числа Славянскихъ нарѣчій?

Впрочемъ и теперь даже, при недостаточности правилъ Польской грамматики и правописанія, до тѣхъ поръ нельзя будетъ ничего опредѣлить въ нихъ точнаго, постояннаго, пока не выникнемъ въ духъ и построеніе Южно-Русскаго и Славянскаго языка и, въ случаяхъ нужды, не прибѣгнемъ къ ихъ помощи.

VIII.

Нынѣшнее отношеніе Южнаго Русскаго языка къ Великороссійскому.

Линде, въ предисловіи къ упоминаемому нами сочиненію: »Опытъ Исторіи Русской Литературы«, послѣдую мнѣнію г. Греча, раздѣляетъ Россійскій языкъ и литературу на три періода. Первый называетъ онъ Греческимъ, второй Татарскимъ, третій Польскимъ. Не оспариваемъ вліянія Греческаго языка на языкъ Русскій, обенно книжный, потому что Священное Писаніе и всѣ почти церковныя книги были переводимы съ Греческаго, и что въ этихъ переводахъ слогъ и правописаніе совершенствовались по образцу Греческаго: почему первый періодъ справедливо можетъ быть названъ Греческимъ. Но что касается періода Татарскаго, то я не согласенъ съ г. Линде. Владычество Татаръ въ Россіи не имѣло такого вліянія ни на языкъ, ни на народныя обычаи Рус-

скіе , чтобы могло составить періодъ въ измѣненіяхъ языка и письменности. Ссылаюсь на авторитетъ Карамзина , который явственно доказалъ (¹), что владычество Татаръ въ Россіи не оставило важныхъ слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ , ни въ законодательствѣ , ни въ домашнемъ быту , ни въ языкѣ . Едва какихъ-нибудь сорокъ или пятьдесятъ Татарскихъ словъ находится во всемъ Россійскомъ словарѣ ; а хотябы даже ихъ находилось и вдвое противъ того : все же это не даетъ еще настоящаго повода допускать Татарскій періодъ въ Русскомъ языкѣ и литературѣ . Что касается Польскаго періода , т. е. вліянія Польскаго языка на Русскій , то и это равно бездоказательное мнѣніе не можетъ насъ убѣдить . Могущество Россіи возрасло безъ помощи Польскаго ; то же самое должно сказать и о языкѣ и литературѣ Россійской . Нигдѣ не находимъ слѣдовъ , ни въ старинныхъ , ни въ новѣйшихъ книгахъ Великой Руси , чтобы Русскій языкъ созидался по образцу Польскаго . Кто утверждаетъ это , долженъ бы привести намъ примѣры . Мы не допускаемъ даже , чтобы Польскій языкъ произвелъ вліяніе на Южный-Русскій : какимъ же образомъ онъ могъ бы дѣйствовать на Великороссійскій ? Иное дѣло языкъ Южный Русскій . Онъ содѣйствовалъ конечно , нѣкоторымъ образомъ , успѣхамъ , красотѣ и богатству Россійскаго языка , чего сами Велико-россіяне не оспариваютъ и оспорить не могутъ ; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить существованіе *періода Польскаго* .

Когда рѣчь идетъ о языкѣ Россійскомъ , необходимо нужно отличать древній церковный языкъ отъ древняго Россійскаго разговорнаго , или такъ называемаго *гражданскаго* языка , что видѣть можно изъ сравненія ихъ между собою . Но то не подлежитъ уже никакому сомнѣнію , что разговорный и книжный Россійскій языкъ не былъ уже тотъ самый при Петрѣ Великомъ , какой встрѣчается въ древнихъ Россійскихъ сочиненіяхъ . Доказываютъ это Каченовскій въ «*Картина Россійской Литературы*» и Карамзинъ въ «*Исторіи Государства Россійскаго*» . Когда въ новѣй-

---

(¹) -Исторія Госуд. Росс., Т. V, стр. 854.

шія времена нѣкоторые Россійскіе писатели, подражая Французскому языку, начали портить свой народный, тогда возсталъ противъ нихъ Шишковъ въ разсужденіи о *старомъ и новомъ слоgъ*, указалъ прямые источники Русскаго языка и ревностно совѣтовалъ держаться ихъ, какъ въ разговоромъ, такъ и въ письменномъ слоgѣ.

IX.

Языкъ Южно-Русскій составляетъ въ нынѣшнемъ Галицкомъ королевствѣ народный языкъ тамошней Руси, которую нынѣшніе Нѣмецкіе писатели ошибочно и несправедливо называютъ Русняками.

Что Русь составляетъ совершенно отдѣльный народъ отъ Поляковъ, такъ что ни приобщеніе ея къ правамъ, преимуществамъ и составу Польскаго государства не могло отнять у нея собственной ея народности, ни поселеніе въ ея краѣ иноземцевъ не могло ее измѣнить — на то не требуется доказательствъ. Слѣдовательно языкъ, какой она нѣкогда употребляла и какой понинѣ употребляетъ, есть ея народный языкъ. Посему справедливо Бандтке сказалъ (1): »Нѣтъ и не было языка Галицкаго, какъ нѣтъ и не было языка Австрійскаго, Бранденбургскаго и т. д.«

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей стали называть Галицкую Русь *Русняками* (Rusniaken), а языкъ ея *Русняцкимъ* (Rusniakische Sprache). Такого названія, вовсе неизвѣстнаго въ-старину, ни Польскіе, ни Латинскіе, ни Россійскіе, ни даже лучшіе Нѣмецкіе писатели никогда не употребляли: ибо собственное и единственное ея названіе есть *Русь* или *Русскій народъ*, по-Латыни *patio Ruthena*, по-Нѣмецки *Ruthener*, а Русскій языкъ *Ruthenische Sprache*. Кто зналъ бы этотъ народъ только изъ подобныхъ книгъ, тотъ могъ бы подумать, что

---

(1) «Hist. Król. Pols». Т. I, стр. 26.

кромѣ *Руси* есть особое племя Русняковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, находя въ сочиненіяхъ Рорера названіе *Мазураковъ*, можно бы заключить, что въ Мазовіи существуетъ какая-то особая отрасль тамошняго народа. Но во время Польскаго господствованія не было никакихъ Русняковъ: слѣдовательно и теперь ихъ нѣтъ. Если же кто когда-либо употребилъ это выраженіе въ смыслѣ презрѣнія къ какому-нибудь частному лицу, то благоразуміе и достоинство писателя не должно бы позволять ему употреблять то же имя въ отношеніи къ цѣлому народу. Первый, какъ намъ кажется, ввелъ это выраженіе г. Краттеръ въ своемъ сочиненіи: «Письма о Галиціи» (1); ему послѣдовали Рореръ, Крибель, Чапловичъ и другіе, тогда какъ ни на одномъ другомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы этого названія; да и прочіе Нѣмецкіе писатели, какъ-то: Шлецеръ, Гебгардъ, Гоппе, Энгель и др., упоминая о Галицкой Руси, никогда ея такъ не называли. Долгъ и обязанность каждаго писателя именовать каждую вещь настоящимъ ея именемъ и не искажать собственныхъ именъ лицъ и народовъ, но передавать ихъ съ точностью, а смѣшныхъ или презрительныхъ прозвищъ не изобрѣтать. Прозваніе же Руси Русняками погрѣшаетъ противъ всѣхъ этихъ условій! Кажется всѣ сии писатели могли изъ официальныхъ актовъ и постановленій узнать достаточно, какое собственно имя приличествуетъ Южно-Русскому народу.

---

(1) «Briefe über Galizien», стр. 147.

Примѣчаніе издателя. Статья эта написана была первоначально на Русскомъ языкѣ, потомъ переведена на Польскій и напечатана въ Львовскомъ журналѣ: «Zasopism Naukowy» 1829 года, съ Польскаго же переведена опять на Русскій В. Р. и напечатана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1837 года.

VIII.

ПОХОРОШЬ,

СПИСАННЫЯ СО СЛОВЪ ПОСЕЛЯНИНА, ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

— Розкажіте міні, будьте ласкові, Пріхоровичу, якъ у васъ діетця при похоронахъ старіхъ и маліхъ, и які у васъ вѣдять прімхи? бо я чувъ, що е, та ні відъ кого правди не добьюсь.

— А щѡ жъ я вамъ скажѹ? про другіхъ, дáleбi, нічого не знаю, та й діло намъ до того не доходить. А у насъ ось якъ було:

Ще годівъ за дeсять до смeрти, покійний панотeць [царство їхъ душі] зробили собі домовину; горбатої не схотіли, а таку — зъ дошкою, зъ лісковими колками, та й латку вкїнуки на рїжку, [щобъ душі полeгкїсть була виходити на страшній сѹдъ], дубову, та простору, та й лягли въ ню, та й попробовали, чи не бѹде коротка, абѡ узька. »Гарна«, кажуть, »намъ хата бѹде вiчна.« Пѡ-тїмъ поставили її у комѡрі, та й насїпали пѡвну сaмої кращої пшениці, та ту пшеницю жѡдень годъ старцямъ и роздавали; а новою насїпали упять. Такъ те діло велѡсь, ажъ пѡки живі були.

Ось коло другої Причїстої и занедужай; та все не подаютьця, та ходять, то до клѹні, то до обжїлокъ навідоватьця, а далі — »Ні, вже«, кажуть, »хлопці: мабуть, годї рясть топтати«, та й звалились на пїль. Опe ми заразъ до отця Івана [и вони вже на тїмъ свiті, царство імъ небесне], пособоровали, посповїдали и запричастїли; усe стaло-бути, якъ довгъ Християнський слїдуєть, зробили. А імъ гїрша та й гїрша. Якъ тепeрь знаю, въ п'ятницю надъ вечіръ, мати [легенько імъ згадайся] и кликнули насъ, та якъ заплачуть! та сїї рeчи и промовили: »Идіть, діти, кланяйтесь бaтьковi, бо недалeко єго кончина! Усe на долївку прѡситця, відъ сeбе вaжко дїше, и дѹхъ холѡдний, нѡги якъ лїдъ, нїгті посїніли, ѡчи мутнїї, усe повертаєтьця, рукамі коло

себе, наче чого шука, все оббіраєтця; а якъ задріма, усé ёму ёго батько покойний убачаєтця, що кліче до себе; та й батюшка, посповідавши, сказа́ли: »Догляда́йте!« Ужé жъ вони щось помітили. Мо́же, по тій свічці, що не дуже я́сно горіла. Ідіть, діти-голубя́та, просіте благословення.« Ми зібра́лись усі; ма́ти взяла їхъ підъ плéчи и підвела, вони й сіли, и на дзінгликъ но́ги поста́вили, а ми імъ у но́ги. Вони ста́ли благословляти: насъ, братівъ, обра́зами, а молодіць и уну́ківъ христїли, а ми всі їхъ рúки цілова́ли; та тільки й вимовили: »Бо́же, васъ благослові́ усіхъ, усіхъ! Глядіть же, Бо́га не забува́йте, до цéркви ходіть, празники́ почита́йте, ма́тери догляда́йте, повинности не тіка́йте, вь-кúпці живіть, оди́нь дру́гого поража́йте. Ти, ста́рший, [ми́ні ка́жуть] на мість батька́ будь усімъ. Мене́ схова́йте и відпомина́йте, якъ ма́тері велі́въ. А щó попереду́ вамъ ка́завъ, пам'яту́йте, коли кісто́къ моїхъ не хочете ворущі́ти.« Та съ тимъ и злягли́.

Жіно́та та дітвора́ кой-куди́ розійшли́сь, а я зъ ма́терью біля́ їхъ зоста́вся. Про те вже я вамъ и не бала́каю, що ро́дичи и сусі́ди всі приході́ли що-дня́ проща́тця на сімъ сві́ті. Отъ ми зъ ма́терью воскову́ свічку́ засві́тили, вь черепа́нці ладанцю́ роспу́сти́ли, води́ці для ду́ші поста́вили стакане́ць на вікні́, та й догляда́ємъ сме́рти. Са́ме такъ, якъ перві́ півні́ заспіва́ли, вікони́ця якъ грякне! ми ажъ жажну́лись, та до нихъ, ажъ вони́ вже конча́ютця. Тутъ, якъ на те, и молоді́ці вбігли́. А ма́ти: »Ці́тьте, мовчіть! не пла́чте! да́йте мерщій́ свічку́ ёму́ вь ру́ки: я́нгели прилеті́ли за ду́шею! Молі́тця Бо́гу!« Ми й ста́ли покло́ни біти. А вони́ разівъ трі́чи ті́льки зіхну́ли, легенько-легенько, та й ду́шечка вийшла. Ма́ти тільки-тільки́ що вспі́ла їхъ перехристі́ти та проказа́ти: »Про́щай, дру́жїно, и мене́ дожида́й!«

Я мерщій́ до цéркви. Уда́рили трі́чи вь ста́рший зві́нъ на східъ ду́ші; узя́въ ставни́къ, мо́литву и віне́ць; по́ки верну́вся, а їхъ зра́дили: обми́ли, причеса́ли, сорочку́ білу наді́ли, но́ги полотно́мъ новімъ обгорну́ли, положи́ли на сві́ті, на ла́ві, підъ обра́зами, а вь-го́лови сі́на га́рного, степово́го підъ рядно́ підмоста́ли, обікла́ли васі́льками, да́лі хре́сть у ру́ки, ма́ти віне́ць на го́лову

положила, парчею накрїли; а я въ головахъ поставивъ у глїечку ставникъ и засвїтивъ. Отъ прийшовъ псалтирникъ, ударивъ три поклони, начавъ : »Молїтвами святїхъ«, и ставъ читати та приказувати : »Унокїй, Господи дїшу раба твоєго Прдохора«.

У суботу, такъ саме якъ въ свїданнї, стали по душі дзвонїти во всї дзвони, та повагомъ, та жалїбно; перше бовкне въ скликанчикъ, а далї въ другїй, потїмъ у підстаршїй, та въ старшїй, та й во всї разомъ. Я дзвонарєві пївкони давъ, щобъ потї дзвонївъ, поки трїчи *Вїрую* прокаже, бо на *Помїлуй мя* в бїдний дає. Усякий хрещєний, якъ почує такий дзвїгъ, стане на схїд сїонця, перехрїстятця трїчи и проговоре: »Царство небєсне, вїчний покїй переставшїйся душі!«

Отъ почули и въ слободї, и стали збиратьця и сватї, и свахї, всї родичи, и всякі люде. Бо, бачите, батька всї знали по тїмъ: позичали людямъ грїши, и рїсту не брали, роздавали пшеницю на насїння, съ тимъ — віддасть, спасїбі, а нї, Богъ зъ нимъ! на Спаса мєдомъ годували, волївъ спосужали перевозити бїднимъ пашнїю, та й такъ тихєнько дє-кому роздавали всячину; а ми хоть и бачили, то й відвертались, нїначе не бачимо. Вдовїцямъ и сїротамъ на своїхъ плєчахъ ночної добї по мїшкї мукї носїли, клїли на прїспї, щобъ вони й не чули, хто положївъ [матї тїльнї тимъ підмїчали, що мїшкївъ не ставало]; сказано, всякого зарядовували, чимъ хто побїдкаецця. У цєркву було нануплять ставникївъ, та нїшкомъ на Великдень, або на Рїздво у цвїнтарї й покладуть бїля вїттаря, и сторожї не вшолоцають, дє взялось; або корогвї справлять, та й віднесуть... такъ робїли, щобъ нїхтї й не підмїчавъ. Тимъ-то цїлий день у суботу мїра-мїра все до їхъ приходило процатьця та тїлові клїнятьця. А такъ, якъ пїзнїй полудень, ударили на збіръ въ одїнь; стало быть, тїло до цєркиви випїсили. Оттуть-то було плачї, якъ охристи та мари принесли! Паньматка хотїли самї охристи рушникїми перевязувати, та слєзи такъ и вдарили. Ужє тїтка Одарна помогла. А мати плакали, поки батюшка прихавъ, а тодї вже гїдї. Проспївали *сї души*; а на *вїчню* якъ заголосить увєсь миръ, такъ ажъ

отець Іванъ [царство їхъ душі] не втёрпіли, та мерщій за кропило, покропили святою водою грібъ, та й съ хати. Приятелі тіло въ грібъ положили; грібъ же ма́ти серпанкомъ вислали, и васильківъ, и клечальної трави, и стружечокъ у голови підмости́ли. Та й понесли́ до храму Божого. Шість разъ Евангелію становились читати, а въ на́шій и въ Слободській, и въ Українській церква́хъ усє дзвоня́ть. Після́ вечєрні ставнікъ у голова́хъ засвітили на всю ніченьку, а ми поклонились, та й додому, робочихъ годува́ти. Въ неділю, після́ служби, похоронъ відправи́ли и понесли́ на кладовище. Хотіли въ сад́у біля́ дідуся поховати́, такъ не можна. Ма́ти [легєнько імь згада́йся] само́го лянного полотна́ два суві́і дали, дубовину спуска́ти. И тепєрь ото́ виднієтця хрестъ чо́рний та висо́кий : тамъ лежа́ть панотець и бабу́ся, и дядькі́—усі́ вмі́сті.

Съ кладови́ща панотець и весь миръ при́шли до отцівського курєня поминати. А найбільше ніщю брата́ю покійний панотець велі́въ годува́ти. Спасі́бі жіночка́мъ, на городи́ розикла́ли огнище, и всяко́ї страви понаготовля́ли. Ми ялови́цю вби́ли, ягня́ть съ пя́теро зарі́зали, а про дру́ге — ма́ти то зна́ли. Якъ проспівали́ *сò души и вичню*, ста́ли за сті́ль сидати́ : панотець на по́куті, старі́ жінкі́ на ла́ві, а чоловіки́ на ослони́. Оце́ за́разъ ку́ті зъ ме́домъ за ца́рство покуштовали́, та все приговору́ють : »Ца́рство небєсне Прóхору Семєновичу! перо́мъ земля́ надъ нимъ! неха́й со святи́ми почива́є, та й на́сь дожида́є!« Я ставъ підно́сити, кому́ по ча́рці, кому́ сити́; а тітка Оле́на поста́вила пампушки́, книши́, паляниці́; а пиро́гі, то зъ сіро́мъ, то зъ на́чинкою, передъ́ жоднимъ на столі́ раскла́дені бу́ли; сметани́ поста́вили въ мисочка́хъ скрі́зь-скрі́зь по столóві. Бабу́ся Мовча́нка стоя́ла на полу́, та все съ пє́чи пода́є, кому́ чо́го трєба; а пічъ, ска́зано, вся пиро́гами та паляни́цями бу́ла закла́дена. И на дру́гий сті́ль, котóрий бі́ля поро́га, [посі́дали ті лю́де, що копа́ли яму, и грібъ несли́, — імь и полотно́ роздали́, на котóрому упуска́ли дубовину́]... такъ и на то́й сті́ль після́ сє́го пиро́гі и стра́ву все такі́ тітка [дай Бо́же імь здоро́вья] поча́ли дава́ти галушки́, пє́рцемъ присі́пані,

бѳрщъ, кўрятину, а на пѳрший передъ панотцѳмъ — гўску печѳну, а до порѳга — баранину свинїну усѳ такі тїтка подають, та влїаютьця, та просять: »Годўйтесь такі, кормїтесь такі, помїнайте братїка« [а матї зъ журбї у хїжцї вже звалїлись]. Пїсля сѳго нашу молѳшну сь пѳрцемъ, усїмъ однў, така вже, шо мїсло звѳрху такъ и плава, яблѳкъ изъ свѳго садкї и мѳду сцїльникївъ зъ десятокъ, покїйного бїтька — трудовѳго, бїлого та хорѳшого, зъ самїхъ роївъ. При кончанїи я постаївивъ на стїль кѳливо, поклонївсь низѳнько и мѳвивъ: »Не погнївайтесь на бїльше, звїните радї Христї, не посудїть; чимъ багатї, тимъ и радї.« Отъ щѳ разъ проспївали *сѳ духи* и *вїчню*, кѳливомъ помянўли та й стїли росхѳдитися.

На сей случїй и панїмїтка, якъ хвѳрї нї булї, а вїйшли и стїли обдїляти кѳжному, комў кнїшъ, комў паляницю; а я старцїмъ сїмъ кїпъ самїми копїйками роздївъ [бо й вонї, пообїдавши на-дворї на прїмїсткахъ, рахувїлись росхѳдїтьця]; а грѳши тїї придбївъ покїйний панотѳць. Вїпровадївши, спѳршу стїли лїгодїти столї и сажїти, якї не обїдали, та до самїсїнького смеркў дѳбрїхъ людѳей годувїли; а самї почїтїй о пївночи попоїли, та сўмно, сўмно вь хїтї стїло! Ускѳ нїченькў нї на вѳлосъ не заснўли, — такїй ѳстрахъ узївъ.

На дрўгий день сорокоўсть нанялї, десятїни справїли. На сороковїнахъ такъ булѳ, якъ и на пѳхоронахъ, тїлькї панахїду ще й на грѳбў правїли. Псалтїрщїкъ шїсть недїль псалтїръ у хїтї читївъ; за те ѳмў покїйного бїтька свїту вїдмїнїли, и хўсткў, и малахїй, шо колїсь, якъ молодї булї бїтько, та все ѳгѳ по сїно їхавши накладїли. Мїти на зорї шо-дня ходїли на кладовїще навїдуватьця та голосїти, а вїдтїлї вь цѳрквў; а пїсля сороковїнъ гѳдї се робїти. »Тепѳрь«, вїжуть, »не пїдў вже до гѳду, бо грїхъ«; та такї не втѳрпїли: у Дмїтрову субѳту ищѳ ходїли.

— Та бїльше й нїчѳго?

— Тїлькї жь. Бачъ, чувъ я ще й сѳ: якъ дїдусї ховїли, такъ лїде не неслї домовїни, а везлї волїми на сїняхъ, хотъ то и вь лїтку булѳ. Волї самї дѳбрїшї запрягїли пїдъ те дїло, и вїдавїли

іхъ уже на поминки панотціамъ: такъ прями съ кладовища и відганяли съ саньми до іхъ у двірѣ. А після обіда [казавъ такі покійний батько] вони такі самі достали кашшукъ карбіванцівъ изъ скрині дідусевої, та й висипали на піднієть, на столі, та скілько хто хотівъ, стілько за похоронне й бравъ; бо то гроби були на те обречені; а всіхъ не було забрано, осталоє доволі ще й на підносі.

— Скажіть же, спасібі вамъ, Прохоровичу, на що той стаканчикъ зъ водою на вікні стоївъ?

— Того вже до-ладу не докажу. Кажуть старі люде, що душа покійника до шесті неділь на сімь світі ще побиваєтця и приліта водіці піти до старого куріня, бо їй дуже трібно и тяжко по митарствахъ; та Богъ ёго зна, чи такъ воно! Люде, бачъ, ище й сє робилять: ворота зачиняють, якъ винесуть труну зъ двора, щобъ смєрть не верталаєь; у хати и лавки житомъ посипають, щобъ уже всі живі та здорові були; постєлю съ-підъ покійника у хлівъ викидають до трохъ день, щобъ усє лихє відстало. Та се вже, мабуть, не зовсімъ по-Божому, а люде самі витіяли. Ще й те гомоняють: єсть такі временщикі, котрі піддалиєь лукавому; після смєрти встають и ходять на свій двірѣ, угаму не дають живимъ; такъ іхъ наче бъ то осіковою колякою грибъ прибивають, та мині сєго не лучалось бачити. А оцє й тепєрѣ водитця: є поховані надъ дорігами, то чумаки, то такъ дє-які прохожали; такъ на іхъ могили жаденъ, хто йдє або іде, полінце, скіпку, траву, або грідку землі кидають; а на що воно, Богъ ёго зна, — буцімъ би то й самі помагали ховати.

— Чомъ же ви мині про маліхъ дітокъ нічого не розказали?

— Про іхъ ось що: не підперезаного не трєба ховати; бо на тимъ світі хтось-то даєть ёму яблучко червоне гратця, а воно має въ пазуху сховати; а яблучко до-долу, а воно виють дастає, та все въ пазушку; а воно виють до-долу; та такъ біднєньке й будє мучитьця зъ яблучкомъ. А якъ підперезанє пояскіомъ, то схова, а воно й не випаде съ пазушки. Ще й ногтєвъ не зрізують маліому, аті на якусь-то гору не здерєтця, — чи на святу, чи щі:

бачишъ, нічимъ би то буде ухопитьця. Мати за першою дитиною малюю, котра умре, на кладовище не ходить, бо гріхъ відъ Бога заразь за первимъ та й жалкувати и ёго провожати. От-тїмъ-то и приказка е така:

»Якъ умре малá дитина,
То добра годїна;
А якъ умре дружина,
Лихая годїна!«

Вонó янгеля за бáтька та за мáтирѣ відмóлюватиме.

А оцѣ своїми очима бачивъ, и самъ бувъ при сѣму. У Назáрѣвича Недогóна, якъ дочкú ёго ховали, — молодú та хорóшу, та чепурнú, та звичáйну... тїльки шістьна́дцять годївъ їй бу́ло... що то за дівчина бу́ла люба та мїла, та до людѣй привїтна! та й смерть їй Богъ послáвъ швидѣнько. Захворáла, Бó' зна що балáкала и жахáлась. Кáжуть, зъ рїчки прийшла, сорочки прáла, та щось їй и подїялось: абó підвїяло, абó на ополóвнї стрїло, а мóже и зъ очей, бо всякі лихї люде есть. Ужé й молéбїнь прáвили, и лáда-номъ херувїмськимъ підкúрювали, и васїльки брали сь-підъ хре-стá, вичїрнѣю водою умивали; ти-мовъ и полúчча, та впъять; отъ и до бáби возїли, и Солóдкий приходивъ, — чо́гò не робїли! та вже ко́ли наречено вмирáти, и знахурї не відшпечуть. Та підъ самóї Варвáри, якъ удáрили до вечѣрнї, Бóгу й дúшу віддалá. Отъ тамъ я надивївся, що тамъ робїлось! Мати та побивáлась, насїлу підъ плéчї відвели геть; а бáтько такъ и вхóпитця за гóлову: »Де жъ моá Парáся, де жъ моá дитина? хто жъ менé розувáтиме? хто на вúлицї стрїчáтиме? хто менé роздягнѣ? Де бъ я не бувъ, хоть о півночі прийдú, а вона, моá голúбка, сїни відсúне, ша́пку вїзьме, поясь повїсе и лїжко перетрúсе... лúчче бъ я її на свїть не родївъ!...« Позбїрались усї сусїде та розважáють, щобъ взялись за тóвкь та що слїдуе робїли. Ось, якъ прибїгла Те́доровна-бабу́ся, та якъ загомонїть: »Що ви рóбите, дурнї дїти? годї вамъ голосїти, Бóга прогнївляти!« та й ну порядки давáти; тодї всї

тільки дівлятця. Отъ и стали зваряжати на́че заміжъ: сорочку лянну наділи, картату плáхту, черво́ною окравкою підперезали, кипарісовий хрестъ, що дідусь изъ Кіева привісь, на чорній бáрхатці почепіли на шию, вóси розпустили, стрічку синю на голову повязали, вінки съ червонихъ скіндячóкъ пришилили, сап'янові черевички на ноги обули, та й на стіль, — уже на лавку не клали, — серпанкомъ рúки прикрили, квітками сухими то съ кро́косу, то зъ рóжі обквічали; такъ уже зрядили, що хоть неживе. то заплаче. Тутъ и дружки почали збиратьця. А якъ прийшла порá ховати, стали дружóкъ стёжками повязувати, усімъ хустки давати, — крий-Боже, якъ-то жалібно! Самі дружки въ домовину клали и до ями несли. А мати побивалась, побивались... потімъ уже тільки стóгне; якъ-би не кумъ Панько́, десь би такъ и ввирвалась у яму, ато той, спасібі, державъ підъ плéчи та все розважавъ. А якъ опустили та стали землею закидати, такъ у-трéхъ насіду вдёржали; такъ и лізе сама, не баче куді. Не дай, Господи, такé у-дрóге бачити!...

Лісовикъ.

IX.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ И МАЛОРОССІЯНЪ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

ДВѢ СТАТЬИ, М. ГРАБОВСКАГО И П. КУЛИША, ПО ПОВОДУ НЕДАВНО ОТКРЫТАГО
УНИВЕРСАЛА ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ И МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

Переводъ.

Стефанъ-Христофоръ изъ Острога и Остра Острианинъ,
Божією милостію новоизбранный гетманъ, со всѣмъ вой-
скомъ Запорожскимъ.

Объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ всѣмъ вамъ, благо-
родно рожденнымъ козакамъ, нашей братіи, прославившимся съ
давнихъ лѣтъ во всей подсолнечной многими рыцарскими дѣлами

Подлинникъ.

Стефанъ Криштофъ зъ Острога и Остра Острианинъ, по лас-
ці Божой новочинений гетманъ, со всѣмъ Войскомъ Запо-
рожскимъ (1).

Ознаймѣемъ сімъ универсаломъ нашимъ вамъ, всѣмъ шляхѣтне уро-
ждѣнимъ, братіи нашій, отъ многихъ лѣтъ премногими рыцарскими дѣлами

---

(1) Открытіемъ этого драгоцѣннаго документа обязаны мы М. О. Судіенку, который помѣстилъ его въ третьемъ томѣ издавннй имъ Лѣтописи Величка. Правѣписаніе универсала Острианицы принадлежитъ началу XVIII столѣтія, ибо онъ открытъ не въ подлинникѣ. Такъ какъ нѣкоторыя гласныя буквы произно-
сились грамотными Малороссіянами того времени иначе, нежели стали бы ихъ

и подвигами, и живущимъ, съ отдаленныхъ временъ предковъ своихъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра въ Малой Россіи, отчизнѣ своей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему простому народу Малороссійскому: что, какъ въ прежнія времена, такъ и въ этомъ году, не могли мы, съ сердечною горестью и болью, переслушать и исчислить приносимыхъ вами жалобъ и слезныхъ просьбъ намъ, войску Низовому Запорожскому, касательно чинимыхъ вамъ притѣсненій, разореній и несносныхъ налоговъ отъ Ляховъ, квартирующихъ во всей Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

и отвагами во всей подсолнечной прославившимся, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра, въ Малой Россіи, отчизнѣ своей, зъ предковъ своихъ, отъ давнихъ временъ мешкающимъ, тутъ же и всему посполитому народу Малороссійскому: ижъ яко прошлыхъ временъ, такъ и сего літа, зъ великимъ сердечнымъ жалемъ и болізню не моглисьмо переслухати и изреестровати безпрестанно доносячихся намъ, войску Низовому Запорожскому, отъ васъ скаргъ и плачливыхъ суплікацій о дѣючихся вамъ обидахъ, утискахъ, разореніяхъ и незносныхъ налогахъ отъ Ляховъ, во всей Малой Россіи, по обоихъ сторонахъ Днѣпра, консистуючихъ. Не специфікуемъ

читать теперь въ Сѣверной и въ Южной Россіи, да притомъ въ спискѣ, напечатанномъ г-мъ Судіенкомъ, не вездѣ соблюдено однообразное употребленіе извѣстныхъ буквъ для выраженія извѣстныхъ звуковъ: то языкъ универсала для самихъ Малороссіянъ нашего времени кажется какъ-бы чужимъ. Чтобы сообщить ему тотъ видъ, въ какомъ онъ представлялся слуху, а не глазамъ, старинныхъ людей, позволяю себѣ приворотивъ его правописаніе къ произношенію, принявъ для выраженія мягкаго и остраго звука и двѣ буквы — *и* и *і* — и отвергнувъ Великорусскій звукъ *ы*, Малороссійскому произношенію несвойственный. Замѣчу впрочемъ, что универсалъ Острианицы писанъ оффиціальнымъ языкомъ своего времени, и потому въ немъ много словъ и оборотовъ Польскихъ. Видно, козацкій гетманъ нашель необходимымъ подражать обычному языку судебныхныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій въ Украинѣ, чтобы явиться въ глазахъ народа мужемъ государственнымъ. Но рѣчь его не была отъ того темна для слушателей, ибо Польскій языкъ въ то время распространенъ былъ въ Малороссіи, какъ рѣчь людей образованныхъ, какъ рѣчь утонченная и усвоенная высшимъ сословіемъ Южно-Русскимъ, не говоря уже о множествѣ природныхъ Поляковъ, находившихся въ Малороссіи и заставлявшихъ народъ принимать свой языкъ волею и неволею.

Не исчисляемъ подробно здѣсь того, что они, Ляхи, начавъ съ недавняго времени, лѣтъ пять, или шесть назадъ [ибо давнишнія ихъ злодѣйства предали мы забвенію], какъ не-Христіане, вамъ, православнымъ Христіанамъ, сдѣлали, а именно въ городахъ и повѣтахъ: Козельскомъ, Баришпольскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Остерскомъ, въ Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, Прилуцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березинскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коропскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лохвицкомъ, Пирятинскомъ, Чигринъ-Дубровскомъ и Роменскомъ, Переяславскомъ, въ Гадячскомъ, Миргородскомъ и во всѣхъ иныхъ, гдѣ только были и есть ихъ безразсудные и безжалостные къ Христіанскому народу постои.

Вы сами, наша братія, живуціе въ исчисленныхъ городахъ и

рѣтельны тутъ того, что они, Ляхи, сіяъ недавнихъ временъ почавши, отъ лѣтъ пяти, или шести [давнѣйшіе бо ихъ всі збродні и зліі учинки занехавши], аки не-Христіане вамъ, православнымъ Христіанамъ, виброили и учинили, а именно въ городахъ и повѣтахъ: Козельскомъ, Баришпольскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Острицкомъ, въ Ніжинскомъ, Борзенскомъ, Прилуцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березинскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коропскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лукомскомъ, Лохвицкомъ, Пирятинскомъ, Чигринъ-Дубровскомъ и Роменскомъ, Переяславскомъ, въ Гадячскомъ, Миргородскомъ и во всѣхъ иныхъ (1), где тільки ихъ небачная и милости (на) народъ Христіанскій неимушая зоставала и зостаєть консистенція.

Сами вы, въ преречонихъ городахъ мешкаючи, браття наше, доносили

---

(1) Величко говорить, что Острица разослалъ шесть списковъ своего универсала въ Украину Малороссійскую, лежащую по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, именно въ повѣты Черкаскій, Белоцерковскій и Уманскій, а на другую сторону Днѣпра — въ Переяславскій, Нѣжинскій и Лубенскій. Такъ какъ въ этомъ спискѣ не упомянуто ни одного города за-Днѣпровскаго, то надобно думать, что въ спискахъ, назначенныхъ для Заднѣпрія, тамошніе повѣты исчислены такъ точно, какъ здѣсь повѣты Восточной Малороссіи.

повѣтахъ, доносили о томъ, вы сами о томъ знаете, яко самовидцы и жалобливые намъ доносители. Но мы съ своей стороны вамъ это представляемъ и къ вашимъ горестямъ присовокупляемъ нашу горестъ, которую причинила намъ вѣсть, дошедшая до насъ изъ Остра, изъ дома отца нашего. А принесъ ее намъ родной братъ нашъ, который прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, съ вышибеннымъ тирански отъ Ляховъ глазомъ. Онъ, съ горячими и неизсякаемыми слезами, объявилъ намъ и всему войску Низовому Запорожскому, на радѣ, о своемъ и всего дома нашего отъ Ляховъ бѣдствіи и разореніи, и именно: что нѣкоторый Геродовскій, квартирующий въ Острѣ, въ настоящую истекающую зиму, передъ радостными святками Рождества Господня, не довольствуясь тѣмъ, что ему и другимъ постояльцамъ козаки и мѣщане Остерскіе [сверхъ правъ и законности] доставляютъ, возымѣлъ какую-то особенную ненависть и злобу къ отцу моему, гордящемуся со временъ предковъ своихъ благороднымъ (шляхетскимъ) козацкимъ правомъ, и грозно приказалъ ему, отцу моему, доставлять еже-

---

о томъ, знаете, яко самовидці и намъ о всемъ томъ жалобливіи доносители. Виражаемъ еднѣкъ и ко болізнямъ вашимъ печаль и болізню нашу прилагаемъ, которая дойшла намъ ⁽¹⁾ на сіхъ часехъ відати зъ Остра, зъ дома отца нашего. чрезъ родного брата нашего, зъ вибитимъ тиранско отъ Ляхохъ окомъ тутъ до Січи Запорожской къ намъ прибилого, который, зъ рѣвними и неуголимыми слезами, такое намъ и всему войску Низовому Запорожскому, въ раді, учинилъ донесенне о своемъ и всего дому нашего бідствіи отъ Ляховъ и разоренні, сказавши виразне тое: ижъ ніякийсь Геродовскій, консистуючий въ Острі, сеі сходячої зімі, предъ радостними святками Рождества Господня, при іншихъ всякихъ довольствахъ ему зъ иншимъ товариствомъ отъ козаковъ [надъ права и слушность] и отъ мѣщанъ Острицкихъ вистатчаємихъ, яковуюсь особную къ отцу моему, шляхетскимъ козацкимъ правомъ зъ прѣдковъ своихъ

---

(1) Въ изданіи г-на Судіенка это слово запечатано : *мась*. Я поправилъ потому, что это выраженіе часто встрѣчается въ старинныхъ бумагахъ. См. ниже, стр. 341, *универсалъ Мазепы*.

мѣсячно — не для себя, но для собакъ, своихъ братьевъ, по три ведра творогу и по ведру масла. Когда же мой отецъ не исполнилъ этого — и не по чему иному, какъ по домашнимъ недостаткамъ; то Геродовскій, озлясь на это, — въ самый тотъ день радостнаго праздника Рождества Господня, горемъ и плачемъ наполнилъ домъ нашъ; ибо приказалъ палачамъ, своимъ слугамъ и братьямъ, взять отца моего, семидесятилѣтняго, совершенно сѣдого старца, и ущемить его шею въ частоколь церковной ограды, — а былъ въ то время сильный холодъ съ мятелюю, — и не велѣлъ вывустить его изъ этого нестерпимаго и позорнаго заключенія, пока весь народъ не вышелъ изъ Божіей службы (отъ обѣдни) и пока всѣ люди, бывшіе въ церкви, тому [при всемъ ихъ сожалѣніи] не посмѣялись.

Послѣ этого тяжкаго и нестерпимаго безчестія, сдѣланнаго престарѣлому отцу моему, тотъ же Геродовскій, или лучше Христоненавистный Иродъ, спустя дня два, или три, вторгнулся, въ пья-

---

штящемуся, завзявши ненависть и ранкоръ, приказалъ сурово ему, отцу моему, на каждый мѣсяць, не для себе, но для хортóвъ, своихъ братьевъ, вистачати по три ведри сиру, а по четвертому масла; чого отецъ мой не исполнилъ, не для чого иного, тѣлько для власнихъ недостатковъ домашнихъ, теди онъ за тое узлившись, жалостію и плачемъ наполнилъ домъ нашъ, гди отца моего, семдесятное время въ совершеннихъ сидинахъ жизнь свою провождающою, приказалъ катамъ, слугамъ и братамъ своимъ, вложить въ тинъ шиєю на цвѣнтари церковномъ, въ самую морозную и снѣжную тогда заверуху, и потóль зъ того незноснаго и ругательнаго вязѣннѣя не повелѣлъ отпустити, покóль зъ службы Божой не вийшли и покóль всѣ люди, въ церкви бившіе, тому [хочай то било зъ ихъ жалемъ] не посміялися.

Послѣ того такъ тяжкаго и нестерпимаго безчестія, отцу моему престарѣлому учиненаго, тотъ же Геродовскій, альбо власній Христоненавистный Иродъ ⁽¹⁾, третого, чили четвертого дня, набігши пьяний и без-

---

⁽¹⁾ *Иродъ* по-Польски *Геродъ*; слѣдовательно *Геродовскій* звучало въ слухъ тогдашняго Малороссіянина такъ, какъ бы сказать *Иродовскій*. *Пр. изд.*

номъ и безумномъ видѣ, въ домъ отца моего и требовалъ, чтобъ его потчевали венгерскимъ виномъ. Когда же отецъ мой не могъ исполнить этого требованія такъ какъ въ Острѣ венгерскаго вина не было, то онъ, на зло, началъ потчевать моего отца окови-тою (высшей крѣпости) водкою и, наливъ серебрянную чарку, почти въ кварту мѣрою, велѣлъ выпить ее престарѣлому отцу моему за здоровье короля и Рѣчи Посполитой. Но, какъ отецъ мой не въ силахъ былъ этого сдѣлать, то онъ, будучи пьянъ, озлился и, для окончательнаго поруганія отца моего, отрѣзалъ ему цвѣтущую сѣдинами бороду, захвативъ и тѣла, а потомъ тяжелымъ и смертоноснымъ чеканомъ своимъ, безъ всякаго уваженія и жалости, далъ ему по плечамъ и по груди болѣе десяти ударовъ, отъ которыхъ отецъ мой, проживъ только шесть дней, переселился отъ сей жизни въ жизнь вѣчную, оставивъ насъ, дѣтей своихъ, въ горести и слезахъ, на всегдашнее сиротство.

Но Геродовскій, этотъ проклятый потомокъ Иродова Христо-

розумний зъ подобною собі компанією въ домъ отца моего. потребовалъ, аби его частовано виномъ венгерскимъ; а гди того отецъ мой не могъ исполнити за небитностью въ Острі вина венгерского, тѣди онъ на ценю началъ частовати отца моего горілкою своею окови́тою (¹) и, наливши оной чарку срібную, мало не въ кварту будучую, велілъ випити всю старушкови́ отцу моему за здоровье королевское и Річи Посполитой. Того, гди отецъ мой не могъ учинити, тѣди онъ, пьяний, за тое узлившись, не тільки, на всеконечное поруганіе, отцу моему сідинами цвітущую, займаючи и тіла, урізалъ брану, мало къ тому зачепивши и горла, азі и тяжкимъ надто и смертоноснимъ своїмъ обухомъ, безъ жадного респекту и літости, по плечахъ и грудяхъ кільконадесять сотворилъ ударовъ, отъ которыхъ отецъ мой большъ надъ шесть дней не поживши, мусилъ преселитися во вічну жизнь отъ жизни сея, насъ, дітей своїхъ, печальнихъ и плачевнихъ, всегдашнему а непрестаемому вручивши сиротству.

Но и тимъ отца нашего убиствомъ онъ, Геродовскій, Иродового

(¹) Высшей крѣпости водка.

ненавистнаго племени, не удовлетворился такимъ злодѣйствомъ. На четвертый или на пятый день по погребеніи отца нашего, онъ взялъ изъ нашего дому насильно брата нашего на порошу, въ трескучіе и несносные морозы, и, посадивъ его безъ сѣдла на свою водовозную клячу, далъ ему пару собакъ на сворѣ. Когда же выѣхали въ поле и началась охота, и когда поднято было нѣсколько зайцевъ, — подскочилъ къ моему брату одинъ служка и велѣлъ ему спустить со своры собакъ, которыхъ онъ держалъ, что, очевидно, сдѣлалъ по приказу своего господина. Геродовскій же, этотъ тиранъ и мучитель человѣческой, увидя моего брата безъ собакъ, наскочилъ на него и, спросивъ: гдѣ собаки? ударилъ безъ милосердія арапникомъ брата моего по головѣ, и въ это время арапникъ концомъ своимъ вышибъ ему глазъ.

Отъ этого тиранскаго и безчеловѣчнаго удара братъ мой, полумертвый, упалъ съ клячи Геродовскаго, который приказалъ еще служкамъ своимъ избить его немилосердно арапниками по всему тѣлу. Наконецъ, видя его мертвымъ и бездыханнымъ, взвалили

Христоненавистнаго племени проклятии потомокъ, не вконтентовавши-ся, — по погребеніи отца нашего, четвертого, или пятого дня взялъ гвалтомъ зъ дому брата моего на порошу, въ часъ тріскучихъ и незносныхъ тогда морозовъ, и, всадивши его охляпъ на свою водовозную бербігу, далъ ему на смичі хортовъ пару. Выѣхавши зась въ поле, гди роспустилъ мислівство и гди спужено нисколько зайцовъ, въ тотъ часъ еденъ служка его, Геродовскаго, прибѣгши велѣлъ пустити брату моему зъ смича хортовъ, які биди въ него: знатно, учинилъ тое по приказу пана своего. А Геродовскій, тиранъ и мордѣрца людскій, не увидѣвши хортовъ на смичі въ брата моего, наскочилъ на него конемъ и исчитавши: где хорти? ударилъ, тиранскимъ замаломъ, канчукомъ по головѣ того брата моего, въ який часъ канчукъ концемъ своимъ и око вилушилъ оному.

Отъ котораго тиранскаго и безчеловѣчнаго удара гди братъ мой полумертвий зъ бербіги Геродовскаго упалъ на землю, тѣди онъ, Геродовскій, еще довольно служкамъ своимъ велѣлъ его канчуками по всімъ тілі немилостивне зранити, а наконецъ вмѣсто мертвого и бездушнаго чело-

его брюхомъ на ту же клячу, какъ-будто мѣшокъ съ какой-нибудь пашнею, и Геродовскій велѣлъ одному изъ своихъ служекъ отвезти его къ нашему дому и бросить у воротъ, какъ негодный мертвый трупъ.

Увидѣла это многопечальная моя мать-старушка и, объятая невыразимою болью сердечною, велѣла другимъ братьямъ и сестрамъ моимъ внести въ хату нашего брата, тирански избитаго, изуродованнаго и почти бездыханнаго, и съ трудомъ могли оттереть и привести въ прежнее состояніе замороженныя руки и лицо его.

Послѣ этой тиранской чаши, изуродованный братъ мой едва черезъ нѣсколько недѣль началъ выздоравливать; но тутъ опять услышалъ отъ того жъ мучителя Геродовскаго разныя на себя похвалы. Спасаясь отъ новыхъ бѣдствій и унося послѣднія свои силы, онъ прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, еще больвой, съ тиранскими знаками на своемъ тѣлѣ [кромя вышибеннаго глаза], и обо всемъ, что съ нимъ самимъ и съ покойнымъ отцомъ моимъ произошло и что тутъ описано, принесъ всему войску Запорожскому

віка, яко міхъ съ пашнею якою, зринувши чѣревомъ на тую жъ бербігу свою, велігъ одному служкѣ своему отпировадѣти до дому нашего и предъ воротами яко непотребного и мертвого изринути трупа.

Що многопечальная и неисканною болізнюю объятая старушка matka моя увидівши, другимъ братамъ и сестрамъ моимъ веліла внести до хати того тиранско убитого и скаліченого и мало въ собі духа иміючого брата нашего и залѣдво отиороженние руки и тварь возмогли ему отвѣжити и до шершой приспособити битности. По якої тиранской честі, залѣдво въ кѣлько недель тотъ окалічений братъ мой гди почалъ приходѣти до здоровья, знову почувъ на себе отъ того жъ мордѣрці Геродовскаго происходячие похвалки, которихъ уходячи и остатную частку здоровья своего уносячи, прибилъ тутъ до Січи Запорожской, еще хорий и знаки тиранские [кромя вибитого ока] на тілі своемъ иміющий, и о всемъ томъ, що ся зъ нимъ и небожчикомъ отцемъ моимъ діяло и тутъ виражено, словесную, жалости и неутимимихъ слезъ полную, всему Войску Запорож-

словестную, жалости и неутолимыхъ слезъ полную реляцію. Узнавъ обо всемъ этомъ, не только мы, новоизбранный гетманъ, но и все войско Запорожское, подвинулись великою горестью и рѣшили единодушнымъ совѣтомъ выступить изъ коша (стану) Запорожскаго съ войскомъ на Украину Малороссійскую, для освобожденія, при помощи Божіей, васъ, народа нашего православнаго, отъ ярма, порабощенія и тиранскаго Ляшкаго мучительства и для отмищенія нанесенныхъ обидъ, разореній и мучительскихъ поруганій вамъ, нашей благородно рожденной братіи и всему простому народу Русскаго племени, живущему въ Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

Поэтому вы, братія наши, прочитавъ этотъ открытый листъ нашъ, взгляните на дѣло глазами вашего разума и разсудите: не законно ли мы съ войскомъ Запорожскимъ затѣваемъ войну противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ нашихъ, и еще ли не вывели васъ изъ терпѣнія ихъ непомѣрныя на постояхъ у васъ выдумки, «окóрмы и напитки»? И неужели вамъ пріятно видѣть, какъ вашихъ отцовъ и матерей постоянно предають поруганію и безче-

---

скому учинилъ реляцію, которую не тільки ми, повобóбранный гетманъ, лечь и все Войско Запорожское жалостію великою взрúшені будучи, постановилисмо згóдною порадою и совѣтомъ рúшити зъ коша Запорожскаго зъ войскомъ на Украину Малороссійскую для видви́гнення, при помощи Божой, васъ, народа нашего православнаго, отъ ярма, порабощенія и мучительства тиранскаго Ляховскаго и для отмищенія починенныхъ обидъ, разореній и мучительскихъ ругательствъ вамъ, браттіи нашої шляхетне урожóной, и всему поспóльству рода Русскаго, въ Малой Россіи, по обоіхъ сторонахъ Дніпра, мешка́ючому.

Ви прѣто, браття наше, вичитавши сей отвóристый листъ нашъ, обачте разума своего очима и уважте: если ми зъ войскомъ Запорожскимъ не слúшне затѣваемъ дѣло военное противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ вашихъ, и если еще вамъ не допекли ихъ збѣточніи на консістенціяхъ вашихъ вимисли, окóрми и напитки, и если вамъ мило видіти отцовъ и матерей своіхъ, всегда ругаемыхъ и безчестимыхъ, такъ-же бра-

стію, какъ вашихъ братьевъ, сестеръ и женъ тирански убиваютъ, окровавливаютъ и мучать, какъ ихъ на лдяныхъ ломкахъ, въ трескучіе морозы, погоняють и обливаютъ водою, какъ ихъ [чего не слыхано подъ солнцемъ] запрягаютъ въ плугъ, будто воловъ, и какъ ихъ Христоненавистные Жиды, по Ляшскому приказанію, бичуютъ и погоняють, чтобъ они хорошо тасили плугъ и голый ледъ, безъ всякой пользы, для одного смѣха и ругательства, орали и чертили! Все это и многое другое [что и письмомъ выразить стыдно и неприлично] происходило и нынѣ происходитъ въ городахъ и повѣтахъ вашихъ, кратко исчисленныхъ въ началѣ этого нашего универсала.

А что всего важнѣе, такъ это то, что эти непріатели наши, отступники и еретики Ляхи, стараются перемѣнить, привести къ Римскому заблужденію, обратить и насильно преклонить къ Уніи и самую хвалу Божію, которая совершается отъ начала крещенія Руси и, какъ солнце, сіяетъ въ Европѣ незыблемымъ благочестіемъ; и уже въ нѣкоторыхъ Украинскихъ городахъ есть знаки и свидѣтельства этого ихъ посягательства.

товъ, сестеръ и женъ, тиранско забиваемыхъ, роскривляемыхъ и мордуемыхъ, по ломкахъ ядовитыхъ въ трескучіи морозы понуряемыхъ и обливаемыхъ, въ плугъ, аки воловъ [чего подъ солнцемъ не слыхано] запрягаемыхъ, а чрезъ Жидовъ Христоненавистныхъ, по приказу ихъ Ляховскомъ, бичуемыхъ и поганяемыхъ, аби добре тягли и голый ледъ безпо-
требне, на едно посмѣвско и ругание, орали и рисовали. Що все и множайшее [чего и выразити письмомъ встыдно и неприлично] діялося и теперь діется въ городахъ и повѣтахъ вашихъ, въ початку сего листа нашего коротко намененныхъ.

А що пайбольша, же и хвала Божия, въ церквахъ православныхъ нашихъ Греко-Рускихъ отъ начала крещенія Руского отправуемая и, аки солнце, непозиблемимъ въ частіи свѣта Европійского благочестіемъ сияющая, отъ тихъ же непріателей нашихъ, отщепенцовъ и еретиковъ Ляховъ, хоцетъ и усилується премінити и до заблужденія Римского на унію обернути и гвалтовне преклонити; чого уже и певніе по нѣкоторихъ городахъ Украинскихъ суть знаки и документа.

Итакъ вы, братія наши, благородно рожденные козаки, живущіе въ Малороссійской Украинѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, со всѣмъ мѣщанскимъ и сельскимъ простымъ народомъ, уразумѣвъ и обсудивъ все то, что здѣсь кратко изображено, склонитесь вашими сердцами къ нашимъ сердцамъ и желаніями вашими къ нашимъ желаніямъ и, соединясь съ нами [когда мы прибудемъ въ Украину съ войскомъ Запорожскимъ], извольте начинать, въ полномъ вооруженіи, при всеиельной помощи Божіей, со всѣмъ усердіемъ, военное дѣло противъ Ляховъ, своихъ непріятелей. И для того, покамѣсть мы прибудемъ въ Украину, извольте готовить и кормить коней своихъ, такъ-же добывать и устроивать доброе, исправное оружіе съ надлежащимъ къ нему запасомъ, то есть порохомъ и пулями, а такъ-же заготовляйте себѣ и съѣстные походные запасы. Ляшскихъ же льстивыхъ и лживыхъ писемъ и универсаловъ никакихъ не слушайте и имъ не вѣрьте, на ложные распускаемые ими въ народѣ слухи не обращайтесь вниманія, и плутовства ихъ не бойтесь. И пускай васъ не устрашаетъ Кумейская война войска Запорожскаго съ Ляхами въ прошломъ году;

А такъ вы, браття наша, шляхетне уроженіи козаки, по обоимъ сторонахъ ріки Днѣпра, на Украинѣ Малороссійской живущіи, со всѣмъ мѣщанскимъ и сѣльскимъ посполитимъ народомъ, все тое, що тутъ вкратці написалося, зрозумівши и уваживши, преклоніте сердца ваша до сердець нашихъ и желанія ваша до желаній нашихъ и, совокупившись зъ нами [гди зъ Войскомъ Запорожскимъ на Украину прибудемъ], съ полнымъ оруженемъ, при всеиельной помощи Божой, извольте усердно противъ Ляховъ, непріятелей своихъ, военное зачинати діло и промысль. Для чого, німъ ми зъ войскомъ прибудемъ на Украину, извольте готувати и кормити коні свої, такъ-же німіти и приспособляти доброе, исправное оружье зъ належитимъ до него припасомъ, то есть порохомъ и кўлями, и харчъ собі походную потребную приспособляйте жъ. Жаднихъ тежъ Леховскихъ прелестнихъ и омáнчливихъ писемъ и универсаловъ не слушайте и имъ не вірте, и відомостемъ їхъ лживимъ, въ народъ на устрашеніе его розсїваемимъ, ні мало не вірте, и плутовства їхъ не бойтесь. А ні Кумейская тогорочная войска Запорожскаго зъ Ляхами война нехай васъ не устра-

ибо они ложно и несправедливо разглашаютъ, что [дѣло невозможное] будто бы они подъ Кумейками поразили на голову войско Запорожское и устлали козацкими тѣлами дорогу на поль-мили. Еслибы это было такъ въ самомъ дѣлѣ, то съ кѣмъ бы послѣ этого Ляхи дѣлали договоръ и заключали миръ? развѣ съ мертвыми козацкими трупами? Или они то называютъ поражениемъ войска Запорожскаго, что [да и то произошло отъ неисправности тогдашняго обознаго] отрѣзали часть козацкаго обоза съ тремя пушками? но въ людяхъ, благодаря Бога, мало нанесли вреда войску Запорожскому, ибо, по повѣркѣ того войска, оказалось убитыхъ товарищей семь-сотъ-девяносто-пять, а раненныхъ восемь-сотъ-пятнадцать. А что Ляхи говорятъ о дорогѣ, устланной на поль-мили козацкими тѣлами, то, видно, они — или хорошо не досмотрѣлись, будучи въ воинскомъ запалѣ, чьими тѣлами покрыта наиболѣе та дорога, или лгутъ умышленно и ту свою ложь новтворяютъ и разсѣваютъ въ городахъ и селахъ, для устрашения всего народа. А мы вамъ истинно объявляемъ, что ихъ,

---

шаеть; бо они фальшиве и неправедно розголошаютъ тое [щѣ ричь есть неподобна], щѣ будто тамъ, подъ Кумейками, на голову войско Запорожское поразили и на поль-мили шляхъ трупомъ козацкимъ устлали. Гди жь еслби такъ било, то съ кимъ би они, Ляхи, тогдѣ трактъ чинили и покой завирали? развѣ зъ мертвыми козацкими трупами? И хйба они, Ляхи, тое описуютъ за поражку на голову войска Запорожскаго, же [и то сталося за несправностю обознаго тогдашняго] часть обозу козацкаго зъ трома штуками армать урвали? а въ людехъ войска Запорожскаго мало зашкодили, благодареніе Богу; бо, по ревзії того войска Запорожскаго, явилося забитихъ товариства сімъ-сотъ-девять-десять-пять, а раннихъ осмь-сотъ-пятнадцать. Щѣ тежъ трупомъ козацкимъ Ляхи на поль-мили усланій именуотъ шляхъ, то, подобно, альбо не досмотрѣлися добре, будучи въ военномъ тогда опалі, чимъ наибольшей тотъ шляхъ усланъ билъ трупомъ, альбо нарочно лгутъ и тую ложь свою въ городахъ и селахъ, для всенародного устрашенія, произносятъ и розсѣваютъ. А ми вамъ истѣтне ознаймѣемъ, же ихъ, Ляховъ, въ-десятеро больше отъ

Ляховъ, на томъ Кумейскомъ побоищѣ пало въ десять разъ больше противъ нашего, — какъ знатныхъ родовыхъ товарищей, такъ и ихъ служекъ. Ибо, черезъ пять, или черезъ шесть недѣль послѣ той войны, два знатныхъ товарища, а третій близкій служка гетманскаго писаря, Снѣжинскій, спасаясь отъ должнаго наказанія за нѣкоторое преступленіе, прибыли въ Сѣчь Запорожскую и не только принесли всему войску словесное извѣстіе, но и на бумагѣ подали исчисленіе павшаго Ляшскаго товарищества и служекъ. Тутъ-то и обнаружилось, что съ ихъ стороны было убито двѣнадцатъ-тысячъ-двадцать человекъ, кромѣ немалаго числа раненныхъ.

Поэтому, какъ выше сказано, не вѣрьте, ваша милость, братія наши, никакимъ таковымъ Ляшскимъ плевеламъ и стращаньямъ, и безъ всякаго сомнѣнія готовьтесь и снаряжайтесь къ соединенію съ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ нихъ. Однакожь дѣлайте свои приготовленія тайно и невѣдомо, и читайте эти наши листы между собою подъ присягою, втайнѣ, среди людей добрыхъ, надежныхъ и желающихъ всякаго блага сво-

---

нашихъ на той Кумейской войнѣ пало трупомъ, значнаго рядового товариства и служокъ ихъ; понѣважъ въ пять, чили въ шесть недѣль по войнѣ оной два товарищи значныхъ, а третій близкій служка писаря гетманскаго, Снѣжинскій, уходячи за свое певное проступство належитого каранья, прибыли до Січи Запорожской и не тільки словесную всему войску учинили реляцію, але и на исьмі подали изчисленіе побитого Ляховскаго товариства зъ служками, где показалося число палихъ труповъ дванадцать тысячъ и двадцать человекъ, кромѣ раннихъ, тожь числа немалого.

Прѣто, яко выше наменилося, не вірте ваша милость, браття наша, жаднимъ таковымъ Ляховскимъ плевелемъ и пострахамъ и безъ жадной вонпливности готуйтеся и приборайтеся въ совокуцленіе зъ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ ихъ. Однакъ тотъ приборъ свой чиніте скрито и невѣдомо, и сїі листи нашѣ между собою вичитуйте подъ присягою, тайно, межъ людьми своїми добрими, поуфалими и всего до-

ему упадающему Малороссійскому отечеству. Козаковъ же реестровыхъ, выроdkовъ и отступниковъ нашихъ, незаботящихся, ради собственной прибыли и частныхъ выгодъ, объ упадкѣ отечества, берегитесь и опасайтесь, какъ ядовитой ехидны; ибо, какъ только они объ этихъ листахъ и о намѣреніи войска Запорожскаго провѣдаютъ и извѣстятъ о томъ Ляховъ, живыхъ пановъ своихъ, то наши военные интересы тотъ-часъ пострадаютъ въ своихъ успѣхахъ и придуть [чего не дай Боже] къ вредному концу, а васъ постигнуть жестокия мученія отъ Ляховъ, на допросахъ объ этихъ листахъ. Ибо и Кумейская война съ Ляхами, не по чему иному, какъ только по простотѣ и неосторожности братья нашей, живущей въ своихъ домахъ, навлекла, хотя и не великое, безчестіе и безславіе войску Запорожскому; такъ какъ подобныя симъ нашимъ листы тогдашняго гетмана Запорожскаго, пущенные въ Малороссійскій народъ, вскорѣ попали, мимо своего назначенія, въ руки реестровымъ козакамъ, а отъ нихъ Ляхамъ, и они, узнавъ ихъ содержаніе, постигли вполне, какъ предупредить угрожаю-

---

бра упадающей отчизні своей Малороссійской желающими. А козаковъ реестровыхъ, отродковъ и отщепенцовъ нашихъ, для власныхъ ихъ корыстей и приватъ своихъ, о упадокъ отчизни недбающихъ, яко ядовитой ехидни стережитесь и крийтесь: бо, скоро би тѣлько они о сіхъ листахъ и о намѣреніи Войска Запорожскаго провідали и Лехамъ, обманчливымъ панамъ своимъ, о томъ извѣстия, то заразъ би интереса наши военные мусили въ своихъ прогресахъ шванковати и до непомисльныхъ [чего не дай Боже] скѣтковъ приходити; а вамъ би окрѣтние нанеслися мордѣрства отъ Ляховъ, о сіхъ листахъ нашихъ допытующихся. Гди жъ и Кумейская война зъ ними, Ляхами, отправленная не для чего иного, только для простоты и неосторожності братті нашей, въ домахъ своихъ жилючей, наволокла, хочай не великое, войску Запорожскому безчестіе и неславу, же листи тогдашняго гетмана Запорожскаго, въ народъ Малороссійскій посланіе, симъ листамъ нашимъ подобные, вскорі неналѣжне досталися рукамъ козаковъ реестровыхъ, а отъ ихъ Ляхамъ, которыхъ они силу зрозумѣвши, научилися совершенно, якъ запобігти наступающему злу свое-

щую имъ бѣду и какъ сдѣлать отпоръ предпріятію войска Запорожскаго. И потому мы убѣдительно и горячо просимъ и совѣтуемъ вамъ приготавливаться къ наступающей войнѣ, а отъ козаковъ реестровыхъ, враговъ своихъ и истинныхъ губителей нашего отечества, все то, что тутъ изложено, какъ отъ злой искры, беречься. Уповайте на милость Божию, покаравшую и помиловать насъ, грѣшныхъ, готовую. Чего всеусердно желая, надѣемся васъ, братій нашихъ, вскорѣ видѣть и привѣтствовать на Украинѣ, здоровыхъ и радостныхъ.

Данъ изъ стана войска Низового Запорожскаго отъ Базавлука, отъ Рождества Господня 1638 года, марта 20.

Острѣникъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою.

му и який учинити встрентъ импрэзі войска Запорожскаго. И повторе тѣди пыльно и горячо жадаемъ и совітуемъ до войны наступающей прибіратися, а козаковъ реестровихъ, недруговъ своихъ и згубцовъ отчизни нашей власнихъ, зъ тимъ всімъ, що ся тутъ виразило, яко искра злой, стерегтися. И уповайте несумінно на милость Божию, покаравшую и помиловати насъ, грішнихъ, готовую; чого всеусердно жичачи, желаемъ васъ, братью нашу, здоровихъ и радостнихъ, въ совокупленні зъ собою вскорі на Україні оглядати и витати.

Данъ зъ табору войска Низового Запорожскаго, отъ Базувлука, року отъ Рождества Христова 1638, марта 20.

Острѣникъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою. (М. В. З.)

ЗАМѢЧАНІЯ М. А. ГРАБОВСКАГО.

НѢКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЦА.

Представляя эти замѣчанія на судъ Русской публики, считаю нужнымъ сказать, что они были высказаны мнѣ г-мъ Грабовскимъ сперва изустно, послѣ совмѣстнаго нашего чтенія приложеннаго здѣсь универсала гетмана Острияницы. Взглядъ на него Поляка и католика заинтересовалъ живѣйшимъ образомъ потомка козацкаго. Между понятіями XVII и XIX вѣка большая разница; тѣмъ не менѣе, однакожъ, каждый изъ насъ ведетъ преемство мысли и чувства отъ своихъ предшественниковъ. Вражда между двумя племенами кончилась; самыя причины вражды, въ глазахъ истинно просвѣщенныхъ людей, давно не существуютъ. Мы бесѣдуемъ теперь мирно о кровавыхъ дѣлахъ нашихъ предковъ, и единственное побужденіе нашихъ споровъ (если они иногда возникаютъ) есть желаніе уразумѣть истину. Чтобъ уразумѣть ее, мы должны терпѣливо и съ глубокимъ вниманіемъ выслушивать чужія мнѣнія, какъ бы они ни были противоположны нашимъ. Съ этой цѣлью помѣщаю, безъ всякихъ исключеній, сужденія Польскаго критика нашей старины, изложенныя имъ, по моей просьбѣ, на бумагѣ и переведенныя мною для Русскихъ читателей. Въ чемъ я съ нимъ не согласенъ, о томъ сказано ниже, въ особой статьѣ; а судить, кто изъ насъ ближе къ истинѣ, предоставляется просвѣщеннымъ людямъ обѣихъ націй.

Документъ этотъ (говорить г. Грабовскій объ универсалѣ гетмана Острияницы) до сихъ поръ оставался вовсе неизвѣстнымъ. Онъ написанъ за десять лѣтъ до знаменитаго универсала Хмѣльницкаго, которому послужилъ образцомъ, будучи, въ свою очередь, составленъ по образцу прежнихъ прокламацій. Изъ него мы видимъ, что причину народнаго возстанія въ Украйнѣ, подъ предводительствомъ Острияницы, или лучше сказать — искрою вспышки козацкаго возмущенія, послужила частная обида, такъ точно какъ и въ великомъ возстаніи, которое поднялъ потомъ Хмѣльницкій. Тиранство, претерпѣнное отцомъ и братомъ гетмана Острияницы, изложено въ этомъ универсалѣ очень подробно и характеризуетъ тогдашнихъ Поляковъ и Малороссіянь. Дѣйствительно ли было поступлено съ Острияницами такъ безчеловѣчно? въ этомъ удостовѣряютъ насъ языкъ и подробности изложенія : все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры; не возможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки. Но еслибы мы и усомнились въ его подлинности, то самый порядокъ вещей во времена Острияницы, извѣстный намъ изъ разнородныхъ источниковъ, заставилъ бы насъ признать его несомнѣннымъ. Буйство и безурядица военнаго сословія въ старой Польшѣ, къ несчастью, слишкомъ хорошо намъ памяты. Постоянныя *жолнѣровы* въ городахъ и селахъ сопровождались всегда величайшимъ самоуправствомъ, драками и угнетеніемъ жителей. Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ и въ памятникахъ литературныхъ, а всего болѣе въ постоянныхъ званіяхъ войсковыхъ и гражданскихъ проповѣдниковъ, которые гремѣли противъ преступленій, увѣщевали жолнѣровъ образумиться, грозили Божескою карою, которая именно за то можетъ поразить все королевство, и изображали ее съ такой опредѣленностью, въ такихъ вѣрныхъ послѣдовавшихъ событіяхъ чертахъ, какъ будто исполнены были пророческаго духа. Подобныя обиды и притѣсненія военные люди дѣлали мирнымъ жителямъ по всей Польшѣ, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что на Украйнѣ они распоряжались точно такъ же, а можетъ быть, еще и хуже того.

Въ провинціи отдаленной, богатой и нѣсколько пустынной, населенной народомъ иноплеменнымъ и иновѣрнымъ, Польскій жолнѣръ, безъ сомнѣнія, становился еще наглѣе, нежели въ глубокой Польшѣ, а его насилія здѣсь тѣмъ сильнѣе ожесточали жителей, что сравнительно богатый, вольный и почетный въ своемъ обществѣ Украинецъ переносилъ ихъ съ меньшимъ терпѣніемъ, нежели совершенно подавленный *пахлокъ* Польскій. Русинъ, поселившійся на *крулевщинѣ* (землѣ королевской, казенной), или живущій въ собственномъ хуторѣ, имѣвшій сына, или брата въ реестровомъ козацкомъ, или Запорожскомъ войскѣ и потому самому считавшій себя уже не простымъ человѣкомъ, но родовымъ козакомъ, *шляхетно* (благородно) *урожденнымъ*, или *хорошого роду*, какъ до сихъ поръ величаютъ себя иные изъ Малороссійскихъ простолюдиновъ, — смотрѣлъ на всѣ оскорбленія, претерпѣнныя имъ отъ жолнѣра, или даже отъ начальника жолнѣровъ, какъ на оскорбленія отъ равнаго равному, какъ на вопіющую несправедливость, и сопротивлялся всякому насилію до тѣхъ поръ, пока видѣлъ какую-нибудь къ тому возможность. Съ своей стороны Польскій жолнѣръ, не признавая въ самомъ почетномъ и заслуженомъ козацѣ шляхетскаго достоинства, которымъ самъ онъ гордился, упорно стоялъ на томъ, что всякой козацъ есть *хлопъ* (мужикъ), называлъ предъявленіе съ его стороны правъ своихъ наглостью, оскорблялся, сердился и, если былъ въ душѣ негодай, или, какъ случалось чаще всего, пьяница и буянъ, то позволялъ себѣ съ нимъ самыя низкія жестокости. Такъ именно поступилъ Геродовскій съ семействомъ Острианицы, и я тѣмъ менѣе расположенъ оспаривать возможность подобныхъ насилій и сумасбродствъ жолнѣрскихъ, что они всего болѣе объясняютъ мнѣ роковую вспышку вражды между Украиною и Польшею при Хмѣльницкомъ.

Въ универсалѣ своемъ, Острианица всего больше распространился о тяжести *консистенціи* Ляховъ, то есть постоевъ коронныхъ войскъ въ Украинѣ. То же самое выражается въ оригинальныхъ современныхъ лѣтописяхъ, въ разныхъ другихъ памятни-

кахъ тогдашняго времени и въ народныхъ преданіяхъ. Но позднѣйшія, такъ называемыя ученыя исторіи Польско-козацкихъ войнъ, не только Великорусскія и Малороссійскія, но и Польскія [которыя въ нелѣпостяхъ и поверхностности не уступаютъ никакимъ другимъ], изображаютъ этотъ фактъ въ неясныхъ, сбивчивыхъ чертахъ и, рассказывая даже дѣйствительныя событія, придаютъ имъ иное значеніе. Говоря въ общихъ выраженіяхъ о Польскомъ игѣ, о гнетущемъ господствѣ Поляковъ на Украинѣ, они наводятъ на мысль, что будто-бы Украину угнетало Польское правительство, или по крайней мѣрѣ владѣльцы Украинскихъ имѣній. Чтò касается до правительства, то смѣло можно сказать, что преднамѣренной идеи угнетенія Украины оно никогда не имѣло и имѣть не могло. Оставляя въ сторонѣ вопросъ: какъ надобно понимать самыя слова *Польское правительство*, когда говорится о политическомъ тѣлѣ, называвшемся Рѣчью Посполитою Польскою? скажу только, что — чѣмъ бы его ни воображали — оно смотрѣло на Украину, какъ на другія свои провинціи, и, не дѣлая никакой между ними разницы, поступало, относительно ея, на основаніи общаго всему королевству законоположенія. Чтò же касается до угнетенія народа отъ владѣльцевъ имѣній, то этого никакъ не слѣдуетъ представлять себѣ по современнымъ нашимъ понятіямъ объ угнетеніи. Все въ тѣ времена было иначе, нежели теперь въ Малороссіи. Украинскія деревушки находились тогда совершенно въ иныхъ гражданскихъ и экономическихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ, нежели нынѣшнія села къ помѣщикамъ. Сельское хозяйство, въ смыслѣ извлеченія разнообразныхъ доходовъ, далеко не достигло еще тогда современнаго намъ развитія; да и не для чего было тогда панамъ принуждать народъ къ тяжкимъ трудамъ, такъ какъ потребности ихъ — говоря вообще — ограничивались домашнимъ избыткомъ, а вкусъ въ одеждѣ и въ устройствѣ домовъ былъ очень постояненъ. Если кому угодно удостовѣриться въ этомъ изъ документовъ, то достаточно указать на инвентари XV и XVI столѣтій. Не утверждаю, чтобы и въ тѣ времена не было поводовъ къ жалобамъ, и къ жалобамъ справедли-

вымъ. Попадался конечно въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ строгій *дюдичъ*; попадался любитель иноземной роскоши, обременявшій своихъ «подданныхъ» непомѣрными налогами за предоставленную имъ землю ⁽¹⁾; попадался управитель, обиравшій и притѣснявшій поселянъ; въ слѣдъ за шляхтой, вторгались въ Украину Жиды, обманывавшіе мужика, указывавшіе шляхтичу источникъ доходовъ неправый, или для народа обременительный. Но все это не составляло еще того, что можно было бы назвать систематическимъ повсемѣстнымъ *угнетеніемъ*. Смѣю сказать утвердительно, что ни административнаго гнета, ни гнета, проистекающаго изъ права владѣльческаго, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, быть не могло. Напротивъ, не слѣдовало бы забывать добра, которое сдѣлали Украинѣ Поляки. Литвины прогнали изъ этой страны Татаръ; Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили. Изъ несомнѣнныхъ мѣстныхъ документовъ можно удостовѣриться каждому, до какой степени онѣ были безлюдны въ близкое къ Гедимину время. Король Александръ, король Казимиръ Ягеллонъ жаловали иногда какому-нибудь князю, или рыцарю, здѣшнія земли въ границахъ отъ Синюхи до Тѣкича и отъ Роси до устья Тѣсмина, и на нихъ всего только двоихъ, троихъ подданныхъ. Прошло сто, или полтора ста лѣтъ, и Украина дѣлается страной многолюдною. Самыя войны Хмѣльницкаго свидѣтельствуютъ о чрезвычайной ея населенности. Очевидно, что эти войны могли вспыхивать только въ то время, когда край находился въ цвѣтущемъ состояніи, когда онъ былъ богатъ, можно даже сказать свободенъ, и раздраженъ только такими единичными, или мѣстными обидами, о какихъ мы только-что говорили.

---

(1) Къ этому факту относится воспоминаніе козацкаго проповѣдника XVII вѣка, который говорятъ: «... що рокъ, що йншіи (подати) змисляли и видирали, не пораховавшиися зъ сумніиємъ: если его посадилъ на таковимъ грунтѣ и жеби міль чимъ виплачовати таковие подѣтки? А хочай-би грунтъ бувъ и найліпшии, хто наспорить на фѣхи его Влоскиє? который бѣрзій приправляєть potravu, ніжєли князь Гданский; который ліпше хочеть цорю (дочъ) свою устрѣити (изпестрити) и устроити (нарядити), ніжєли видивъ ве Влошєхъ!» См. *Южнорусскія Лѣтописи*, изд. Н. Бѣлозерскимъ, стр. 154.

Обиды эти всего больше происходили отъ жолтѣрскаго сумасбродства и самоуправства. Современные письменные памятники указываютъ на это самымъ выразительнымъ образомъ, и я ужъ сказалъ, что, въ моихъ глазахъ, ничто тому не противорѣчить. Необузданность жолтѣровъ, буйство шляхты и всеобщая страсть къ попойкамъ должны были дѣлать постои войскъ на Украинѣ очень тягостными; но, кромѣ наглости и грабительства, важную роль должно было играть здѣсь еще распутство постояльцевъ. Вспомнимъ думу о Бѣлоцерковскомъ мирѣ (1), въ которой *Ляхъ, мостівый панъ*, овладѣваетъ козацкою женою. Это вѣрная живопись съ натуры; и такихъ продѣлокъ, такихъ соблазновъ и насилій въ этомъ смыслѣ было, безъ сомнѣнія, слишкомъ много; а что могло больше этого раздражать Украинцевъ? Въ другихъ частяхъ королевства подобныя оскорбленія со стороны военныхъ людей, навосимыя безоружному обывателю, сносились терпѣливо, или по крайней мѣрѣ оставались безъ кровавыхъ послѣдствій. Но Украина не была страной безоружною, и виновные неизбѣжно подвергались здѣсь скорому и вѣрному мщенію. Украинскій народъ имѣлъ свое родное войско — на Запорожьѣ. Каждая претерпѣнная имъ обида отзывалась въ сердцахъ Запорожскихъ *брѣтчиковъ*; каждая справедливая, или преувеличенная жалоба, достигнувъ Низовыхъ степей и луговъ, принималась тамъ съ вѣрою и возбуждала негодованіе. Всѣ мы давно ужъ знаемъ, что Запорожьѣ поднялось по случаю частныхъ обидъ, нанесенныхъ Хмѣльницкому Польскими урядниками. Теперь универсалъ Острияницы представляетъ намъ новый и убѣдительный примѣръ, какъ частное тиранство какого-то буйна Геродовскаго навлекло мщеніе степныхъ рыцарей на всю Рѣчь Посполитую. Умы были раздражены жолтѣрами и другими буйными лицами. Украинцамъ казалось, что и подъ солнцемъ не было другой страны, въ которой бы совершались подобныя жестокости. Не доставало только отважныхъ предводителей для возстанія, и лишь только являлся

---

(1) См. т. I, стр. 51, «Записокъ о Южн. Руси».

между ними человекъ надежный и рѣшительный, возстаніе вспыхивало, какъ порохъ отъ искры.

Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ дѣйствительныхъ поводовъ къ разрыву между Южною Русью и Рѣчью Посполитою. Кромѣ Запорожцевъ, въ Украинѣ существовало другое народное, почти регулярное войско: *козаки реестровые*, или иначе — *городовые козаки*. Вспомнимъ, что Остряница говоритъ о нихъ, какъ объ отступникахъ родины, которые, ради частныхъ корыстныхъ видовъ своихъ, потакаютъ Ляхамъ въ притѣсненіи соотечественниковъ. Возбуждая Украину къ возстанію, онъ не дѣлаетъ и попытки къ возмущенію реестровыхъ козаковъ. Они стояли еще крѣпко за Поляковъ. Хмѣльницкій сумѣлъ поколебать ихъ убѣжденія, и этимъ объясняется неудача одного и торжество другого; но изъ этого такъ-же видно, что реестровые козаки не могли долго оставаться на сторонѣ Поляковъ: поворотъ ихъ противъ Поляковъ былъ, можно сказать, неизбѣженъ. Стефанъ Баторій создалъ, или по крайней мѣрѣ организовалъ козацкое войско. Всѣ его за то хвалили, и справедливо; ибо велика была мысль — защитить боевымъ народомъ восточныя границы государства; но исполненіе этой мысли, вмѣстѣ съ пользою, вело и къ великой опасности. Въ наше время гражданскаго порядка и спокойствія можно устроить, не опасаясь вредныхъ послѣдствій, военныя поселенія, какъ въ Россіи, и пограничныя полки, какъ въ Австріи; но въ тѣ времена порядокъ вещей былъ иной. Всюду, и особливо у козаковъ, духъ былъ еще неукротенъ и бурливъ. Козаки образовались изъ самовольныхъ набѣдниковъ на бусурманскія земли и, будучи призваны правительствомъ къ отраженію невѣрныхъ отъ Польскихъ границъ, считали себя посвященными на вѣчную войну съ Татарами и Турками, на войну вездѣ и во всякое время. Поэтому, въ случаѣ войны, ничего не было для Поляковъ полезнѣе этого ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, и именно съ Турціею. А надобно помнить, что тогдашняя Турція была не то, что она теперь, и великимъ было безразсудствомъ задѣвать ее

Польшѣ безъ причины, или въ неблагопріятную пору. Вспомнимъ, что все Христіанство трепетало тогда предъ полумѣсяцемъ и что онъ держалъ въ постоянномъ страхѣ не только Вѣну, но едва ли и не всю Италію. Польша, передовое укрѣпленіе Христіанства, должна была стоять на своемъ постѣ съ сердцемъ безстрашнымъ, но и съ напряженнымъ вниманіемъ; и потому козацкое *мицѣрство* не одинъ разъ приводило Рѣчь Посполитую въ большое затрудненіе. Отважное *отаманье* и беззаботное *товариство* помышляло только о томъ, чтобы разгуливать въ степи и разносить по всему свѣту козацкую славу, а весь Польскій народъ долженъ былъ отвѣчать за это. Козацкіе набѣги сухимъ путемъ, или водою доставлявшіе козакамъ добычу и потѣху, а бандуристамъ новые предметы для думъ, вызывали взаимное вторженіе въ Польскія земли Татарскихъ ордъ, или влекли за собой настоящую войну съ Оттоманскою Портою. Правительство принуждено было, поэтому, умѣрять военный жаръ козаковъ и принимать мѣры, чтобы корпорація, созданная Баторіемъ для обороны государства, не обратилась на его пагубу; а эти мѣры казались козакамъ произвольнымъ гоненіемъ. Степные рыцари не вдавались въ политическія разсужденія и не понимали, или не хотѣли понимать, поступковъ Польскаго правительства. Они не обинуясь называли эти поступки нарушеніемъ своихъ правъ, обидами и угнетеніемъ. Весьма естественно, что назначаемые Поляками гетманы и полковники изъ шляхты обращались съ козаками черезъ-чуръ строго, самовластно, надменно [на это есть жалобы въ современныхъ памятникѣхъ]; но то были уже случайности, отъ правительства независѣвшія. Люди во всякое, самое святое дѣло вносятъ свои страсти и недостатки. Лишь только начались столкновенія между собой противоположныхъ стремленій и намѣреній, лишь только дошло до необходимости обуздывать и ограничивать свободу козаковъ, что они объясняли себѣ только правомъ сильнаго; то и взаимныя между обѣими сторонами отношенія естественно дѣлались всё болѣе и болѣе непріязненными; а дѣйствующія лица съ обѣихъ сторонъ, пустивъ въ ходъ свои личныя по-

бужденія и чувства, довели ту и другую сторону до послѣдняго ожесточенія.

Итакъ, во времена Острияницы, козацкое войско было недовольно правительствомъ, а народъ сносилъ съ величайшимъ негодованіемъ постои Польскихъ хоругвей въ городахъ и селахъ Украинскихъ. Вообразивъ себя въ положеніи тогдашняго козачества и народа, мы вполнѣ поймемъ, что они легко могли возстать противъ Польши; но мы обязаны имѣть такое же сочувствіе и къ другой сторонѣ, мы обязаны уразумѣть побужденія Польскаго правительства и не взводить на него преступленій, которыхъ оно не дѣлало. Обратимъ здѣсь вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускаютъ изъ виду : почему знаменитые Южно-Русскіе патріоты, какъ Острожскій, Вишневецкій, Кисель, и вообще все дворянство Южной Руси, дворянство большею частью родовое Русское и православное, или «благочестивое», держали сторону Поляковъ? Что ни говори, а Украинскія смуты были не что иное, какъ войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война. Неужели между Украиной и Подшеей не было никакой разумной внутренней связи? Провидѣніе не отдѣлило родовъ другъ отъ друга опредѣленными границами, и гдѣ та земля, на которую кто-нибудь предъявить въ наше время *право перваго займа*? Видно, для самого счастья людей, необходимо имъ существовать въ связяхъ политическихъ и въ связяхъ одного рода съ другимъ; и, такъ какъ мы признаемъ за другими политическими системами право держать въ соединеніи разноплеменные части государства, то надобно признать и право господства Польши надъ Украиной. Это господство не было ни у кого похищено, ни отнято силою — развѣ только у Татаръ. Обладаніе Южною Русью было со стороны Польши не завоеваніемъ, не порабощеніемъ, а, напротивъ, *освобожденіемъ* этой земли. Отнятыя у Азіятскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни Поляки мало-помалу населили, упрочивъ безопасность Русичей, остававшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ, и заохотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину. Да-

же первоначальный раздѣлъ поземельной собственности, сопровождаемый въ другихъ странахъ (напримѣръ въ Англіи) вопіющею несправедливостію, здѣсь не былъ запечатлѣнъ вичьей потерей; ибо кто владѣлъ имѣніями въ Украинѣ? князья *Южно-Русскіе*, дворянство *Южно-Русское*, возвратившіеся изъ скрытныхъ и отдаленныхъ мѣстъ, куда загнали ихъ Татары. Если же владѣли Поляки, то имъ доставались отъ Литовскихъ князей и Польскихъ королей, естественныхъ господъ безлюдныхъ пустынь, земли *незаселенныя*, и доставались не иначе, какъ съ опредѣлительно выраженною [и въ-послѣдствіи вышолвенною] обязанностію *заселить* ихъ. Противъ этого сказать нечего, ибо доказательства на лицо, хотя Великорусскіе, Малороссійскіе и вѣчно наравнѣ съ ними Польскіе историки, въ своихъ сочиненіяхъ, представляютъ Польскую шляхту какими-то бродягами. Всѣ они описываютъ съ какимъ-то восхищеніемъ изгнаніе Ляховъ изъ Украины, какъ-будто Украинцы въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, что еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что поднятая козаками къ возстанію чернь, въ-слѣдъ за ненавистными ей жолнѣрами, прогнала и своихъ родовыхъ пановъ, и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ, *Ляхами*, *Недолышками* и *ополчившимися панами* были не только военные люди Рѣчи Посполитой, не только необузданные своевольники и буяны, но и всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что заграбить. Естественно послѣ этого, что вся Польская шляхта воспламенилась мщеніемъ за своихъ собратій изъ Южно-Русскихъ провинцій и что Вишневецкіе и Кисѣли называли войско Хмѣльницкаго взбунтовавшимися мужиками. Я не вступаю съ ни сколько за лица, надъ которыми разразилась буря народнаго возстанія, но, изъ уваженія къ исторической истинѣ, желалъ бы установить какія-нибудь общія оправданія и обвиненія, какъ одной, такъ и другой стороны. При тогдашнемъ порядкѣ вещей, разрывъ между Польшей и Южной Русью былъ неизбѣженъ; понесенныя, или, лучше сказать, почувствованныя козаками обиды, вмѣстѣ съ дру-

гими, возбужденными въ нихъ до энтузіазма, страстями, должны были произвести возстаніе; но какъ козаки не обличили Поляковъ въ посягательствѣ на дѣйствительныя права свои, такъ точно не признавали за ними никакихъ правъ и заслугъ относительно своей родины. Мы должны стоять выше козацкой логики и видѣть въ представителяхъ Польско-Русскаго дворянства людей, по крайней мѣрѣ съ такою же долею врожденной правдивости и здравого смысла, какую приписывали себѣ козаки.

Къ сожалѣнію, Польско-Украинская исторія до сихъ поръ не отличается ни безпристрастіемъ, ни точнымъ знаніемъ трактуемаго предмета. Я ужъ сказалъ, что господство Польши надъ Украиной было справедливымъ; теперь прибавлю — чего никто до меня не произносилъ — что оно было *благоворнымъ*. Это новое мнѣніе не требуетъ новыхъ доказательствъ. Состояніе Украины до Хмѣльницкаго, ея населенность и богатство говорятъ о томъ слишкомъ убѣдительно. Политическое господство всегда чѣмъ-нибудь оправдывается, но чего ничто и никогда не оправдываетъ, такъ это посягательство на какую бы то ни было народность, на какія бы то ни было обычаи, языкъ и внутреннюю жизнь народа. Смѣло можно сказать, что Поляки не дали никакого повода обвинять себя въ такомъ посягательствѣ. Польскіе законы извѣстны и доступны каждому: никто не найдетъ въ нихъ никакого, даже и отдаленнаго намѣренія подавить Южно-Русскую народность. Духъ подавленія другой народности былъ чуждъ Полякамъ; напротивъ, единственную силу политической системы соединенія разноплеменныхъ провинцій составлялъ у нихъ духъ терпимости и какой-то великодушной гордости, которая не только не позволяла имъ отнимать у кого-нибудь что-нибудь, но заставляла еще придавать что-нибудь отъ себя, и это всего яснѣе выражается въ добровольномъ соединеніи Литвы съ Польшею. Вліяніе Поляковъ на первоначальное образованіе Запорожскаго братства [на чтѣ есть много указаній] и устройство потомъ козацкаго ополченія [фактъ, давно ужъ признанный исторіею] доказываютъ, что Поляки даже слишкомъ неблагоприятно были спокойны на счетъ развитія самостоя-

тельной Украинской народности. А Малороссійскіе этнографы могли бы представить и другія доказательства. Они безпреставно открываютъ прекраснѣйшія проявленія Южно-Русскаго духа въ народныхъ понятіяхъ, въ пѣсняхъ и обычаяхъ, хотя и смѣшанныя съ *Польщизною*, но такъ мирно, такъ гармонически, что эти проявленія почти столь же дороги для Поляка, какъ и для Малороссіянина. Такое развитіе духовной жизни въ Южной Руси не иначе могло совершиться, какъ подъ вліяніемъ любви и свободы.

Итакъ не правительство Польское виновато въ ожесточеніи Украинцевъ противъ Поляковъ и въ разрывѣ между двумя народами. Первымъ поводомъ къ тому было безчинство жолнѣровъ; но уничтожить этого безчинства не было въ то время никакой возможности: оно было такимъ же бѣдствіемъ во внутреннихъ провинціяхъ королевства, какъ и на пограничьяхъ. Вторымъ — были строгія мѣры къ обузданію козаковъ; но правительство было вынуждено къ нимъ политическою необходимостью. Раздраженный тѣмъ и другимъ, Украинскій народъ видѣлъ со стороны правительства притѣненіе и насиліе во всемъ, что отъ него ни исходило. Такое именно значеніе придалъ онъ и его желанію соединить Южно-Русскую Церковь съ Римскою. Эту несчастную *унію* предали проклятію и Малороссіяне, и большая часть писателей Польскихъ; но она требуетъ еще внимательнаго и безпристрастнаго и разсмотрѣнія. Я не могу здѣсь о ней распространиться, ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачу уніи было *устройство іерархіи*, а не *перемѣна вѣроисповѣданія*. Но, принятая въ послѣднемъ смыслѣ, она сдѣлалась оскорбительна и ненавистна для народа, и какъ она появилась въ самую пору несогласія убѣждений и раздраженія страстей, то естественно доставила новое, сильное побужденіе къ разрыву между Поляками и Русинами. Она служила знаменемъ, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ передъ народомъ, чтобы освятить въ его понятіяхъ предпринимаемое возстаніе. Самъ Острианица, въ возмутительномъ своемъ универсалѣ, упоминаетъ о ней въ общихъ выраженіяхъ, не приводя никакихъ фактовъ, ко-

торые бы, въ глазахъ народа, были такими вопіющими событіями, какъ тиранство Городовскаго, или ему подобныхъ пьяницъ и негодяевъ надъ козацкимъ семействомъ; а между тѣмъ говорить, что это самое нестерпимое притѣсненіе со стороны отступниковъ, еретиковъ и непріятелей народныхъ, Ляховъ. (1)

Вотъ нѣсколько мыслей о Польско-Украинской старинѣ нашей, возникнувшихъ у меня по прочтеніи универсала Острианицы. Онѣ давно уже образовались въ умѣ моемъ изъ другихъ историческихъ источниковъ; открытіе этого новаго для всѣхъ насъ документа только ихъ подтвердило.

---

(1) «А що *найбольша* (а что всего важнѣе), же и хвала Божія въ церквахъ православныхъ нашихъ... отъ сихъ же непріятелей нашихъ, отщепенцовъ и еретиковъ Ляховъ, хочеть и усиловуется премінити и до заблужденія Римского на унію обернути и гвалтовне преклонити; чого ужеи певние по нѣкоторихъ городахъ Украинскихъ суть знаки и документа.»

ЗАМѢЧАНІЯ ИЗДАТЕЛЯ.

Польскій критикъ нашего прошедшаго имѣеть, въ моихъ глазахъ, особенный интересъ въ томъ отношеніи, что онъ стоитъ внѣ нашего круга понятій и дошелъ до уразумѣнія исторической истины путемъ, противоположнымъ нашему. Все, что онъ говоритъ о Польско-Украинской старинѣ, освѣщаетъ для насъ — или по крайней мѣрѣ для пишущаго эти строки — давно исчезнувшую жизнь съ новой стороны и чрезъ то даетъ намъ возможность взглянуть на нее съ свѣжимъ, оживленнымъ вниманіемъ. Но, взглядывшись въ совокупность явленій Польско-Украинской исторіи, мы увидимъ, что, излагая свои мысли, почтенный авторъ содержалъ въ умѣ своемъ не всѣ условія общественной жизни Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Отъ-того раздраженіе умовъ Украинскаго простонародья противъ всего шляхетскаго, при богатствѣ края, при сравнительной незначительности работъ на помѣщика, не вполнѣ еще для насъ понятно. Отъ-того и самъ г. Грабовскій впадаетъ въ односторонность и преувеличеніе, говоря, что «для Украинцевъ *Ляхами, Недолѣшками и ополчившимися панами* были всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что заграбить.»

Въ концѣ второй статьи этого тома «Записокъ о Южной Руси» (стр. 139—141) я высказалъ мысль о правѣ сильнаго, господствовавшего въ Польшѣ повсемѣстно, принятомъ и какъ-бы узаконенномъ повсемѣстно, и о равнодушномъ презрѣніи, съ которымъ смотрѣли Поляки на положеніе чернорабочаго сословія въ государствѣ и на его будущность. Прицая жолтырское самоуправ-

ство и безнаказанность шляхетскаго буйства, г. Грабовскій этимъ самымъ соглашается съ моимъ мнѣніемъ о внутреннемъ порядкѣ дѣлъ въ старой Польшѣ. Онъ можетъ возразить, что шляхта была слишкомъ горда въ своей массѣ и не позволяла проявляться въ отношеніи къ себѣ праву сильнаго. Такъ, оно было сдерживаемо общественнымъ мнѣніемъ и готовностью каждаго обнажить саблю за нарушеніе шляхетскихъ правъ; но сама же шляхта, служба, по заведенному искони обычаю, при дворахъ богатыхъ и знатныхъ собратій своихъ, помогала имъ приводить въ исполненіе самыя вопіющія посягательства на имущество сосѣдей, на мѣста, заслуженныя другими, и на самыя опредѣленія сеймовъ и сеймовъ. Гордясь своимъ шляхетскимъ равенствомъ съ могущественнѣйшими магнатами въ государствѣ, она допускала ихъ захватывать въ свои руки обширнѣйшія помѣстья, на правахъ наследственныхъ старобствъ и потомственныхъ пожалованій со стороны управляемаго ими короля. Духъ магнатской гордости сообщался тѣмъ, которые, будучи сами важными сановниками, служили у нихъ *при дворахъ* маршалами, кравчими и т. п. Каждый въ своемъ домѣ и въ своемъ кругу былъ тотъ же магнатъ въ отношеніи къ своимъ кліентамъ, презрительно-великодушный и повелительно-благосклонный; каждый держалъ открытый столъ для званыхъ и незваныхъ гостей, давалъ средства къ обогащенію болѣе мелкой шляхтѣ и готовъ былъ поднять домашнюю войну съ сосѣдомъ изъ-за малѣйшей неуступчивости въ дѣлѣ, или словѣ. Такая іерархія слугъ, которые преклонялись передъ надменными своими покровителями, льстили имъ и объѣдали ихъ, іерархія враговъ каждаго, кто осмѣлился посмотрѣть косо на *пана*, не имѣя на то іерархическаго права, исходила до послѣдняго прислужника, носившаго при боку шляхетскую саблю ⁽¹⁾, и наконецъ упиралась въ народъ, чуждый шляхетскихъ предрасудковъ, но тѣмъ не менѣе

---

(1) Въ «Pamiętnikach Domowych», изданныхъ М. Грабовскимъ, старосвѣтскій шляхтичъ Борейко говоритъ: «Надобно отдать справедливость павамъ, что они окружали себя только шляхтою, отъ самой высшей до самой низшей комнатной прислуги.» (Стр. 50.)

гордый сознаниёмъ чловѣческихъ правъ своихъ, именно — въ народъ Украинскій. Что ни говори, но если Поляки и Южно-Русскіе родовые паны, при всей своей благонамѣренности относительно Малороссіи, довели ее до непримиримой къ себѣ ненависти и возбудили въ главной массѣ ея населенія самую дикую злость, продолжавшуюся до временъ Чуприны и Чортоуса (1); то виноваты въ этомъ не столько жолнѣры съ своими постоями, не столько козаки, раздраженные стѣсненіемъ своей свободы, сколько господствовавшіи въ Польскомъ обществѣ понятія и, въ слѣдствіе понятій, правила поступковъ, которыми сознательно и безсознательно руководствовалась, относительно козаковъ и Украинскихъ поселянъ, каждая шляхетская личность въ Польской Рѣчи Посполитой. Мы соглашаемся съ г. Грабовскимъ, что правительство Польское (котораго почти неограниченно произвольными представителями были всё таки паны и шляхта, съ гордымъ сознаниёмъ своего государственнаго значенія и съ презрѣніемъ ко всему нешляхетскому) не имѣло умысла угнетать Малороссію, то есть систематически довести ее до матеріальнаго и нравственнаго упадка. Такъ, паны желали ей благоденствія; они довели ее до цвѣтущаго состоянія, поощряя сельское хозяйство, ремесла и промыслы; но они смотрѣли на нее не иначе, какъ на помѣстье, которое вѣчно будетъ доставлять средства для великодушнаго ихъ хлѣбосольства. Надобно отдать имъ справедливость, что они не были низкіе корыстолюбцы: они дѣлились своимъ достаткомъ, подъ разными условными формами, съ убогими своими собратіями, и признано было даже за правило общежитія, что каждый, кто входилъ при саблѣ въ общество пирующихъ, имѣлъ право на его гостепріемство. Но дѣло въ томъ, что эта щедрость, эта общительность, эта, какъ они называли, *людскость* существовала у нихъ, только для одного, сравнительно малочисленнаго сословія. Остальное населеніе Украины, котораго часть (городовые козаки) тоже была вооружена саблями, но только въ качествѣ служилыхъ лю-

---

(1) См. выше, стр. 121 — 138.

дей, буквально оставалось *безъ мѣста на пиру земномъ* у старосвѣтскихъ пановъ Украинскихъ. Козакъ, по духу Польскихъ обычаевъ, усвоенныхъ и родовыми нашими панами того времени, не могъ быть посаженъ за столъ у гербового шляхтича, съ которымъ онъ былъ равенъ по образованности, по достатку, по военнымъ подвигамъ, или даже во всемъ этомъ превосходилъ его. Надобно знать характеръ *мыльшиляго* свободного Малороссійскаго поселянина и его понятія о своей человѣческой личности (1), чтобы судить, до какой степени нестерпимо было для него въ тѣ времена *неукротимости и бурливости* (о которыхъ упоминаетъ и г. Грабовскій) ежедневное и повсемѣстное униженіе, которое давали ему чувствовать надменные жолѣбры и бречавшіе саблями шляхтичи, легкомысленно дѣлавшіе изъ себя что-то въ родѣ полубоговъ и обрекавшіе многочисленную массу простолюдиновъ на вѣчную покорность и униженное смиреніе передъ ними. Замѣтимъ притомъ, что происхожденіе Польской шляхты остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ, по отсутствію письменныхъ документовъ, — что, судя по аналогіи общественныхъ явленій, шляхта, въ своемъ началѣ, должна была произойти тѣмъ же путемъ, какимъ изъ чернорабочаго класса происходятъ джентельмены въ Англіи и какъ происходили изъ *посполитыхъ* козаки въ Малороссіи, и что только сама она дѣлала великое различіе между своимъ и козацкимъ сословіемъ. Мнѣніе шляхты о своей

---

(1) Приведу одинъ примѣръ, поразительный для наблюдавшаго нравы простолюдины у разныхъ племенъ. Ъдучи однажды съ пріятелемъ въ Кіевъ по столбовой дорогѣ, въ знойный лѣтній день, и обгоняя усталыхъ богомольцевъ, мы бросали имъ яблоки, которыхъ множество набрали съ собой изъ дому. Ни одно Малороссійское существо, какого бы оно ни было возраста и пола, не удостоило вниманія нашу любезность. Мы остановились и спросили у одного мальчика о причинѣ такого равнодушія. Отвѣтъ его былъ замѣчательнъ: *Хибá ми собакы, що ви намъ кїдаєте?* По мнѣнію этихъ усталыхъ путешественниковъ, если мы хотѣли подѣлиться съ ними яблоками, которыхъ они, идучи пѣшкомъ, набрать съ собою не могли, то намъ слѣдовало остановить свою коляску, поздороваться съ ними и потомъ уже сказать: *Може бв, ви, люде добрі, схотїли смїду пропитати? Ось у насъ єсть кисличкї; їжте на здоров'є.* Иначе честному Хохлу не пойдетъ въ горло никакое съѣстное.

исключительной знатности принадлежало собственно ей, основывалось на правѣ сильного и освящено было только временемъ. Довозательствомъ этому служатъ то, что Острианица, основываясь то-же на одной давности общественного мнѣнія между своими земляками, говорить, что отецъ его, *«шляхетскимъ козацкимъ»* правомъ съ вредковъ своихъ щитѣтся. Нося оружіе и служа отечеству наравнѣ со шляхтою, козаки создали себѣ тѣмъ же путемъ, что и она, понятіе о своемъ благородствѣ, и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой, или Польской шляхты; а будучи двигателями народныхъ возстаній, они и самому народу Украинскому дали почувствовать всю нелѣпость шляхетскаго права, которое уполномочиваетъ одно сословіе глумиться надъ другимъ безнаказанно. Вотъ откуда, по-моему, родилась страшная международная ненависть въ Рвчи Посполитой; и, въ этомъ смыслѣ, Малороссія и Польша представляютъ едва ли не единственный примѣръ войны изъ-за *оскорбленнаго чувства человеческого достоинства*, къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ горючихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя.

Каждый, кому извѣстны права Польской шляхты и то, что у ней называлось *гоиностью* (чувство собственного достоинства); согласится, что Геродовскій не осмѣлился бы, счелъ бы для себя стыдомъ и униженіемъ поступить такъ съ послѣднимъ изъ своихъ собратій-шляхтичей, какъ поступилъ онъ съ семействомъ Острианицы. Возьмемъ и другой примѣръ. Ни одному шляхтичу не сказалъ бы староста, какъ Хмѣльницкому, что онъ не имѣетъ права владѣть землею, которая дана была его отцу за военные заслуги для населенія и потомственного владѣнія. Но положимъ, что тутъ вышло недоразумѣніе; положимъ, что на Украинской почвѣ могъ заводить поселенія и пользоваться ими только нобилитованный правительствомъ, или природный шляхтичъ, а не выслужившійся въ козацкомъ войскѣ старшина (1); всё же подстаробѣтій Чаплин-

---

(1) Впрочемъ съ Палиемъ произошло та же самая исторія. См. т. I, стр. 129.

скій не засѣкъ бы публично шляхетнаго ребенка, какъ онъ сдѣлалъ съ сыномъ Хмѣльницкаго, и навлекъ бы на себя вѣчный позоръ въ глазахъ своихъ товарищей такими поступками, какіе онъ себѣ съ нимъ самимъ позволилъ. Эти два разглашенные исторіею случая произошли не отъ чего другого, какъ только отъ нелѣпаго, глубоко вкоренившагося въ Польскомъ обществѣ понятія о шляхтѣ и не-шляхтѣ; и по нимъ можно судить, сколько происходило отъ этого понятія другихъ случаевъ, о которыхъ мы такъ точно ничего не знаемъ, какъ до сихъ поръ не знали о наглости и тиранствѣ Геродовскаго. Можно себѣ представить, какъ должны были они отзываться въ сердцѣ каждого, кто сознавалъ, что онъ, будучи не-шляхтичемъ, долженъ быть готовъ къ терпѣливому перенесенію всякаго нахальства со стороны шляхтича, или къ неравной борьбѣ съ сословіемъ богатымъ, дерзкимъ отъ привычки повелѣвать, закаленнымъ въ дракахъ и битвахъ и которое притомъ тѣсно связано между собою общими матеріальными и *гоноровыми* интересами. Но мы не дивимся тому, что въ Украинской черни, къ которой по всему принадлежали и Запорожцы, достало смѣлости, или лучше отваги, объявить открытую войну противной сторонѣ, которую поддерживали ея же собратія, городовые козаки. Мы дивимся тому, что, не смотря на неоднократное пораженіе ея ополченій, не смотря на казни *бунтовщиковъ*, взятыхъ Поляками въ плѣнъ, не смотря на крутыя мѣры, принятія правительствомъ къ обузданію *бунтливаго и въроломнаго хлопства*, не смотря на сидѣвшихъ у этого хлопства на шеѣ жолнѣровъ-притѣснителей и Жидовъ, заѣдавшихъ его, какъ кровожадные наѣкомые, оно не было подавлено и доведено до нравственнаго ничтожества, подобно Мазурамъ, Литовцамъ, Жмуди и другимъ худороднымъ аборигенамъ въ Рѣчи Посполитой! Разверните Боплана, описавшаго Украину передъ самимъ возстаніемъ Хмѣльницкаго: какая жалкая картина порабоженія, хотя, положимъ, и вынужденнаго у пановъ и правительства частыми бунтами! »Одни«, говоритъ онъ, »наслаждаются, какъ въ раю, другіе мучатся, какъ въ аду.« И этотъ народъ, выйдя, подъ предводительствомъ

Хмѣльницкаго, изъ рабскаго общественнаго состоянія, отдѣлясь отъ собственнаго дворянства, то есть лишась сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой, въ тотъ же самый моментъ образовалъ у себя своеобразное правительство, съ судопроизводствомъ и расправою на всѣхъ пунктахъ земли Южно-Русской, съ почтовымъ сообщеніемъ для разсылки административныхъ распоряженій, съ *громадскими мужами* въ каждомъ самомъ малолюдномъ селѣ, съ представителями сословій для рѣшенія важныхъ общественныхъ дѣлъ и съ верховнымъ трибуналомъ, котораго президентомъ былъ избирательный гетманъ, ограниченный голосами генеральныхъ старшинъ. Какъ бы мы ни объясняли себѣ это необыкновенное перерожденіе бунтливыхъ рабовъ въ единомысленное гражданское общество, но оно показываетъ присутствіе въ Малороссійскомъ народѣ высшихъ гражданскихъ понятій. И такой народъ отдѣленъ былъ въ Рѣчи Посполитой отъ шляхетской касты непреодолимою преградою общественного убѣжденія, названъ мужиками, обреченъ на услуги праздному, пьяному и драчливому сословію! Конечно, въ тотъ вѣкъ мудрено было понимать вещи, объяснившіяся для насъ многими событіями вѣковъ послѣдовавшихъ; тѣмъ не менѣе, однакожь, причина великаго историческаго явленія существовала, и наконецъ обнаруживается для нашего разумѣнія. Итакъ, соглашаясь во многомъ съ почтеннымъ авторомъ замѣчаній на универсалъ Острияницы, прибавляю къ нимъ отъ себя : что въ Украинскомъ простонародьи, откуда бы ни воротилось оно въ опустошенную Татарами Южную Русь, изъ какихъ бы остатковъ стараго населенія и при какихъ бы благопріятныхъ вліяніяхъ оно ни размножилось, — въ необыкновенной степени было развито сознание своей человѣчности, — что шляхетное устройство Рѣчи Посполитой діаметрально противорѣчило этому сознанию, и что тѣ причины возстанія, которыя такъ осязательно выставлены г. Грабовскимъ въ его статьѣ, были только случайными побужденіями къ проявленію этого сознания. Двѣ совершенно противоположныя національности столкнулись на почвѣ, занятой Польскою полити-

ческою системою, и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло на пользу человѣчества, доказали наконецъ другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несомнѣнность. И потому да будетъ миръ костямъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Кисѣлей, которые у Поляковъ прослыли *Русскими патриотами* и о которыхъ современные лѣтописи наши говорятъ, что они *плакали по своимъ имѣньямъ на Украинѣ!* Они принесли свою пользу въ общей дѣятельности Рѣчи Посполитой Польской, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, къ которому они принадлежали, способствовали первому посягъ Татарщины и — какъ мы вѣруемъ — не напрасному шагу Русскаго племени къ истинному самосознанію и самодѣятельности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ СТАТЬЕ : »О ВЗАИМНОМЪ ОЖЕСТОЧЕНІИ ПОЛЯКОВЪ И
МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ХУІІ ВѢКѢ«.

Примѣчаніе. За составленіе этихъ оправдательныхъ статей обязанъ я благодарностью извѣстному Польскому археологу Э. О. Руликовскому.

Къ стр. 309. *Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ, и проч.*

Дѣйствительно въ судебныхъ жалобахъ, въ современныхъ литературныхъ памятникахъ и въ рѣчахъ войсковыхъ проповѣдниковъ встрѣчается безконечное множество случаевъ, изъ которыхъ видно, какія притѣсненія, насилія и самоуправства терпѣли Украинцы отъ своихъ военныхъ постояльцевъ. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ юридическихъ документовъ. Передъ возстаніемъ Хмѣльницкаго, послѣ только-что подавленныхъ возмущеній Павлюка, Скидана и Остряницы, кварцаное войско расположилось квартирами по Украинѣ, съ цѣлью обуздывать своевольство казаковъ. Въ судебныхъ актахъ сохранились слѣды неоднократныхъ буйствъ и обременительныхъ для народа требованій, которыя позволяли себѣ эти постояльцы въ окрестностяхъ Черкасъ и Звенигородки. Но кромѣ кварцаного войска, въ Кіевскомъ воеводствѣ квартировали наемныя роты (*zasięzne goty*) Самуила Лаща, стражника короннаго, которыя дѣлали еще несравненно больше самоуправствъ и насилій. Роты эти составлялись изъ разнообразнаго сброду Нѣмцевъ, Волоховъ, Татаръ и даже Волошскихъ Цыганъ и извѣстны были подъ общимъ названіемъ *Лащовчиковъ*. Они такъ-же производили неслыханныя безчинства и драки по

всему краю. Отряды этого нестройнаго войска безпрестанно разбѣжали по Украинѣ, и каждый порознь грабилъ вездѣ, гдѣ могъ. Села, въ которыя являлись эти разбойники, дѣлались жертвою самыхъ возмутительныхъ притѣсненій, и судебные акты того времени наполнены жалобами на ихъ самовластіе. Что касается до самого Самуила Лаща, то онъ не только не обуздывалъ этихъ злодѣевъ, напротивъ, явно потакалъ имъ и подавалъ примѣръ собою. Это былъ извѣстный бандитъ своего времени, который кутилъ и разбойничалъ на-пропалую, пренебрегши всѣ гражданскія права и подавивъ въ себѣ всякій стыдъ передъ людьми. Онъ наѣзжалъ съ своей толпою на помѣщичьи села, прогонялъ владѣльцевъ и присвоивалъ себѣ ихъ имущество. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ большою частью мелкихъ имѣній въ Кіевскомъ повѣтѣ, а съ управителями людей сильныхъ, какъ-то: князей Вишневецкихъ, Корецкаго и Кіевскаго воеводы Тишкевича, велъ постоянную войну, насылая наѣзды на ихъ имѣнія, грабя и разоряя все, что попадало подъ руку его шайкамъ. Мало того: онъ не щадилъ даже личности своихъ жертвъ: кто ему противился, того онъ всячески мучилъ, обрѣзывалъ уши и носы, а женъ и дочерей шляхетскихъ похищалъ насильно и выдавалъ замужъ за своихъ подручниковъ. 236 разъ былъ онъ провозглашенъ бандитомъ и 37 разъ осужденъ на лишеніе правъ состоянія; но, не смотря на то, титуловался стражникомъ короннымъ и удерживалъ за собой болѣе десяти лѣтъ старѣства Каневское и Звенигородское, единственно потому, что его любилъ и покровительствовалъ гетманъ коронный Конецпольскій. Можно послѣ этого судить, какъ беззащитны были поселяне противъ насилій Лашошчиковъ. Современникъ Ерличъ, въ своей лѣтописи (*Latoписіє, або Kroniczka, str. 50*), говоритъ, что народъ пересталъ ѣздить по дорогѣ въ Кіевъ, изъ страха нападеній и грабежа со стороны этихъ злодѣевъ и что она заросла травою и исчезла въ пустыхъ поляхъ. Изъ судебныхъ документовъ того времени мы видимъ такъ-же, что Самуилъ Лащъ въ 1644 году высылалъ наемныя роты изъ своего Звенигородскаго старѣства въ Бѣлоцерковщину, на грабежъ тамошнихъ мѣщанъ. Въ 1646 году какой-то Шиндеравскій, ротмистръ Самуила Лаща, идучи съ его хоругвью въ Звенигородское старѣство и остановясь ночевать въ Бѣлоцерковскомъ селѣ Шбаравкѣ, ограбилъ тамошняго попа и велѣлъ обрить ему бороду. Одно это злодѣйство частнаго лица, совершенное, безъ сомнѣнія, въ пьяномъ видѣ, недостойнѣйшимъ представителемъ правительственной власти

въ Украинѣ, за годъ до возстанія Хмѣльницкаго, способно было возмутить противъ Поляковъ цѣлый околотокъ, который видѣлъ въ немъ посягательство на вѣру благочестивую и непростительное святотатство со стороны католиковъ, тогда какъ обиды, претерпѣнныя католическою шляхтою отъ Лаща, оставались незамѣченными народомъ, да и самими лѣтописцами Малороссійскими. Возьмемъ бумаги нѣсколько старѣе. Въ 1633 году мѣщане Сквирскіе жаловались на хоругвь Лаща, которая выбрала рыбу изъ ихъ прудовъ. Въ 1630 году панъ Немиричъ жаловался на пана Лаща, что его хоругвь брала съ мужиковъ въ Ивницѣ, безъ всякаго права, поборъ хлѣбомъ и фуражемъ. До какой степени раздраженъ былъ народъ Украинскій подобными насиліями, можно видѣть изъ одного того уже, что Хмѣльницкій не могъ забыть Лаща и въ 1649 году, послѣ своихъ блистательныхъ побѣдъ надъ коронными войсками. Онъ выговаривалъ съ запальчивостью Польскимъ посламъ въ Переяславѣ за то, что Конецпольскій отдалъ Украину во власть Лащовчикамъ, «которые военныхъ людей обращали въ мужиковъ, грабили, вырывали имъ бороды и запрягали въ плуги.»

Но своевольство жолнѣровъ терзало не одну Украину, а цѣлое королевство Польское. Въ современныхъ брошюрахъ и въ проповѣдяхъ войсковыхъ священниковъ католическихъ выражается такъ же, какъ и въ судебныхъ актахъ, безсиліе правительства надъ необузданностью военнаго сословія Рѣчи Посполитой. Въ старой брошюркѣ подъ заглавіемъ: *»Zwroczenie Matyasza z Podola«* (передъ 1620 годовъ) живыми красками изображены солдаты того времени, а именно:

Bardzieli my tam patrzyli, gdzie zawarte wrota,
Choćby to w mili było, to my przecie po nie.
Nie masz li w polu co wziąć, to my przecie do chałupy,
Wezmie się mięso, masło, grosz, kapusta, krupy,
Gęsi — to nasza własność, i kaczki, i kury,
Tylko co jedno chłopa nie odrzemy z skóry.
Nie ciężko pobanłować po chałupce wszędzie.
Najdą li się pieniądze — nasze szczęście będzie,
Jesli gdzie dziewczka gładka, ta się nie wyscidzi..... (1)

(1) Приложенія эти напечатаны для специалистовъ въ изученіи Польско-Украинской исторіи, которые безъ знанія Польскаго языка не могли бы сдѣ-
З. о Ю. Р., II. 21

Славный войсковой проповѣдникъ Бирковскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей, упрекая воиновъ въ развратѣ и необузданности страстей, и грозя гнѣвомъ Божиимъ, который долженъ поразить за то всю Рѣчь Посполитую, представляетъ намъ такое изображеніе тогдашняго жолнѣра: »Dziś służy żołnierz wojnę: idzie na wojnę — drze, łupi ubogie ludzie; z wojny wraca — pieniądze bierze, ani wie, jak mu one talary z garsci wycleciały; ledwie przyszły, a już ich niemasz. Idzie tedy jako zmyty ad pisarstwu skarbowych, i że niema nic w trzosie, patrzy kędyby szablą znowu chleba dostawał. Nie śmie do Tatar, ani do Turek, więc się puści do swoich; ci u niego się miasto pogańskich synów; miasto Tatar, nad tymu się pastwi, te zabija, gwałci, zdziera, plondruje«, etc.

Надобно здѣсь замѣтить, что войско такъ называемое *чужеземное* было самое необузданное въ Польшѣ. Эти наемные солдаты, эти *мохнатые кнехты* (knechty kudłate), какъ называетъ ихъ Старовольскій, эти драгуны на краденныхъ кобылахъ, были самыми страшными притѣснителями народа; а они-то всего больше и квартировали въ Украинѣ.

Жалобы на самоуправства жолнѣровъ слышались отовсюду, такъ что на сеймѣ 1685 года постановленъ законъ, въ силу котораго учреждена была комиссія для удовлетворенія просьбъ Волынскаго воеводства и Кіевскаго Полѣсья, гдѣ жолнѣры надѣлали множество грабежей, наѣздовъ и разнаго рода уголовныхъ преступленій. (Vol. Leg. 5-tum.)

Но эта необузданность Польскаго войска представляетъ слишкомъ близкое сходство съ безчинствами войскъ въ среднихъ вѣкахъ, на Западѣ. Во Франціи и въ Нѣмецкихъ земляхъ происходило то же самое. Такъ намъ извѣстно, что во Франціи въ 1356 — 1360 годахъ образовались было изъ иноземныхъ войскъ славныя Grandes Compagnes, которыя долго терзали Французскія провинціи своими наѣздами и грабежами. Вспомнимъ также о страшныхъ Routièrs, Brabançons, Coutereaux, Tardvenus, которые прославились не менѣе первыхъ своими грабежами, зажигательствами и разбоями, и о знаменитыхъ своими злодѣйствами Нѣмецкихъ солдатахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Vogelstrey Menschen.

Къ стр. 312. Но все это не составляло еще того, что мож-

лать ни шагу въ своей науцѣ; и потому переводить Польскія выписки изъ старинныхъ книгъ и бумагъ счятаю дѣломъ излишнимъ. Изд.

но было бы назвать систематическимъ, повсемѣстнымъ угнетеніемъ.

Систематическаго угнетенія подданныхъ въ Рѣчи Посполитой Польской не было, и, если Грондскій, въ своей исторіи войнъ козацкихъ, писалъ о нихъ, то на его слова не слѣдуетъ вполнѣ полагаться. Извѣстна жизнь этого человѣка. Сперва онъ передался на сторону Шведовъ, потомъ присталъ къ Ракочію, и когда Ракочій не успѣлъ въ своемъ походѣ противъ Поляковъ, онъ, какъ измѣнникъ, бѣжалъ въ Седмиградію и тамъ написалъ исторію войнъ козацкихъ, наполняя ее множествомъ выдумокъ. Что не было въ тѣ времена угнетенія, происходящаго изъ владѣльческаго права, доказательствомъ тому служатъ хозяйственные инвентари, изъ которыхъ видно, что подданные платили всего только небольшой чиншъ землевладѣльцу. Приведемъ здѣсь извлеченіе изъ *люстраціи* города Гуляникъ (нынѣ село Мотовиловка, въ Кіевскомъ уѣздѣ) и другихъ владѣній, 1616 года: она дастъ намъ точное понятіе о повинностяхъ крестьянскихъ того времени на Украинѣ.

»To miasto nowoosadzone na pustym gruncie i nowym korzeniu... W tym miescie jest osiadlych domow wiecej niz 300; bylo i dobrze wiecej, ale na swawole sie rozeszlo... Nie wysiedzieli jeszcze slobody wedle listu, ale do lat 7 siedziec i wolnosci zażywać mają. A powinność ich będzie taka: możniejsi konno wsiadać z dobrym orężem pko nieprzyjacielowi przy swym dzierzawcy abo jego namiestniku, a ubożsi do parkanu z orężem. Czynszu po stałemu na on czas, gdy wysiedzą slobodę i będą bogatsi, powinni dawać. Puszkarze tylko do posługi i strzelby, a jeszcze im koszuli dawać. Do folwarku niemasz roboty żadnej, tylko co swemi pługami i swym kosztem zrobi się. Summa procentu całego 160 zp.»

Вотъ еще люстрація мѣстечка Романовки, того же 1616 года:

»Miasteczko to roku przeszłego przez Tatory spustoszone. Jest w niem osiadlych ludzi numero 52. Czynsze przed spustoszeniem Tatarskim różne płacili. Tych, co dawali po groszy 10, jest 30; tych, co po groszy sześć, a niektórzy po groszy 4, ostatek. Ale teraz, dla spustoszenia przez Tatory, nie dają. Innych podatków nie dawali. Summa procentu 150 zp.»

»Wies Czarnawka, do tegoż stwa należąca. W tej wsi osiadlych jest 30. Robią dzień jeden zimie, a lecie dwa w tydzień. Czynszu dają po groszy sześć — czyni złotych sześć. Owsa po cwieterci valoris grossos quatuor czyli zł. 4. Summa procentu wsi tej zp. 40.»

Къ стр. 312. *Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили.*

Послѣ того, какъ Татары вышли изъ Украйны, она представляла страшное безлюдье. Жители частію были истреблены, частію разбѣжались въ мѣста болѣе безопасныя. Плато Карпини, проѣзжавшій въ 1246 году черезъ Кіевъ и его окрестности, выражается такъ : »Вездѣ мало жителей; Монголы ихъ истребили, или увели въ неволю.« Но, по изгнаніи Татаръ, Польскіе короли начали дѣятельно заботиться о заселеніи этого края и довели бы его до цвѣтущаго состоянія, еслибы не столь частые Татарскіе набѣги, которые не позволяли Украинцамъ спокойно сидѣть на своихъ земляхъ. Татары нападали на нихъ безпрестанно, полонили народъ, жгли села, и все это дѣлалось по внушенію Порты, которая постоянно держалась той политики, чтобы окружать себя со всѣхъ сторонъ пустынями. Уже со временъ Витольда начались пожалованія Кіевскимъ обывателямъ на этомъ пограничьи *пустынь, пустошей, пустовицны*, урочищъ *пустыхъ* и селищъ. Въ правленіе князя Александра (Олелька) населеніе края начало особенно увеличиваться, потому что въ это время Татары были заняты войною въ Малой Азій съ султаномъ Баязетомъ и перестали беспокоить Русскія области. Сохранилась интересная ревизія Житомирскаго замка, произведенная въ 1545 году Юріемъ Фальчевскимъ, епископомъ Луцкимъ, и Львомъ Поцѣмъ, въ царствованіе Сигизмунда Августа. Изъ нея видно, что городъ Житомиръ и его окрестности, въ царствованіе короля Казимира, были довольно многлюдны, что *сѣла сидели на своихъ сѣлищахъ*; но Татары сдѣлали набѣгъ подъ предводительствомъ Менглигеря, и послѣ набѣга въ этомъ краю почти совсѣмъ не осталось жителей. Во время упомянутой ревизіи, по селамъ жителей не было, деревни оставались пустыми, поля лежали облогами, а всѣ поселяне, уцѣлѣвшіе отъ набѣга, укрылись въ укрѣпленномъ Житомирѣ и жили въ немъ, построивши себѣ *городни*. Приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ той ревизіи, чтобы дать понятіе о ничтожной населенности края, который заключалъ въ себѣ нынѣшніе уѣзды Житомирскій, Бердичевскій, часть Сквирскаго и Радомысльскаго.

»...Иніе сѣлища держалъ въ головахъ наипервѣй именя материзные пана Ивана Горностая Дворного, подскарбія земского, и брата его милости пана Оникія Юлины.... *Людей ихъ милости въ мѣсть мѣшкають десять человеквъ.* Панъ Василій Тишкевичъ, имене его Слю-

бодяще, Бердичовъ, Рудники, Селцо, двои Чартолеса, Бернавка отчизна, а купленные имена Кодня и Озеране. Людей его, которые тутъ мешкаи, пошли все до слободищъ. — Панъ Кмитичъ Криштофъ, имене его выслужоное Коростышовъ за Александра короля отецъ его выслужилъ. *Людей его осмь человекъ.* — Князь Дмитрій Любецкій держитъ имене пасынокъ своихъ, князей Сенскихъ, на имя Ставокъ. Выслужилъ дидъ его, панъ Полозь на короли Александръ, *одинъ человекъ.* — Панъ Олизаръ Волчкевичъ; имена его Топорище а Волынци а Волосовъ: *людей его девять человекъ.* — Панъ Герасимъ Андриевичъ; имена его Хотиничи, Колодѣво, Ивановичи а Вильско отчизна и дедизна; *людей его пятнадцать человекъ.* — Иванъ Стрибиль зъ братаничомъ Стецькомъ; имена ихъ Пилиповичи, отчизна, и купление Студена Вода у Корчовскихъ, а закупное Старосельци у продка Корчовского, а другое закупленое зъ Теберинци: *людей ихъ десять человекъ.* — Грицько а Стецько Вороничъ; имена ихъ Трояновци, Мократичи отчизна, а купленое Грицьково... у Макаровича, также повѣдають отчизна, а выслужоное имене Грицьково жъ на Александре королю, на имя Крошна, отецъ его Ивашко Ворона выслужилъ, а другое имена Ловковъ, отецъ Стецьковъ Гневошъ выслужилъ на королю Александръ; *людей ихъ двадцать чотири человекъ.* — Есифъ Немиричъ, имене его Чернеховъ материзна по Скобейку; *людей его одинадцать человекъ.* — Богданъ а Жданъ, Семень а Васько Презовскіе; имена ихъ отчизное Презовъ, а особливо имене выслужоное Богданово, што отецъ его Андрей выслужилъ, на имя Трибъсовъ, а закупное имене матки Скоморохи; *людей ихъ два человекъ.* — Богданъ а Васько Корчевскіе и братаничъ ихъ Васько; имена ихъ Селцо а Корчовъ а Минийковичи, дядьковщина ихъ, держитъ въ застави Стрибиль; *людей ихъ четири человекъ.* — Нефедко Мошковичъ держитъ имене по жони, на имя Зезиловъ а Хамутовъ на Пяту, отчизна жоны его нижъ ты повидятъ, ижъ ти сѣлища панъ Васиій Ташкевичъ въ него однімаеть. — Сенко а Жданъ Шереніевскіе; сѣлища ихъ на имя Шереніево, отчизна; *Въ тихъ людей нить.* — Всихъ тихъ головъ пановъ и землянь Житомирскихъ двадцать и два, а *сѣлищъ тридцать и девять, а людей ихъ всихъ сто и чотири человекъ, а кромъ тихъ выжсей мененихъ, иншихъ никого нить. И тие люде ихъ въ мѣсть Житомирскомъ мешкають, а на сѣлищахъ не сміють передъ Татари жити....*»

Изъ всего этого видно, что въ 39 деревушкахъ считалось тогда только сто четыре жителя и что самыя деревушки были слишкомъ малочисленны, принимая во вниманіе огромное пространство, на которомъ онѣ были расположены. Отсюда такъ-же можно заключить, какъ ничтожна была первоначальная населенность этого края. Чтò же сказать о болѣе украинскихъ земляхъ около Кіева, Черкасъ и Умани? Онѣ были тогда въ полномъ смыслѣ слова *дикую степью* и *пустынею*.

Чтобъ показать безлюдность Украины въ старыя времена и вмѣстѣ съ тѣмъ ея постепенное заселеніе, приведемъ нѣсколько фактовъ. Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ Триполь Дыдку Трипольскому, и въ пожалованной грамотѣ сказано, что въ Трипольѣ есть только »7 *человиковъ, и то недавнихъ.*« — Въ 1522 году Овручскій обыватель Федько Омеляновичъ Вешнякъ получилъ отъ короля Сигизмунда Перваго *пустовскую* землю въ Овручскомъ повѣтѣ и *пустое* дворщице въ Овручѣ (fol. 185, § 15 Metr. Lit.) — Въ 1550 году король пожаловалъ Козаровичи Ельцу. Въ Козаровичахъ было тогда только двое подданныхъ, Бачило и Комина, которые платили медовую дань. — Въ 1554 году король Сигизмундъ Августъ далъ Федору Тишѣ *пустовскія* земли, подъ названіемъ Ходорковъ и Крыве, Маникова и Таніевцы, и землю Козиевку, и при этой послѣдней *одного человека*, Остапка Котовича, съ братьями его Иваномъ и Жданомъ. (Изъ грамоты.) — Въ 1590, представлена королю свободная раздача *пустынь* за Бѣлою Церковью, а именно: монастырь Черехчинаровскій надъ Дитиромъ, Барышполь съ селищемъ Иванковскимъ, городище Влодерецкое и къ тому сѣлищу въ Зволосѣ Прузвицкомъ большая слобода надъ рѣкою Росью, Рокитня надъ рѣкою Рокитнею особамъ тремъ, такъ-же Гороше и Слѣбородъ надъ рѣкою Неущею на границѣ Московской. (Vol. Leg. Konstytucya, fol. 588.) — 1609, пожалованіе *пустыни* Умани Валентію Александру Конецпольскому »за знатныя и кровавыя послуги« (Vol. Leg. 2-dum).

Къ стр. 314... *въ случай войны, ничего не было для Поляковъ полезнее этого (козацкаго) ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, и именно съ Турціею.*

Походы Запорожцевъ по Черному морю, безпокоившіе и раздражавшіе Турцію, давали ей поводъ къ безпрестанному нарушенію мира съ

Рѣчью Посполитою и къ метительнымъ вторженіямъ въ ея предѣлы. Страдала отъ этого Украина, страдалъ и весь Польскій народъ. Правительствовавшія лица въ королевствѣ пытались отвратить эти бѣдствія — одни совершеннымъ уничтоженіемъ козаковъ, другія преобразованіемъ ихъ корпораціи, и на сеймахъ безпрестанно поднимались огромныя массы голосовъ съ предложеніемъ или уничтожить козаковъ, или удержать ихъ отъ произвольныхъ морскихъ походовъ. Конституціонныя книги наполнены повтореніемъ постановленій противъ ихъ дѣйствій, вредныхъ для общаго блага Рѣчи Посполитой Польской. Выписываемъ цѣлый рядъ такихъ постановленій:

»O swawoli Ukrąinnej kozackiej, r. 1644. — O kozakach i ludzied swawolnych, r. 1645 (Vol. Leg. 3-um.) — O kozakach i zmniejszeniu ich, r. 1649. — Kommissja kozacka na zatrzymanie w porządku wojska Zaporozkiego, 1623. — Aprobacja ordynarji kozaków Zaporowskich, r. 1624. — Pohamowanie inkursij morskich od wojska Zaporozkiego, r. 1635. — Ordynacja wojska Zaporozkiego i rejestrowego, r. 1638 (Vol. Leg. 3-um.)

Уже Гурниціи, въ гозмовіе о елекѣи, сказали о козакахъ пророчески: »Ten Niż wielki kiedys upadek Koronie przyniesie«, и, видно, изъ этого-то опасенія часто на сеймахъ поднимали вопросъ о козакахъ. Велико было бы большинство голосовъ противъ ихъ совершеннаго уничтоженія, еслибы въ тѣ времена всѣ не имѣли въ виду войны съ Турціею, войны въ большихъ размѣрахъ, которая должна была положить конецъ могуществу Османовъ. Къ ней готовились, какъ къ крестовому походу, называя ее *sacrum bellum*, и намѣревались поднять на Турокъ все населеніе Польской Рѣчи Посполитой. Не смотря на трудность и, можетъ быть, даже невозможность осуществить такую мысль, всѣ тогдашніе политики Польскіе были горячо ей преданы; а предвидя близкое начало войны, начали щадить козаковъ, которыхъ дознанное мужество могло играть въ ней не послѣднюю роль. Поэтому то Криштофъ Пальчевскій первый подалъ въ пользу козаковъ голосъ въ своей небольшой книжкѣ, подъ заглавіемъ: »O kozakach, jesli ich znieść, lub nie, discours.« Кракów, 1618. Въ ней онъ доказываетъ, что козаки, будучи переднею стѣною Рѣчи Посполитой, нужны ей для отпора Турецкихъ силъ; но всё таки говорить, что надобно ихъ преобразовать кореннымъ образомъ, давая имъ гетмановъ и ротмистровъ по назначенію короля. То

же самое мнѣніе о козакахъ высказалъ и Симонъ Старовольскій, въ сочиненіи своемъ: »Pobudka albo gada na zniesienie Tatarów Pereropskich«, г. 1671.

Къ стр. 317... *Кто владѣлъ имѣніями въ Украинѣ? князья Южно-Русскіе, дворянство Южно-Русское.*

Изъ ревизіи Житомира въ 1545 году мы уже видѣли, кто владѣлъ землями въ этомъ краю. Горностан, Тишкевичи, Олизары, Грипольскіе, Проскуры, потомки Вороны и другіе дворяне Южно-Русскаго имени и Греко-Русскаго исповѣданія. Они-то заселили Украину, по грамотамъ королей Польскихъ, жалованнымъ имъ за заслуги общему отечеству ихъ, Польшѣ, подъ которою разумѣлось все, что не принадлежало державамъ сосѣднимъ. Были между Украинскими колонизаторами и родовые Поляки, то есть Поляки по фамильнымъ именамъ и по Римскому вѣроисповѣданію; но естественно, что на опустошенныя земли старой Руси выходили изъ Польши (если не укрывались тутъ же въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ) всего больше потомки уроженцевъ Русской земли, заселяемой заботами Польскаго правительства; и такимъ образомъ Украинская почва, подъ владычествомъ Польши, принадлежала не иноземному племени, господствовавшему надъ простолюдинами, а самимъ туземцамъ.

Что касается до заботъ правительства заселить безлюдныя пустыни Южной Руси, то онѣ видны не изъ однихъ земскихъ юридическихъ актовъ, но такъ-же изъ современныхъ брошюръ и книгъ. Назовемъ нѣкоторые: 1) »Droga pewna do prędszego i snadniejszego osadzenia w Ruskich krainach pustuy rycerswem królestwa Polskiego«, 1590 г.; 2) Juzefa Wereszczyńskiego, biskupa Kijowskiego, »Sposob osady nowego Kijowa«, 1595 г.; 3) Piotra Grabowskiego, »Polska Nizna, albo Osada Polska«, 1596 г.; 4) Szymona Starowolskiego, »Votum o naprawie Rzplitej«, 1625 г.

КЪ ЗАПИСКЪ ТЕПЛОВА.

Примѣчаніе. Не имѣя подѣ рукой Малороссійскихъ архивовъ для подтвержденія выписками изъ подлинныхъ бумагъ того, что сказано мѣю въ предисловіи къ »Запискѣ« Теплова и что пишетъ самъ Тепловъ, я обратился съ просьбою къ молодому этнографу и археологу Южно-Русскому, Н. М. Бѣлозерскому, и онъ доставилъ мнѣ прилагаемыя здѣсь выписки, за которыя приношу ему искреннюю благодарность. Выписки, включенныя мною сюда изъ каталога архива Н. А. Маркевича, означены словами : *Арх. Марк.*

Универсалъ гетмана Мазепы, 1701. »Вамъ, пану полковникови наказному Лубенскому, сотникамъ и атаманѣ городовою и сѣльской полку того жъ симъ писанемъ нашимъ ознаймуемъ : ижъ дошло намъ вѣдати, же многое число легкомыслного и непостоянного полку вашою Лубенского товариства, не чинячи своей повинности досить, и не хотячи на нивѣшной монаршой его царского пресвѣтлого величества службѣ зъ паномъ полковникомъ своимъ попрацовати и указы наши гетманскіе легце собѣ важачи, самоволне въ домахъ своихъ пооставалися. На которихъ легкомыслниковъ и повеленія властителей своихъ преслушателей, яко не малую имѣемъ уразу и гнѣвъ нашъ, такъ посылаемъ отъ боку нашего умыслного посланного нашего пана Тимофѣя Радича, товариша войскового, зълецивши ему и приказавши, жебы тыхъ осталцовъ зревидовалъ и каждого именно въ реестрѣ написавши, вѣдати намъ донеслъ ; а мы знатимемъ якое имъ за тое преслушаніе и самоволство наказаніе учинити. Зачимъ, приказуемъ вамъ, старшинѣ, подѣ неласкою нашею и срокимъ вой-

сковымъ каранемъ, абысте тыхъ осталцовъ, бынамтѣй не кріючи, нашимъ посланнымъ для учиненія skutечной ревизіи, объявляли. О тое и повторе шлно вамъ приказуемъ, и поручаемъ ихъ же въ сохраненіе Господу Богу.»

Изъ «Вльчистой Книги» Стародубовскаго магистрата, 1712. Жители слободы Чубковичъ (въ полку Стародуб.), ставши на урядъ, объявили: «Ижь шо покойникъ блаженной памяти, подъ часъ уряду своего полковничого, панъ Михайло Миклашевскій привлащилъ былъ и до своего окопу прівернулъ кгрунту ихъ ..... пахотныи до хуторца и речки Істровкы. Теды теперь, яко посессоровъ покойного, его милости пану Андрею Миклашевскому, респектуючому нашоя кривдѣ, той крунтъ въ окопѣ пахатномъ найдучийся..... отвели, продали и поступили въ мѣць и вечистое держаніе его мил. пану Андрею Миклашевскому, малжонце и потомкомъ его на вѣчность, за сумму исполне до рукъ нашихъ одобранную, то есть за золотыхъ чотыриста грошей, личбы Литовской, монеты доброй...»

Изъ протеста сотника Антипа Соколовскаго, 1712. «Будучи мни, Антипу Соколовському за певнимъ интересомъ у двори рейментарскомъ Бакланськомъ, за староства Соболевскаго, первая мене споткала укеризна отъ Соболевскаго: «Щѣ ты таке и одкуль узияся, шо «для тебе панъ гетьманъ Гудовича, зацного чоловіка и заслужоного, зъ «сотницва вдаливъ и чести ёму на-вики спразднивъ для тебе самого! А «ти бъ знавъ, щѣ ти кушнирський ситъ. Да хйба для того, шо въ герцювъ «служивъ, а въ виську бакъ нигде не бувъ; такъ соби у гетьмана лоцатю сотництва заробявъ, шо бувало кони пидгрибуешъ»... *Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральнаго асаула Бутовича (1718) товариству сотни Новомлинекой, которое жаловалось на своего сотника Тимкевича за «утеменжене (угнетеніе), озлобленіе и безчестіе, шо яко есть вельце праву давнему и волностямъ козацкиишъ противно и погринительно.» *Арх. Марк.*

Изъ универсала Скоропадскаго Ивану Бороздинъ, 1718. Іосифъ Шидловекій, бывшій инспекторомъ сына вашего, котораго при-

дано всь школь Латинскихъ съ коллегіумъ Оршанскаго, плачливо намъ ускържился (жаловался) на васъ, що вы... за цилорочную працю около науки сына вашего и добрыхъ процедеровъ належной контрактомъ отъ васъ вымовленной платы, именно рублей десять грошей, Французскаго тонкаго сукна локтій 5 на кунтушь и лудану локтій 12 на жупанъ, не тилько ему не заплатилисте, але, хотячи забрати у его шаблю, фузію... безъ боязни Божой кравымъ его немилостиво окриляете боемъ прилюдне и намировалисте забитого въ колодки на згимене заслати въ гуту« (стекляный заводь)... *Арх. Марк.* (Это напоминаетъ поступокъ графа Савойскаго въ балладѣ Шиллера: *Der Gang nach dem Eisenhammer.*)

Изъ донесенія Кіевскаго полковника Антона Танскаго гетману Скоропадскому, 1719. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда полковники навязывали козакамъ сотниковъ противъ права свободнаго выбора. Танскій посылалъ въ Нрсовку Ханенка для врученія сотенной хоругви Былинѣ. Когда Ханенко, прибывъ туда и взявъ церковныя хоругви, приказалъ читать универсалъ гетманскій, козаки взбунтовались, вырвали у Ханенка универсалъ и не только самого его »безчестно конфундовали«, но чуть не убили; універсалъ истоптали, сотенную хоругвь изломали и »вздумали« избрать вольными голосами въ сотники Шаулу-Ворошила; а Былину безчестили и хотѣли убить. *Арх. Марк.*

Изъ письма Павла Полуботка къ гетману, 1719. Семень Лизогубъ выслалъ нѣсколько сотъ душъ на его земли и забралъ всю траву; »грунтá« его вспахалъ и застѣялъ; положилъ свои рубежи владѣніямъ Полуботка; изранилъ саблею его слугу, и пр. *Арх. Марк.*

Изъ письма Гадячскаго полковника Михаила Милорадовича къ гетману Скоропадскому, 1720. Сотникъ Опошнянскій жаловался на Милорадовича, что онъ вписываетъ его подданныхъ въ козаки, не допускаетъ свободно владѣть селомъ; слугъ его полковничьи слуги »обдирають«; полковникъ Милорадовичъ затрудилъ рѣку и подтопилъ земли его крестьянъ. *Арх. Марк.*

Изъ универсала Ивана Чарныша, 1721. Карпо Власенко, прозвоя слѣдствие надъ Федоромъ Проскурненкомъ, »первій яко злочинцю

на верби зависивъ и черезъ двѣ години мордованъ, а потомъ знаяши зъ верби, киями бивъ безъ пощады, а зверху того гонячи попадъ лавами, велливъ ему яко псу щекати (лаять), що онъ, оринужденъ будучи его зъ розыщиками мордёрствомъ (тиранствомъ), мусивъ чинити.« *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Пахома Семака генеральному асаулу, 1723.

»Село Семаки еще за Жигимонта по-правдѣ служили войску.« Послѣ Чигиринской войны, когда »мало-помалу власть пановъ Лизогубовъ расширилать, тогда подгорнули (они) село Семаки себѣ въ подданство.« Поселяне уговорились единодушно доказать свои права на козачество. Семень Лизогубъ узналъ о томъ и хотѣлъ поколотить Семака. »Сохранившужесе мнѣ отъ такового гвалту«, убили Лизогубы 50 ульевъ пчель, взяли пшеницу, ржаную муку, овса три осмачки, »кабана годованого и одно сало.« *Арх. Марк.*

Изъ акта начала, или первой четверти XVIII вѣка. Сердюки полка Бурляя возили по Деснѣ набайдакъ вапну въ Черниговъ, для гетмана. Подпивши, они говорили между собою: »Лѣпше бы намъ, друзи, въ походъ военный ходити, нежели теперъ вапну возити!« ....

Изъ прошенія бунчуковаго товарища Стефана Тарновскаго, 1725 — 1727. Въ 1716 г. онъ купилъ въ Городницкой сотнѣ (Черниговскаго полка, часть дубровы и, найдя тамъ свободную землю, упрости гетм. Скоропадскаго дать позволеніе »осадить загреничныхъ челоувѣка десять и большъ«. Гетм. приказалъ Черниговскому полковнику Павлу Полуботку »ограничить« тотъ грунтъ и ввести Тарновскаго во владѣніе. Полуботокъ же, гнѣваясь на тестя Тарновскаго, не велѣлъ »ограничить«; а послѣ, съ позволенія жителей тамошнихъ, занялъ ту дуброву, къ ней прикушилъ земли и началъ самъ »садить слободку«. Тарновскій жаловался гетману; исполненіе прошенія всё было отсрочиваемо. По смерти Скоропадскаго, Тарновскій сталъ просить самого П. Полуботка; тотъ обѣщалъ возвратити земли; но былъ взятъ въ Петербургъ. Земли Полуботка были отобраны въ казну; а послѣ — часть возвращена его дѣтямъ, а часть, какъ »собственно на власть полковничю излежачихъ«, по приказу бригадира Румянцева, отдана во владѣніе Черниговскаго полковника Михаила Богданова. Дѣти Полуботка отдали захвачен-

няя ихъ отцомъ земли Тарновскому. Вмѣстѣ съ Полуботкомъ былъ схваченъ и Тарновскій и посаженъ подъ арестъ. По освобожденіи, былъ посылаетъ въ Гилянскій походъ и, нуждаясь въ деньгахъ, отдалъ ту слободу во владѣніе на три года генералу Роппу, за 300 рублей. »Теперь же Черниг. полковникъ Богдановъ привлащаетъ ее себѣ«, говоря что она належитъ »на полковничую власть«. Отобралъ воловъ; схватилъ ста-старосту. По жалобѣ Тарновскаго, изъ войсковой генеральной канцелярїи были посланы разыщики; но Богдановъ ихъ обругалъ, и указъ имъ данный отобралъ.

Это дѣло тянулось еще и въ 1732 г., какъ видно изъ письма къ гетм. Данилу Апостолу вдовы того Тарновскаго, 1732 іюля 2.

Изъ донесенія слѣдователей, 1727: дѣйствительно ли села: Полуботки, Пивци, Выхавостовъ, Буровка и Дроздовица принадлежали дѣду жены Семена Лизогуба, Каленику, т. е. тестю гетмана Скоропадскаго по первой женѣ. »Селомъ Полуботками владѣлъ прадѣдъ Ирины Ильинишны, Каленикъ, и сынъ его Никифоръ Калениковичъ, и внука его Пелагея Никифоровна, которая вышла за Ивана Ильича Скоропадскаго (въ послѣдствіи гетмана). А прїѣхалъ и женился, то имѣлъ при себѣ только одного челядника, коней четверо и палубецъ (крытый возъ) одинъ.«
Арх. Марк.

Изъ доноса на старшинъ, производившихъ въ Почепѣ слѣдствіе, 1727. »Начали пити за здоровье его свѣтлости генералиссимуса (Меньшикова), а онъ, Ладинскій, за здоровье е. св. пити не схотѣвъ, которому троекратно говорилъ, чтобъ онъ за такое высокое здоровье выпилъ; но онъ, Ладинскій, того учинити не хотѣвъ; и я ему на то еще сказавъ: что »и бабушка твоя такого высокаго чину не слыхивала, а »ты нынѣ слышишь и пити за такую высокую особу не хочешь; а буду »чи ты у Нарковской у-ночїи и до оной комплементуочи, сивуху не пома »лу тягнулъ.... она одъ тебе принуждена была кочергою одбиватися.«
...»И приходять къ Ладинскому по ночамъ дивки й бабы, зъ которыми онъ, Ладинскій пьетъ, а ихъ, козаковъ, заставляетъ имъ, бабамъ, кланяться въ землю и просить, чтобъ онѣ пили, и за то ихъ, козаковъ, бьетъ смертнымъ боемъ, которая не выпьетъ.«
Арх. Марк.

Изъ письма Якова Лизогуба къ гетману Апостолу, 1728.
Жалоба на Якова Полуботка, который отнимаетъ у него Рудню Гунковскую, принадлежащую ему «съ отца и дѣда». Проситъ защиты въ Руднѣ отъ Полуботковъ, а въ Чумгакѣ отъ Лукаша. *Арх. Марк.*

Изъ другого письма, безъ числа. Проѣзжіе Великороссіане в Малороссіане беззаконно требуютъ отъ жителей села Бѣгача живности, провіанта, лошадей; водятъ войта «за шію» и вяжутъ его; насильно берутъ все у обывателей и грабятъ такъ, что народъ обнищалъ и разбѣжался. *Арх. Марк.*

Изъ перваго тома «Матеріаловъ для Отечественной Исторіи», изданныхъ М. Судіенкомъ.

Въ 1728 году, «9 марта писана грамота въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, что на бывшую гетманову Скоропадскую многіе являются челобитчики, а она въ Малой Россіи [сказуетъ] несудима, понеже имѣетъ грамоту протекціалную; тако жъ о прежнемъ скарбѣ войсковомъ, что оного мало по смерти гетмана Скоропадского осталось, а оный скарбъ необыкновенно содержали его гетмана Скоропадского дворовые люди. (Стр. 16.)

«18 марта, туда же... писана (грамота) о скарбѣ войсковомъ и о пожиткахъ гетманскихъ, которіе она жъ, гетманова Скоропадская, завладѣла, а прежде того было обыкновеніе такое, что всѣ бывшіе гетманы, принимая гетманскій урялъ, принимали и всѣ остающіеся по гетману скарбы и пожитки. (Стр. 23.)

«По донесенію ся ясневелможному вѣдати, что въ сотняхъ Ирклѣвской и Золотоношской, такожъ и Кривянской, козакамъ и протчимъ обывателямъ отъ сотниковъ ихъ починени немаліе отнятемъ грунтовъ, взятками, незносими работизнами, побоями и протчимъ налогами обиди. (Стр. 26.)

«Старшина полку Гадяцкого пишутъ къ его велможности, въ подтвержденіе прежнихъ своихъ жалобъ, доносячи на полковника своего Милорадовича, же онъ, Милорадовичъ, захавши въ полковіе маестности, жадного полкового дѣла не править, но свои домовіе прихоти и новое свое господарство расширяючи, козакамъ и посполитимъ безмѣрне и необычайне барзѣй, накиданемъ горѣлокъ по тридцати и по сороку рублей куфу, чинить здрство и налоги, такожъ, мимо волю и указъ ясневельмож-

ного, зъ доходовъ войскowychъ денги и хлѣбъ на свой дождь самовольно позабиралъ и беретъ... (Стр. 39.)

»По поданной супплицѣ отъ полчанъ Стародубовскихъ... что въ упомянутомъ сими недавними роками со всего народа разными дачами стяженную сумму урядники тамошніе, самовластные позабравши, удержуютъ напрасно, виданъ универсалъ... (Стр. 69.)

»По словесной жалобѣ пана Василя Журековского, асаула енерального, что старшина сотенная Глуховская излишними податми подданныхъ его непропорціонально обтяжаютъ и людей его и старость къ суду своему, а особливо курѣнчиковъ его до сотенныхъ повинностей, которіе впрочемъ до того не належали, притягаютъ, занесенной, писанъ листовай указъ... (Стр. 70.)

»По супплицѣ войта Нивифора Бруевича на сотника Бакланского Леонтія Кгалецкого, что якобы онъ супплекующого домъ незносами обидами обтяжалъ, жену его жъ подъ караулъ взялъ, худобу заgrabилъ, такожь и въ полю, якое въ его, Бруевича, въ заставѣ за денги, чинить перешкоду къ отбиранию пожитковъ, поданной, писанъ листовой указъ... (Стр. 75.)

»Писани универсали во все Малороссійскіи полки... дабы... запретить накрѣпко старшинѣ и протчимъ, дабы козакамъ и посполству наложъ, обыдъ и тягостей отнюдь не чинили, при судахъ зъ козаковъ и посполства накладовъ и взятковъ на себе и ни на кого отнюдь не брали и нѣякого щитта и протчего своего и ничіего на нихъ не накидывали, и ни на якіе свои приватніе работы ихъ не посылали, и зверхъ того, что указами повелено, ничего не брали, такожь у козаковъ кгрунтовъ, земель и протчего недвижного не отнимали, и тимъ ихъ въ подданство себѣ не привлекали, и до раззоренія не приводили... (Стр. 87.)

»По жалобѣ Ивана Бабича, жителя села Погребокъ съ товарищи, прибувшого въ Москву, на пана Андрѣя Лизогуба занесенной, что якобы онъ ихъ, въ козацтво опредѣленныхъ, притягаетъ до подданства и чинить имъ грабительства позабранемъ воловъ и коней, писанъ универсалъ... (Стр. 105.)

Потверждая Козелецкому магистрату Магдебургское право, гетманъ Данило Апостоль, въ универсалѣ 1729 года, говорить: «... жеби панъ полковникъ Кіевскій и старшина полковая тамошняя, отъ ратуша Козелецкого, о святкахъ, радціовъ и другихъ нѣякихъ датковъ не вимагали, и под-

данных ихъ ратушнихъ на приватніе свои работы не употребляли...» (Стр. 58, второй нумераціи.)

Изъ жалобы генеральнаго хорунжаго Забѣлы гетману Апостолу (безъ числа). Староста Полтавскаго полковника поколотилъ крестьянина Забѣлы, вышибъ зубъ, рвалъ за волосы и топталъ, другому крестьянину разшибъ голову, прикащика забилъ въ колодки, набѣжалъ на господскій дворъ, угналъ 16 штукъ рогатаго скота, 20 штукъ овецъ, приколотилъ слугу палками, приговаривая: »Що то за Забѣла? черный, или бѣлый? чортъ его знае!« *Арх. Марк.*

Извлеченіе изъ жалобы Дейнекъ на хищничество Павла Полубка, 1730. Дейнеки, занимаясь торговлею за границею Малороссіи, ѣхали съ табакомъ черезъ имѣніе маршала великаго княжества Литовскаго, Поцѣя. Староста Поцѣевъ арестовалъ ихъ товары и отправилъ къ своему господину въ Вильно. Когда Дейнеки явились къ самому Поцѣю, онъ сказалъ, что они ограблены за Полуботка, который долженъ ему 40,000 злотыхъ. Поцѣй объяснилъ свою претензію въ письмѣ къ гетману Скоропадскому, которое и было вручено Дейнекамъ. Гетманъ по этому письму, велѣлъ Полуботку удовлетворить ихъ. Но Полуботокъ медлилъ. Между тѣмъ Скоропадскій умеръ. Началась тяжба Полуботка съ Поцѣемъ и съ Дейнеками. Поцѣй утверждалъ, что Полуботокъ бралъ у его арендатора деньги и товары, черезъ шляхтича Цыбульскаго; Полуботокъ заперся. Дейнеки приводили въ доказательство письма Поцѣя; Полуботокъ доказывалъ, что эти письма — вздоръ. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что Полуботокъ потребованъ былъ въ Петербургъ и вскорѣ умеръ. — Но не одинъ Поцѣй обвинялъ Полуботка въ хищничествѣ. Шляхтичъ Цыбульскій купилъ у Полуботка нѣсколько сотъ пудовъ табаку, по 4 злотыхъ за пудъ, а »звонникамъ« (колокольнымъ мастерамъ) продалъ 200 пудовъ мѣди. Полуботокъ объявилъ ему, что онъ охотно заплатитъ по 6 рублей за пудъ мѣди, принявъ ее въ счетъ за табакъ, и, на этомъ основаніи, во время провоза ее изъ Слущка въ Кіевъ, арестовалъ ее въ Черниговѣ, а недочетъ доплатилъ наличными деньгами. Цыбульскій предлагалъ ему, вмѣсто мѣди, 80 воловъ, которыхъ онъ купилъ для него, по его словесной просьбѣ; но Полуботокъ воловъ не принялъ, и Цыбульскій по-

казалъ въ своей жалобѣ 1437 злотыхъ убытку. — Тотъ же Цыбульскій, въ 1716 году, купилъ у Борковского хлѣбъ, «осмачку по два талера», и послалъ за нимъ подводы. Но Полуботокъ, въ качествѣ Черниговскаго полковника, не позволялъ ему вывезть хлѣбъ за границу; потомъ призвалъ его къ себѣ и предложилъ ему купить у него, Полуботка, «100 куфъ (бочекъ) горилки» съ тѣмъ, что если онъ купитъ горилку, то позволено будетъ ему вывезть и хлѣбъ. У Мокрѣвича Цыбульскій купилъ по 10 битыхъ талеровъ куфу; Полуботокъ содралъ съ него по 18. Но этимъ не кончилось: когда Цыбульскій уѣхалъ за границу, оставивъ у своихъ факторовъ, для перевозки хлѣба и горилки, 74 червонца и 150 золотыхъ, Полуботокъ тотъ-часъ арестовалъ и перековалъ всѣхъ ихъ, «за дукать, найденный между червонцами». *Арх. Марк.*

Изъ инструкціи гетмана Апостола обозному Ивану Носу, 1731. Бхать туда-то. На пути «никакихъ обидъ обывателямъ не чинить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.» *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Коропского мѣщанина Семена Литуша гетману Апостолу, 1731. Сотникъ, войтъ, бурмистры и двое мѣщанъ, по жалобѣ священниковъ о святотатствѣ, безъ доказательствъ и свидѣтелей, вытащили его жену изъ дому въ Коропскую ратушу, три раза сѣкли плетью и посадили въ тюрьму. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ жаловаться митрополиту. Узнавъ о томъ, эти старшины три раза высѣкли ее голую розгами и опять посадили въ тюрьму, гдѣ просидѣла она восемь недѣль. Къ ней пришла дочь повидаться; они и ее два раза клали и сѣкли. *Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральной войсковой канцеляріи, 1734. Подтверждаются всѣ прежнія права, дарованныя Черниговскому магистрату; въ заключеніе сказано: «... позволяется теми всѣми више показанными маестностями, млинами и другими угодіями владѣть ему, войту, зъ маестратомъ безпрепятственно, такъ: даби полковникъ Черниговскій съ старшиною полковою и сотниками во владѣніи тихъ селъ, грунтовъ и протчихъ угодій и въ отбиранию съ онихъ всякихъ пожитковъ, а зъ млина розмѣровихъ приходовъ, ему, войну, зъ маестратомъ нихто ни малѣй-
З. о Ю. Р., II.

шей не важился чинити трудности и перешкоды, — пылно предлагается...»

Изъ универсала той же канцеляріи, 1746. Говорится объ универсалѣ генеральной канцеляріи, отъ 1741 г., іюня 24, данномъ по челобитью войта Черниг. магистрата, въ которомъ сказано: «что многия грунта зъ жалованиихъ на оную ратушъ Чернігѣвскую и старшину мастратовую сель и другихъ угодій въ разиле владѣнія невѣдомо почему поотходили: такожь полковникъ нинѣшній всякихъ ремесниихъ людей къ работѣ въ домъ свой привлекаеть и за работу ничего имъ не платитъ; онъ же, полковникъ, и полковая канцелярія тамонная въ протекціи своей мѣщанъ знатниихъ содержитъ, отъ позатей общенародниихъ увольняютъ, въ козачье звание мѣщанъ притягаютъ, и мимо ратушній судъ къ своему суду мѣщанъ и приежжихъ людей привлекають, торговимъ людемъ приежжимъ товары ихъ въ рознь еартою продавать позволяютъ, и перекушней, живущихъ при городѣ Чернігѣвъ въ дворахъ приежжихъ, разного звания людей зъ ратушного вѣдомства отняли и помеществовать въ общенародниихъ нуждахъ мѣщанамъ тѣмъ людемъ запрещаютъ; его жъ, войта, бурмистровъ и другихъ мастратовиихъ чиновниковъ къ своему суду извлекають, и тѣмъ многіе чинятъ обиди. И просили о таковыхъ, отшедшихъ съ подѣ владѣнія ихъ грунтамъ и угодияхъ о учиненіи надлежащего слѣдствия и разсмотренія... отъ войковой генеральной канцеляріи конфирмаціи...»

Изъ жалобы Черниговскаго магистрата гетману Разумовскому, 1753. Магистратъ жалуется на полковника и коменданта Черниговскаго, Божича, который, злобствуя на магистратъ за то, что послѣдній «подсудственными своими въ командѣ его, г-на полковника, не состоитъ», причиняеть магистрату разныя обиды, и публично побилъ одного война; «райцу магистрату Черниговскаго, Никиту Инспекторенка, безъ всякой оногo винности, сскавъ въ домъ свой, билъ его, Инспекторенка, нещадно плетми; а минувшого мая 14 д. 1750 г. магистратового слугу, Лукяна Симонтовскаго, зъ другимъ магистратовиимъ служителемъ, не по командѣ его полковничей, взявъ и осадивъ между колодника, содержалъ чрезъ многое время въ секвестри весиа наирасно. Тому же служителю Лукяну Симонтовскому такъ домъ магистратовій, яко и служителѣ

магистратовне всё поручени были въ смотрение; о которомъ хотя и требовано зъ магистрату, точію, неведомо для чего, не отпушено. Съ чего магистрату всепокорнѣйшая послѣдовала обида: ибо когда минувшого мая, зъ 19 противъ 20 числа того жъ 1750 году, въ городѣ Черніговѣ учинился пожаръ, то тотъ би слуга магистратовнй зъ другими служителями и съ тѣмъ служителемъ, съ комъ онъ въ секвестри полковомъ содержался, сначала такова пожара [какъ уповательно] оному пожару распространитись не допустилъ, или дѣла, въ магистратѣ имѣвшіеся, выротовать могъ би, — которой, хотя въ то время, когда тотъ пожаръ распространитись начиналъ, плачущис просился, точію и въ самой тотъ самонужнѣйшій случай не отпушенъ; почему такъ магистратъ ввесь съ письменными дѣлами, яко и все того слуги убожеское имущество, до остатку згорѣло. При послѣдовавшемъ же пожару мая 20 оной госп. полковникъ Божичъ, браня и грозя магистратовую старшину, произносилъ похвалки: »Ежели би, де, »войтъ вашъ былъ zde, я би, де, его, войта, нинѣ велѣлъ вбросить въ »сей огонь!«. При взятіи же на томъ пожарѣ шинкаря магистратового и десятниковъ двоухъ подъ свой караулъ, принародно жъ браня, сказивалъ бурмистрамъ и писарю магистратовому, кои были на томъ пожарѣ: »Е-»жели, де, ви что ни-на-есть объ етомъ пожарѣ будете въ войсковую »генеральную канцелярїю писать, то, де, я вашему этому писарю пере-»лажаю руки и ноги!«. И таковыми своими угрожениями такъ тогда магистратъ Черніговскій привелъ въ страхъ, что не точію въ другихъ отъ его г-на полковника, обидахъ подсудственныхъ магистратовымъ причиненныхъ по вишней командѣ бить челомъ невозможно, но й по указнымъ дѣламъ магистрату правление имѣть было опасно....« и. т. д.

Изъ листа полковой Лубенской канцелярїи, за подписью полковника Лубенскаго, Ивана Кулябки, ко всѣмъ сотникамъ того полка, 1758. »Во время недавно бывшого въ Лубняхъ въ полковой канцелярїи всѣхъ господъ полковой старшини і сотниковъ собрания, съ представления нѣкоторыхъ господъ полковой старшини на пановъ сотниковъ и сотенныхъ старшинъ, отъ комъ подлежащего имъ, полковимъ старшиннамъ, почтення никогда не чинится, объявлено отъ нижеподписавшагос полковника всѣмъ въобщѣ командирски, даби чинъ чина не читалъ всегда и вездѣ, какъ должно и заирстойно есть и вездѣ водится. Но какъ нинѣ самимъ нижеподписавшимся полковникомъ усмотрѣвается зъ обож-

деній здешнихъ полковыхъ сотниковъ, какъ могутъ полковне старшины отъ сотниковъ и сотенныхъ старшинъ имѣть почтение, когда оногo нижеподписавшомуся полковнику, настоящему и первому въ полку командиру, въ началѣ того почтения нѣтъ? ибо, чего нѣгдѣ не водится, зъ онихъ сотниковъ мало когда которого, а инного и никогда і въ глаза видимо не бивается, и что въ городѣ дѣлается — невѣдомо, кромѣ развѣ кто случайно и сторонно объявить. Состоящие же при полковыхъ резиденціяхъ старшины повсяденно должны прихода полковимъ командирамъ являться и, что происходитъ, репортовать....»

Изъ жалобы Крестоваго намѣстника Федора Савицкаго на сотника Второсенчанскаго Федора Слюза, въ судѣ полковый Лубенскій, 1762. Въ 1761 году человекъ Савицкаго, Антонъ Чехъ, вмѣстѣ съ козакомъ Запорожскимъ пили горѣлку у священника въ с. Скоробогаткахъ. По какому-то подозрѣнію, сотникъ Слюзь, жившій въ томъ же селѣ, схватилъ Запорожца и отправилъ въ сотенное правленіе; но Запорожець бѣжалъ. Тогда сотникъ ни съ того, ни съ сего, схватилъ и Чеху, отобравъ у него и коня, »и, заковавъ въ желѣза, содержалъ въ земляномъ погребѣ, подъ арестомъ«, не давая знать о случившемся, какъ слѣдовало по закону, Савицкому. Чеху »батожемъ немилосердно билъ, домагааясь, чтобъ говорилъ, кто таковъ есть съ людей его, Савицкаго, воръ. И при томъ онъ, Слюзь, и самого его, Савицкаго, воромъ порицалъ и другими многими пашквильными словами ругалъ и упослѣждалъ«. Напуганный Чехъ говорилъ то, чего не бывало, а наконцѣ бѣжалъ. Въ то время сотникъ, »черезъ многочисленную козачую команду, гвалтовно взялъ« изъ двора Чехова коня. Вслѣдъ за тѣмъ, по приказанію сотника, сотенный писарь Товстоногъ, съ такою же »командою«, напалъ на шинка Савицкаго въ с. Жданахъ (гдѣ жилъ Савицкій); »тамо шинкаря Оврама Яценка (онъ же и Сербинъ) взялъ и, связавъ назадъ руки, отвезлъ въ село Скоробогатки«; во время пути, Товстоногъ, безъ всякой вины, »билъ (шинкаря) где ни попавъ плетью немилосердно; а и бывшие при немъ казаки, смотря на его, Товстонога, потому же нещадно плетью били«. Потомъ сотникъ опять послалъ Товстонога съ сотеннымъ хоружимъ Паламаренкомъ и съ такою же командою, и они схватили третьяго человека Савицкаго, отобрали у него лошадей и привезли въ с. Скоробогатки, гдѣ эти люди были »содержани подъ арестомъ при сотен-

номъ правленіи, въ ручнихъ и ножнихъ колодахъ, въ землянихъ погребѣхъ, чрезъ шесть недѣль». Послѣ люди были забраны въ Лубенскую полковую канцелярію. Лошади же остались у сотника и были употребляемы имъ въ работу. На этихъ людей Сотникъ доносилъ въ Лубенскую полковую канцелярію, что они схвачены за то, что, будто, воровали заодно »съ домашними« Савицкаго. Эти люди даже не были подвѣдомственны Слюзу.

При допросахъ людей, сотникъ называлъ Савицкаго воромъ и пр. : еще прежде замоталъ у послѣдняго деньги; писалъ въ Лубенскую полковую канцелярію, »попрекая ему, Савицкому, нѣякимись не порядками, привычкою къ тяжбамъ, отъ начала живота его, Савицкаго, уфундаментованною, самоволствомъ, безстрашиемъ и высокимъ о себѣ мнѣніемъ, и что будто онъ, Савицкій, въ тяжбахъ жизнь свою провестъ желаетъ. Тако его, Савицкаго, опашквилевалъ и опотварилъ предъ полковою канцеляріею, национальнимъ правительствомъ.« Когда отъ Слюза изъ полковой Лубенской канцеляріи былъ потребованъ отвѣтъ о дерзостяхъ, говоренныхъ при человѣкѣ Савицкаго на полковую канцелярію и особливо на полковника, то Слюзъ »и въ томъ отвѣтѣ опашквилевалъ его, Савицкаго, неякоюсь природою къ тяжбамъ, а особливо нѣякимись злодѣемъ его, Савицкаго...« Въ домъ полковника Лубенскаго »вносилъ его, Савицкаго, воромъ, злодѣемъ и смертоубийцею.«

Судъ Лубенскій велѣлъ сотнику Слюзу возвратитъ Савицкому коней и съ козакомъ послалъ къ нему указъ, съ требованіемъ въ 4-мѣсячный срокъ или самому явиться въ судъ, или прислать отъ себя повѣреннаго. Слюзъ въ полученіи этого указа, не смотря на требованіе, не далъ росписки, и въ судъ ни самъ не явился, ни повѣреннаго не прислалъ, и не далъ никакого отвѣта. Прежде же этого, »всѣ тѣ указы... презрѣлъ и преслушалъ, и еще доношеніемъ полковую канцелярію обругалъ, а людей (Савицкаго) съ подъ караула не освободилъ.«

Изъ прошенія жителей Кролевца, гетману Разумовскому, 1764. Съ согласія гетмана, маіоръ Яковъ Скоропадскій и бунчуковый товарищъ Григорій Долинскій взяли на откупъ право »продавать собственные ихъ напнтки въ имѣющихся въ Малой Россіи свободныхъ войскowych маестностяхъ — мѣстечкахъ, селахъ і деревняхъ« и обязались платить въ скарбъ войсковой вдвое противъ получавшагося прежде. Назначенный,

для надзора въ городѣ Кролевцѣ «свободныхъ мѣщанъ» значковый товарищ Федоровскій, по требованію повѣренныхъ откупщиковъ — войсковыхъ товарищей Павловскаго и Михайловскаго — отвелъ послѣдними на шинки «уѣздныхъ дворовъ» (т. е. заѣзжихъ) 4 и цеховыхъ церковныхъ столько же, тогда какъ цеховые дворы были всегда свободны отъ постоевъ и т. п., и устроены собственнымъ коштомъ — козаками и мѣщанами, «товариствомъ города Кролевца»; изъ доходовъ же съ этихъ дворовъ «къ церквамъ, въ силѣ закона Божія, разніа потребности и въ церквахъ узаконенія свѣчы всегда по православію Хрыстіанскому единственно исправляются і нѣкогда не угашаютъ въ молебномъ пѣніи. . . Изъ мѣщанъ же назначены въ его дворы «людовники — людъ битъ и возить»; что «нынѣ въ отведенныхъ прописаннымъ Федоровскимъ цеховыхъ церковныхъ дворахъ шинковать Скоропадскаго і Долѣнскаго нашинками весьма будетъ намъ обидно», потому что иные изъ нихъ, не имѣя собственныхъ домовъ, живутъ въ тѣхъ дворахъ; въ «уѣздныхъ» же дворахъ, всегда, отъ ратуши отводились квартиры для знатныхъ проѣзжихъ, «і по требованію техъ проежающихъ персонъ всегда дается имъ разная провизія. Егда жъ будетъ шингъ, то уже въ случае проезду изъ знатныхъ персонъ квартирою стать не пожелаетъ никто и хозяе лишатся чрезъ то вовсе своего прешитанія», церкви же лишатся свѣчъ. И въ шинкари некого назначить, потому что большая часть ихъ — негрунтовые ремесленники. Для битья и возки льду въ 7 ледниковъ, необходимо болѣе 20 пѣшихъ и болѣе 30 конныхъ людей, «когда людей намъ, низайшимъ, конныхъ за еженеденно неусыпными подводами і переходами разнихъ командъ, а пѣшихъ за подчинкою во все весняное і лѣтное время вездѣ по находячимся около Кролевца трактамъ мостовъ і гатей — вистачать крайне несосно.» По всему этому просятъ: «освободить насъ, бедныхъ, отъ одкупу Скоропадскаго і Долѣнскаго, а имѣть имъ оной въ техъ мѣстахъ толко, гдѣ въ 1762 году содержанъ билъ.»

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Въ первомъ томѣ «Записокъ о Южной Руси» есть недосмотръ. На стр. 116, вмѣсто словъ : *Новой Басани, Перелавскаго уѣзда*, слѣдовало бы напечатать : *Новой Басани, Козелецкаго уѣзда*.

Опечатки. Въ нотахъ напечатано нѣсколько разъ *швиденько*, а слѣдовало бы *швидѣнько*. — На стр. 283 напечатано *Прихоровичу*, а слѣдовало бы : *Прохоровичу*. — На стр. 300 напеч. *честі*, а слѣдовало бы *чаші*. — На стр. 322 напеч. *сейжковъ*, а слѣдовало бы *сейжиковъ*.